

Издательство МПСИ

МОСКВА 2009

Международное издание: Россия, Украина, Австрия

Коллектив авторов: Абульханова К.А. (раздел 1), Калина Н.Ф. (раздел 7), Карпенко З.С. (раздел 6), Лэнгле А. (раздел 10), Орлов А.Б. (раздел 9), Петровский В.А. (раздел 5), Семенов И.Н. (раздел 8), Старовойтенко Е.Б. (раздел 4), Татенко В.А. (раздел 3), Шадриков В.Д. (раздел 2), Шумский В.Б. (раздел 9)

Психология индивидуальности: Новые модели и концепции
// Под научной редакцией Старовойтенко Е.Б. и Шадрикова В.Д.

Данная книга является опытом психологического осмысления проблемы индивидуальности в новом социокультурном и научном контексте. Представлен ряд авторских концепций и моделей, развивающих современные парадигмы психологии индивидуальности: онто-психологическую, субъектную, феноменологическую, культурную, экзистенциально – гуманистическую. Работа носит инновационный и программный характер, намечая перспективу методологии, теории и практики психологии индивидуальности. Она также является оригинальным образовательным проектом, содержательно определяющим подготовку профессионалов в сфере психологии личности, индивидуального консультирования и психотерапии. Издание представляет интерес для психологов, философов, специалистов в области социальных и гуманитарных наук.

с Абульханова К. А.
Старовойтенко Е.Б.
Татенко В.А.
Шадриков В. Д. и др.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ		6
I. ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВА ПСИХОЛОГИИ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ		14
Проблема индивидуальности в психологии		
1. Направления психологического изучения индивидуальности. (14)		
2. Интегральная концепция индивидуальности. (40)		
3. Индивидуальность личности как субъекта жизни. (53)		
II. СУЩНОСТЬ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ		64
Индивидуальность как проявление внутреннего мира		
1. Психологическая постановка проблемы индивидуальности. (64)		
2. Методологический принцип «полноты описания индивидуальности». (69)		
3. Малопараметрические модели индивидуальности. (70) 4. Понятие психически нормального человека. (72) 5. Реконструкция сущностных качеств человека по тексту Библии. (74) 6. Мир внутренней жизни. (85) 7. Законы функционирования внутреннего мира. (92)		
III. ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ В БЫТИИ		99
Онто-психологические аспекты понимания индивидуальности		
1. Реальность индивидуальности. (99) 2. Сущность и необходимость. (101) 3. Рождение, становление, восхождение. (109) 4. Детерминация. (113) 5. Общее и парциальное. (121) 6. Форма и стиль. (123)		
7. Оценивание. (126) 8. Категориальное позиционирование. (131)		
9. Поступок. (137)		
IV. ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ В КУЛЬТУРНОМ ИЗМЕРЕНИИ		147
Самопознание и творчество индивидуальности в культуре		
1. Культурно-психологическая модель индивидуальности. (147)		
2. Быть во множестве единственных и быть единственным во множе-		

- стве. (153) 3. Множественно осуществить свою единственность. (157)
 4. Быть единственным средоточием множественного. (162) 5. Своей единственностью порождать множество. (168) 6. В своей единственности открыть множественность. (174)
- V. **САМООСУЩЕСТВЛЕНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ** 197
Индивидуальность: состоятельность и саморегуляция
 1. Индивидуальность как мультисубъектное объединение. (197)
 2. Транзактная модель индивидуальности. (208) 3. Категория состоятельности в определении индивидуальности. (211) 4. Транзактный контур саморегуляции. (218) 5. Совершенная и несовершенная саморегуляция индивидуальности. (224)
- VI. **СУБЪЕКТНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ** 241
Субъектный контекст исследования индивидуальности
 1. Значение категории субъекта для определения индивидуальности. (241) 2. Пространство моделирования индивидуальности. (242)
 3. Феноменологический и герменевтический методы исследования индивидуальности. (249) 4. Индивидуальность как нарративная идентичность. (253) 5. Темпоральный модус конституирования индивидуальности. (256) 6. Развитие индивидуальности в психотерапевтическом дискурсе. (258) 7. Коммуникация в психотерапевтическом развитии индивидуальности. (263)
- VII. **ГЛУБИННАЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ** 274
Индивидуальность в психологии бессознательного
 1. Постановка проблемы индивидуальности в психологии бессознательного. (274) 2. Перспектива идеи индивидуальности в современной глубинной психологии. (279)
- VIII. **ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ В ДИАЛОГЕ С СОБОЙ** 285
Экзистенциально-рефлексивный подход к индивидуальности
 1. Об аксиологии современной психологии индивидуальности. (285)
 2. Из истории философских и научных трактовок индивидуальности. (289) 3. Основные этапы становления психологии индивидуальности. (291) 4. Рефлексивно-экзистенциальное понимание индивидуальности. (296) 5. К онто-психологии индивидуальности. (302)
 6. Рефлексивно-экзистенциальный диалог в развитии индивидуальности. (307) 7. Прецеденты изучения индивидуальности как открытой системы. (313) 8. Прецеденты изучения индивидуальности как

закрытой системы. (315) 9. Рефлексивный подход к творческой индивидуальности ученого. (317)

IX. ТРАНСЛИЧНОСТНОЕ НАЧАЛО
ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ 332

Две составляющие индивидуальности

1. «Личность» и «сущность» как определения индивидуальности человека. (332) 2. Представления о личности в философии. (333) 3. Представления о личности в зарубежной психологии. (338) 4. Представления о личности в отечественной психологии. (345) 5. Трансличностное измерение индивидуальности. (350)

X. ЭКЗИСТЕНЦИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ 356

Персональный экзистенциальный анализ

1. Персональный экзистенциальный анализ — новый подход к индивидуальности. (356) 2. Как был разработан метод ПЭА. (358) 3. Краткое описание концепции личности. (359) 4. Как можно постичь личность посредством диалога. (361) 5. Обхождение личности с самой собой. (365) 6. Показания для применения ПЭА. (367) 7. ПЭА как психотерапевтический метод. (368)

ВВЕДЕНИЕ

Данная книга является опытом творческого психологического осмысления проблемы индивидуальности в новом социокультурном и научном контексте. Время, ставящее в центр множества общественных, культурных, инновационных процессов индивида, обладающего уникальными свойствами и духовными силами, создает беспрецедентные возможности для развития психологии индивидуальности.

В глобальной динамике коллективизма и персонализма фокусом общественного сознания все заметнее становятся ценности индивидуальной творческой жизни, личностного развития, личного самоопределения. В России, где индивидуализация и персонализация человека в обществе имеют и великую традицию, и историю трагических поражений, и вновь открывающуюся перспективу, утверждение этих ценностей идет сложно и противоречиво. Психология как наука, по определению обращенная к реалиям жизни, психики и «Я» индивидов, не может не откликнуться на актуальные тенденции социальной динамики. Она должна воспринять их как реальный запрос и настойчивый вызов, требующие новых подходов, нахождения новых проблемных полей, разработки новых парадигм, исследовательских моделей и способов практической деятельности.

Психологии индивидуальности в этом процессе должна принадлежать одна из ведущих ролей. Это обусловлено тем, что, акцентируя единственность, исключительность, неповторимость конкретного человека, она закономерно обращается к наиболее значимому для самого человека – его внутренней цельности, единой «сущности», глубинному средоточию потенциалов и источников активности. Поиски и достойные притязания данной науки ведут ее к синтезу и интеграции множества исследований из области дифференциальной и общей психологии, психологии развития,

психологии типов и т. д., в которых учитываются не только их эксплицированные результаты, но и имплицитные, научно не осмысленные данные. Именно внутри психологии индивидуальности могут сформироваться современные интеллектуальные приемы и тончайшей дифференциации, и сложнейшей, структурной интеграции потенциалов, качеств и функций конкретного человека. Развиваемая данной наукой установка на индивидуализацию не составляет оппозиции, а, напротив, способствует пониманию человека в качестве социально вовлеченного и идентичного, пребывающего в нескончаемом диалоге с другими людьми. Взгляд в мир, в пространство «других», в контекст жизнедеятельности, во внутреннюю жизнь, в тайну «Я» индивида притягивает к психологии индивидуальности идеи и смыслы из множества областей познания, включая философию, культурологию, социальные и гуманитарные науки, искусство и литературу.

Представляемая книга объединяет ряд авторских текстов, в которых психология индивидуальности предстает в своем высоком статусе и назначении. Имея очевидные концептуальные различия и акценты, тексты апеллируют к индивидуальности как идеалу и возможности, реальности и предельности, ориентиру и вершине развития, сущности и форме существования, носителю гармонии и противоречий, имманентному свойству и непрерывной изменчивости личности. Для всех авторов индивидуальность ощутимо является не только предметом и целью научного поиска, но и ценностью бытия, истории, культуры и своей собственной жизни.

Психология индивидуальности развивается авторами в пространстве онтологического, гуманистического, феноменологического, глубинного и экзистенциального понимания человека. От дифференциации, измерения и типизации наблюдаемых свойств и качеств индивидов, акцент смещается к изучению их внутренних, сложных и целостных образований: «сущности», «субстанции», «инстанции», «центру интенциональности», «самости».

Индивидуализированный характер этих образований раскрывается при их изучении в контекстах психологии личности и психологии субъекта, где уже определились методологические, концептуальные и методические пути к индивидуальности. Вместо традиционных аналитических моделей авторами предлагаются синтетические, интегральные модели индивидуальности, указывающие не столько на ее «строение», сколько на «функционирование». В противовес доминированию «сущностных качеств» или «черт» человека, в представляемых подходах к индивидуальности преобладают «способы» индивидуального бытия, жизни, активности, проживания. К этим способам относятся сознание, рефлексия, отношение, смыслообразование, творчество, самодеятельность, саморегуляция, самовыражение, самореализация, экзистенция. В динамике жизни индивидуальности раскрываются позитивные, развивающие, конфликтные, деструктивные, регрессивные и разрушительные тенденции. У ряда исследователей отчетливо проявляется стремление соединить в авторской модели моменты единства и множественности, относящиеся к характеристике как «внутренней», так и «внешней» индивидуальности. Обоснован, как релевантный парадигме индивидуальности, переход от рассмотрения человека в масштабе крупных социальных структур, коллективов, групп к исследованию индивида в межличностном взаимодействии, отношениях значимости, непосредственном диалоге с «другим» и «другими». Сквозной темой книги является определение индивидуальности в аспектах духовности, социокультурных ценностей, личных ценностных смыслов и ценностно-направленного творчества. В качестве ведущей инстанции индивидуальности у большинства авторов выступает «Я» человека, способное в актах сознания и самопознания как неограниченно распространяться, «простирается» в мир, так и предельно «собираться» в единого субъекта самопогружения, самодистанцирования, самостояния и трансцендирования. Рядом ученых ставится вопрос о «модусе» индивидуальности, в котором она максимально полно проявляет

себя. Согласно выдвинутым концепциям, это может быть смысл, отношение, акт саморегуляции, поступок, жизненная стратегия, символический образ, творческий акт и т. д. Отличительной чертой данного собрания текстов является обращение авторов к культурным источникам знаний об индивидуальности. Широко привлекаются материалы художественной и автобиографической литературы, философских и религиозных памятников. Книга имеет целостнообразующую логику включающую, во-первых, конструктивный авторский анализ истории изучения индивидуальности, во-вторых, выдвижение и обоснование авторских концепций индивидуальности, в-третьих, определение их теоретических и практических перспектив.

Объединяющим методологическим принципом выступило у авторов исследование «индивидуальности» человека в единстве с его «личностью». Это единство подчеркивается в ряде работ применением категории «индивидуальная личность». Индивидуальность определяется исследователями как внутренняя свобода самоосуществления личности, вершина развития личности, источник ее уникального аутентичного бытия, духовное и творческое начало личности, «Я» личности, переживающее, познающее и формирующее себя. Персонологический контекст дополняется, усиливается авторами реализацией «субъектного» принципа определения индивидуальности и, соответственно, введением категорий «субъект жизни», «субъект интенциональности», «мультисубъектность личности», «субъект творчества», «субъект смыслополагания».

В соответствии с новыми тенденциями развития отечественной психологии личности, индивидуальность рассматривается как многомерный феномен, который может быть раскрыт при ее изучении в различных «измерениях» человеческого бытия. Среди измерений, наиболее существенных для познания индивидуальности, авторами выделены жизненное, культурное, духовное, социально – диалогичное, глубинное и рефлексивное.

Разработка проблемы индивидуальности на основе психологии личности задала приоритеты в выборе методов ее исследования. Не умаляя значения экспериментальных, диагностических, измерительных процедур, большинство авторов при изучении индивидуальности обратились к методам интерпретации, моделирования, описания. Обосновывается и демонстрируется потенциал феноменологического, герменевтического, автобиографического, психотерапевтического методов, а также метода анализа индивидуального случая и самоисследования личности.

Самым существенным содержанием коллективного труда являются пересекающиеся и дополняющие друг друга авторские концепции и модели индивидуальности, в контексте которых предложены ее оригинальное понимание и новые определения. Так, **К.А. Абульханова («Проблема индивидуальности в психологии»)** разрабатывает субъектно – центрированную концепцию индивидуальности личности. В ее трактовке индивидуальность, с одной стороны, выступает как интеграл многоуровневых свойств любой личности, а, с другой стороны, как высший, «вершинный» уровень развития личности. Это двустороннее понимание основывается на развитии категорий субъекта жизни, личности как субъекта сознания и действия (поступков), личности как субъекта жизненных отношений. Согласно концепции, мера становления личности «автором» проживания, Я – обобщения и построения собственной жизни в соответствии со своей индивидуальностью раскрывает степень ее совершенства.

Концептуальная модель индивидуальности, предложенная **В.Д. Шадриковым («Индивидуальность как проявление внутреннего мира»)** обращена к «внутреннему миру» или душе, сущности личности. Душа как потребностно – эмоционально - информационная субстанция выступает в концепции основанием жизненной активности личности в процессе ее взаимодействий с другими личностями и внешним миром в целом. Наиболее

полно и содержательно душа выявляет себя посредством «сущностных качеств», укорененных в высших ценностях, духовных идеалах человеческого бытия и определяющих устойчивые формы религиозного, этического, интеллектуального и т. д. поведения личности. Индивидуальное соотношение и целостность душевных качеств в единстве с телесными свойствами образует индивидуальность личности как «проявление внутреннего мира». При этом внутренний мир всегда во многом остаётся «миром в себе», «тайной личности», так как формируется и функционирует по вероятностному типу.

Акцентируя онто – психологический аспект проблемы индивидуальности, **В.А. Татенко («Онто – психологический аспект понимания индивидуальности»)** считает, что этот феномен определяется не столько случайным сочетанием всевозможных внутренних и внешних факторов, но изначально присущей человеку субъектной интенцией и потенцией к самобытию, к тому, чтобы стать собой и по-своему, посредством поступков, строить свой неповторимый жизненный мир. Индивидуальности присуща самодетерминация как высшая причинность; подлинная индивидуальность не противостоит другому человеку, или обществу, или человечеству, но, наоборот, учитывает их цели и ценности как значимые для себя в аспекте полноты самоосуществления и достижения общего блага.

Е. Б. Старовойтенко («Самопознание и творчество индивидуальности в культуре») приводит модель индивидуальности, построенную в контексте культурной психологии личности. Индивидуальность определяется как ориентир, высший уровень, творческая суть развития и самоопределения личности-субъекта культуры. Обосновывается, что быть индивидуальностью в культурном измерении – это, значит, принадлежать к индивидуализированной культуре; состояться в ней индивидуальной личностью; быть причастным к созданию идей и текстов; стать творцом и творчески жить; формировать культурно - психологический потенциал

индивидуализации личностей в обществе; осуществлять самопознание, освещая значимые для себя и других аспекты «Я»; обогащать своим творчеством и рефлексией опыт самоидентичности индивидов в культуре.

Согласно концепции **В.А. Петровского** («**Индивидуальность: саморегуляция и состоятельность**») индивидуальность – это особый полюс личности индивида, единственность и неповторимость индивида. Она не подлежит удвоению, копированию, имитации; это потенциал субъектности как «республики субъектов» или «единоножия «Я». Представлена теоретико-эмпирическая модель индивидуальности, определяющая ее в транзактных категориях, как совокупный потенциал эго-состояний, составляющих «непостижимое» (неотразимое) условие саморегуляции. Транзактный контур саморегуляции включает следующие моменты: субъект саморегуляции есть эго-состояние Взрослый; объект саморегуляции – эго-состояние Дитя; посредник в процессах саморегуляции – эго-состояние Родитель. Состоявшейся индивидуальности соответствует «совершенный контур саморегуляции, основанный на гармонии эго – состояний».

Для **З.С. Карпенко** («**Субъектный контекст исследования индивидуальности**») индивидуальность - это результат сложного субъектогенеза личности во множестве измерений ее жизненного мира: природном, социальном, культурном, внутреннем, трансцендентном. Эксплицированы возможности и средства феноменологического анализа и герменевтической реконструкции становления индивидуальности с акцентами на ее активное смыслополагание, творчество, коммуникацию, самопознание. Обосновываются новые перспективы психотерапии личности на основе ее способности к «самоконституированию индивидуальности».

Н.Ф. Калина («**Индивидуальность в психологии бессознательного**») предлагает модель сравнительного анализа «индивидуальности» как категории различных теорий глубинной психологии (З. Фрейда, К. Юнга, Ж. Лакана и др.). Делается заключение о недостаточном освещении проблемы

индивидуальности в контексте психологии бессознательного. Намечается определение индивидуальности, релевантное современному состоянию психоанализа: индивидуальность - специфическая конфигурация свойственных индивиду уникальных бессознательных импульсов и влечений, осознание и развитие которых в процессе жизни обеспечивает максимальный уровень зрелого аутентичного существования человека в мире.

И.Н. Семенов («Экзистенциально – рефлексивный подход к индивидуальности») рассматривает проблему индивидуальности с позиций авторского рефлексивно – экзистенциального подхода. Основной категорией его концепции является «рефлексия», указывающая на способность личности к внутреннему диалогу с собой. Рефлексия определяется основанием формирования уникального «Я» личности, регулирующего динамику индивидуальной экзистенции в качестве эпицентра ее активности и источника ее целостности. Индивидуальность выступает жизненно приобретаемым, неповторимым единством самопознания, «Я» и экзистенции, наиболее ярко выраженным у творческой личности.

Тема экзистенции как важнейшая в психологии индивидуальности продолжается **А.Б. Орловым, В.Б. Шумским, А. Лэнгле. («Две составляющие индивидуальности», «Персональный экзистенциальный анализ»)**. В развитие традиции В. Франкла, основой существования человека эти авторы полагают априорное духовное начало, духовную силу, приобретающую у конкретной личности индивидуализированный характер. Развитие индивидуальности в русле предлагаемого гуманистически – экзистенциального подхода состоит в обращении личности к себе и постоянном выходе за собственные пределы, в самопереживании и самопонимании, а также в свободном, ответственном и полном личном и трансличностного смысла действии. А. Лэнгле представляет модель психотерапии личности (персональный экзистенциальный анализ - ПЭА), детально структурирующую шаги по реализации намеченных автором

концептуальных установок. Лэнгле определяет индивидуальность как то, что говорит в личности, как создаваемый ею внутренний мир самодистанцирования, как возникающий в диалоге личности с другим человеком внешний мир самотрансценденции (со-бытие).

Несмотря на явное созвучие собранных в книге концепций и моделей, в них присутствует момент взаимной критики и полемики, ориентированной на установление лучшего взаимопонимания и творческого единomyслия авторов.

В целом, этот коллективный труд носит программный характер, является инновационным в смысле развития нового психологического понимания индивидуальности. Книга адресована исследователям в области психологии индивидуальности и психологии личности, специалистам в сфере гуманитарных и социальных наук, а также является содержательным проектом совершенствования подготовки психологов для теоретической и практической деятельности в новых социокультурных условиях.

Е.Б. Старовойтенко.

В.Д. Шадриков

I ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВА ПСИХОЛОГИИ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ

ПРОБЛЕМА ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ В ПСИХОЛОГИИ *

1. Направления психологического изучения индивидуальности.

Задолго до возникновения психологии и даже первых обыденных психологических знаний в самой жизни и ее историческом, литературном воспроизведении заявляет о себе **индивидуальность** человека. Проблема индивидуальности всегда высвечивалась своими разнообразными гранями: одними она блистала, будучи связана с творчеством, способностями человека, другими, когда речь заходила об исключительных - в том или ином отношении или вообще ярких личностях, третьими - когда то или иное общество создавало условия для расцвета индивидуальности или, напротив, всячески нивелировало ее. «Вся моя воля всегда была направлена на защиту моей индивидуальности» - писал А.Грин, закончивший свою жизнь, осветившую людей фейерверком мечты, в доме с земляным полом. Она описывается с самых различных точек зрения, в самых различных контекстах: индивидуальность отлична от всех (сравнительно с другими); индивидуальность - это уникальность, неповторимость (как и ее судьба); индивидуальность - это особый, ярко заявляющий о себе характер; наконец, индивидуальность - это творческая или обладающая выдающимися качествами (харизматическая) личность, и т.д. До нас дошли мастерски описанные образы выдающихся исторических деятелей, отличавшихся мудростью или жестокостью, образы святых и мучеников,

* **Индивидуальный исследовательский проект № 07 – 01 - 170 выполнен при поддержке Научного Фонда ГУ-ВШЭ.**

особенности которых, связанные с их именами, стали нарицательным обозначением определенных человеческих качеств, некоей определенной символикой: макиавеллизм, донжуанство, донкихотство и т.д.

Если обобщить разнообразные представления, бытующие в обыденном сознании людей, то индивидуальность зафиксировалась в них как некая **исключительность личности**.

Однако с момента становления психологии как науки проблема индивидуальности оказалась для нее своеобразным «камнем преткновения»: возникла дилемма - как может существовать наука о неповторимых, т.е. не подлежащих обобщению, типизации явлениях? В методологии интроспекционизма, поставившего проблему психологического познания, эта дилемма получила свое косвенное выражение: познать психику может только ее обладатель. Здесь просматривается идея своеобразного научного эгоцентризма, индивидуализма как невозможности объективного, идущего **извне** познания. Этот эгоцентризм приходит в противоречие с направлением, которое, напротив, определяет индивидуальность как различия личностей, чаще всего несущественные. Это представление закрепилось в распространенном в психологии словосочетании «индивидуальные различия». Но за данным представлением кроется понимание личности как **инварианта**, свойственного всем людям. В литературе, в обыденной жизни часто приходится читать или слышать утверждение, что в сущности человек не меняется (в истории, веками). Более того, в таком случае индивидуальные различия оказываются некоторой периферией по отношению к общему для всех личностей «ядру». Но это сразу приходит в противоречие с представлением об индивидуальности как **«Я» - самости**, т.е. самой «сердцевине» личности.

Отвлекаясь от различий теорий «Я-концепции» личности (даже таких существенных, как рациональное или иррациональное объяснение «Я» в его связи с сознательным или бессознательным), можно сказать, что

само понятие «Я» включает в себе принцип «отсчета» от неповторимости личности и неотъемлемости от нее этой единственности, **собственности «Я»** (будь то «self-control» или «id»). В английском наименовании «Эго» заключена идея эгоцентризма не в смысле психологической квалификации данной личности, а в смысле методологическом - движения в объяснении личности от ее **внутреннего**, ее сердцевины, ее «Я». Понятие «Эго» было принципиальным введением индивидуализации как основы в самую сущность личности, и тем самым, радикальным шагом в постановке проблемы индивидуальности на научную почву. При возникновении проблемы присвоения различных, **извне** взятых ролей и взаимодействия «Я» (или «Id») с действительностью, носящего конфликтный характер, приводящего, согласно Фрейду, к другим личностным образованиям, качествам, уровням (например, «супер-эго»), уникальность «Я» так или иначе, должна была либо соотнестись, либо столкнуться с внешним миром, социумом, его нормами, стандартами и запретами.

Проблема индивидуальности приобретает новый смысл, когда психологи приступают к созданию **характерологии**. Изучение характера, несомненно, означает раскрытие **особенности** человека. Однако здесь вновь возникает дилемма: психология не может описывать каждый в отдельности характер, как это, скажем, делает писатель в художественном произведении. Необходима типизация характеров. Но любое обобщение требует выделения единых **общих** оснований типизации характеров, что опять вступает в противоречие с идеей неповторимости. Эта дилемма особенно очевидно выступает в художественной литературе, где тот или иной характер оказывается типичным для данной эпохи, социального слоя и т.д. и вместе с тем - **самобытным**.

Можно сказать, что в созданных психологами характерологиях (Э. Шпрангер, Г. Айзенк, А.Лазурский и др.) были выделены **разные**

основания типизации. Характерологии содержали психологические определения для обозначения индивидуальности, но не вскрывали ее психологическую сущность.

Еще одно научное направление в познании индивидуальности появляется с развитием эмпирической психологии, более точно - дифференциальной психофизиологии. Индивидуальность здесь «ухватывается» и объективно выявляется, но на самом низшем - психофизиологическом уровне, который совершенно не исчерпывает ни ее творческой, ни ее личностно неповторимой сущности. В дифференциальной психологии не вскрывается **индивидуальность личности**.

Между тем, в постепенно развивающейся области психологии личности, в создающихся оригинальных теориях и моделях личности индивидуальность начинает высвечиваться как ее существенная характеристика - как ее наиболее **совершенное качество**, творческая сущность (Г.Олпорт, Э.Эриксон и др.). Эта своеобразная идеализация личности, с одной стороны (поскольку далеко не все личности обладают индивидуальностью), с другой - опять «уход» от раскрытия сущности индивидуальности, принятие ее как данности.

Имплицитно проблему индивидуальности содержит направление персонологии, обозначаемое как теории **личностных черт** (к которому, кстати, относят и теорию Г.Олпорта, давшего глубокую трактовку личности). Черта, несомненно, фиксирует особенность, но, одновременно, осуществляет обобщение (как это, например, имеет место в концепции Р.Кетелла). Сами черты выделяются путем массового исследования, отвечающего критериям надежности, валидности, т.е. путем **стандартизации**. Конечно, при таком подходе личность получает до некоторой степени индивидуализированную характеристику, так как набор черт оказывается достаточно специфичным. Но вопрос о том, насколько

априорно выделенные черты, приписанные данной личности, исчерпывающе описывают ее индивидуальность, остается открытым по сей день.

Таким образом, до определенного этапа развития психологии, более того, до достижения некоторой степени определенности в **постановке проблемы личности**, проблема индивидуальности включает в себе научно не эксплицируемые противоречия - выступает на описательном уровне или охватывается научным исследованием, но на уровне психофизиологии, и предстает в разных, не связанных друг с другом направлениях изучения.

В отечественной психологии проблема индивидуальности представлена рядом разноплановых направлений теоретической интерпретации и эмпирических исследований. Одно из классических направлений составляют работы Б.М.Теплова и его школы (В.Д. Небылицын, В.М. Русалов и др.). Оно, в свою очередь, охватывает ряд различных подходов к индивидуальности.

Во-первых, это дифференциальная психология как область изучения индивидуальных особенностей психических процессов, трудно отделимая от дифференциальной психофизиологии. Во-вторых, это исследование психофизиологических базальных предпосылок способностей, которые составляют, одновременно, одно из направлений изучения личности. Способности как предмет психологического изучения оказались принадлежащими к двум областям психологии: исследованиям психических процессов и функций, непосредственно связанным с дифференциальной психофизиологией, и исследованиям личности. Однако стоит отметить, как нерешенный, вопрос о способах связи этих двух областей исследований способностей и их релевантности изучению индивидуальности.

В работах Б.М. Теплова была уточнена, применительно к человеку, Павловская типология. В.Д. Небылицын внес своими исследованиями огромный вклад в психологическую характеристику данных типов, рассмотрев проблему их функционирования (возможностей и ограничений) на основе принципа компенсации. Например, ограниченность «слабого» типа рассматривалась как компенсирующаяся его функциональными преимуществами по отношению к другим типам: тонкостью дифференцировок и т.д. Обобщая, можно сказать, что в работах тепловской школы индивидуальные различия, выявленные в дифференциальной психофизиологии, были связаны, с одной стороны, с работой мозга, с другой стороны - с личностными проявлениями.

В классических работах Б.М.Теплова была поставлена проблема изучения индивидуальных **различий**, проявляющихся в **способностях**. Он напрямую связал проблему индивидуальных различий с проблемой способностей в их разнообразной зависимости от физиологических особенностей и особенностей психических процессов. Способности, относящиеся к личностному уровню организации человека, определялись в связи с ее физиологическим и психическим уровнями. Не воспроизводя здесь широко известной теории способностей Б.М.Теплова, можно сказать, что в них индивидуальность человека значительно более выражена и иначе реализуется, чем на уровне индивидуальных психофизиологических или даже психических свойств. Способности - иное, более высокое качество психической организации, чем индивидуальные особенности психики, составляющие предмет дифференциальной психологии. Иными словами, тепловская школа позволяла разработать не только направление дифференциальной психофизиологии, но и достаточно самостоятельное направление - **психологии способностей**, одновременно заложив основу для обсуждения проблемы их связи.

Однако в подходах школы Теплова имплицитно заключалась еще одна, до настоящего времени не замеченная проблема или своего рода противоречие. Проблема индивидуальности фактически решается посредством применения **типологического метода** и построения типологии, отправляющейся от Павловских типов.

У Теплова различия между индивидуальностями фактически сводятся к **типологическим различиям**. Если к тому же учесть, что каждый тип образуется (по Павлову) путем сочетания одних и тех же теоретически выделенных признаков, то и различия между типами минимизируются. В такой типологии отход от принципа индивидуальности выражен очень ярко.

Однако работами учеников и продолжателей Б.М.Теплова, прежде всего В.Д. Небылицына, а также В.М. Русалова, А.Е. Ольшанникова и Т.Ф. Базылевич, были сняты многие неясности и ограничения тепловской типологии. В.Д. Небылицын, преодолев структурный принцип построения типологии обращением к функциональным возможностям так называемого «слабого» типа, открыл перспективу исследований **функционального потенциала** типов. В.М.Русалов предложил более сложную и широкую модель базальной типологической организации индивидуальности, включив в нее, в том числе, конституциональные характеристики типов.

В работах Т.Ф. Базылевич и Л.Г. Дикой были исследованы функциональные возможности и ограничения индивидуальности и типа, проявляющиеся в **деятельности**. Были, в частности, раскрыты адаптационные, резервные и другие аспекты деятельности индивидуальности.

Однако этим еще не было окончательно разрешено основное противоречие (или даже парадокс) тепловского определения способностей в их связи с деятельностью. Теплов определил способности как психические свойства, обеспечивающие **успешность деятельности**. А,

как известно, успешность деятельности – это, прежде всего, ее социально оцениваемый результат. И хотя Теплов признает, что успешность одной и той же деятельности достигается у способных людей психологически различными путями, в этой трактовке заключается принцип, противоречащий индивидуализации.

Минимизация индивидуальности при выявлении связи способностей и деятельности в свое время произошла и на другом направлении изучения, в силу абсолютизации роли **социальной детерминации** способностей в ущерб раскрытию их генетических и собственно индивидуально-психологических механизмов. В 1957 г. на первом съезде Общества психологов СССР произошла дискуссия по проблеме способностей между А.Н. Леонтьевым и С.Л. Рубинштейном. В качестве одного из существенных доказательств своей позиции последний подчеркнул роль механизма обобщения, то есть собственно психологического внутреннего пути формирования способностей, а не их интериоризации (выведения) из социальных способов деятельности. Тем самым Рубинштейн поддержал определенным образом позицию Б.М.Теплова, но одновременно разошелся с ней, выдвинув гипотезу об общем для всех людей **процессе внутреннего обобщения**, который, по его мнению, лежит в основе генезиса способностей. Поскольку тот же механизм составляет и основу характерообразования, можно говорить о том, что Рубинштейн перевел проблему способностей в план **личностной** проблематики, не отрывая личностного уровня от уровня психической организации, а содержательно доказывая их связь.

Однако, возвращаясь к анализу ряда аспектов проблемы индивидуальности, охваченных тепловским направлением, необходимо подчеркнуть, что оно не исчерпывалось проблемами дифференциальной психологи и проблемой способностей, но наметило и проблему целостной **личностной организации индивидуальности**. Однако

Б.М.Теплов занял особенную позицию в определении личности, считая, что она «строится снизу». Иными словами, психофизиологический, темпераментальный индивидуальный уровень не только составляет фундамент, природное (в широком смысле слова) основание личности, но определяет само ее происхождение, ее генезис.

Не нужно напоминать, что направление разработки проблемы способностей составило одно из ярких и исследовательски (эмпирически и теоретически) обоснованных направлений отечественной психологии. В этом направлении изучались проблемы способностей как свойств, находящихся у человека индивидуальное развитие и выражение, а также проблемы индивидуальных различий конкретных типов способностей, например, математических, музыкальных и др. Между этими проблемами сохранялась связь, заключенная в тезисе, что **одна** и та же, например, музыкальная способность **разных** людей обеспечивается разными психологическими механизмами. Однако оставались мало определенными или спорными два «горизонта», за которые вводило понимание их сущности. Это, прежде всего, изучение способности как творчества, что связывалось с уровнем **развития личности** и ее высоким качеством как индивидуальности. Второе - в известном смысле противоположное - понимание способностей, связывающее их с деятельностью и ставящее акцент на их социальной обусловленности, а тем самым на совершенно ином генезисе (А. Н. Леонтьев). Эта трактовка, как известно, исключала не только наследственную генетическую, природную обусловленность способностей, но и их собственно психический генезис, а тем самым закрывала индивидуальный аспект проблемы.

Резюмируя анализ постановки проблемы индивидуальности школой Б.М.Теплова как основоположника дифференциальной психологии и теоретика проблемы способностей, следует отметить два момента. Во-первых, психофизиологический базисный компонент индивидуальности у

него оказался ведущим по отношению к высшему, личностному компоненту, жестко детерминируя последний. Во-вторых, постановка проблемы способностей оказалась несущей в себе внутреннее противоречие, будучи, с одной стороны, связана с дифференциальной психологией и психофизиологией и, с другой – с теорией **деятельности**, как бы не связанной с более высоким личностным, субъективным уровнем организации и функционирования человека. Мы обратили внимание на это противоречие в сугубо методологическом плане, тогда как В.Д. Шадриков акцентировал и раскрыл в своей оригинальной теории личностно - психологический механизм, то есть самую сущность, способностей.

Другой классической концепцией индивидуальности, в которой не только не разделялись дифференциальная психофизиология, дифференциальная психология и психология личности, но они даже соединялись с социальной психологией, была теория В.С. Мерлина. Он не соотнес в своих обобщениях понятия личности и индивидуальности, но фактически исследовал **интегральную индивидуальность** человека, включая в нее и индивида, и личность. Наиболее существенными методологическими положениями его концепции была идея целостного и уровневого характера организации индивидуальности, включающей как низшие, организменные особенности человека, так и его высшие социально-психологические свойства и личностную направленность.

Однако, стремясь эмпирически обнаружить связи различных уровней организации индивидуальности, В.С. Мерлин выбрал не путь выявления ее функциональных особенностей, а исследования корреляционных зависимостей между уровнями, фактически соответствовавшего структурно-статистическому подходу. Следует сразу отметить, что поскольку уровни организации оказались едины у всех личностей, то сама постановка задачи исключала принцип индивидуализации. Если же ставилась задача найти варианты связей различных уровней у разных

людей, то тогда избранный метод корреляционного анализа не мог обеспечить ее решения. Мерлиным был разработан довольно сложный математический аппарат обработки этих зависимостей, в результате которой выявлялись однозначные, многозначные и многомногозначные связи. Не следует доказывать, что само понятие последних свидетельствовало о высшей степени **неопределенности** в отношении наличия -отсутствия каких бы то ни было связей. Очевидно, что связь темперамента с коллективистской или индивидуалистической направленностью личности не может быть доказана в силу множественного опосредования другими, прежде всего собственно личностными, уровнями. Кроме выбора неадекватного метода, В.С.Мерлин, к сожалению, представил уровневую организацию индивидуальности статически, не допуская, по видимому, что у одних личностей действительно ведущим оказывается темперамент (такой тип личности представлен в очень интересной типологии Д.Н.Узнадзе), тогда как у других ведущим оказывается уровень сознания.

Чрезвычайно интересную модель решения проблемы «совмещения» личности и индивидуальности предложил В.Н.Мясищев. Как известно, его теория личности как связи различных отношений - к людям, деятельности, познанию и т.д. на первый взгляд представляла определение личности вообще. Однако тем, что он ввел дополнительные модальности отношений, а именно, положительные - отрицательные, активные - пассивные, он фактически учитывал возможность их различных сочетаний, то есть, некоторую индивидуальную композицию. В число характеристик отношений он включает: их оценочный компонент, а также компоненты мотивации и интереса. Он сумел показать, что отношения могут быть гармонично или противоречиво связаны друг с другом. Что особенно важно, он выделяет отношение к деятельности, которое может быть как позитивным, так и негативным, как активным, так и пассивным.

Отношения, согласно Мясищеву, имеют и потенциальный, имплицитный характер, и, одновременно, являются итогом индивидуального опыта. С этих позиций он справедливо критикует теорию свойств личности, полагая, что свойства обнаруживаются и в процессах, и в отношениях, и в состояниях человека. Основной же характеристикой отношений оказывается «значимость», определяющая избирательность личности, причем значимость отличается от установки, носящей, согласно Мясищеву, безличностный характер. Характер в его концепции - это единство отношений и способов их осуществления в переживаниях и поступках человека». Очень важна, на наш взгляд, поставленная Мясищевым проблема устойчивости и неустойчивости отношений. В одних случаях устойчивость обеспечивается простыми инерционными механизмами, а в других основана на принципиальности личности, на некотором осознанном и обобщенном принципе. Концепция отношений Мясищева базировалась и на патологическом материале их болезненного нарушения, вплоть до регресса личности. Тем самым общая психология личности оказалась связанной с психопатологией личности, долгое время рассматривавшейся как изолированная область практики. Мясищевская теория опиралась на данные о реальных личностях, вобрала и обобщила многообразие их действительных отношений, представляет собой **универсальную модель личности** и сохраняет серьезные перспективы развития.

В отечественной психологии, несмотря на выраженную идеологическую депривацию даже самого понятия «личность», не говоря о «Я-концепции», было выдвинуто несколько конструктивных идей об индивидуальности. Первой из них явилась идея **интегральности личности**, первоначально высказанная С.Л.Рубинштейном и позднее разработанная В.С. Мерлиным в его теории «интегральной индивидуальности». Здесь был осуществлен выход к самому

механизму индивидуальности, которым является способность личности к обобщению и синтезу своих качество, свойств, образований, способностей и т.д. В отличие от аналитико-атомистической по своей методологии теории «черт», здесь реализована системная, синтезирующая методология. Индивидуальность определяется не неповторимым набором свойств, а осуществляемым личностью **способом их интеграции**.

Способ интеграции образует новое, индивидуальное по самому своему существу, качество целого. Целое - не сумма, а интеграл. Это принципиальное положение отечественной психологии позволяет четче дифференцировать понятия «личность» и «индивидуальность», не сводя их синкретически (как это получилось у В.С. Мерлина) и при этом, не отделяя, не изолируя их.

Понятие «интеграции» открывает перспективу анализа ее способов, осуществляемых личностью из сходных по своей психологической сущности составляющих - психических процессов, свойств, воли, способностей и т.д. К анализу этих способов мы обратимся позднее, при изложении нашей интегральной концепции индивидуальности.

Оригинальность и конкретика личности проявляются в типологии, предложенной Д. Н. Узнадзе, которая фактически не привлекала внимания исследователей. Она построена на основании определения сознания в связи со способностью личности к **объективации**. Первый – динамический - тип людей обладает развитой способностью к объективации и готовностью легко переключаться в направлении объективированных целей. Второй тип - статичных личностей – обладает внутренним противоречием, состоящим в том, что они должны как бы постоянно преодолевать свою психическую природу, проявляя гиперобъективацию. Их деятельность, считает Узнадзе, протекает по преимуществу под бдительным контролем сознания. Им приходится постоянно задерживать импульсы своих установок и выбирать линии своей

активности лишь после того, как ими признается целесообразность какого-нибудь из конкретных видов деятельности, а затем усилиями воли принимать меры к проведению его в жизнь. Третий тип - переменные люди - обладают достаточной легкостью объективации, но не имеют достаточных волевых способностей для ее осуществления. Способности к объективации включены и реализуются через психологические, эпистемологические, эстетические операции человека, которые, в свою очередь, зависят от системы отношений данной личности к самой себе, к другому и к «суперличности».

Наиболее существенным, на наш взгляд, но не раскрытым, оказалось в теории Узнадзе положение о функциях сознания и бессознательного, упорядочивающих отношения личности, но не через снятие внутренних противоречий, а «как раз через сами эти противоречия». Однако существенно и понятие суперличности как признание высшего уровня организации личности, связанного со стремлением к идеалу, превосходящим ее, с тем, до чего она **поднимается** в своей жизни. Развивая понимание личности, Д. Н. Узнадзе, его продолжатели А.С. Прангишвили и А.Г. Шерозия предложили интересные трактовки проблемы индивидуальности.

Следующее значение понятия индивидуальности в отечественной психологии связано с утверждением, что личность становится индивидуальностью, лишь достигая **высшего уровня своего развития**. В нем в скрытом виде заключена перспектива рассмотрения личности как субъекта, способного к самоопределению, самодетерминации и саморегуляции. В первом понятии индивидуальности неповторимость и уникальность личности раскрывается через анализ способов ее отношений и деятельностей, поскольку, во-первых, они исходят от самой личности, ее «Я» и, во-вторых, представляют непрерывно изменяющиеся разнообразные композиции регулируемых личностью психических составляющих. Но это понятие индивидуальности предполагает, что ею

обладает и является **каждая** личность. Согласно второму понятию, которого придерживались Б.Г.Ананьев, С.Л. Рубинштейн и др., индивидуальностью является лишь личность, достигшая высшего уровня развития. Однако это понимание проблемно, поскольку не определены критерии указанного уровня. Если речь идет об оптимальном развитии и соотношении индивидуальных особенностей личности, то тогда второе значение понятия индивидуальности логически связывается с первым. Если же речь идет о совершенстве личности, отвечающем универсальным общечеловеческим критериям - духовности, нравственности, культуры, тогда соотнесение двух значений «индивидуальности» представляет проблему.

Представляется, что связь первого и второго значений не может быть установлена логически. Однако в отечественной психологии постклассического периода был сделан кардинальной важности шаг в дальнейшем раскрытии первого значения - интегральности индивидуальности. Он парадоксальным образом не опирался ни на идеи С.Л.Рубинштейна, ни на концепцию В.С.Мерлина. Это было обращение к категории **саморегуляции** и исследованию ее механизмов. Один из первых опытов разработки этого понятия предпринял Н.С. Лейтес, однако, поскольку так же, как понятие активности, оно было «занято», абонировано биологией, оно не получило вначале принципиальной для понимания сущности личности и индивидуальности интерпретации, хотя позднее его включили в свои типологии А.И.Крупнов и Э.А. Голубева. Саморегуляция как механизм сенсомоторной деятельности стала предметом теоретико-эмпирических исследований О.А. Конопкина. Будучи связано с раскрытием механизмов осуществления **деятельности**, представление о саморегуляции, на наш взгляд, позволило радикально преодолеть сложившееся в отечественной психологии представление о статистически определяемом, едином для всех личностей, раз и навсегда данном способе связи уровней ее

организации. Оно позволило преодолеть ограниченность структурных представлений о личности (которые не преодолевались, даже если организация личности определялась как динамическая структура).

Представление о саморегуляции снимает дискуссию, имевшую место в отечественной психологии (в частности, между Б.М.Тепловым и С.Л.Рубинштейном) о том, является ли ведущим в личностной организации низший (базальный) уровень или высший (сознание и т.д.).

Механизм саморегуляции - в принципе - способен обеспечить функционирование личности на основе ведущего или мотивационного, или волевого, или сознательного и т.д. уровня, который не является постоянно ведущим, а избирается субъектом как опорный в разных условиях деятельности, общения и т.д. Что еще важнее, механизм саморегуляции обеспечивает необходимую для данного момента функционирования композицию «составляющих» этих уровней или их требуемую состоянием личности и динамикой деятельности последовательность. Личность в своей активности «здесь и теперь» варьирует способ субординации уровней с их составляющими, который психологи до определенного времени мыслили как статичный и универсальный для **всех** личностей. Эта сугубо функциональная модель органично включает в себя **принцип индивидуализации.**

Не всякая саморегуляция осуществляется сознательно, произвольно. По-видимому, есть пределы (специфические у каждой личности) возможностей саморегуляции, например, оптимальности, скорости, активности и т. д. Саморегуляция одной личности предполагает большую возможность их разных композиций (гибкая и сложная личность), другой - более ограниченную возможность. Эта функциональная модель включает в себя принцип индивидуализации, что выводит к идее интегральной индивидуальности, а более точно - к способности личности интегрировать

разные уровни своей организации индивидуальным образом. Одновременно это переход от статической модели индивидуальности к динамической.

Однако открытие индивидуального способа интеграции в функционально-динамической организации личности не обеспечило связи между двумя направлениями разработки проблемы индивидуальности личности – типологическим подходом и ее пониманием как интегральной индивидуальности. Не обсуждая эту проблему как теоретическую, А.И. Крупнов предложил типологию, опирающуюся на три интегральных переменных, которые были выделены В. Д. Небылицыным в качестве «наиболее общих оснований индивидуальности человека», а именно: активность, направленность и саморегуляцию. Базовые свойства личности, такие как инициативность, любознательность, трудолюбие, он интегрирует в континууме активности; ответственность, организованность и т.д. - в континууме саморегуляции; каждое из конкретных свойств личности он рассматривает как включающее информационно-познавательный, эмоционально-оценочный, мотивационно-смысловой, регуляторно - волевой, операционально-динамический, продуктивно-результативный компоненты.

Э.А. Голубева, ставя конкретную задачу изучения способностей и склонностей, анализирует общие особенности типологического подхода и отмечает как одну из важнейших характеристик Павловской типологии тенденцию к сопоставлению свойств ВНД и свойств специально человеческих типов - художника и мыслителя. Она, опираясь на идеи предшественников, предлагает модель, которая имеет в своей основе три универсальных составляющих способностей: активность, саморегуляцию, направленность, и акцентирует связи способностей с другими подструктурами личности, включая мотивацию, темперамент и характер. Это был существенный шаг на пути преодоления обособления

типологического изучения способностей от исследований индивидуальности.

Однако следует обратить внимание на то, что типология Голубевой построена на основании связи «организм и личность», а не «личность - деятельность», как это имеет место у Крупнова. Сквозными же в типологиях, несмотря на разные источники их разработки, оказываются понятия саморегуляции, активности и направленности. При этом, как справедливо отмечает Крупнов, на данном историческом этапе важно не столько составление перечней важнейших свойств личности, сколько разработка теоретически обоснованных критериев их исследования.

Очевидно, что упомянутые типологии базируются на структурно-функциональной модели личности и ее свойств. Собственно типологические свойства оказываются проявлением некоторых сквозных параметров, в число которых большинство авторов включает эмоциональность как наиболее многогранный и динамичный компонент, связанный практически со всеми иными компонентами личности. Важнейшей особенностью типологии способностей, предлагаемой Э.А. Голубевой, является ее связь с измерительными процедурами. Осуществляется синтез дифференциально – психологического, психофизиологического и личностного аспектов типизации, который характеризуется автором как «индивидуально-типологический подход».

Однако остается методологически и теоретически не обоснованной связь трактовки личности как интегрирующей посредством саморегуляции разные уровни своей организации индивидуальным образом («интегральная индивидуальность») и типологическим подходом, который должен раскрыть степень познания индивидуальности личности. Как соотносится принцип саморегуляции, в котором воплощается идея функциональной индивидуальности личности, с направлением, которое осуществляет типизацию личностей, т.е. отходит от абсолютизации

индивидуальности и осуществляет обобщение в типе? Иными словами, не ясна связь идеи саморегуляции и типологии в аспекте проблемы индивидуальности, а также связь определения каждой личности как индивидуальности с пониманием индивидуальности как высшего уровня развития личности.

Для рассмотрения этих проблем необходимо обратиться /к опыту мировой персонологии.

Г. Оллпорт, родоначальник целого направления, именуемого теорией личностных черт, считает, что в типе уникальность исчезает, поскольку в нем представлено обобщение более высокого уровня. Так, например, в своем широко известном исследовании «писем Дженни» он пошел путем обобщения и выделения **типичных**, характерных черт испытуемого из их **индивидуальных**, частных проявлений. В данном случае не существенно, что в итоге он вывел не тип женщины «Дженни», но дал типологическую характеристику ее индивидуальности путем выделения большего или меньшего количества ее «черт».

В целом, теория личности Олпорта принадлежит к структурно-динамическим моделям. Понятием «динамическая организация» подчеркивается развитие и изменение личности, имеющей, вместе с тем, устойчивую определенность, для обозначения которой Оллпорт пользуется понятием «характерное», ставящее акцент на индивидуальности человека и уникальности личности. Он считает, что черта - это **предрасположенность** поступать сходным образом в широком диапазоне ситуаций. И уточняя понятие предрасположенности, он прибегает к понятию «личностная диспозиция». (Эти понятия можно сравнить и с установками в трактовке Д.Н.Узнадзе, и с понятием «диспозиции», сложная структура которой была интересно раскрыта В.А.Ядовым). Для нас важно, что, согласно Олпорту, посредством диспозиции **интегрируются**, обобщаются многие стимулы, мотивы и

осуществляется руководство согласованными формами поведения. Но так как диспозиции (или их совокупность) являются регуляторами поведения как способа объективации личности, можно говорить не только об индивидуальной внутренней саморегуляции личности, но и о согласовании в ней внутреннего и внешнего.

Кроме того, хотя Олпорт как будто отдает предпочтение «черте», а не типу личности как таковому, сами черты он определяет в рамках идеографического подхода, то есть, **жизненных** характеристик человека. Последние же могут раскрываться биографически, что и отвечает идеографическому подходу, или типологически (о чем ниже - в связи с анализом жизненного пути личности).

И, наконец, включая в свою теорию идею о существовании **высшего уровня интеграции**, Олпорт связывает его с Эго и понятием **стиля жизни** (что уже является прямым обобщением и типологизацией). Это качество, обозначаемое понятием «проприума», сближает его концепцию с персонологией Э. Эриксона. Если в эпигенетической модели Эриксона стадии развития личности связаны с ее непрерывным **взаимодействием** с действительностью (взрослыми, сверстниками и т.д.), то у Олпорта, лишь начиная с четвертой стадии, «Я» начинает охватывать важные аспекты социального и физического окружения»; на пятой - образ «Я» оказывается связанным с ожиданиями других людей, на шестой – «Я» рационально управляет самим собой, разрешая повседневные проблемы, а на седьмой – «Я» планирует жизненные цели на основе стремления проприума (личностного интеграла). И если у Эриксона принцип индивидуализации проявляется в дифференциации прогрессивного или регрессивного способа решения личностями проблем каждой стадии, то у Олпорта эта типологизация отсутствует. Существенно различие, состоящее в том, что Эриксоном делается акцент на результативность **самореализации** личности (трудолюбие и продуктивность), в то время как Олпорт отдает дань

самовыражению личности (для себя - образ себя, самоуважение и рациональная саморегуляция). Эриксон больше акцентирует общую жизненную самореализацию личности, а Олпорт делает акцент на процессы внутреннего роста и достижение зрелости личности. Зрелость, согласно Олпорту, наступает тогда, когда личность активно овладевает своим окружением, демонстрирует определенное внутреннее единство и способна правильно воспринимать мир и себя.

Но, несмотря на то, что в этих характеристиках личности мы не находим явных типологических признаков и признаков ее индивидуальности, они содержат богатство определений ее сущности, которое дает возможность выделять критерии для определения индивидуальности.

Следует отметить, что отказ личности от собственных способов решения проблем и задач жизни, использование стандартных образцов неизбежно приводит к **увеличению несоответствия** между индивидуальностью и требованиями, условиями и обстоятельствами жизни. Именно это несоответствие оборачивается практически неразрешимыми противоречиями, по отношению к которым личность, переживая свою несостоятельность, выстраивает систему защит. Однако дело не ограничивается защитами, уходами, проявлениями агрессии и т.д. Начинается процесс дезинтеграции личности, т.е. происходит утрата механизмов, «цементирующих» ее единство и идентичность. Одновременно разрушаются высшие уровни личностной организации, ответственные за саморегуляцию и построение жизненного пути. Таким образом, если Эриксон считает, что утрата Эго-идентичности приводит к отчаянию, то это еще самое частое проявление несостоятельности личности, не ставшей субъектом.

Совершенно иным является подход к личности, ее индивидуальности и типологии Г.Айзенка Он, в отличие от многих психологов, рассматривает

иерархическую модель личности, которая имеет четыре типологических параметра: экстраверсию и интроверсию, стабильность и нейротизм. Причем, каждая пара параметров ортогональны по отношению друг к другу и представляют собой континуум, на котором располагаются индивидуальности в зависимости от **выраженности** параметров.

Хотя в концепции В.Н.Мясищева речь идет об отношениях личности (и их модальностях), а у Айзенка - о характеристиках личности, принцип, лежащий в основе обеих моделей сходен. Разница лишь в том, что Айзенк определяет выраженность типологической особенности, а Мясищев, который вообще не упоминает о типологии, выделяет модальность отношений - активность-пассивность, позитивность-негативность. Айзенк изначально признает роль индивидуальности, но находит ее посредством подстановки значений, присущих данному человеку, в общую типологическую модель. (Тип для него задан, а индивидуальность определяется при диагностике личности). И в модель Мясищева могут быть подставлены конкретные значения, комбинация которых даст приближающуюся к индивидуальности композицию

Для нашего анализа существенно то, что типы Айзенка заданы априорно, количество их ограничено, и, главное, они не содержат никаких оснований для выявления способа функционирования личности в конкретных ситуациях и механизмов этого функционирования. Можно сказать, что модель Айзенка построена по принципу необходимого и достаточного, тогда как личность, на наш взгляд, представляет собой проективную систему, более того, систему, развивающуюся и, как показано в отечественной психологии, динамично саморегулирующуюся. В этой связи классический вопрос об определении психологом соответствия ситуации, поведения и черты является неправомочным. Ни ситуация не определяет черту, ни черта не изоморфна ситуации. Их связь определяет **сама личность**.

Модель Айзенка и модель Кеттела, на которой мы не останавливаемся, в силу ее сходства с моделью Айзенка и ее глубокой проработки В.М. Русаловым, отвечают на вопрос **кто**, и служат целям **диагностики**. Сопровождающая диагностику интерпретация психолога может добавить к портрету личности и предположение, отвечающее на вопрос **почему**. Но на вопрос **зачем**, может ответить только **сама личность**. Диагностические модели статичны, хотя они и описывают реальную личность. Исследовательские модели также предполагают некие параметры личности. Но, во-первых, они не априорны, а гипотетичны. Во-вторых, с их помощью выявляются индивидуально-типологические **механизмы функционирования** личностей. Именно эти функциональные механизмы обнаруживают «работу» личности, постольку, поскольку ее определение отвечает на вопрос **как**. Исследовательские модели нацелены на выявление функциональных возможностей – ограничений личности, на ее организацию и самоорганизацию. Для диагностики важна **выраженность** той или иной черты, для исследования - то, как личность сама ищет свой **способ самовыражения** (что она хочет открыть, показать, а что оставить глубочайшим достоянием своего внутреннего мира), не говоря о самореализации. Статичные диагностические модели конечны, закрыты, несмотря на протяженность континуума, в котором располагается «черта». Исследовательские модели континуальны, открыты, что не означает размытости получаемых характеристик личности. Оба вида моделей необходимы, но их целевая ориентация, повторяем, различна. На наш взгляд, диагностические модели дают меньшее приближение к индивидуальности, чем **исследовательские**, поскольку - в самом общем виде - первые идут от типа к индивидуальности, вторые - от индивидуальности к типу.

И, наконец, наиболее существенна модель, которую можно выявить лишь на другом основании. Его задают теории **развития** личности. К их

числу в определенной мере относятся проанализированные выше концепции Эриксона и Олпорта, а также теории личности А. Адлера, К. Роджерса и С.Л. Рубинштейна, признающие личность не **объектом** диагностики, а участником исследования, направленного на выявление ее **субъектности**.

Как было отмечено вначале, в отечественной психологии второе значение понятия «индивидуальность» связывается с **уровнем развития** личности. И Эриксон, и Олпорт раскрыли те особенности Эго-интеграла или проприативного стремления личности, которых она достигает на высшем уровне своего развития. Концепция Эриксона дает основания для сближения категории индивидуальности и субъекта, поскольку он выявляет оптимальный «вариант» развития. Но Эриксон не раскрывает механизмы становления личности субъектом, а скорее намечает его характеристики.

Однако, до обращения к концепциям, непосредственно выявляющим развитие личности, необходимо рассмотреть теорию Адлера, так как она представляет собой вариант соединения структурно-статистического и функционально-динамического подхода к личности. Концепция Адлера, реализующая идею развития личности компенсаторным путем, затрагивает и проблему невроза как **регрессивного** варианта жизни. В этом смысле персонологическая модель Адлера близка к психотерапевтической модели Роджерса.

Адлер признает неделимую индивидуальность, конституируемую соотношениями в личности комплекса неполноценности, стремления к превосходству, стиля жизни, социального интереса, творческого «Я», порядка рождения, функционального динамизма. Связь устойчивых особенностей личности с ее способом функционирования просматривается, например, в тезисе, что личности, родившиеся с комплексом неполноценности, компенсируя его, стремятся к превосходству. То есть, Адлер учитывает как сверхсущественный вектор развития стремление

личности от несовершенства к совершенству, что, по его мнению, свойственно всем людям.

Любая индивидуальность, согласно Адлеру, должна изучаться не изолированно, а в качестве включенной в общество. Однако одновременно с этим она обладает индивидуальными убеждениями, руководствуясь ими независимо от общества. Связь личности с обществом проявляется в двух направлениях - в отношениях с другими людьми, воплощающих стремление личности к превосходству, и в стиле жизни, который формируется основной направленностью личности: на интеллектуальные достижения, спорт и т.д. Очень существенно то, что в понятии «стиля» Адлер подчеркнул обобщенный по отношению к индивидуальности способ жизни. Интегрируя понятие стиля жизни в двух параметрах личности - социальный интерес и степень активности - он построил типологию личностей. Для этого он дополнительно различил три типа установок личности: управление, получение и избегание.

Типология Адлера не носит столь строгого характера, как типология Айзенка. Хотя в ней берутся функциональные характеристики личности, но строится она по той же схеме, что и типология Теплова - **по сочетанию одних и тех же параметров**. В типологии также отсутствует тип, который логически должен иметь место при избранном способе построения типологии – личность с высоким социальным интересом и низкой активностью. Возможно, Адлер счел это сочетание взаимопогашающим, но это не оговорил. И, наконец, интересно, что в данной типологии представлены два типа с отрицательными значениями обоих параметров, однако функционально они характеризуются совершенно различным образом - один паразитический, другой - избегающий.

Несмотря на подчеркнутое внимание к типологическим построениям, в концепции Адлера есть позиция, которая чрезвычайно важна для понимания индивидуальности. Это «творческое Я» как высший

личностный конструкт, объясняющий свободу человека в создании своего стиля жизни. При этом, личность не только свободна, но и ответственна за свой стиль жизни. По-видимому, не все личности достигают совершенства, представленного в конструкте творческого «Я» и не все **создают** свой стиль жизни. Это не отменяет последнего понятия как **личностного способа жизни**, но показывает, что есть личности - подлинные индивидуальности, которые сами творят свою жизнь, тогда как другие живут стихийно-эмпирически, бессознательно (но и в этом смысле характеризуются определенным стилем).

Важно отметить то, чего не отметил ни Адлер, ни его аналитики, что именно личность как субъект, его «творческое Я» совмещает в себе высший уровень активности и развития, хотя лейтмотивом всей его концепции являлось доказательство всеобщей тенденции, стремления личности к совершенству. Огромным преимуществом концепции Адлера по отношению, хотя и к очень глубокой, теории Эриксона является рассмотрение личности в масштабах жизненного пути, жизни в целом, а не просто в контексте окружения, профессиональной деятельности и даже взаимодействия со все расширяющимся психосоциальным пространством.

Очень существенно, что, выбирая линию от несовершенства к совершенству как центральную «вертикаль» (в отличие от возрастной горизонтали) развития, Адлер связал эту линию с проблемой возникновения невроза как регрессивного варианта развития личности. Таким образом, концепция Адлера представляет собой третью модель личности, наряду с **исследовательской** и **диагностической**. Эта модель одновременно с выявлением идеала развития личности как субъекта является **психотерапевтической** моделью, помогающей личности преодолеть свою пассивную жизненную позицию. И если В.Н.Мясищев как психиатр обозначил проблему «нормы» и «патологии» личности, имея, разумеется, в виду не среднестатистическую норму, а психическое здоровье, то Адлер

предложил модель, включающую «вершинное» развитие человека и его невротический регресс.

В этом отношении ближе всего к теории Адлера стоит гуманистически ориентированная концепция К. Роджерса. В последней удивительным образом вскрыт основной «мотив» жизни человека: искать и переживать все, что содействует развитию личности - тенденция **самоосуществления**. Эта тенденция, согласно Роджерсу, присуща всему живому. Личность проявляет себя в активном поиске того, что поддерживает и усиливает ее сущность. Анализируя его концепцию, можно говорить скорее не об индивидуальности личности, а об ее субъективизме (в смысле феноменологии). Или, еще точнее, индивидуальность в концепции Роджерса обозначается через высший и одновременно интегральный уровень личности – **Я-концепцию**. Наряду с тенденцией самоактуализации (почти врожденной) у личности в процессе общения развивается потребность в **позитивном внимании** к себе со стороны других людей, что позволяет развивать **позитивное отношение к себе**.

Роджерс указывает одновременно на активный поиск личностью переживаний, усиливающих индивидуальность, и на ее защитные механизмы, не допускающие разрушения Я-концепции как сердцевины индивидуальности. Он вскрывает генезис возникновения угроз Я-концепции, механизмы сопротивления угрозам, а также условия, при которых Я-концепция подвергается разрушению. Защитное поведение сохраняет структуру «Я» и не позволяет личности потерять самоуважение. Можно сказать, что самоуважение является особым уровнем в соотношении индивидуальность – личность; оно связано с **ценностью для личности ее индивидуальности**.

Роджерсом разрабатывался типологический подход, хотя это не собственно типология личности, а выявление сущности и механизмов ее

разнообразных защит как своеобразных способов охраны индивидуальности, что в последующем оказало серьезное влияние на развитие психотерапии. Самым существенным в его концепции, на наш взгляд, является понятие «полноценного функционирования» или «полноценно функционирующей личности», главными характеристиками которой является не состояние удовлетворенности, довольства, счастья и не состояние адаптированности, а чувство **движения жизни** и полноты реализации своего потенциала и способностей. Полноценное функционирование личности как высший уровень ее развития раскрывается Роджерсом посредством введения следующих личностных характеристик: открытость к переживаниям, экзистенциальный образ жизни, организмическое доверие, эмпирическая свобода, креативность. В своей совокупности они образуют оптимальный способ или «тип» жизни, реализуя который личность живет осмысленно, но не в сугубо рациональном ключе, а переживая индивидуальный смысл и подлинность своей жизни.

Персонологическому раскрытию индивидуальности, несомненно, служит и теория А. Маслоу, развивающая принцип индивидуализации через категории **«индивидуального потенциала»** и **«самоактуализации личности»**. Сущность потенциала, мера его осознания личностью, объективные условия его жизненной актуализации, степень реализации личностью своего потенциала в различных сферах жизни и признание результатов самоактуализации другими людьми образуют, согласно Маслоу, картину индивидуального бытия, как оптимально функционирующей личности, так и личности, попавшей на путь не личностного роста, а регресса.

Гениальным, хотя еще не конца осмысленным, было юнгианское решение проблемы индивидуальности на основе введения принципа **индивидуации**, благодаря которой достигается единство и зрелость **«Самости»** личности. Самость в концепции К. Г. Юнга воплощает внутреннее наследование

личностью «архетипов» коллективного бессознательного, является предпосылкой ее «Я», а также результатом индивидуации, состоящей в личностном согласовании индивидуального и коллективного, сознательного и бессознательного, внешней и внутренней жизни. Механизмом индивидуации выступает развитие сознательных и внесознательных психических функций личности (ощущений, чувств, интуиции, мышления), находящихся в отношениях гармонии, взаимного дополнения, оппозиции, компенсации. Набор функций, их субъектная или объектная направленность, а также их соотношения, образуют знаменитый юнгианский типологический конструкт, указывающий на **динамическую структуру** личности и ее индивидуальную **историю функционирования**. Можно констатировать, что Юнгу удалось выявить не только логику развития индивидуальности, но одновременно раскрыть логику ее функционирования (особенно ярко выступающую при сравнении западно-европейской и восточной личности в контекстах разных культур). Представив достаточно статичную типологию, Юнг особенно ярко раскрыл функциональные механизмы индивидуализации в процессе **становления** личности.

Таким образом, мы рассматриваем, по крайней мере, три **модели личности**, касающиеся индивидуальности или обобщения множества индивидуальностей в типы: диагностическую, исследовательскую и гуманистическую. Диагностические модели (и соответствующие методики и тесты) идут от типа и его теоретически выделенных константных характеристик к индивидуальному портрету личности. Однако в нем представлены не все заранее выделенные «свойства», «черты» или «функции»; они находятся в разном сочетании (композиции, которая и образует индивидуальность личности). Однако, к сожалению, и некоторые исследовательские модели личности строятся по образцу диагностических, например, вышеупомянутая модель Б.М.Теплова и малоизвестная типология А.Адлера.

В качестве ключевого принципа исследовательской модели индивидуальности следует рассматривать функциональный принцип. При этом теоретические модели личности путем их конкретизации приведут к функциональным (в том числе типологическим) особенностям индивидуальности, а эмпирические модели, обобщая способы реализации этих особенностей, позволят раскрыть общие закономерности функционирования личности

Индивидуальность - это механизм функционирования типа личности. Типы по-своему индивидуализированы, поскольку они различны, но в них также обобщен и раскрыт личностный, индивидуальный способ жизни, существования, функционирования.

Личность как функциональная система имеет не только внутреннюю самоорганизацию, которая обеспечивается саморегуляцией, но вырабатывает свой **способ взаимодействия** с действительностью, миром, обществом, обобщенное, пролонгированное осуществление которого и представляет собой ее **жизненный путь**. Этот способ организации вбирает в себя и внутренние (мировоззренческие, ценностные, сознательные), и внешне - практические (коммуникативные, деятельные и другие) механизмы. Способ организации жизни индивидуализирован и социализирован одновременно, как и сам жизненный путь.

Основные проблемы индивидуальности: индивидуализация и типизация, индивидуализация и социализация личности - решаются в зависимости от характера модели, в контексте которой они поставлены. Еще одна существенная проблема, которую мы попутно затронули выше при анализе концепции Адлера, заключается в необходимости введения еще одного понятия – **субъекта**. На наш взгляд она необходима для раскрытия способа функционирования индивидуальности в жизненном пути, во взаимодействии с миром.

Эта категория была разработана С.Л.Рубинштейном в философско-психологическом плане, однако, вне связи с проблемой индивидуальности. Транспонируя его идеи в рассматриваемую область, можно сказать, что в соотношении с действительностью личность не просто сохраняет свою индивидуальность или утрачивает ее. Еще один способ функционирования заключается в нахождении ею наиболее **конгруэнтной связи своей индивидуальности с жизнью**. Она решает эту задачу либо путем выбора условий, сфер жизни, стилей общения, профессии, максимально соответствующих ее индивидуальности или сама создает такие условия. Кроме того, личность индивидуальным образом решает противоречия, возникающие в процессе согласования своих способностей, мотивов, ожиданий с требованиями и ожиданиями других людей, организаций, условий деятельности. На наш взгляд, эти противоречия не обязательно связаны с возрастными этапами и кризисами, выявленными Эриксоном. Они могут возникать при любых изменениях жизни, быть связанными с ее событиями или при изменениях **самой личности**, ее мотивов и установок. Способ решения этих противоречий может быть достаточно константным, повторяющимся или более разнообразным, изменчивым, но и в том, и другом случае он типичен для индивидуальности данной личности. Опыт самоорганизации личности, организации и реорганизации своих жизненных условий, событий, обстоятельств развивает особое качество индивидуальности - ее **способность жить**. Эта способность заключается в использовании **своего потенциала** (всегда особенного, неповторимого) и, согласно Роджерсу, в появлении, как неудовлетворенности, так и переживания счастья, что обобщается в чувстве **движения жизни**. Способность жить имеет особый уровень обобщенности, которым охватываются **способы построения жизненных отношений** (В.Н.Мясищев, Е.Б.Старовойтенко). В этих способах проявляется **сущность личности** именно как **индивидуальности**. Осуществляя эти обобщения, личность в той

или иной мере становится субъектом своей жизни. Причем мера ее становления субъектом и является критерием ее совершенствования как индивидуальности.

Так, на наш взгляд, может быть решена проблема трактовки индивидуальности, с одной стороны, как интеграла **любой** личности и, с другой стороны, как **высшего уровня** развития личности. Это двустороннее понимание обеспечивается введением категорий субъекта жизни, личности как субъекта сознания и действия (поступков), субъекта жизненных отношений. **Мера** становления таким субъектом, построения своей жизни в соответствии со своей индивидуальностью и раскрывает **степень совершенства** личности как индивидуальности.

2. Интегральная концепция индивидуальности.

Предлагаемая нами концепция индивидуальности обобщает ее существующие исследования и намечает перспективу ее изучения по следующим содержательным параметрам:

1. происхождение индивидуальности;
2. становление индивидуальности;
3. критерии определения индивидуальности;
4. структурные и функциональные уровни организации индивидуальности;
5. соотношение понятия «индивидуальность» с понятиями «индивид», «личность», «субъект», «другие субъекты»;
6. индивидуальность личности как субъекта жизни;
7. индивидуальность в обществе: индивидуализация и индивидуализм

Словосочетанием «интегральная концепция» мы хотели бы отметить, что, не претендуя на авторство в создании новой концепции индивидуальности, мы ставим своей целью интегрировать (на основе интерпретации с авторских позиций) все конструктивные положения, существующие в

каждом из направлений разработки проблемы индивидуальности и, главное, предложить методолого-теоретический конструкт, позволяющий на данном этапе развития психологии преодолеть их разноплановость и разобщенность в той мере, которая достижима на основе современного этапа познания личности.

Проблема **происхождения и становления** индивидуальности разработана в генетических исследованиях психологов, с одной стороны, и концепции «индивидуации» К.Юнга - с другой. Индивидуальность образуется путем **случайного** наследования качеств организма, нервной системы и личностно-психологических особенностей непосредственных родителей и родителей предшествующего поколения. Данные исследований, проведенных близнецовым методом, показывают, что каждым из близнецов наследуются разные качества отца, матери и их родителей, которые, соединяясь с их собственными врожденными свойствами, образуют неповторимую индивидуальную композицию. Хотя развитие ребенка чисто внешне идет дифференцированным путем - гетерогенности этапов появления речи, интеллектуальных функций, движений и т.д., его личность обладает своеобразным «синкретизмом», представляющим собой **первый интеграл** наследуемых и врожденных (т.е. собственно данной личности присущих) качеств. Он и репрезентирован в том, что Юнг обозначил как «самость». Самость есть «концентрат» организменных, нервных, психических или личностных составляющих. Но самость оставалась бы «вещью в себе», если бы не три кардинальных отношения, благодаря которым она проявляется, «субстанционализируется». Это ее «прорастание» из архетипов, их коллективного бессознательного начала, с одной стороны, выделение и дифференциация от «материнского» начала - с другой и «встреча» с действительностью - с третьей. Эти три отношения дают ребенку первичное **переживание** своего «Я», т.е. своей самости. Затем происходит процесс становления, развития

ребенка, который К. Юнг не случайно назвал «индивидуацией». Этот процесс носит **стихийный**, неупорядоченный характер, в силу чего он не может получить объяснения с позиций детерминизма. Одновременно этому процессу присуща активность, направленность, которую А. Маслоу назвал самоактуализацией. Кроме «движущих сил», состоящих в развитии организменных, нервных и психических качеств, особая «движущая сила» присуща индивидуальности, самости личности. Мы высказываем гипотезу, что, чем выше **интегрированность первичной** индивидуальности, чем органичнее сочетание ее составляющих, тем выше «движущие силы», тем интенсивнее развитие ребенка, тем выше и эффективнее его активность. Активность непосредственно связана с «успешностью» и темпами развития.

Однако следующим этапом становления индивидуальности и основным критерием ее сущности является находимый личностью в своем развитии и «пробах» активности **способ самовыражения**.

Психология практически прошла мимо категории «выражения», абсолютизовав отражательную особенность психики (кроме частной проблемы выразительности мимики и речи). Исключение составляет труд П.М.Якобсона, в котором он, употребляя понятие «выражение», разделяет выражение чувств в словах и поступках и «выразительность» (или экспрессию) как интонацию голоса, мимику, походку и т.д. Он высказывает очень важное соображение об исторических особенностях способов выражения чувств.

Между тем личность выражает себя и выражает определенным способом. Только выражение сильных эмоций гнева, агрессии носит непосредственный характер. Выражая свой внутренний мир, человек допускает ту или иную меру открытия своего «Я», доверия или доверчивости, и, главное, он, в способе самовыражения и особенно своего отношения, учитывает другого субъекта, логику обстоятельств,

действительности. Две основных составляющих первичной индивидуальности - это **переживание «Я» и самовыражение**. Оба эти направления ее функционирования экзистенциальны. Чем выше уровень экзистенциальности индивидуальности - внутренней (переживания самости) и внешней (самовыражения), тем большую яркость, самобытность изначально имеет индивидуальность.

На стадии экзистенциальности личностное «Я» проявляется бессознательно. И чем оно свободнее и активнее проявляется, тем выше уровень самоидентичности. Здесь еще нет механизма обратной связи, который появляется лишь на стадии развития более высоких уровней сознания (неосознаваемого и собственно сознания), обслуживаемых единством эмоционально-интеллектуально-мотивационных механизмов.

Самовыражение есть презентация своей личности индивидуальным образом в дифференцированном и недифференцированном жизненном пространстве ребенка. Однако даже экзистенциальность его способа связи с миром дает ему впечатление об адекватности - неадекватности этого самовыражения. Он получает (или не получает) из действительности «поддержку» своей личности. На стадии дифференциации развития, его многонаправленности эта поддержка служит «ресурсом» самоидентичности и позволяет адекватно **интегрировать** формы своей активности.

Между первым и следующим - вторым этапом, существует переходный период, во время которого личность находится в системе отношений или их более-менее самостоятельно строит. Эти отношения представляют собой непосредственно ее **собственное интерактивное пространство**, охватывающее не только межличностное взаимодействие (Д.И.Фельдштейн). Как упоминалось, согласно концепции В.Н.Мясищева, каждое из отношений личности имеет двоякую модальность: положительную или отрицательную, активную или пассивную. И это не только отношения к деятельности, познанию, общению, социуму и т.д.

Этими отношениями (с родителями, братьями-сестрами, старшими в семье, сверстниками, друзьями и т.д.) определяется зависимое, подчиненное, ограниченное в смысле активности или самостоятельное положение личности, соотношение для нее необходимости и свободы, инициативы и ответственности, возможность творческого или исполнительского самовыражения, мера вовлеченности в те или иные отношения и т.д. Складывается та или иная индивидуальная композиция отношений и более сложное или простое соединение интересов, чувств и способов деятельности, поведения и поступков. Эти отношения образуют **индивидуальную** систему или оказываются бессистемными, от чего зависит судьба идентичности личности в целом. Если в определенных отношениях она самовыражается индивидуально и свободно, то через них обретает самое себя. Если в других отношениях ее самовыражение ограничено, скованно, поверхностно, неадекватно, или она отдает предпочтение одним отношениям в ущерб другим, ее **самочувствие** оказывается сложным и противоречивым в ущерб ее многосторонности и самости. Это самочувствие становится первой **интерактивной** основой самосознания.

Интегративность индивидуальности - основа первичного **смыслообразования**, предшествующего или развивающегося параллельно с образным мышлением, восприятием, мотивацией. Система смыслов является первой «почвой» **самосознания**. Нераскрытость в психологии понятия «смысл» связана именно с недостаточной проработанностью проблемы индивидуальности. Смысл – это моя отнесенность именно к «моей» индивидуальности. Смысл существует только для меня, и, напротив, именно «я» не вижу в чем-либо смысла. Чем интегрированнее и идентичнее индивидуальность, тем более ясным, определенным является смысл. Система смыслов интегрируется с

мотивацией: то, что имеет смысл, порождает мотив личного «отклика» в форме переживания, действия, высказывания.

Итак, **первыми** проявлениями в развитии сущности индивидуальности являются: 1) отмеченная многими психологами врожденная интегративная функция; 2) реже выделяемая идентичность личности самой себе, т.е. пролонгированность воспроизведения во времени ее «Я»; 3) самовыражение, т.е. репрезентация личности вовне, в межличностном пространстве, в ее индивидуальной определенности.

Вторым этапом становления и проявления индивидуальности является **объективация** (по выражению Д.Н.Узнадзе) или **самореализация** личности в деятельности, общении, жизни. Условием самореализации является сформировавшееся сознание, самосознание, характер, притязания и другие личностные качества и способности, совокупность которых позволяет ей представлять себе: кто я, на что способен, чего хочу, чего жду от жизни, на что могу рассчитывать.

Уточнить природу и сущность активности на новом этапе развития индивидуальности нам позволило обращение к определению личности, данному С.Л.Рубинштейном еще в конце тридцатых - начале сороковых годов в «Основах общей психологии». Он определил личность как **триединство** ее потребностей, мотивов, направленности - «хочу»; способностей, возможностей - «могу» и характера - «что есть я сам, каков я». Однако долгие годы и после появления этой формулы способности, потребности и характер рассматривались изолированно как разные сферы личности.

Мы попытались переформулировать это определение следующим образом. Личность есть **способ связи** способностей и потребностей, отвечающей ее характеру. При интеграции этих «составляющих» сама личность выступает как субъект использования своих способностей для удовлетворения своих потребностей. Однако это определение личности

должно быть конкретизировано по отношению к развитию ее индивидуальности. На втором этапе этого развития первоначально разделены представления о себе и характер личности. Представление - образ «Я» сосуществует и развивается параллельно, но часто и независимо, от характера. Характер, как мы отмечали выше, в психологии фактически сводился к личности (или, наоборот) и получал лишь описательные определения. Для квалификации характера как составляющей сущность индивидуальности личности необходимо соотнести два основных определения характера, существующих в отечественной психологии. С.Л.Рубинштейн определяет характер как обобщение способов действий, поступков личности (мы бы сказали, способов ее самовыражения). Несомненно, предполагается, что основой или составляющей этих способов самовыражения является темперамент - природная психофизиологическая организация индивида.

Б.Г.Ананьев раскрывает сущность характера через противоречивое соотношение желаний и воли, притязаний и возможностей, потребностей и способностей, намерений и поступков. В этом определении существенно, во-первых, указание на **противоречивость** соотношения «личностных составляющих», и, во-вторых, на то, что характер не рядоположен им, а представляет собой включающую эти составляющие динамическую систему. Исходя из этого, можно считать, что целостность, интегративность личности, важность которой, по словам Б.Г.Ананьева, выявил С.Л.Рубинштейн, не является данностью, а представляет собой своеобразное **достижение** личности. Это понимание характера вскрывает **внутренние механизмы его функционирования** и, главное, представляет собой его собственно индивидуализированное объяснение. Ведь у каждого человека могут возникать **различного** рода противоречия между **разными** составляющими, что и образует индивидуальность личности.

Рубинштейновское определение характера как обобщения психических процессов и деятельностей скорее вскрывает механизм его происхождения, тогда как ананьевское определение - его функциональные особенности. В свою очередь, определение характера как функциональной системы позволяет понять его индивидуализированность, т.е. различие свойственных личности противоречий и способов их разрешения **каждой** личностью. Широко распространенное в отечественной психологии определение личности как устойчивого психического **склада**, напротив, минимизирует функциональные особенности и личности, и ее характера, поскольку акцент ставится на статику, устойчивость.

Почти забытая концепция Левитова раскрывала гораздо более сложную и функциональную сущность психического склада личности, что позволяло учесть и его **индивидуализированность**. Так, в характеристику направленности как принципиального проективного механизма личности он включал осмысленность, рассудочность, эмоциональные проявления, волевую устремленность, даже энтузиазм. Отмечая **силу** направленности, он подчеркивал ее глубину, устойчивость и, одновременно, гибкость, определенность, целостность, тем самым максимально выявляя многообразие индивидуализированных механизмов функционирования психического склада человека.

Возвращаясь к вышеприведенной рубинштейновской формуле личности как единства ее способностей, потребностей и характера, и нашему ее переосмыслению, можно отметить, что, во-первых, личность **сама** соединяет свои способности и потребности в соответствии со своим характером, а не они соединены в ней. Во-вторых, в определенных пределах она становится **самодостаточной** в смысле удовлетворения своих желаний своими собственными силами, способностями. В-третьих, своеобразной жизненной задачей оказывается для личности вопрос, какими способами интегрировать свои потребности и способности. Иными словами, личность

является интегративной системой не по определению, а осуществляет интеграцию индивидуальным способом в процессе своего функционирования. Способ интеграции типичен, согласно Рубинштейну, для характера данной личности, и в то же время в каждой новой жизненной ситуации, на каждом новом этапе он является **искомым**, а не автоматически определяется характером.

Однако, как было сказано, на этапе самореализации личности как индивидуальности между ее сознанием и характером еще нет полного соответствия. Установление этой связи личностью рациональным образом требует того, чтобы характер, способности и потребности интегрировались в представлении о **своем «Я»**, то есть, в сознании.

На разных уровнях развития сознания между ними могут возникать самые разнообразные соотношения. Это и составляет проблему индивидуальной самоорганизации личности: действовать ли ей на основе своих потребностей или присущим ее характеру способом? Связь способностей и потребностей, то есть, использование первых для удовлетворения вторых, также не может осуществляться без участия сознания.

Представление о «Я» формируется в самосознании, опосредованно дающем личности данные о ее способностях (и ограничениях), потребностях (и их масштабах) и характере. Но, поскольку самосознание является механизмом сознания, а последнее дает личности «сведения» о действительности на основе взаимодействия и обратной связи, о своей самореализации, о способе самовыражения, о «выражении» идеальных личностных проекций, то оно и осуществляет согласование личностных интенций с действительностью и с обобщенным представлением о своем «Я». Наиболее конкретно этот интеграл воплощается в **притязаниях** личности, которые «выпали» из поля зрения отечественных психологов. (Исключение составляет небольшая

аналитическая работа Б.В.Зейгарник, отметившей значение диады «притязания-достижения» в работах К.Левина и Р. Хоппе).

В притязаниях личности воплощен идеальный индивидуальный интеграл ее потребностей (а не только частных мотивов), ее проекций (предположений), способов их реализации и столь же идеального предвосхищения возможности достижений (успех- -неуспех), а также критерии удовлетворительности возможных достижений и по субъективному (соответственно притязаниям) и по объективному основанию. В притязаниях уже выражена проекция (предрасположенность, предуготовленность и ожидание) **способа** реализующей активности и характера удовлетворенности: 1.опора на свои силы, самоорганизацию, саморегуляцию, самостоятельность; 2. надежда на помощь, поддержку, одобрение других людей; 3. установка на использование других людей (достижения силами других) и т.д. Удовлетворенность имеет обратную связь, подтверждающую (или корректирующую) притязания, а также воздействует на потребность личности в том или ином способе отношений с другими.

В исследованиях Н.Е.Харламенковой было показано, как представления личности о себе влияют на ее отношения с окружающими:

1. Завышенные притязания связаны с отрицанием, критикой, стремлением к власти, агрессией;
2. Адекватные представления о себе ведут к позитивной интеракции (сотрудничеству, помощи другим);
3. Заниженные притязания располагают к конформизму.

На уровне (этапе) самореализации характер «дает себя знать», проявляясь в способе саморегуляции, которая, в свою очередь, оказывается соответствующей притязаниям или далеко не обеспечивающей их реализацию. Интеграл притязаний, саморегуляции и удовлетворенности (СУП), мы назвали «семантическим», поскольку он носит **ценностный**

характер. В нем воплощается личностная самооценочность (представления о своем «Я» и самооценка), способ ее реализации в жизненном пространстве («чего я стою», «на что способен», «чего заслуживаю» и т.д.), удовлетворенность личности на основе обратной связи, подтверждающей – не подтверждающей ее притязания и выявляющей «цену» затраченных усилий («это не стоило таких усилий», «ради этого можно было сделать все»). Этот ценностный интеграл **активности** личности и есть **интегральная индивидуальность личности**.

Основным выводом нашего анализа является то, что индивидуальность обеспечивается ценностно-смысловыми механизмами, а не только детерминистическими, которые действуют применительно к личности. В этом и состоит **различие** и одновременно **единство** личности и ее индивидуальности.

Активность личности представляет собой самоорганизацию, осуществляемую не отдельно от организации деятельности, общения и жизни в целом, а самоорганизацию в процессе самореализации во времени и пространстве жизни. Именно поэтому, как мы отмечали, определение личности отвечает не на вопрос **кто**, а на вопрос **как**. Активность осуществляется механизмом, соотносящим личностные возможности (ограничения) с объективным способом их реализации.

Наконец, **третьей** стадией развития, реализации и уровнем нашего анализа индивидуальности личности по отношению к самовыражению и самореализации является **самоутверждение**. Самореализация по своей сущности скорее соответствует тому, что Рубинштейн обозначил как проявление и развитие личности в деятельности, а Узнадзе - как ее объективацию. Но по существу личность не только реализует себя в данных формах жизни, она строит свою собственную жизнь. Это соответствует распространенным в зарубежной психологии следующим ее определениям: личность есть то, что ей удалось **сделать из себя** при данных условиях

жизни и одновременно это есть ее жизнь, которую она **смогла** прожить при данных ей личностных возможностях и данных условиях (В.В.Давыдов обозначил это своеобразным понятием: личностью надо «выделяться»). Согласно нашему определению, опирающемуся на идеи С.Л.Рубинштейна, жизнь личности есть то, чего ей удалось достичь при данной совокупности внешних и внутренних условий. Это определение личности и соответствует понятию самоутверждения. (Последнее часто употребляется в совсем узком и негативном значении - самоутверждение как прочная социальная позиция в условиях конкуренции).

Самоутверждение есть личностное **положение** в этом мире, обеспеченное или необеспеченное личностно - психологически, профессионально и т.д., положение **состоявшейся** личности. Оно редко (или достаточно сложно) представлено в сознании личности чисто понятийно. Но, тем не менее, оно представлено в сознании личности специфическим образованием или механизмом - «Я-концепцией». Последняя обеспечивает уровень и процесс самореализации личности. Среди множества определений «Я-концепции» лидируют те, в которых представление о «Я» складывается из множества образов «Я», прежде всего в глазах окружающих или связанных с разными жизненными ролями личности («Я» - профессионала, «Я» - отца, матери и т.д.). Эти определения справедливы, но, на наш взгляд, недостаточны.

Представляется, что только Э.Фромм нашел ценностно-семантическое, возможно, еще ограниченное, но более глубокое определение способа самоутверждения в смысложизненном ключе, которое и позволяет нам продвинуться в раскрытии сущности «Я-концепции». Он охарактеризовал только два типа самоутверждения - «быть» или «иметь». Это обобщенные психосоциальные характеристики способов жизни личности, живущих в современном обществе. «Быть» - это творчески самоутверждаться, создавая новое, как в деятельности, так и

в человеческих отношениях, во времени и пространстве жизни, и тем самым совершенствовать свою личность. «Быть» - значит жить **подлинной жизнью**, преодолевая общественное отчуждение, решая противоречия жизни. «Быть» - значит суметь **остаться собой** или сотворить себя соответственно своему идеалу, вопреки неприятию других, трудностям, испытаниям.

«Иметь» - способ самоутверждения, соответствующий отчужденному обществу. «Иметь» - это потребительский принцип жизни в широком смысле слова: иметь благо, социальный статус, власть, используя других людей в качестве средств личных достижений. Обратным эффектом этого способа является (по Фромму) деформация и дезинтеграция самой личности (ее вечная погоня за новыми достижениями, агрессия, недоверие в адрес других и, главное, неспособность к переживанию удовлетворенности). Результатом этого способа самоутверждения является отчуждение «Я», неадекватное представление о своей самостоятельности, независимости, попадание «Я» во власть ненасыщаемых потребностей.

Почему способ самоутверждения определяется «Я-концепцией»? Во-первых, потому что она и есть ядро индивидуальности, а самоутверждение - объективация не просто личности, а именно ее индивидуальности. Во-вторых, потому, что в ней обобщаются по нравственно-ценностным, социально-этическим параметрам основные **жизненные отношения** личности. В этих обобщениях проявляется жизненное мировоззрение личности, однако, оценивающее не саму по себе действительность, а **себя** в действительности, **свой** способ жизни, то, что и ради чего удалось - не удалось достичь в жизни. «Я-концепция» - смысложизненный механизм, соответствующий уровню «проприума» (по Г.Олпорту) и Эго-идентичности (по Э.Эриксону).

Каждой личности «удается» или «приходится», или «остается» прожить при данной совокупности внешних и внутренних условий **свою** жизнь.

Одни, как известно, сегодня только выживают, существуют, другие, осуществляя свои цели, самоутверждаются, третьи - приносят себя в жертву обстоятельствам, четвертые - процветают. Однако наша направленность на проблему индивидуальности требует не только психосоциальной характеристики личностного способа самоутверждения, но его представленности в «Я-концепции». По-видимому, тезис Олпорта об идеале личности, согласно которому она должна представлять себя соответственно тому, кем она является реально, достаточно ограничен и предельно абстрактен, не психологичен. Дело в том, что одна личность в своей «Я – концепции» и трактовке своей позиции в жизни вполне удовлетворена своей ролью «жертвы» (служения другому, другим, обществу), своей подчиненности («мне вполне достаточно этой роли»), другая - внутренне сжигается «больным» самолюбием, жаждой славы и переживанием непризнанности (при объективном наличии способностей, таланта, характера, силы воли), третья удовлетворена тем или иным своим успехом (эксплуатируя единственную свою способность), четвертая, исходно скептически или даже цинично настроена, либо ограничивается пассивным существованием («что-либо предпринимать бесполезно»), либо, как подметил Адлер, ставит своей жизненной целью нанесение вреда другим, в отместку обществу за свою непризнанность.

«Я-концепция» проявляется в жизненных формулах: «в жизни я всего достиг своими силами», «я выжал из жизни все, что мог», «в жизни меня спасла осторожность» и т.д. «Я-концепция» имманентно включает **внутренний мир** личности и сама является этим миром. Во внутреннем мире ценности и смысл жизни неотрывны от переживаний, которые Рубинштейн назвал «мировоззренческими чувствами». Последние выражают смысловые интегралы личности, например, переживание жизни как «оптимистической трагедии». Внутренний мир глубоко индивидуализирован. Он эмоционален или рационален, реалистичен или

утопичен. Он ориентирован на жизнь и на **саму личность**. Он глубок или поверхностен. Мировоззренческие чувства - гнев, радость, печаль, юмор, ирония - выступают как обобщение личностью своей жизни и образуют индивидуализированную композицию. На основе этой композиции, в свою очередь, выделяется ведущая жизненная тенденция - эмоциональная, рациональная, рефлексивная и т.д. Возможно, составляющей внутреннего мира, внутренней жизни личности является жизненная философия, которую Олпорт считает достижением зрелой личности. Эта способность, по его мнению, основана на осознанном, систематическом и последовательном выделении наиболее значимого в собственной жизни. Жизненная философия непосредственно связана с основными жизненными ценностями. Однако такие ценностные ориентации как религиозная, социально-политическая и им подобные не способствуют индивидуальному философскому осмыслению жизни, так как они сильно регламентируют, стандартизируют и ограничивают жизнь человека, подчиняя его определенным нормам. Философское же осмысление жизни предполагает, по мнению Рубинштейна, способность абстрагироваться от «мелочности жизни, ее суеты». Мы полагаем, что это не пустые, а содержательные абстракции, связанные с мировоззренческими чувствами личности, ее глубочайшим переживанием жизни, раскрывающим смысл **конкретного пережитого**. Конкретизирующие абстракции глубоко индивидуальны, именно поэтому философия жизни - это **обобщение своей жизни данной личностью**.

Акцентируя жизненную роль чувства юмора, Рубинштейн останавливается на различных его формах. Ирония и скепсис связаны с критически- негативной ориентацией личности. Добрый же юмор - это «улыбка сильного над слабостями любимого человека». На наш взгляд, юмор можно связать с присущим некоторым личностям оптимизмом - чувством, которое является своеобразным личностным ресурсом,

дающим ей уверенность, широту и душевное великодушие, что и позволяет ей шутить и смеяться. Измученный жизнью, живущий на **пределе** своих сил человек, не способен к широкому и спокойному взгляду на жизнь, «ему не до смеха».

Л.Толстой писал, что «жизнь **тем более** жизнь, чем она жизнь **внутренняя**». Здесь вскрывается более принципиальная связь: не представления о себе, а внутреннего мира, внутренней жизни личности, с ее реальной жизнью. Однако, по-видимому, связь, отмеченная Толстым, присуща только личности, ставшей **субъектом своей жизни**. В качестве субъекта жизни личность использует свои возможности, начиная от психических, включая собственно личностные, профессиональные, культурные, для осуществления своей жизни способом, соответствующим своей **индивидуальности**. В такой же мере произвольно или непроизвольно она реализует в жизни богатство своего внутреннего мира, одновременно бережно охраняя его от внешнего вмешательства. Что же означает «тем более жизнь» в понимании Толстого? Как жизнь может быть «более» или «менее» жизнью? Мы привыкли рассматривать жизнь как данность или, в лучшем случае, как соотношение наших усилий с объективными обстоятельствами. В немецкой культуре распространено понятие «качество жизни», обозначающее обеспеченность основных человеческих потребностей - благосостояние, комфорт, безопасность и т.д. Более распространено широкое международное понятие «жизненного уровня», которое отвечает спектру социальных критериев: материальная обеспеченность, охрана здоровья, экология среды, информационная, технологическая и др. насыщенность жизни. Однако для психологии уровень жизни определяется **способностью субъекта к ее организации**, что предполагает ее личностное обеспечение и соответствие общечеловеческим ценностям - этическим, духовным, культурным. Самоутверждение личности - это осуществление жизни в качестве ее субъекта, соответственно,

достижение личностью высшего уровня жизни и своего развития как индивидуальности.

3. Индивидуальность личности как субъекта жизни.

В персонологических концепциях представлены, на первый взгляд, сходные определения самоактуализирующейся, зрелой, автономной, достигающей Эго-идентичности личности. Эти определения очень глубоки: расширение чувства «Я», теплота в отношении к людям, терпимость к их различиям, принятие себя, реалистичность восприятия и эмоциональная незабоченность, автономия как независимость от мнения окружающих и вместе с тем - отсутствие эгоизма, сотрудничество с людьми, забота о них и, наконец, личное мужество. Все эти характеристики зрелой личности при всей своей глубине, яркости и многогранности не охватывают ее качества субъекта своей жизни. Первоначально Рубинштейн определяет субъекта как способного изменять, «поворачивать» ход своей жизни, позднее - изменять в ней «расстановку сил». Развивая эту идею, можно сказать, что личность становится организатором своей жизни, координатором ее событий, строителем жизненных отношений, определенным образом ее переживающим и разрешающим ее противоречия. В качестве ведущих характеристик субъекта жизни выступают: 1. способность к организации и определению **направления** жизни; 2. выработка **способа разрешения** ее противоречий; 3. достижение **высшего уровня** жизни и развития самой личности.

Приведенное выше универсальное определение зрелой личности парадоксальным образом представляет всех достигших совершенства людей похожими друг на друга. Определение же личности в качестве субъекта жизни индивидуализировано. В частности, способ решения противоречий как критерий субъекта не всегда отвечает абсолютно рациональному, конструктивному, и, тем более, одинаковому для всех

критерию. Иногда он оказывается интуитивным, иногда - эмоциональным, иногда - рефлексивным и т.д.

Однако более высокого уровня обобщения в трактовке личности как индивидуальности, взятой в измерении субъекта жизни, мы достигаем, когда раскрываем **отношение личности к своей индивидуальности**. Несомненно, оно имманентно заложено в «Я-концепции». Оно проявляется в мере осознания и способе использования своих способностей. В отношении их использования личность может вступить на путь их чистой эксплуатации, скажем, в творческой профессиональной деятельности, ориентируясь в своей мотивации на достижимый с их помощью успех, или выбрать стратегию профессионального совершенствования, путь трудоемкий и лишенный сиюминутного успеха, но в конечном итоге дающий иной, чем успех, источник удовлетворенности, определенную независимость от капризов профессиональной славы.

Основным в жизни является противоречие между индивидуальностью личности (в широком смысле слова) - ее притязаниями, возможностями, ограничениями - и теми достаточно стандартизированными условиями и нормативными требованиями, которые предъявляет общество к **любой** личности.

При разрешении глобального противоречия между собственной жизнью и обществом, если оно не удовлетворяет индивидуальным ценностям, потребностям, притязаниям разные личности обнаруживают **три способа** отношения к своей индивидуальности. Первый – способ ее сохранения при всех условиях; второй – способ отказа от нее и замещения адаптацией к социуму, стандартизацией, конформизмом; третий - способ нахождения «разумного» компромисса между своими индивидуальными особенностями и стандартными требованиями общества. Каждый из перечисленных способов, в свою очередь, предполагает несколько типов решений

задачи **«индивидуализации-социализации»**. Важно подчеркнуть при этом, что каждый тип представляет собой определенный **механизм** соединения, соотношения или противопоставления индивидуального и социального (универсального, нормативного), причем сам тип образуется в результате функционирования индивидуальности в типичных социальных условиях.

Э.Эриксон, проследив все этапы индивидуализации - социализации, начиная с раннего детства, выделил лишь два типологических «исхода» - позитивный для Эго-идентичности и дальнейшего личностного роста и негативный. Однако, при всей психологической достоверности и глубине его анализа, он не выявил возможностей расширения индивидуальности при позитивном исходе и ее ограничения - при негативном. Таким образом, задача «индивидуализации - социализации» не получает индивидуально конкретных способов своего решения. Соотношение индивидуальность – общество выглядит несколько абстрактно, поскольку реально у разных личностей в разной мере выражена индивидуальность, а социальная детерминация в конкретике жизни проявляется очень разнообразно - в одних случаях позитивно, в других - негативно, в одних - в качестве условий, в других - требований и т.д.

Социальные детерминанты удастся выявить или на основе психосоциальных исследований, или на основе философского осмысления. Примером последнего является модель личности, ее «удела» в обществе отчуждения, предложенная экзистенциализмом - направлением философской антропологии, возникшем ранее всего в России (Шестов, Бердяев), до первой мировой войны, в Германии (Ясперс, Хайдеггер), после первой мировой войны, во Франции (Сартр, Марсель и др.). Эта модель очень интересна, поскольку личность наделяется самыми высокими человеческими качествами - ответственностью за свою жизнь, интенциональным сознанием, способностью восприятия и чувства,

потребностью в психологически, эмоционально напряженной жизни, возможностью выбора и свободы как верности себе. Однако эта личность оказалась буквально зацементирована в своем одиночестве, в своем индивидуальном бытии, будучи «брошена» в мир отчужденных отношений, не будучи в силах прорваться даже к другому человеку, который предстал для нее просто как безличный «другой». Будучи внутренне свободна, она оказывается страдающей, преисполненной чувства протеста и горя, сознания хрупкости и незащищенности своей любви, лишенной веры в будущее. Ее жизнь оказывается неподлинной. Из этого, очевидно, что нельзя охарактеризовать качество личности как субъекта «в себе» вне анализа его взаимосвязей и взаимоотношений с миром, т.е. вне психосоциального контекста.

Последний дает возможность реализовать **принцип индивидуализации** на самом высоком уровне при сравнении личностных механизмов, сложившихся в способах жизни людей, живущих в разных обществах. Естественно, что есть универсальные тенденции развития цивилизации в целом - отчуждение было присуще не только капиталистическому, но и бывшему социалистическому обществу, и проникло оно не только в межличностные отношения, но и в сферу экзистенциальности личности: произошло ее отчуждение от природы, включая ее собственную, от культуры, например, эстетических переживаний и т.д. Отчужденными являются и современные общественные отношения в России. Однако кросс-культурные исследования дают возможность вскрыть и различия личностей в обществах с индивидуалистическим способом жизни – с одной стороны, и общинным, соборным, коллективистским – с другой. В последних, например, Японии и Китае, распространен восточный тип личности, который обладает коллективным архетипом в буквальном смысле слова, и активной включенностью в различные общности (семьи,

организации, страны) как необходимыми характеристиками способа жизни и ментальности.

Кросс-культурное сравнение дает возможность конкретизировать собственно социальные понятия индивидуализма - коллективизма, поскольку последние являются типичными для того или иного общества. Однако индивидуализм может быть способом жизни не только в социальном, но, как известно, и в этическом отношении. Здесь проявляется не глобальное отношение личность - общество, но отношения личность - личность, личность - референтная группа, личность - групповые, общественные ценности. Эгоизм, авторитаризм и т.д. выступают проявлением индивидуализма личности, противоположностью которого является способность к сотрудничеству, разделенной ответственности, взаимопомощи, в целом - просоциальному поведению, способствующему индивидуализации.

Однако самая большая сложность этой проблемы заключается, во-первых, в том, что не все люди и не постоянно на протяжении всей жизни выбирают индивидуализм (или сотрудничество) как стиль или образ своей жизни. Во-вторых, в том, **как** поступать в каждом конкретном случае: руководствуясь личными или, скажем, семейными, интересами, личность **решает** каждый раз заново. Эти два обстоятельства и придают ее жизни характер проблемы, требующей решения, а личности - качество и способности субъекта. Это качество наиболее определенно реализуется в **стратегии жизни.**

Стратегия жизни в самом широком понимании - это реализуемая в различных жизненных условиях и обстоятельствах способность личности **динамично соединять свою индивидуальность с ходом жизни,** способность к построению, воспроизводству и развитию жизни. Понятие же стиля, так же, как и образа жизни, раскрывает индивидуальную **определенность** и стабильность способа жизни на протяжении времени всей

жизни. Как очевидно из самого понятия, стратегия предполагает рациональный, а не эмпирический, способ организации жизни.

Другое значение понятия «стратегия» раскрывает особую, отвечающую неким принципам, но **гибкую** организацию (чего-либо) в соответствии не только со своей позицией, но и позицией партнеров, а также с изменяющимися обстоятельствами. Понятие стратегии в военной сфере означает постоянно изменяющуюся комбинацию расстановки сил на «театре» военных действий, выбор наиболее оптимальных решений, диспозиций, операций для поражения противника. Понятие стратегии отличается от понятия тактики, которая обозначает ситуативную, краткосрочную, приспособляющуюся к конкретным обстоятельствам комбинацию действий, расстановку людей и т.д. Действовать стратегически можно, лишь стратегически мысля, то есть, вырабатывая особые меняющиеся концепции, модели, отвечающие логике, которая опережает события, ситуации, встречные действия и противодействия.

Относительно жизни человека можно говорить о стратегии как о «генеральной линии», способе ее осуществления, ее сущности, во-первых. Во-вторых, употребление этого понятия предполагает субъекта, вырабатывающего свою **индивидуальную стратегию**. В-третьих, это понятие означает не эмпиричность, не стихийность, а максимальную конструктивность, оптимальность для данной индивидуальности осуществляемой ею **линии** жизни. Наконец, стратегия - это реализация совокупности основных жизненных ценностей и принципов личности, которые, естественно, различны у разных людей. Необходимость стратегии связана с процессом **взаимодействия** личности с изменяющимися и часто противоречащими ее планам и целям условиями, людьми. Стратегия - это активность по отношению к препятствующим субъекту обстоятельствам жизни и **способ разрешения** различного рода противоречий.

Стратегии жизни могут дифференцироваться по разным основаниям и, например, по времени подразделяются на **опережающую и запаздывающую**. Хотя на первый взгляд стратегия может быть только опережающей, однако в жизни фактор внезапности событий может «ломать» составленный план и предполагать несколько вариантов его изменений. Можно выделить особую стратегию **своевременности**. Суть ее в том, что активность и соответствующие действия нужно предпринять в момент «пика» развертывающихся событий. Раньше или позже даже более высокий уровень активности бесполезен.

Стратегии делятся также на **активные и пассивные**, хотя, по Рубинштейну, стратегия может быть только активной. Но для того, чтобы глубже проанализировать некоторые пассивные способы жизни, носящие принципиальный последовательно реализуемый характер, мы и их ранее обозначили как стратегии. К их числу может быть отнесена стратегия «уходов», которая представляет собой достаточно активное и сознательное **избегание** существенных для личности противоречий. Уходы, как отмечалось, очень разнообразны по своей жизненной фактуре: уход в другую семью, в себя, в болезнь. И это не эмпирическое, ситуативное, а характерное для данной личности избегание трудностей жизни. К ней близка **маргинальная** стратегия, предполагающая не уход, а **смену** личностью семьи, работы, друзей и т.д., когда противоречия в одной из этих сфер ее жизни приближаются к своему апогею, и пока возросший уровень противоречий не достиг уровня, близкого к невыносимому. Третьим вариантом пассивной стратегии является нахождение личностью такой «социальной **ниши**, которая достаточно адекватна для самореализации личности и, в отличие от предыдущего варианта, служит ей своеобразным убежищем от временных трудностей и жизненных противоречий.

Третье основание различия стратегий предполагает их разделение по признакам **расширения и сужения** жизненного пространства. Первая

предполагает богатство и разнообразие жизненных сфер, в которых наиболее полно проявляет себя и самореализуется личность. Вторая является образцом ханжеской стратегии следования долгу, принципам самоунижения, лишения своей жизни полноты. Можно выделить также сложную стратегию «сужения, ведущего к расширению».

В дневниках Рубинштейна раскрывается сущность жизненной стратегии, реализующей принцип **«совладания»** с трудными, уничтожающими все дорогое и ценное для личности условиями: «уступая, не отступал». Одним из этапов реализации такой стратегии был уход с преподавательской деятельности на кафедре философии Одесского университета, где он подвергся критике за углубленное преподавание философии и слишком смелое развитие теории относительности А.Эйнштейна, на пост директора Одесской публичной библиотеки. С.Л.Рубинштейн не проиграл, а выиграл эту кампанию, т.к. библиотека стала для него своеобразной Академией, в стенах которой он познакомился со всем состоянием современной мировой психологической науки, имея свободное время, написал свой эпохальный труд, и, уйдя из философии, стал создателем новой системы психологической науки на философско-методологической основе. Благодаря такой стратегии, его жизнь, по его словам, будучи «оптимистической трагедией», всегда «шла на расширение и по восходящей».

Варианты, близкие к описанной С.Л.Рубинштейном стратегии, реализовали такие личности как А.Ф.Лосев, Д.Андреев, оказавшиеся в лагерях, но противостоявшие невыносимости жизни силой своего творчества, расширяющей духовное пространство жизни.

Ярчайшим примером стратегии, расширяющей жизненное пространство, является жизнь Тенешевой - замечательной женщины, жены смоленского предпринимателя, создавшей и организовавшей по своей инициативе безграничное **богатство жизни**. Она стала инициатором женских

рукодельных мастерских, особым образом ткавших кружево, своеобразного профессионально-технического училища для деревенских детей на базе заводов своего мужа. Увлекаясь химией, сама занималась гончарно-литейным делом, организовав литейные мастерские, производившие самые разнообразные эстетически совершенные произведения. Ее же силами был создан хор, прославившийся как один из лучших российских образцов народного музыкального искусства. Силами известных художников и архитекторов, бывавших в ее усадьбе, была построена и расписана церковь - шедевр русского зодчества. Когда ее муж был расстрелян, а имения разорены, она эмигрировала в Париж, где, пользуясь поддержкой Полины Виардо, давала, обладая изумительным голосом, сольные концерты.

От такой стратегии радикально отлична стратегия, предельно сужающая сферу жизненных интересов личности. Такова, например, жизнь ученого в романе Д. Гранина «Эта странная-странная жизнь».

Существуют, еще требующие своего анализа, стратегии **легкой** и **трудной** жизни. Первая есть способ минимизации жизненных усилий, выбор наиболее результативных сфер жизни, гедонизм. Трудной стратегии придерживаются личности, в притязаниях которых даже в подростковом возрасте заложена ориентация на преодоление трудностей. Речь может идти, например, о стратегии выбора профессий, требующих испытания характера (спортсмен, летчик-испытатель, космонавт и т.д.).

Фактически разных жизненных стратегий придерживаются два фроммовских типа, следующих принципам «быть» или «иметь»: дающий и потребляющий, творческий и использующий наличное.

Могут дифференцироваться также **экстенсивные** и **интенсивные** стратегии, **затратные** или **накопительные**. Экстенсивная и затратная стратегии предполагают использование готовых ресурсов, в частности, своих собственных возможностей, других людей, благоприятных обстоятельств, активный поиск «нужных людей», полезных ситуаций и т. д.

Крайне интересные стратегии переживания старости, «заката» жизни, выделяет Л.И.Анцыферова в своем анализе зарубежного геронтологического материала. Одни берегут жизненные силы, экономя каждое движение, ограничивая усилия, другие - именно в конце жизни - преодолевая старческую немощь, идут на огромный, измеряемый ценой самой жизни риск.

Один из образцов такой стратегии продемонстрировал Дж. Неру - реализовавший свой протест (он голодал) не толстовским принципом «непротивления злу насилием», а «сопротивлением злу ненасилием».

В отношении к проблеме индивидуальности, приведенные классификации стратегий раскрывают скорее индивидуализированный механизм целостного обобщенного способа жизни. Лишь рубинштейновское определение стратегии позволяет понять ее как способность **сознательного изменения своего способа жизни** в зависимости от изменения ее обстоятельств. Стратегия на протяжении жизни может меняться - быть то активной, то пассивной, то эгоцентричной, то общественно значимой. Но не противоречит ли это ее определению как кардинальной линии жизни, как реализации основной жизненной направленности, смысла?

Соединение **индивидуально-личностных** ценностей, целей, притязаний с меняющейся на каждом этапе объективной «расстановкой сил» и есть создание **субъектом** новой интегративной действительности - своей стратегии. Это идеально-практические, рационально-действенные, смысловые «технологии», посредством которых субъект преобразует жизненные обстоятельства, отношения к ним, отношения с ближними и дальними людьми. В стратегии воплощается сущность личности как субъекта жизни, а ее индивидуальность - в способности по-новому видеть жизнь, творчески решать ее противоречия и задачи развития.

Литература

1. Абульханова К. А. Психология и сознание личности. М/ 1999.
- 2 Абульханова К. А. Состояние современной психологии: субъектная парадигма. - Предмет и метод психологии. Антология. (Под ред. Старовойтенко Е. Б.) М. 2005.
3. Абульханова К. А. Стратегия жизни. М/ 1991
4. Абульханова К. А. Березина Т. Н. Время личности и время жизни. СПб/ 2001.
5. Адлер А. Индивидуальная психология. М/ 1995/
6. Ананьев Б.Г. О проблемах современного человекознания. М/ 1977.
7. Маслоу А. Дальние пределы психики. М/ 2001.
8. Мерлин В. С. Очерк интегрального исследования индивидуальности. М/1986.
9. Мясищев В. Н. Психология отношений. Москва – Воронеж/ 1995.
10. Небылицын В. Д. Проблемы психологии индивидуальности. М. 2000.
11. Оллпорт Г.- В. Личность в психологии. М. – СПб. 1998.
12. Роджерс К. Становление личности. М. 2001.
13. Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб. 2003.
14. Рубинштейн С. Л. Избранные философско – психологические труды. Основы онтологии, логики, психологии. М. 1997.
- 15 Старовойтенко Е. Б. Психология личности. (В парадигме жизненных отношений) М. 2004.
16. Теплов Б.М. Избранные труды. В двух томах. М. 1985.
17. Узнадзе Д. Н. Психологические исследования. М. 1966.
18. Фельдштейн Д. И. Психология развивающейся личности. М. 1996
19. Фромм Э. Иметь или быть. М. 1995.
20. Шадриков В. Д. Введение в психологию способностей человека. М. 2000.
21. Шадриков В. Д. Мир внутренней жизни человека. М. 2006.
22. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М. 1997.
23. Юнг К. Г. Архетип и символ. М. 1991.
24. Юнг К. Г. Проблемы души нашего времени. М.: 2006.

25. Юнг К. Г. Психологические типы. СПб. 1995.

II. СУЩНОСТЬ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ

ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ВНУТРЕННЕГО МИРА ЧЕЛОВЕКА

1. Психологическая постановка проблемы индивидуальности

Одним из первых проблему индивидуальности в психологии поставил Вильям Штерн (22). В своей знаменитой работе «Дифференциальная психология и ее методические основы» он писал: «Как бы ни различались разрабатываемые до сегодняшнего дня проблемы дифференциальной психологии, все они имели нечто общее: предметом исследования в них выступал **признак** в его межиндивидуальном проявлении; индивиды же, будучи носителями изучаемого признака, были лишь объектом исследования.

Теперь направление исследований кардинальным образом изменилось; исследуется не распространение какого-либо одного признака у многих индивидов (анализ по горизонтали), а целостная психологическая структура одного индивида на основе многих признаков (анализ по вертикали). Это уже проблема психографии, эмпирического психологического исследования индивидуальности» (Там же; с..206).

И хотя впервые эту мысль В.Штерн высказал в 1900 году в первом издании книги (мы цитируем по русскому переводу 4-го издания 1921 года), ситуация в значительной мере остается такая же, как она описывается в приведенной цитате.

В начале своего исследования В.Штерн ставит, как он пишет, «принципиальный вопрос научно - теоретического характера – имеет ли право индивидуальность вообще, и особенно человеческая

индивидуальность, быть предметом научного исследования?» (Там же). На первый взгляд это парадоксальная постановка вопроса. Но сторонники этого подхода утверждают, что наука изучает только **общезначимые** естественно - научные закономерности.

Отстаивая точку зрения на необходимость изучения индивидуальности, В. Штерн ссылается на Виндельбанда и Риккарта, которые дали убедительное теоретическое обоснование принципа индивидуальности. Виндельбанд предложил разделить науки на «номотетические», устанавливающие законы, и «идеографические», занимающиеся изучением индивидуальности. Риккарт выделил в качестве объекта номотетических наук законы природы, а идеографических наук – культуру.

В.Штерн, отстаивая индивидуальность как предмет исследования в психологии, одновременно утверждал, что не следует противопоставлять эти два подхода. Он показал, что они не только соединимы, но они связаны друг с другом и, даже более того, они с необходимостью дополняют друг друга (23). В качестве примера Штерн приводит медицинскую науку. «По своим задачам – пишет он - она, несомненно, относится к естествознанию, стремится к познанию законов развития болезней и способов их преодоления. Но когда врач сидит у постели больного, в этом случае речь идет не об общих законах, а об индивидуальных случаях, каждый из которых, несмотря на «типичное» течение, сам по себе является неповторимым. Диагноз – это идеографическое познание, терапия – индивидуализированное действие. Медик, проводящий «патографию», очень близок по своим ориентациям к чисто историческому (идеографическому) познанию индивидуальности» (22; с. 207). Утверждая необходимость изучения индивидуальности, В.Штерн обосновал ряд принципиальных положений, которые не утратили своего значения до настоящего времени. Прежде всего, это относится к пониманию **«индивидуальности как единства в многообразии»**. Любая индивидуальность есть единство

признаков, неповторимое и нераздельное. Но если учитывать лишь единство, то исследование невольно сведется к одному главенствующему свойству или определенному типу личности, не учитывая признаки, которые и порождают эту уникальность. Но если акцент сделать на признаки (многообразие признаков), то из поля зрения может уйти единство, и индивид предстанет как пестрая картина признаков. Поэтому необходимо сочетать единство и многообразие. Фактически В.Штерн провозгласил принцип **системного подхода** при изучении индивидуальности. В качестве метода исследования индивидуальности он предложил **биографический** метод и метод **психографии**. Биография, в концепции Штерна, отражает идею **единства личности**, психограмма отражает **многообразие** признаков, имеющихся у личности.

Второй важной теоретической проблемой, которую поднимает Штерн, является трактовка понятия «существенное». Когда мы характеризуем личность, останавливаемся, прежде всего, на **существенных качествах**. Но что же означает «существенное»? Штерн выделяет два значения понятия «существенное»: абсолютное и относительное. Абсолютное значение понятия исходит из того, что в познании природы индивидуальности определенные свойства играют принципиальную роль по отношению к другим; они составляют ядро индивидуальности. Именно вариация этих абсолютных свойств характеризует каждую личность. Относительное значение понятия существенного исходит из того, что мы хотим подчеркнуть в конкретной личности. Как пишет Штерн, «если я хочу описать писателя Мольтке как индивидуальность, то в качестве существенных необходимо выделить некоторые признаки, отличающиеся от тех, которые выдвигаются при рассмотрении Мольтке как стратега» (Там же; с.209).

Важно подчеркнуть, что относительность свойств индивидуальности будет определяться не только тем, что мы хотим подчеркнуть в личности, но и тем, на основе каких теоретических позиций исследователь подходит к

характеристике личности (20). Позиция в определении существенного дает нам и определенную картину личности.

Ведущим методом при описании индивидуальности Штерн считал **психографию**. Теоретической посылкой для психографии является представление психографа о том, какое многообразие признаков характеризует личность. Перечень параметров, по которым составляется психограмма, называется психографической схемой. «Психография исходит из положения, что каждая индивидуальность отличается уникальностью **внутреннего мира**, что и превращает ее в важную исследовательскую проблему» (22; с. 211). Мы полностью солидарны с такой постановкой проблемы.

С учетом того, что внутренний мир структурирован и проявляется в вероятностных закономерностях (20) важно, с одной стороны, представлять структуру личности, с другой – указывать вероятностный характер построения поведения. Штерн отмечал, что «проблема структуры индивида остается до сих пор, в сущности, еще совсем не разработанной ... Науке практически ничего не известно о взаимовлиянии совокупности психических признаков человека, о том, как они соединяются, иерархически соподчиняются, воздействуют друг на друга, так как, прежде всего, ограничивалась лишь рассмотрением 1-го или 2-3-х признаков у исследуемого индивида, не изучая общую структуру в ее поперечном разрезе» (22; с. 212). И далее Штерн отмечает, что не только индивид в целом, но и каждое его свойство имеет собственную структуру и поэтому может быть исследовано только с учетом его многосторонних связей. Эти структурные образования подчиняются как общим закономерностям, относящимся ко всем людям вообще, так и тем, которые типичны для определенных групп людей (22; с. 212).

На современном этапе развития психологии по проблемам индивидуальности проводится значительное число исследований, но, по-

прежнему, они ограничиваются несколькими признаками. В отечественной психологии это, прежде всего, школы Теплова - Небылицина и В.С.Мерлина, исследования Е.А.Климова. Особенно следует отметить комплексное исследование человека, проведенное под руководством Б.Г.Ананьева.

Необходимо отметить, что как только исследователь подходит к практической психографии, сам объект исследования диктует ему необходимость системного подхода. Неудивительно, что здесь появились методы психографического описания отдельных профессиональных групп, направленные на выявление значимых структур профессионально-важных качеств (В.Д.Шадриков и др.). Прежде всего, здесь следует выделить метод построения корреляционных матриц и метод расслоения матриц корреляционных связей.

Анализ динамики **структуры связей профессионально-важных качеств** в процессе системогенеза (на разных этапах профессионализации) позволил выделить: индивидуальные связи, проходящие через все этапы профессионализации; временные связи, присутствующие только на определенных этапах овладения профессией; связи, которые появляются на определенном этапе овладения профессией, но в дальнейшем не исчезают (при этом возможно изменение меры тесноты этих связей); связи с переменным знаком. Полученные в исследовании данные показывают, что в процессе профессионализации повышается степень интегрированности системы профессионально-важных качеств (21).

С учетом общего положения о том, что психика развивается и формируется в деятельности и через деятельность, можно предположить, что отмеченные выше закономерности будут проявляться и в формировании индивидуальности. В роли детерминант этого развития будет выступать вся совокупность внешних факторов. При этом соблюдается общий принцип, по которому внешние воздействия преломляются через внутренние условия (С.Л.Рубинштейн).

Определенный шаг в развитии индивидуального подхода к исследованию отдельных качеств личности намечается при переходе от лабораторного эксперимента к изучению психических качеств и процессов в реальных условиях. Примером такого подхода является исследование восприятия, проведенное С.В.Филиной (17).

На фоне отмеченных позитивных сдвигов в изучении индивидуальности приходится констатировать, что по-прежнему в этой области, как отмечал еще Штерн, «отсутствует четкое осознание методических требований, предъявляемых к научной психограмме, систематической основы для согласованных действий разных психографов» (22; с.212). В результате данные, получаемые в различных исследованиях трудно сопоставить.

Психографическое описание должно давать **многостороннюю характеристику** индивида. Но, реально, в любой психограмме индивид не может быть описан во всей полноте существенных признаков. Индивидуальность бесконечна. Поэтому в психограмме, описывающей обычного человека, мы стремимся наметить тенденцию своеобразия индивида. Степень реализации этой тенденции может быть различной, но она должна давать основания для суждения о конкретном человеке в его отношениях с другими людьми, о его нравственной надежности.

Сопоставляя индивидуальную характеристику (психографическую схему), мы должны учитывать **возрастную динамику** внутреннего мира. Эта динамика отражается в **продольной** психограмме, в отличие от **поперечной**, фиксирующей индивидуальную структуру в данный момент времени. Продольная психографическая структура призвана исследовать содержание и формы индивидуального развития.

2. Методологический принцип «полноты описания индивидуальности».

Данный принцип предполагает регистрацию в психограмме всей полноты признаков, доступных исследователю. В результате психолог получает

«описание широчайшего спектра многообразия признаков индивидуальности. Опираясь на общую психографическую схему, психолог сумеет определить место конкретных проблем, еще не представленных в ее схеме, и, как следствие, получить возможность дополнения и совершенствования самой схемы. Иными словами, интегральная психографическая схема будет отличаться не действительной полнотой, а действенной тенденцией к систематизации и усовершенствованию» (Там же; с.226). Интегральная, или генеральная, схема должна носить нейтральный характер, то есть быть ориентированной на психически здорового человека, не сводить круг признаков до решения конкретной задачи (профотбор, обучение, здоровье и т.д.). Наличие общей схемы позволяет исследователю при решении частных задач отчётливо видеть, что он выбирает из генеральной схемы. На базе генеральной схемы должны разрабатываться психографические схемы решения специальных задач. Общие схемы могут разрабатываться для отдельных сфер психики, в этом случае частные схемы будут касаться только этой же сферы. Примером общей схемы может служить разработанная нами классификация познавательных психических процессов и познавательных способностей (19).

Важно подчеркнуть, что генеральная схема не есть характеристика индивидуальности. Это **предварительное условие** исследования индивидуальности. При исследовании индивидуальности качества психографической схемы рассматриваются как базовые, ведущие, второстепенные, объединённые в отдельные блоки и выступающие изолированно, играющие интегрирующую роль. В частных задачах это связано с эффективностью деятельности, в общей задаче это адресуется, прежде всего, к социальному поведению. В качестве **базовых** выступают свойства индивида, имеющие наибольший вес в структуре качеств, ведущие свойства имеют значимые корреляционные связи с показателями успешности деятельности или с социально-одобряемыми формами

поведения. Примером подхода к разработке генеральной схемы может выступать исследование Б.Г.Ананьева (1), частных схем - исследование ПВК в профессиональной деятельности В.Д.Шадрикова (21) и исследование индивидуальных свойств в учебной деятельности, в процессе начального овладения чтением и письмом Н.В.Нижегородцевой (6).

С учётом того, что определение меры выраженности того или иного свойства тесно связано с методом (способом) измерения, важно подобрать и **генеральный перечень методик**, с помощью которых должны измеряться свойства, входящие в генеральную схему. Использование исследователями стандартизированных научных методик позволит получить сравнительные эмпирические результаты и сделать общезначимые выводы об индивидуальности человека.

3. Малопараметрические модели индивидуальности.

Требование полноты описания индивидуальности практически нельзя реализовать. Поэтому данный методологический принцип целесообразно и теоретически необходимо дополнить принципом построения малопараметрической модели, отражающей с известной погрешностью модель индивидуальности, построенную на основе психогаммы «всей полноты признаков, доступных исследователю». Данная ситуация характерна не только для психологии. Возьмём в качестве примера метеорологию. На погоду влияют очень много факторов. Поэтому метеорологи вынуждены в практических целях строить малопараметрические модели, которые и лежат в основе предсказания погоды. Не учитывает, к сожалению, всех факторов, влияющих на индивидуальное здоровье, и врач, ставя диагноз. Построение малопараметрической модели индивидуальности является **главной теоретической** задачей психологии. Но чтобы построить такую модель, необходимо отталкиваться от практических задач и теоретических

представлений, касающихся **внутреннего мира человека** и законов его функционирования.

Основой построения малопараметрической модели индивидуальности является **практическая задача**. Для примера обратимся к практике составления прикладной психограммы при решении задач, возникающих в психологии труда. Чтобы составить такую психограмму, исследователь разлагает деятельность на действия и анализирует, от каких психических качеств может зависеть успешность выполнения конкретного действия. Для этого выясняется, какие психические функции вовлечены в выполнение конкретного действия и какие качества психических функций здесь оказываются важными. Именно такой психологический анализ деятельности и позволяет составить предварительную **психограмму действия**. Далее психолог подбирает методики диагностики, адекватные выделенным психическим свойствам. Желательно, чтобы эти методики учитывали свойства оперативности выделенных способностей. В качестве конкретного примера, который доступен пониманию всех, так как каждый учился в школе, мы можем привести психологический анализ педагогической деятельности, выполненный нами в целях построения профессионального стандарта педагогической деятельности (9). Аналогичный анализ представлен в работе Б.М.Теплова «Ум полководца» (15).

Психограммы отдельных действий сводятся в психограмму деятельности, дополняются показателями мотивации деятельности и образуют **психограмму деятельности**. Далее возможно применение различных методов статистической обработки количественных измерений, сделанных на основе психограммы деятельности.

Подобного рода шаги мы должны сделать и для составления психограммы индивида. Здесь в качестве практического основания должно выступать индивидуальное **поведение**. Встаёт задача психологического анализа поведения.

Поведение имеет ту же структуру, что и деятельность, но здесь главную роль начинают играть социальные моменты. «Поведение человека не сводится к простой совокупности **реакций**, - писал С.Л. Рубинштейн - оно включает систему более или менее сознательных **действий и поступков**. Действие - это сознательный акт деятельности, который направляется на объект. Реакция преобразуется в сознательное действие по мере того, как формируется предметное сознание. Действие, далее, становится **поступком** по мере того, как отношение действия к действующему субъекту, к самому себе и к другим людям как субъектам, поднявшись в план сознания, т.е. превратившись в сознательное отношение, начинает регулировать действие. Поступок отличается от действия иным отношением к субъекту. Действие становится поступком по мере того, как формируется самосознание. Генезис поступка и самосознания – это сложный, обычно внутренне противоречивый, но единый процесс, также единым процессом является генезис действия как сознательной операции и генезис самого предметного сознания. Различные уровни и типы сознания означают вместе с тем и различные уровни или типы поведения (реакция, сознательное действие, поступок). Ступени в развитии сознания означают изменения внутренней природы действия или актов поведения, а изменение внутренней природы есть вместе с тем и изменение психологических закономерностей их внешнего объективного протекания. Поэтому структура сознания принципиально может быть определена по внешнему, объективному протеканию действия» (11;с. 22 -23).

4. Понятие психически нормального человека

Исследование проблемы индивидуальности невозможно без понятия нормы. А понятие нормы связано с выделением существенных качеств человека и пределов вариации меры их выраженности.

Существует возможность постановки диагноза отклоняющегося психического развития. Этим занимаются патопсихология и психиатрия.

Существуют пособия и руководства для определения такого диагноза. Примером может служить Международная классификация психических и поведенческих расстройств (МКБ-10). Но нет ничего подобного для описания психических показателей нормального человека. А ведь психология, в основном, имеет дело с нормальными, не имеющими значимых психических отклонений, людьми. Речь идет о психологической характеристике нормального человека. Обратная сторона такого состояния проблемы проявляется в том, что психологи берут методик диагностики, разработанные для клиники, и применяют результаты, полученные с помощью этих методик, для характеристики нормальных людей. Психически нормальных людей диагностируют методами, адресованными клинике, руководствуются диагностическими указаниями и критериями, разработанными для диагностики психических и поведенческих расстройств.

В чем же причина такой ситуации? Она порождается в первую очередь идеологическими, методологическими и теоретическими факторами.

Прежде всего, отсутствует система философских, нравственных, правовых и психологических идей и взглядов на понятие психологической нормы, т.е. отсутствует **идеология** нормального психического развития человека. Что считать нормой? Понятие «норма» происходит от латинского слова «norma» и значит узаконенное установление, признанный обязательный порядок, установленная мера, средняя величина чего-нибудь. Но в том-то и дело, что установленной меры нормального психического развития нет. А нет ее, во многом, потому, что нет установленного представления о том, какие характеристики определяют сущность человека, т.е. проблема состоит в недостаточной **теоретической** разработанности представлений о **сущности человека**. Недостаточно разработанной в этих условиях оказывается и **методология** изучения нормального психического развития, т.е. принципы, организация, методы и средства диагностики. Несомненно, что все три

группы проблем – идеологических, методологических и теоретических – оказываются тесно взаимосвязанными.

5. Реконструкция сущностных качеств человека по тексту Библии.

Аурелио Печчели, президент Римского клуба, в предисловии к русскому изданию своей книги «Человеческие качества» писал: «Думаю, что эти страницы - хотя бы в самой скромной мере помогут ... осознать, какую исключительную важность приобретают сейчас присущие всем - даже самым отверженным и обездоленным - людям планеты внутренние человеческие качества, их выявление и развитие у жителей любых уголков мира. Ведь, в сущности, именно эти качества являются самым важным ресурсом человечества, сравнимым разве что с теплом, той энергией, которую так щедро посылает нам солнце» (2; с.5).

Человек приспосабливается к среде обитания, в отличие от других живых существ, преимущественно за счёт культурных, а не генетических факторов и механизмов. И одним из мощных механизмов этого приспособления является формирование **человеческих качеств** и их развитие в культурном процессе. Поэтому столь актуальным является выделение **культурных качеств** человека, для того, чтобы в дальнейшем осуществить их формирование и развитие.

Осознавая сложность данной задачи и, на основе предварительных исследований и литературного поиска, понимая неопределённость настоящей ситуации, в качестве отправной точки для выделения этих качеств мы остановимся на Библии. Интересно посмотреть, какие качества человека выступают в ней как сущностные. В качестве помощника нам в этой работе будет выступать Толковая Библия (16). Обратимся вначале к Ветхому завету. В книге Бытия написано: «7. И создал Господь Бог человека из праха земного и вдунул в лице его дыхание жизни; **и стал человек душою живою**»

(Библия. Бытие. Гл. 2.7). Толковая Библия содержит следующий комментарий по этому поводу: «Соединение высшего божественного начала (дыхания Божьего) с низшим материальным (прахом от земли) дало в результате человека, как живую душу, т.е. как сознательную личность, одарённую разумом и свободой воли. Но вместе с тем человек, эта «живая душа» бесконечно отличается от Бога, Который есть «Дух животворящий» и относится к нему, как бледная копия - к своему несравненному идеалу» (16; с.17) Таким образом, сущностными качествами человека являются: **разум и свобода воли**; человек сознательно выбирает свой путь, свои поступки и деяния.

Другим важным для нашей темы положением книги Бытия является следующее: «9. И произрастил Господь Бог из земли всякое дерево, приятное на вид и хорошее для пищи, и дерево жизни посреди рая, и дерево познания добра и зла». Заповедь, приуроченная к этому дереву, - утверждает Толковая Библия, «имела ввиду развитие высших способностей человека как существа разумного... А так как по ветхозаветному воззрению, всё вообще познание носило моральный характер, то «добро и зло» и берутся здесь как два противоположных полюса всего познания вообще» (Библия. Бытие. Гл. 2. 9). Таким образом, важными качествами человека является его определение в пространстве добра и зла, сформированность **моральных качеств**, совести. Дальнейшее толкование этого положения мы находим в Нагорной проповеди Христа.

В заповеди «16, 17 от всякого дерева в саду ты (Адам) будешь есть; а от дерева познания добра и зла, не ешь от него; ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрёшь» (Библия. Бытие. Гл. 2. 16. 17). Господь Бог указал и путь развития нравственных сил человека. «Это воздержание - говорится в Толковой Библии, - Бог назначил служить символом повиновения и покорности Ему со стороны человека, в силу чего соблюдение этой заповеди выражает со стороны человека чувство любви, благодарности

и преданности Богу; тогда как нарушение её, совершенно наоборот, свидетельствовало о недоверии к Богу, пренебрежении к его словам и чёрной неблагодарности к Творцу, вместе с желанием жить по своей воле, а не по заповедям Бога» (16; с. 21). Если теперь мы сопоставим эту заповедь с положением Нового Завета, где говорится, что если ты не любишь брата, то как же ты будешь любить меня (Бога), то можем сделать вывод об общих качествах человека: **чувстве любви к другим** (к близким), **благодарности и преданности, жизни по заповедям** (по традиции, обычаю, преданию, закону).

Отметим также важность следующего высказывания: «15. И взял Господь Бог человека (которого создал), и поселил его в саду Едемском, чтобы возделывать его и хранить его» (Библия. Бытие. Гл. 2. 15). Лучшее толкование этого места даёт святой Иоанн Златоуст, который говорил: «Так как райская жизнь доставляла человеку полное наслаждение, принося и удовольствие от созерцания («красоты рая»), и приятность от вкушения («снедей райских»), то, чтобы человек от чрезмерного удовольствия не развратился, Бог повелел ему делать и хранить рай, т.е. возделывать его почву и культивировать на ней разные растения, а также и оберегать его от неразумных животных, которые, забегая в сад, могли вносить в него беспорядок и повреждения. Это – первая божественная заповедь о труде человека, исключая языческую идеализацию так называемого «золотого века» и осмысливающая существование человека. Лёгкий, необременительный и приятный труд был прекрасным средством для укрепления физического, а отчасти и умственных сил человека» (16; с. 20).

И, наконец, остановимся на заповеди: «18. И сказал Господь Бог: не хорошо быть человеку одному; сотворил ему помощника, соответствующего ему» (Библия. Бытие. Гл. 2.18). «Эти слова, отмечает Толковая Библия, указывают на тот факт, что одиночество тяжело и нехорошо для человека, ибо лишает его самых близких и удобных ему средств к всестороннему

развитию своей личности, успешнее всего происходящему, как известно, в общении с себе подобными» (16; с.21).

Таким образом, мы можем выделить следующие сущностные качества человека: **разум, свободу воли, моральные качества в пространстве добра и зла, любовь к другим, благодарность, преданность, трудолюбие, общительность, физическая развитость.** Путь к развитию этих качеств: любовь к Богу, труд, общение.

Во второй и пятой книгах Моисеевой приводятся десять заповедей, содержащих требования к поведению человека. Суть их сводится к следующему.

- Да не будет у тебя других богов пред лицом Моим.
- Не делай себе кумира..., не преклоняйся им и не служи им; ибо я Господь, Бог Твой, Бог ревнитель, наказывающий детей за вину отцов до третьего и четвёртого родов, ненавидящих меня; И творящий милость до тысячи родов любящих меня и соблюдающих мои заповеди.
- Не произноси имени Господа, Бога твоего напрасно; ибо Господь не оставит без наказания того, кто произнёс его имя напрасно.
- Помни день субботний, чтобы святить его.
- Почитай отца твоего и мать твою.
- Не убивай.
- Не прелюбодействуй.
- Не кради.
- Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего,
- Не желай дома ближнего твоего, не желай жены ближнего твоего, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ничего, что у ближнего твоего.

Обращает на себя внимание форма заповедей. Она сродни родовым «Табу». Несоблюдение заповедей строго наказывается. Заповеди сформулированы в деятельностной форме – «не делай и не желай». Заповеди посвящены тому, что **нельзя делать**. Это действительно эффективная форма,

регулирующая поведение. За скобками остаётся всё, что можно делать, что не несёт вреда, что не несёт в себе **Зло**. Деяние **Добра** не ограничивается и не регулируется. Заповеди говорят, что нельзя делать, но не говорят, какой должен быть человек, каковы его сущностные качества. Человек может быть многолик, но главное, чтобы он не творил Зло. Социально значимо не то, какими качествами его характеризовать, а главное то, что он не должен делать. В заповедях мотивация и действие сопряжены, выступают как **поступок**.

Христос в своей Нагорной проповеди развивает заповеди Моисея. «Не думайте, что Я пришёл нарушать закон или пророков; не нарушать пришёл Я, но исполнить» (Библия от Матфея. Гл. 5.7), - говорит он. Христос усиливает требования к поведению. Если Моисей заповедует «Не убивай», то Христос утверждает: «Не гневайся на брата, мирись с соперником твоим»; если Моисей заповедует «не прелюбодействуй», то Христос усиливает это требование; «Не смотри на женщину с вожделением, ибо всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своём». Нельзя совершать не только дурных поступков, но надо избегать даже дурных помыслов. Человека можно судить как по поступкам, так и по помыслам. В проповеди задаётся и образец подражания: **«Будьте совершенны, как совершенен Отец ваш небесный»** (Библия от Матфея. Гл. 5.48). Но образец этот не раскрывается.

Как трудно дать описание Господа Бога, мы видим из прекрасного творения Грегора Нарекаци, монаха и поэта, жившего в X веке (951-1003). В «Книге скорби» (3), в своём слове к Богу, идущем из глубин сердца, Нарекаци пишет:

«О, Повелитель сущего всего,
Бесценными дарами нас дарящий,
Господь, творящий всё из ничего,
Неведомый, всезнающий, страшный,

И милосердный, и неумолимый,
Неизречённый и непостижимый,
Невидимый, извечный, необъятный,
И ужасающий и благодатный,
Непроницаем Ты, неосязаем
И безначален Ты и нескончаем,
Ты-то единственное, что безмерно,
Что в мире подлинно и достоверно,
Ты-то, что нам даёт благословенье,
Ты - полдень без заката, свет без тени,
Единственный для нас родник покоя,
Что просветляет бытие мирское.
И безграничный Ты, и вездесущий,
Ты и сладчайший мёд, и хлеб насущный,
Неистошимый клад, пречистый дождь,
Вовек неиссякающая мощь.
Ты и хранитель наш и наставитель.
Недуги наши знающий целитель,
Опора всех, всевидящее зренье,
Десница благодатного даренья,
Ты явственно живущий, Ты бесплотный,
Наш пастырь неустанный, царь беззлобный,
Всевидящий, и днём и ночью бдящий,
Судья, по справедливости судящий,
Взгляд негнетущий, голос утешенья,
Ты весть, несущая успокоенье.
Твой строгий перст, всевидящее око
Остерегают смертных от порока.
Судья того, что право, что неправо,

Не вызывающая зависть слава.
 Ты - светоч наш, величие без края,
 Незримая дорога, но прямая.
 Твой след невидим, видима лишь милость,
 Что с неба к нам на землю ниспустилась.
 Слова, что я изрёк Тебе во славу,
 Бледнее слов, которые бы мог
 Услышать Ты, о Господи, по праву,
 Когда б я не был речью столь убог.
 Господь всеведущий, благословенный, восхваленный,
 Восславленный всем сущим во вселенной,
 Всё то, что совершить нам суждено,
 Твоею волею предрешено».

В приведённых стихах учёный монах со скорбью отмечает, что Господь Бог **неведом и непостижим, безграничен и необъятен.**

Но обратимся снова к Нагорной проповеди, к её первой части, в которой раскрывается суть девяти блаженств. Это, пожалуй, самая трудная для понимания часть Нагорной проповеди. Недаром девяти утверждениям проповеди:

- Блаженны нищие Духом,
- Блаженны плачущие,
- Блаженны кроткие,
- Блаженны алчущие и жаждущие правды,
- Блаженны милостивые,
- Блаженны чистые сердцем,
- Блаженны миротворцы,
- Блаженны изгнанные за правду,
- Блаженны Вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески злословить

за Меня,

в толковой Библии посвящено восемь страниц. Под «блаженными» авторы толковой Библии, принимая во внимание значение греческого и еврейского слова, подразумевают «людей, которым уготовано вечное спасение и блаженство». Они обладают внутренними достоинствами, внутренним миром и счастьем и здесь на Земле. Слово «блаженны» служит руководящей идеей для блаженств» (16; с.81). Анализируя суть блаженств, авторы толковой Библии отмечают, что вероятно предположить, что в проповеди блаженств Спаситель «хотел просто перечислить свойства и характер людей, имевших сделаться гражданами учреждаемого Им небесного царства» (Там же; с.84).

Каковы же качества этих людей. Из проповеди можно заметить, что это:

- христиане, усвоившие себе христианские идеалы кротости, незлобивости и смирения;
- милосердные и благожелательные к ближним;
- чистые сердцем, не омраченные никакими затемняющими влияниями порочных страстей или греховных дел; люди с чистой совестью;
- мирные, спокойные, неагрессивные, живущие в мире с другими;
- трудящиеся в целях достижения и водворения мира на земле, творящие мир среди несчастных;
- борющиеся за истину против пороков, утверждающие истины Спасителя;
- стойкие в борьбе за истину (за заповеди Христа).

Таким образом, видим, что Нагорная проповедь даёт представление о человеке – христианине. Отметим, что выраженность (представленность) отмеченных выше качеств у конкретного человека может колебаться в широких пределах. В различном сочетании отмеченных качеств проявляется **индивидуальность** человека.

Посмотрим теперь, что означают выделенные качества? Обратимся для этого к толковым словарям русского языка. Наилучшим в этом плане является словарь В.И.Даля (4).

- **Кроткий** (от слова кротить-укрощать или смирять, утешать, унимать);
о человеке: тихий, скромный, смиренный, любящий, снисходительный не вспыльчивый, негневливый, многотерпеливый.
- **Незловивый** – кроткий, смиренный, благостный, добросердечный, милосердный, доброжелательный.
- **Смиренный** - кроткий, покорный, послушный, осознавший свои слабости и недостатки, раскаянный, скромный, укротивший свои страсти, добрый, спокойный и ровный нравом.
- **Милосердный** – желающий добра другим, прощающий, щедрый, делающий добро другим, добрый, сострадающий, снисходительный, благосклонный.
- **Благожелательный** - желающий блага другим (близкое к милосердному).
- **Чистосердечный** – чистый сердцем, свободный от пороков, с чистой совестью; прямой, откровенный, доброжелательный, искренний, щедрый, лишённый криводушия, лицемерия, лукавства.
- **Мирный** - творящий мир в окружающих, среди несогласных, неагрессивный, любящий других, живущий в мире с другими.
- **Истинный** – правдивый, справедливый, искренний, непритворный, борющийся за истину (истинное – противоположное лжи, всё, что верно, подлинно, точно, справедливо).
- **Стойкий** - непоколебимый, упорный, прочный, неослабевающий (глубоко верующий и непоколебимый в борьбе за веру).

Сведём теперь все качества в единый тезаурус: тихий, скромный, смиренный, снисходительный, не вспыльчивый, негневливый, многотерпеливый, благостный, добросердечный, милосердный, покорный, послушный, осознающий свои слабости, недостатки, раскаянный,

укротивший свои страсти, добрый, спокойный, добрый нравом, прощающий, сострадательный, снисходительный, благосклонный, желающий и делающий добро другим, свободный от пороков (чистый сердцем), совестливый (с чистой совестью), прямой, откровенный, жизненный, щедрый, лишённый криводушия, лицемерия и лукавства, творящий мир (в несогласных), любящий других, неагрессивный, живущий в мире с другими.

Добавим к этим качествам выделенные ранее разум, свободу воли, благодарность, преданность, трудолюбие, общительность, физическую развитость и получим определение человека - христианина в его основных 42 сущностных характеристиках.

Интересные материалы по оценке значимых качеств личности (добродетелей) в разные исторические периоды различными мыслителями приводит В.А.Рыбин (13).

Им были проанализированы работы античных авторов (Сократа, Платона, Аристотеля, Эпикура, Сенеки, Эпиктета, Цицерона, Марка Аврелия, Демокрита, Зенона, Ксенократа, Племона, Антиоха, Евдора Александрийского, Филона Александрийского, Плутарха, Альбина, Никомаха из Геразы, Плотина), мыслителей эпохи Возрождения (Петрарки, Дисованни Бокачио, Лоренцо Вала, Пико де ла Мирандола, Петра Помпонацци, Георга Гемиста Плетона, Лютера, Эразма Роттердамского, Рейхлина, Людовика Вивеса, Франсуа Рабле, Николая Кузанского, Парацельса, Монтеня, Пьера Шаррона, Джордано Бруно, Кампанеллы, Макиавелли, Томаса Мора), философов Нового времени (Б.Спинозы, (Т. Гоббса, Д.Локка, Ф. Хатчесона, Лейбница, Р. Кумберленда, А. Шефтсбери, П. Бейля, К.А. Гельвеции, Ж.-Ж. Руссо, Д. Юма, А. Смита, И. Канта, Г. Гегеля, О. Конта, Л. Фейербаха, Шопенгауэра, И. Бентама, П.Ж. Прудона, Т. Спенсера) и выделены добродетели, ценимые в соответствующие временные периоды. Мы свели эти данные в таблицу 1.

Сопоставляя качества человека, выделенные в результате контент-анализа текстов Библии с обобщенными данными, полученными в результате анализа представлений различных мыслителей в разные времена, мы можем констатировать, что:

во-первых, они, в основном, совпадают, прежде всего, по смыслу;

во-вторых, в Библии более детально и всесторонне прописаны требования к нравственным, гуманистическим качествам человека;

в-третьих, в системе сущностных качеств человека в анализируемых работах недостаточно представлены способности человека, те качества, которые обеспечивают успех в деятельности. Они представлены общими требованиями к трудолюбию, разуму и мудрости.

По частоте встречаемости заслуживают внимания такие качества как мудрость и справедливость, мужество, умеренность, дружелюбие, сострадание, милосердие, нетерпимость к лицемерию и ханжеству.

Таблица 1. Частота встречаемости конкретной добродетели у разных мыслителей в различные исторические периоды.

<i>Добродетель</i>	<i>Частота встречаемости</i>			
	<i>Античность</i>	<i>Эпоха Возрождения</i>	<i>Новое время</i>	<i>Всего</i>
Мудрость	17	3	0	20
Справедливость	17	13	12	42
Мужество	15	1	0	16
Умеренность	16	5	0	21
Нетерпимость к лицемерию и ханжеству	0	1	0	1

Дружелюбие	4	2	0	6
Смелость	2	0	0	2
Благочестие	2	1	0	3
Скромность	1	2	0	3
Сострадание	1	0	9	10
Независимость	0	4	0	4
Человеколюбие	1	5	0	6
Свободолюбие	0	2	0	2
Любовь к жизни	0	2	1	3
Пытливость ума	0	2	0	2
Рассудительность	1	6	0	7
Милосердие	0	6	7	13
Разумность	1	3	2	6
Любовь	0	15	5	20
Стремление к знанию	0	3	0	3
Толерантность	0	4	0	4
Терпение	0	3	0	3
Стыдливость	0	2	0	2
Трудолюбие	0	3	1	4
Свободолюбие	0	4	0	4
Веротерпимость	0	2	0	2
Уважение	0	3	4	7
Взаимопомощь	0	2	2	4
Правдивость	0	2	0	2
Доброта	0	1	2	3
Доброжелательность	0	2	1	3
Ответственность	0	0	4	4
Сочувствие	0	0	7	7
Благожелательность	0	0	2	2

Равноправие	0	0	5	5
-------------	---	---	---	---

5. Мир внутренней жизни.

Рассмотренные выше подходы вносят существенный вклад в понимание индивидуальности, но оставляют незатронутыми представления о единстве компонентов, определяющих индивидуальность конкретного человека (принцип сочетания единства и многообразия В.Штерна). Существенным шагом вперёд в этом направлении является подход к индивидуальности со стороны **внутреннего мира человека**. Под внутренним миром будем понимать совокупность психических явлений и событий, происходящих с человеком и в человеке. Внутренний мир является психологической проекцией внешнего мира, преломлённого через потребности человека и, в силу этого, наполненного переживаниями.

Внутренний психический мир человека является частью человеческой жизни. Уже эмбрион реагирует на состояние матери и события внешнего мира. Можно сказать, что он живет одной жизнью с матерью. В постнатальный период эта связь с матерью и внешним миром остается, но принимает другие формы - она регулируется психикой ребенка, которая в этом взаимодействии и развивается.

Первой особенностью этого взаимодействия является то, что оно **детерминируется внутренним состоянием младенца**, его потребностями и связанными с ними переживаниями (20). Интересно отметить, что современные нейрофизиологические исследования показывают, что в первые

2-3 месяца жизни мозг ребенка пассивен по отношению к среде, активного взаимодействия с внешним миром не происходит (14). Ребенок переживает себя, свои состояния и связывает эти состояния с матерью. В этом процессе опредмечиваются его переживания: состояния ребенка, переживания ребенка, удовлетворение за счет объекта вне ребенка. Чувства ребенка связываются с предметным миром, они неразрывны. Подчеркнем, что переживания ребенка едины с его органическими ощущениями, они еще не могут осознаваться, но они в своем единстве и составляют внутреннюю жизнь ребенка. В процессах удовлетворения потребностей предметы внешнего мира приобретают для ребенка значение, смысл и эмоциональную окраску. Внешний предметный мир наделяется значением и переживаниями и выступает в единстве с внутренним миром (переживаниями ребенка). В процессе опредмечивания переживаний формируется единство ребенка и внешнего мира, прежде всего его единство с матерью.

Длительное время в отечественной психологии господствовала точка зрения, согласно которой психические явления рассматривались как отражение действительности. Главным фактором формирования внутреннего мира выступал внешний мир, окружающая человека среда. «Это отражение действительности человеческим мозгом, – читаем мы в учебнике психологии, – в виде различных психических явлений есть субъективный мир человека, представляющий собой отражение, образ объективного мира, существующего вне нас и независимо от нашего сознания» (10; с. 9). И хотя С.Л. Рубинштейн подчеркивал, что всякий психический факт – это и момент реальной действительности, и отражения действительности, единство реального и идеального, действительность, в его понимании, доминировала в порождении психического. Мысль Рубинштейна о том, что всякое психическое образование – это и переживание и знание, не нашла должного развития. Да и не могла найти, т.к. с позиций определения психического как отражения действительности,

первичным является внешний мир. В реальности же, как мы подчеркивали выше, первичным является человек с его переживаниями, которые опредмечиваются.

На учебнике, отредактированном корифеями отечественной психологии, были воспитаны поколения учителей и психологов. Данные позиции сохранялись на протяжении 60-70 лет. Прослеживаются они и в учебниках последнего периода, хотя в более мягкой форме. Мы же придерживаемся убеждения, что внутренний мир начинает формироваться с переживаний человеком самого себя, своих органических ощущений.

С учетом сказанного, продолжим рассмотрение процесса формирования внутреннего мира.

Человек часть природы. Свое существование он может обеспечить только за счет природы. И чтобы этого достичь, он должен располагать соответствующим знанием о природе и обладать определенными навыками. Знания об окружающем мире всегда функциональны, то есть они получаются ребенком и взрослым в процессе разрешения жизненно-важной задачи. Эти знания служат удовлетворению определенной потребности и поэтому всегда сопровождаются переживанием. Жизненно-важные знания всегда связаны с переживанием. В этих переживаниях отражается личностный смысл знаний, получаемых от взаимодействия человека с внешним миром в процессе жизнедеятельности. В формирующемся субъективном образе внешний мир раскрывается как «мир для меня» (вещь в себе становится вещью для меня). Предметы внешнего мира связываются с переживаниями и наделяются личностными смыслами. Субъективный образ объективного мира, его формирование включается в процесс жизни человека, обеспечивает эту жизнь, является ее частью. И происходит это без обязательного осознания явлений психики (хотя на определенном этапе они начинают осознаваться).

Внешний мир представлен в развивающемся внутреннем мире в **различных формах**. Прежде всего, он предстает субъекту в его чувственных

ощущениях и восприятиях и в виде ощущений и восприятий включается во внутренний мир. Вполне естественно утверждение, что разные чувства отражают различные стороны объективного мира; они с этой целью и сформировались в процессе эволюции человека. Следовательно, разные чувства дают нам различную картину мира.

С особой стороны, но тесно связанной с восприятием, внешний мир будет представлен в форме потребностей человека, насыщен определенными личностными смыслами и переживаниями.

Внешний мир может быть представлен субъекту на языке движений, действий и деятельностей, связанных с определенными целями и мотивами. Он может быть представлен знаниями и символами, имеющими различное значение и смысл, разную эмоциональную насыщенность.

Наконец, внешний мир репрезентируется в форме слов, наделенных определенным значением, которое у субъекта насыщается различным смыслом, ценностями и переживаниями. Одно и то же словесное описание по-разному воспринимается различными лицами в зависимости от их жизненного опыта. Слово многозначно. Поэтому внешний мир, описанный одними и теми же словами, во внутреннем мире у различных субъектов представлен по-разному.

Из сказанного становится ясной вся сложность репрезентации внешнего мира и богатство внутреннего мира человека. При этом многообразие форм представленности внешнего мира не лишает внутренний мир целостности.

Внешний мир един с внутренним, ибо во внешнем мире опредмечиваются потребности человека. В деятельности и через деятельность предметы внешнего мира приобретают определенное значение и личностный смысл, а формирующийся образ внешнего мира всегда носит черты оперативного образа, т.е. отвечающего потребностям субъекта и задачам, которые он решает.

В потоке жизни, состоящем из действий и поступков, идет постоянная смена информационных моделей, обеспечивающих конкретные действия и поступки. Актуальные модели переходят в потенциальные, которые в своем единстве составляют внутренний мир. Актуализация потенциальных моделей происходит по функциональному принципу, сформулированному С.Л. Рубинштейном (11).

В своем порождении внутренний мир тесно связан с внешним миром, но одновременно внутренний мир самостоятелен, существует независимо от внешнего мира. Это внутренний мир человека, проживающего свою жизнь.

Но проживает свою жизнь человек во внешнем мире. Поэтому нам хотелось бы подчеркнуть еще раз **единство внешнего и внутреннего мира**. Это единство особенно убедительно доказывается исследованиями явлений депривации. Различные формы депривации: сенсорной, эмоциональной, двигательной, социальной - всегда приводят к нарушению нормального функционирования психики. Обеднение отношений с внешним миром приводит к задержкам психического развития, как в интеллектуальном, так и в эмоциональном аспектах. Широко известны результаты исследований детей в условиях детских учреждений, когда при нормальных биологических факторах развития наблюдаются обедненные социальные контакты, недостаток эмоциональных отношений. В этих условиях наблюдается общая задержка развития ребенка.

В условиях депривации у человека усиливается потребность в ощущениях и переживаниях, что осознается в форме сенсорного и эмоционального голода. Активизируются процессы воображения, нарушается ритм сна и бодрствования, развиваются гипнотические состояния. Снижаются показатели функционирования практически всех познавательных процессов, наблюдаются иллюзии и галлюцинации.

Проведенный анализ показывает, что внутренний мир человека представляет собой **потребностно – эмоционально - информационную**

субстанцию, формирующуюся при жизни человека на основе его индивидуальных свойств и качеств и отражающую все многообразие его бытия.

И если внутренний мир человека может существовать относительно самостоятельно от внешнего мира, то он не может быть отделен от человека. Внутренний мир, как мы уже отмечали, начинает формироваться с восприятия человеком собственных потребностей и переживаний, и в дальнейшем своем существовании он неотделим от потребностей и переживаний человека. Проживание жизни и есть с внутренней стороны поток изменений внутреннего мира, в каждый момент жизни вплетенный в реальные действия и поступки, обеспечивающий эти действия и поступки. В силу сказанного можно заключить, что внутренний мир человека - это **живой мир**, и потребностно – эмоционально – информационное единство, представляющее внутренний мир, – это **живая субстанция**.

Можно сказать, что эта субстанция и есть **душа человека**. Эта душа живет в единстве с телом и относительно независима от внешнего мира. Подчеркнем еще раз, что душа живет и может сама себя рефлексировать, может в каждый момент времени проживать всю жизнь или отдельные события. С этой точки зрения душа живет вне времени.

Давая характеристику души, мы использовали понятие **«субстанция»**. Как отмечал С.Л. Рубинштейн, к понятию субстанции мы с необходимостью обращаемся, когда делаем попытку отразить **сущность** вещи. Субстанция понимается как устойчивое в явлении. «Субстанция определяется как сущность, проявляющаяся в явлениях, выступающая в них в форме, осложненной несущественными, привходящими обстоятельствами, иногда маскирующими сущность, существенное в явлении» (12; с. 24). Именно такой субстанцией и является душа. Иными словами душа составляет сущность человека и проявляется в его поведении. Душа как сущность

личности, выступает той инстанцией, которая преломляет и преобразует внешние воздействия.

«Душа – субстанция» как сущность человека выступает устойчивым основанием личности в процессе ее взаимодействий с другими личностями и внешним миром в целом. Одновременно эта сущность человека выступает как основание всех его изменений.

Понятие души как субстанции позволяет понять такое сложное явление как сохранение и тождество личности в процессах ее изменения и развития. «Субстанция выступает как пребывающая сущность и ее проявления, как сущее, причина существования которого в нем самом, существующее как причина самого себя» (Там же; с.26). Внутренние отношения, субстанциональные отношения, отношения во внутреннем мире между его компонентами является основой, сущностью внешних отношений человека.

Говоря о душе как субстанции, не сводимой к ее проявлениям: отдельным ощущениям, восприятиям, мыслям, чувствам, стремлениям, желаниям, духовным состояниям, - мы фактически реализуем принципы системного подхода. Целое не сводится к частям, его составляющим, целое обладает новыми системными качествами. Одновременно душа как субстанция не существует отдельно от своих проявлений, вне психических явлений.

Выступая как единое целое, «душа – субстанция» одновременно выступает как организованное целое, имеющее свою структуру. Именно структурные связи и образуют внутренние условия, через которые преломляются внешние воздействия (Там же).

Субстанция детерминирует поведение человека и, как следствие этого поведения, может изменяться сама. Отсюда вытекает, что сама субстанция зависит от истории субъекта, жизненного пути личности. Анализируя детерминацию поведения человека со стороны сознательного существования, С.Л. Рубинштейн отмечает, что «психические явления выступают и как обусловленные условиями жизни людей, и как обуславливающие их

поведение, их деятельность... Внешние условия выступают как условия общественной жизни (общественный строй, политическая организация и т.д.), которые действуют через внутренние моральные установки человека, личности. Детерминация через мотивацию – это детерминация через значимость явлений для человека. Отсюда диалектика детерминации со стороны «влечения» и «долга» (внешней нормы). Отсюда также возможный подход к проблеме «ценностей», их шкале и динамике в зависимости от уровня бытия, жизни личности. Вопрос о «пользе» («утилитаризм»), о «счастье» (удовольствие, наслаждение, радость) и т. д. решается не абстрактно, а в зависимости от того, о человеке какого уровня жизни идет речь» (Там же; с.30).

Каково бы ни было содержание внутреннего мира, следует еще раз подчеркнуть, что это содержание через потребности и переживания всегда связывается с телом. Душа и тело всегда едины.

Развивающийся в процессе жизнедеятельности, в действиях и поступках, представленный в разных формах, внутренний мир по своей структуре должен отражать архитектуру системы деятельности. Каждая новая деятельность и поступок обогащают эту структуру новым содержанием. Одновременно на основе новой информации идет реструктуризация внутри каждого компонента функциональной системы человека (индивида, субъекта деятельности, личности). Системообразующими факторами в этих процессах, как мы уже отмечали, выступают мотивации и переживания.

Биологической основой, реализующей структуру внутреннего мира, выступает физиологически функциональная система поведения, в которой выделяются и морфологически фиксируются структуры нервной системы человека и, прежде всего, головного мозга (5; 7). Как показывают современные исследования, «в соответствии с генетической программой развития нервной системы отдаленные друг от друга структуры мозга развиваются в конкретных временных промежутках. Временная

характеристика как бы объединяет эти отделы мозга, определяя взаимосвязанную последовательность или синхронность их созревания. Синхронность развития событий в мозговых структурах, находящихся на отдалении друг от друга, обеспечивает возможность их **структурной и функциональной** (выделено В.Ш.) организации в определенный период нейроонтогенеза при условии своевременного воздействия специфических средовых факторов....

В соответствии с генетической программой нейрональные сети формируют функциональные системы, ответственные за созревание и реализацию конкретных неврологических функций. Развитие функциональных систем проходит несколько последовательных стадий: избыточное задействование нейронов и межнейрональных связей, как внутри системы, так и внешних информационных притоков к ней; постепенный отбор наиболее эффективных нейронов и межнейрональных контактов с минимизацией энергетических затрат внутри системы и высвобождением в резерв менее эффективных нервных клеток; постепенное ограничение, минимизация внешних связей функциональной системы. В результате, перестройка завершается, и функциональная система становится закрытой, и на этом этапе онтогенеза – относительно стабилизированной» 14; с. 6 – 7). Средовые факторы запускают новый виток развития нервной системы и одновременно «дают сигнал к редукции (отмиранию) старых навыков и автоматизмов – своеобразный эффект «обнуления»: новый этап развития должен начаться как бы с нуля, с отказа от прежнего этапа» (Там же; с. 5 - 6).

Мы привели эту длинную цитату, так как она отражает современный взгляд на развитие психоневрологических функций – движения, восприятия, интеллекта, речи, коммуникации, и, одновременно, перекликается с психологическими представлениями о развитии внутреннего мира и его

структуры. Это дает представлениям о процессе формирования внутреннего мира нейрофизиологическую основу.

7. Законы функционирования внутреннего мира

Длительное время, начиная с Декарта, европейская наука развивалась под влиянием идей детерминизма. В классической картине мира законы природы выражают определенность, т.е. при заданных начальных условиях мы можем с определенностью предсказать будущее или восстановить прошлое. Аналогичным было утверждение, что наука занимается изучением причин, а не случая. Кант возвел универсальный причинный детерминизм в критерий любого научного знания. Однако данная точка зрения все большим количеством ученых начинает подвергаться сомнению. В наиболее яркой и доказательной форме это высказано И. Пригожиным (8).

Изучение физики неравновесных процессов привели его к выводу о фундаментальной роли вероятностей. «Нам необходимы, – писал он, – не только **законы**, но и **события**, которые привносят в описание природы элемент радикальной новизны... Человечество достигло поворотного пункта – начала новой рациональности, в которой наука более не отождествляется с определенностью, а вероятность – с незнанием» (Там же; с.12 -13).

Весьма примечательно, что представители точных наук пришли к этому выводу в конце двадцатого столетия. Для представителей философии и психологии позиции жесткого детерминизма всегда создавали методологические трудности в описании поведения человека. Например, как разрешить проблему свободы выбора и ответственности. Если поведение человека детерминировано внешними факторами, и у него нет свободы выбора, то он не ответственен за свои поступки. Но если он свободен в выборе и несет ответственность за свой выбор, то его поведение не

детерминировано. Следовательно, нарушается фундаментальный признак науки.

Отказ от требований жесткого детерминизма открывает перед психологией новые возможности. Именно с позиций вероятностного подхода, признавая роль и закона, и индивидуального события, мы можем подойти к **описанию функционирования внутреннего мира человека как индивидуальности.**

Первый закон, который необходимо сформулировать, будет звучать так: «Внутренний мир человека эволюционирует и функционирует по вероятностным законам». Развитие внутреннего мира осуществляется по закономерностям, отражающим внешние воздействия. Но не меньшую роль в его становлении играют отдельные события. Можно с определенным основанием утверждать, что в жизни человека есть только цепь событий, и именно они определяют характерные особенности его внутреннего мира. Один поступок может изменить всю жизнь человека, все его мировосприятие. И мы недооцениваем роль и значение **поступка и случая** в развитии личности. Обычно мы обращаемся к типичному и постоянному в жизни человека, когда пробуем раскрыть причины формирования его личностных качеств, в то время как не меньшее значение имеют отдельные события и поступки этого человека, которые в силу их событийного характера выпадают из поля нашего внимания. В результате поведение человека становится для нас неожиданным, непредсказуемым. В то время, как во внутреннем мире были для этой неожиданности основания, оставленные отдельными событиями. Нам еще только предстоит осознать фундаментальную роль случая в развитии внутреннего мира. Законы в психологии должны базироваться не столько на определенности, сколько на **возможности.**

Второй закон, описывающий функционирование внутреннего мира, можно сформулировать так: «Нельзя предсказать величину воздействия на

внутренний мир любых возмущений начальных условий». Даже незначительные, казалось бы, события могут производить большой отсроченный эффект. Случайно сказанное слово может остаться незамеченным, а может вызвать цепь размышлений, приводящих в движение весь внутренний мир человека. С обозначенных позиций внутренний мир человека следует отнести к **неустойчивым системам**. Это дает возможность при описании внутреннего мира использовать методы, используемые для изучения неустойчивых систем (Там же). Законы, описывающие неустойчивые системы, носят статистический характер.

Неустойчивость внутреннего мира имеет следствием не только непредсказуемость поведения человека, но и объясняет такое явление как **творчество и новации**. Именно отсутствие жесткой детерминации порождает новые состояния и мысли.

Третий закон можно сформулировать так: «Внутренний мир человека является **самоорганизующейся** системой». Внутренний мир стремится в своей самоорганизации к устойчивому состоянию, которое характеризуется устранением чувства неопределенности и неудовлетворенности, стремлением перейти на стереотипные формы поведения. Последнее отражает передачу управления поведением с более высокого уровня (уровня сознания) на более низкий уровень (уровень бессознательного и подсознательного). Устойчивое состояние нарушается мотивацией и внешними воздействиями, которые часто ставят новые задачи перед индивидуумом, которые нельзя решить с помощью отработанных форм поведения (стереотипов). В процессе самоорганизации у системы внутреннего мира остается много состояний «выбора», которые и проявляются в новациях и творчестве.

В качестве особого фактора, нарушающего внутреннее равновесие, выступает воздействие одного человека на другого. Внутренний мир, отраженный в мыслях и чувствах одного человека, воздействует на

внутренний мир, мысли и чувства другого человека. В результате изменяется внутренний мир обоих взаимодействующих субъектов. С позиций самоорганизации становятся понятными попытки определить структуру внутреннего мира и уровневого функционирования психики. Самоорганизация всегда проявляется в структурировании целого.

Четвертый закон характеризует «необратимость состояний внутреннего мира». Во внутреннем мире нет эквивалентности между прошлым и будущим, между которыми стоит «настоящее». Развитие внутреннего мира отражает **стрелу времени** и характеризуется **необратимостью**. Человек никогда не может стать таким, каким он был, как бы он к этому не стремился. С высказанных позиций нуждается в уточнении высказывание С.Л. Франка о вневременности душевной жизни человека, который в любой момент времени может пережить любой момент своей жизни. В своих воспоминаниях человек действительно может вернуться к определенным периодам и отдельным событиям своей жизни, но он не может вернуться к внутреннему миру, характеризующему его в эти моменты, и воспоминание идет всегда с позиций настоящего внутреннего мира с соответствующими оценками и переживаниями. И утверждение Франка о том, что мы в мире знаний возвышаемся над временем и живем в вечности, представляет собой скорее образное выражение. Живем мы всегда в настоящем. Наше прошлое входит в наше настоящее преобразованным в процессах самоорганизации внутреннего мира. Прошлое же человечества включается через знания в наш внутренний мир, и мы можем его воспринимать только с позиций нашего настоящего внутреннего мира. Такая трактовка знания делает во многом понятной его значение в текущем внутреннем мире. Это значение определяется личностным смыслом и индивидуализацией знания.

Общие выводы

Проведенные исследования показывают, что индивидуальность человека определяется его внутренним миром, который предстает в научном анализе

как потребностно – эмоционально - информационная субстанция. Внутренний мир обусловлен всем жизненным путем человека, его наследственностью, характером отношений с другими людьми, различными видами деятельности, которые реализует человек, воспитанием и обучением (образованием).

Внутренний мир – саморазвивающийся, ведущий диалог с самим собой. Наиболее емко и адекватно внутренний мир отражается в понятии «душа» человека. Внутренний мир целостен и, в силу саморазвития, его нельзя познать полностью. Для субъекта, как и для внешнего наблюдателя, он всегда останется вещью в себе. И даже анализ всего жизненного пути, столь подробно бы мы его не проводили, не изменяет этого положения. Процедуры, применяющиеся в психоанализе, способны установить действие травмирующего фактора, но не позволяют раскрыть процесс становления внутреннего мира во всем его многообразии. Поэтому столь ясной становится необъяснимость и непредсказуемость поведения человека, которую отмечают многие психологи. В отдельные моменты жизни человек способен на взлеты самопожертвования и героизма, но он же способен и на безнравственные поступки.

Вместе с тем следует отметить и другую тенденцию: стремление к определенным фиксированным программам поведения, обеспечивающим минимизацию психических затрат. Это наблюдается с акта построения движения (которое мы рассмотрели достаточно подробно) до целостной деятельности, в которой автоматизируются все ее компоненты: информационная основа деятельности, планы и программы, процедуры принятия решения и исполнительных действий. Суть автоматизации заключается в том, что управление психическими процессами распределяется по различным уровням функционирования психики. То же самое наблюдается и в поведенческих актах. Устоявшиеся формы поведения, которые, как правило, относятся к типичным условиям, рассматриваются

окружающими как **индивидуальные качества** конкретного человека. Эти качества могут касаться типичных форм отношения к другим людям, и самому себе; к эмоциональным характеристикам поведения; к интеллектуальным показателям, интересам, установкам и т.д. Важно подчеркнуть, что в индивидуальных качествах проявляются лишь **устойчивые формы** душевной жизни, характерные для типичных жизненных ситуаций.

Таким образом, **понять индивидуальность можно, только рассматривая её как проявление внутреннего мира человека.** Но внутренний мир всегда во многом остаётся «миром в себе». Его невозможно изучать полностью, как внешнему исследователю, так и субъекту. Человек сам для себя во многом остаётся тайной, которую он не раскроет полностью, как бы ни старался, так как внутренний мир формируется, функционирует по вероятностному типу.

Но тогда, что же можно сказать об индивидуальности? Во-первых, что каждый человек индивидуален, во-вторых, что его индивидуальность является сплавом природных свойств и качеств, сформированных в процессе жизни, в-третьих, что индивидуальность выражается в устойчивых формах поведения, в-четвертых, что индивидуальность определяется внутренним миром или субстанцией, сущностью, душой, человека и является проявлением этой души.

Литература.

1. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. Л. 1968.
2. Аурелио Печчели. Человеческие качества. М. 1980.
3. Грегор Нарекаци. Книга скорби. Ереван. 1977.
4. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I-IV. М. 1978.
5. Лурия А.Р. Основы нейропсихологии. М. 1973.

6. Нижегородцева Н.В. Психологическая структура готовности детей к усвоению грамоты. Автореф. дисс. канд. психол. наук. Ярославль. 1993.
7. Прибрамм К. Языки мозга. М. 1975.
8. Пригожин И. Конец определенности. Время, хаос и новые законы природы. Москва-Ижевск. 2000.
9. Профессиональный стандарт педагогической деятельности. - Вестник образования №7. 2007.
10. Психология (Под ред. А.А. Смирнова А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна и Б.М. Теплова) М. 1956.
11. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб. 2002.
12. Рубинштейн С.Л. Человек и мир. М. 1997.
13. Рыбин В. А. Гуманизм как этическая категория. М. 2004.
14. Скворцов И.А. Развитие нервной системы у детей. М. 2000.
15. Теплов Б.М. Избранные труды. В двух томах. Т. 1. М. 1985.
16. Толковая Библия или комментарий на все книги Святого писания Ветхого и Нового Завета. В 3-х томах. Петербург. 1904-1913гг.
17. Филина С.В. Способности зрительного восприятия (у детей 10-12 лет). Автореф. дисс. канд. наук. Ярославль. 1995.
18. Шадриков В. Д. Введение в психологию (эмоции и чувства). М. 2002.
19. Шадриков В.Д. Ментальное развитие человека. М. 2007.
20. Шадриков В.Д. Мир внутренней жизни человека. М. 2006.
21. Шадриков В.Д. Проблемы системогенеза профессиональной деятельности. М. 1982.
22. Штерн В. Дифференциальная психология и ее методические основы. М. 1998.
23. Stern W. Person und Sache. System der philosophischen Weltanschauung. Leipzig, 1906.

III/ ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ В БЫТИИ

ОНТО – ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОНИМАНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ

1. Реальность индивидуальности

Исследование индивидуальности имеет свою историю, свои традиции и перспективы. В отечественной психологии специальному изучению этого явления были посвящены труды Б.Г.Ананьева, А.Г.Асмолова, Э.А.Голубевой, В.С.Мерлина, Ю.М.Орлова и других. Особое значение для развития данного направления психологической науки представляют работы К.М.Гуревича, В.Д.Небылицына, В.М.Русалова, Б.М.Теплова.

Сегодня наблюдается новый рост научного интереса к проблеме индивидуальности. Это связано с тем, что категория «индивидуальность», так же, как «дух», «душа», «психика», «личность», «сознание», «деятельность», означает нечто предельно важное для человека на всех этапах его исторического развития. Такой интерес порождается также стремлением современной (постнеклассической) психологической науки максимально приблизиться к живой ткани психического, наиболее естественно обнаруживающей себя в индивидуальном бытии каждого конкретного человеческого существа. «Психологическое познание и развивающая практика психологов имеют специфику, приобретающую сейчас принципиальное значение. – отмечает Е.Б.Старовойтенко - Она состоит в направленности на эмпирические реальности, в способности непосредственно влиять на них» (17; с. 4).

Собственно поэтому представляется актуальным рассмотрение феномена индивидуальности в онто - психологическом контексте, охватывающем

конкретного человека в полноте и многообразии его мира, сущности и жизни.

Реальность, скрытая за словом «индивидуальность», настолько сложна, таинственна и неуловима, что многие исследователи либо сознательно обходят ее своим вниманием, либо обесценивают ее как научно не объяснимую. И всякий раз, обращаясь к теме индивидуальности, психологическая наука вновь вынуждена доказывать факт присутствия в бытии данного феномена, отыскивать компромисс между тем, что является плодом фантазии, игрой воображения, проявлением гордыни («Я – индивидуальность!») и тем, что есть в действительности, между стремлением познать индивидуальность и невозможностью ее строгой формализации.

Если обратиться к истории вопроса, то открытие человеком в себе индивидуальности произошло достаточно поздно, где-то на границе эпох Возрождения и Барокко, когда возникло сомнение по поводу того, насколько подражание Античности следует считать высшим достижением творческого гения (6; 15). В этом смысле именно «неподражаемость» следовало бы признать исторически первым признаком и критерием индивидуальности. Должно было существовать и практическое оправдание неподражаемому: ведь именно оно несет в себе ростки нового. Это «новое» не всегда теоретически значимо и практически полезно, однако, при определенных обстоятельствах, удивительный сплав уникального, оригинального, истинного и значимого позволял человеку, а то и всему человечеству, сделать очередной стремительный рывок в своем развитии.

Поскольку случаи неподражаемости всегда носили индивидуальный, а не массовый характер, то, со временем, прилагательное «индивидуальный» как бы персонифицировалось и превратилось в существительное «индивидуальность». Признав себя индивидуальностью и желая глубже осознать и отстоять этот свой новый онто-психологический статус, человек

наполнял и дополнял его все новыми и новыми содержательными характеристиками: единичность, уникальность, неповторимость, незаместимость, непроницаемость, необычность, нетипичность, исключительность, оригинальность, самобытность, своенравность и др.

Однако наличие в нашем словаре того или иного термина «оправдывается» представлением о **сущности и необходимости существования** означаемого этим термином **сущего**, безотносительно к тому, является ли оно фрагментом объективной действительности или придумано субъектом с целью построения своего собственного мира.

2. Сущность и необходимость

«Индивидуальность» – категория, указывающая на сущностное своеобразие бытия конкретного человеческого существа, живущего в соответствии со своими принципами, способного и стремящегося по-своему творить свои внутренний и внешний миры, а также открывающего другим возможность иного, чем у них, способа жизнедеятельности. В общем приспособительном аспекте индивидуальность определяется как положительное отклонение от образца, заданного природными законами, некий дополнительный индивидуальный ресурс, к которому особь может обращаться, оказавшись в критической ситуации. В собственно человеческом аспекте индивидуальность рассматривается преимущественно в формате «нужности» для индивида или как фактор, условие и средство развития того или иного социума, человечества и даже космического мира.

Так, определяя общество как силу, угнетающую бессознательные порывы человека, требующую подчинения и приспособления к себе, З.Фрейд обратил внимание на складывающиеся в опыте каждого индивидуализированные механизмы защиты от давления окружающей среды. Даже обращаясь к психоаналитику, пациент пытается скрыть истинные причины своего

психологического неблагополучия или недуга. Выстраиваемые при этом защитные редуты, могут заслуживать наивысших баллов по шкале уникальности, оригинальности, непредсказуемости и т.п.

Экзистенциальная психология возникла на волне отрицания абстрактной рациональности и утверждения конкретной самоценности существования каждого отдельного человеческого существа, изначально озабоченного фактом конечности своего бытия и вынужденного искать свою дорогу к бессмертию. Универсальным условием и средством преодоления конечности человека признается процесс созидания ибо, созидая, он становится сущностно равным Природе, Логосу, Богу, на которых не распространяются ограничения пространства и времени. В то же время, невозможно созидать, подражая, поскольку творчество – процесс интимный. Его нельзя передать или перенять, ему нельзя научить так же, как, например, любви.

Феноменологическая психология использует в качестве ключевого понятие «интенциональности» как способности сознания быть обусловленным субъектом, что выражается в избирательной направленности человека на предмет, исходя из его личных интересов и потребностей. Понятие «эпохе» означает требование к человеку отказаться от всего прошлого и пришлого, чужого, заимствованного, наносного в пользу собственного, ничем не замутненного и во многом интуитивного взгляда на сущее, то есть, требование быть индивидуальностью.

Гуманистическая психология, рассматривая человека как целостную саморегулирующуюся систему, делает акцент на значимости не только общих, но и индивидуальных проявлений человека. Наряду с внешней, признается внутренняя детерминация активности индивида, подчеркивается необходимость его отношения к себе и другому как свободно творщим субъектам, авторам своей жизни, стремящимся развить и актуализировать свои индивидуальные интенции и потенции.

В упомянутых подходах, при всей их несхожести, индивид мыслится в качестве автономного **сущего**, настолько же свободного, насколько и ответственного за свою жизнедеятельность и ее результаты. Он есть нечто целое, состоящее из своих собственных частей и противостоящее природе, обществу, космосу как другим целым. Понимая, что никому в мире он не нужен больше, чем самому себе, что никто не знает его лучше, чем он сам, догадываясь, что на любое его социально-типичное действие существует социально-типичное противодействие, а также не желая быть только «фактором», «винтиком» или «пешкой» в чужой игре, индивид вынужден искать собственные пути разрешения противоречий своего существования, брать на себя ответственность за свою жизнь, во всех важных делах рассчитывать, прежде всего, на самого себя. Потому и **необходимо** быть неповторимым, уникальным, своеобразным, креативным, накапливать потенциал неадаптивной активности, как это советует делать В.А. Петровский, и не рассчитывать на «алиби в бытии», о чем предупреждал М.М.Бахтин.

Но как быть тому, кто мыслит свою жизнь не только в категориях индивидуального уклонения от смерти и отстаивания себя во враждебной природной и социальной среде, кто считает, что жизнь прекрасна в своих беспредельных возможностях? Не окажется ли в таком случае проблематичной сама необходимость индивидуальности как внутреннего фактора самосохранения и саморазвития единичного перед лицом всеобщего?

Действительно, нас побуждает к действию не только гомеостатический, но и гедонистический мотив, то есть, любовь к жизни, рождающая стремление к творчеству, созиданию, самопревосхождению, то есть, всему тому, что составляет, с точки зрения онтологии, лучшую содержательно-смысловую сторону человеческого бытия. Природа индивидуальности в таком случае объясняется не столько нуждой, сколько **избытком степеней свободы**,

которыми наделен человек, и в этом смысле она (эта индивидуальность) есть жизнерадостная и никогда не надоедающая игра всех наших творческих душевно-телесных и духовно-плотских сил. Именно «игра», потому что основывается на чистом онтичном интересе, а не желании что-либо за это получить или чего-то избежать.

Но как свободная индивидуальная жизненная игра отдельного человека соотносится с бытием других людей, человеческих сообществ, мира в целом? Различные варианты ответа на эти вопросы находим у ряда авторитетных исследователей.

Яркий пример рассмотрения индивидуальности с позиций «целое – цель, а часть – средство» находим в оригинальном произведении Э.В. Ильенкова, которое он сам назвал «философско-поэтической фантазмагорией» (9; с. 415-437). Суть изложенной в нем интриги состоит в том, что человечество («мыслящая материя») является частью Солнечной системы как некоего целого и выполняет в нем совершенно определенную миссию. Так, согласно космическому сценарию, к моменту, когда Солнце начнет угасать, человечество достигнет такого уровня овладения тайнами энергии и такого уровня нравственного совершенства, что сможет зажечь новое Солнце, но должно будет сгореть в этом огне.

Картина впечатляет и одновременно пугает. Больше всего смущает **предопределенность** нашего будущего. Выходит, что мы не индивидуальности, не субъекты своей жизни, а мыслящие роботы, создаваемые космосом тогда, когда ему нужно очередной раз обновиться. При этом, не известно, является ли такое обновление частью вселенской спирали или все идет по кругу.

Как здесь быть с индивидуальностью? Разве что рассматривать ее в аспекте служения, выполнения вселенской миссии. Мол, каждый **должен** хотеть быть неповторимым, уникальным, оригинальным и геройски

действовать во имя космической идеи самосожжения. Не случайно же такой популярностью в истории человечества пользуется образ Прометея, подарившего людям огонь и добровольно принявшего за это муки, а также образ Христа, явившего высший и в этом смысле уникальный образец самопожертвования во имя общего блага.

А что если чья-то натура окажет сопротивление мысли о самопожертвовании как высшей, нравственной ценности и предложит соорудить «Ноев ковчег», чтобы перед тем, как сгореть, успеть отправить в просторы Вселенной образцы развития природного и человеческого миров, чтобы сохранить и продолжить уникальный земной опыт жизни и деятельности этой «мыслящей материи». Такой поворот в фантазмагории не предвидится, из чего следует, что общество до конца своей истории должно будет отвергать и изгонять из своих рядов противников предопределенности, тех, кто помышляет быть «не таким как все». Однако, трудно не удивиться вместе с Г. Гессе тому, что в реальной жизни человечество, хотя и провозглашает величайшей добродетелью послушание своим произвольным законам и требует его от живущих, но принимает в свой вечный пантеон как раз тех, кто отказывается подчиняться этим требованиям и скорее готов проститься с жизнью, чем изменить своему нраву.

Не такой грандиозный по масштабам, но схожий по своей логике вариант рассуждений находим у социально ориентированных отечественных психологов советского периода, пытавшихся ответить на вопрос о сущности и необходимости индивидуальности. Так, А.Г.Асмолов, опираясь на положение о том, что «эволюция любых развивающихся систем предполагает взаимодействие двух противоборствующих тенденций – тенденции к сохранению и тенденции к изменению данных систем» (4; с. 26), пришел к выводу, что индивидуальность **нужна** социуму как системе для ее изменения, развития, дальнейшего совершенствования и процветания. При этом, хотя и затрагивается тема человека как субъекта деятельности, о равной ценности

индивида и общества речь не идет. Яркое проявление индивидуальности как бы приветствуется и поддерживается, но при условии, что это будет служить общественному прогрессу, человечеству в целом.

Ради справедливости, нельзя не вспомнить положение К.Маркса, на которое ссылались многие советские психологи, занимавшиеся проблемой индивидуальности, о том, что только в обществе, в коллективе человек может обрести подлинную свободу, стать самим собой и максимально раскрыть свои сущностные силы (Там же; с. 24-25). С этим трудно не согласиться, особенно, исповедуя диалектическую парадигму, но требуется уточнить высший смысл и конечную цель развития способности к такой «индивидуальной изменчивости и вариативности» (А.Г.Асмолов). Ведь в качестве этой цели может мыслиться как индивидуальная жизнь и развитие каждого индивида, для которой общество выступает условием и средством, так и жизнь общества, социума, человечества, «мыслящей материи» в целом и т.п. Во втором случае личность, субъектность, индивидуальность легко и просто превращается в «человеческий фактор», который должен испытывать гордость за то, что он есть часть целого, «единой общности», и что ему выпала высокая честь жертвовать собой ради ее светлого будущего. Быть индивидуальностью в данном случае, значит найти свой уникальный вариант самопожертвования. И чем больше будет таких индивидуализированных актов, тем скорее наступит это будущее. Остается ответить на вопрос о том, как в принципе индивидуальная изменчивость элементов системы может быть условием для исторической изменчивости системы в целом (Там же; с. 26), если эта индивидуальная изменчивость есть порождение данной системы?

Таким образом, каждому отдельному индивиду **необходимо** быть индивидуальностью, чтобы отстаивать свою идентичность, решать проблемы своей жизнедеятельности и, в конечном итоге, достигать аутентичности своего бытия в обществе и мире. Обществу как системе индивидуальность

каждого его члена **нужна** в целях собственного развития. Если в первом случае индивидуальность выступает как бы целью и средством для себя, то во втором – сырьем, материалом, ресурсом для другого, любить которого может и не всегда хочется, но должно, как всякая часть должна любить то целое, к которому принадлежит.

Допустим, что социум, человечество есть высшая целостность. Тогда следует признать, что она обладает и высшей индивидуальностью, еще более совершенной, чем индивидуальность каждого входящего в нее индивида. И это будет справедливо уже хотя бы потому, что нам ничего не известно о существовании чего-то подобного человечеству во Вселенной. Единственное, что смущает, так это принципиальная возможность появления завтра утром на горизонте корабля пришельцев. Но пока это не происходит, индивидуальность отдельного человека должна уступать индивидуальности человечества как целого, что может служить основанием для утверждений о том, что индивидуальность системы определяет индивидуальности ее частей, что общественное – первично, а индивидуальное – вторично, что общее не только включает, но и порождает особенное, единичное, уникальное и т.п.

Как здесь не вспомнить о гегелевской абсолютной идее? Но, почему также не вспомнить Аристотеля или Боэция, которые утверждали, что именно индивидуум есть субстанция в полном смысле, вид же и род – субстанции в смысле второстепенном. История также учит, что общежитие первобытных людей было необходимым условием и средством выживания каждого отдельно взятого индивида и как следствие – всего человеческого рода, но не наоборот. Жить и действовать всегда хотел и сейчас хочет именно конкретный человек, а не какой-то наиндивидуальный субъект, как бы он не назывался – народом, обществом или человечеством.

К объяснению природы индивидуальности можно подходить с разных теоретико-методологических позиций, которые, в свою очередь, зависят от той познавательной парадигмы, которая доминирует в конкретном обществе. Потому, очень не похожими, а в ряде случаев даже противоположными, могут оказаться определения индивидуальности, сформулированные субстанциалистами и эволюционистами, представителями индустриального и постиндустриального общества, классической, неклассической или постнеклассической науки, наконец, модернистами и постмодернистами.

Так, если классическая психология пыталась и пытается видеть в индивидуальности нечто сущностно определенное, не допускающее различных толкований, неклассическая допускает множество даже противоречащих друг другу определений, а постнеклассическая пытается увидеть в этом множестве единство, то постмодернисты склоняются к тому, чтобы осуществить деконструкцию индивидуальности. Это значит – так прочесть устоявшийся за этим термином «текст», чтобы исключить из него всякую метафизику с ее трансцендентностью, антропологию, требующую признать человека мерой всех вещей, гуманизм, воспевающий достоинство личности и превозносящий ее субъектную самоценность. В результате индивидуальность с ее уникальностью, неповторимостью, оригинальностью, креативностью и прочими нетиражируемыми свойствами оказывается демонтированной, а значит, вопрос о ее необходимости автоматически утрачивает свою актуальность.

Наглядный пример того, как это можно сделать, находим у современного писателя М.Кундеры, который оригинально представляет деконструкцию индивидуальности через понятие жеста. Мы, пишет он, пользуемся общепонятными жестами как своими, но жестов гораздо меньше, чем людей, следовательно, жесты более индивидуальны. «То есть, жест нельзя считать ни выражением индивида, ни его изобретением (ибо никакой человек не способен изобрести свой совершенно оригинальный и только ему

свойственный жест), ни даже его инструментом. Напротив, это скорее жесты пользуются нами как своими инструментами, носителями, своим воплощением»(11,с.12).

Более сложную, но и более целенаправленную схему деконструкции индивидуальности предлагает российский социальный философ Т.Х.Каримов. «Индивид для своего отождествления с другими индивидами отделяет себя от них. В этом процессе отождествления и различения образуется пространственно-временной интервал между индивидами. Интервал, который отделяет индивида от другого, существует и внутри самого индивида. Интервал отделяет его от того, чем он не является. Вот это движение тождества и различия создается и, в то же время, результируется (в) индивидуальности (ю). Индивидуальность, таким образом, является дуальностью индивида... Индиви(д)-дуальность как изначальный синтезис предшествует и индивиду, и индивидности. Индивиды (неделимые) как отличные друг от друга могут существовать только в силу того, что индиви(д)-дуальность (делимое) производит индивидов как неделимых и далее индивидность как отличных друг от друга индивидов» [10].

Как можно заключить, предпочтение в этом исследовании отдается механизму вычленения частей из целого: неделимое и отличное = корень квадратный из **индиви(д)-дуальности**. Однако, возникает вопрос о психологической природе такого «синтезиса» как «индиви(д)-дуальность». И как же быть с понятиями неповторимости, своеобразия, уникальности, оригинальности? Две ветки одного дерева тоже «отличаются» друг от друга, но никто не станет называть их неповторимыми индивидуальностями. Автор не касается этих проблем. Может быть именно потому, что поставил себе задачу деконструировать индивидуальность? В итоге, имеем повод для дискуссии о том, является ли индивидуальность результатом «восхождения» индивида или сам этот индивид вместе с его индивидностью есть то, к чему лишь «нисходит» изначально существующая индивидуальность.

Кстати, подобная схема выведения отдельности из некоторой целостности встречалась уже у древних схоластов (Иоанн Скотт Эригена), где утверждается, что Бог есть высшее единство, что Он прост и, тем не менее, многообразен. Происхождение из Него есть размножение божественного блага путём нисхождения от общего к отдельному; после самого общего существа всех вещей образуются роды высшей общности, потом следует менее общее, до видов, и, наконец, при посредстве специфических различий и свойств – индивиды.

В нашем понимании, индивидуальность необходима человеку для выживания, жизненного самоутверждения и дальнейшего развития. Ощущая, а затем и осознавая эту необходимость, он превращает ее в возможность и потому в определенном смысле становится свободным по отношению к ней. При этом человеком руководит не только и не столько расчет, сколько перспектива радостного переживания и творческого открытия аутентичности своего уникального бытия.

3. Рождение, становление, восхождение

От вопроса о необходимости индивидуальности логично перейти к вопросу об ее возможности и действительности.

Здесь тоже существует несколько точек зрения. Согласно одной из них, индивидуальность в смысле неповторимости, уникальности бытия сущего есть его имманентное свойство. Это означает, что вместе с зарождением новой человеческой жизни зарождается и новая человеческая индивидуальность, профиль которой определяется уникальным сочетанием физических, химических, биологических, психологических, культурно-исторических и др. условий и факторов. Даже проект рождения ребенка, вынашиваемый его родителями, имеет свою неповторимую специфику (В.В.Давыдов), которая в снятом виде включается в его индивидуальность. В

этом смысле можно говорить об индивидуальности как имманентном сущностном свойстве каждого человеческого существа. Иное дело – кто и как хочет, может или считает нужным ее проявить. У одного, благодаря его талантам, она проявляется выразительнее, ярче, сильнее, чем у другого. Кому-то мешает это сделать скромность, кому-то робость. Кто-то остается непонятым или неразгаданным, а еще кто-то сам изменяет себе и становится «как все».

Если признать, что мы приходим в мир с индивидуализированной интенцией и потенцией человеческого бытия, то дальнейшее развитие может пониматься как постепенное наложение этой изначальной печати индивидуальности на все новые слои жизнеосуществления человека – от простой реакции на стимул до высших движений души и духа. Не непосредственно, а через усложняющееся и обогащающее взаимодействие с миром и самим собой. Важно, что в это взаимодействие вступает не что-то «обезличенное», а нечто с самого начала уникальное, единственное в своем роде, отстаивающее свою неизменность (бытие собой) в изменяющейся социальной и природной среде.

Согласно другой точке зрения, индивидуальность есть результирующая от взаимодействия индивида и социализирующей (обуславливающей) его среды. В этом смысле показательными можно считать высказывания В.С.Мерлина о том, что «индивидуальный стиль усваивается», или что «индивидуальность усваивается путем научения» (12; с 178.).

Чем этот подход отличается от предыдущего? Прежде всего, тем, что момент зарождения индивидуальности отрывается от момента зарождения новой жизни как чего-то уникального и привязывается к моменту, когда человеческое существо, присвоив плоды культуры, оказывается готовым творить, созидать то и так, что и как ему хочется. Преодоление этого отрезка жизненного пути требует от индивида проявления особого рода активности,

направленной на освобождение от унаследованного архетипичного и приобретенного социотипичного. Например, Ю.М.Орлов образно обозначил этот процесс словом «восхождение» (13).

Какие дискуссионные вопросы и проблемы могут возникнуть по поводу этого взгляда на генезис индивидуальности? Получается, что далеко не каждому из нас суждено обрести индивидуальность, что дети, подростки, юноши еще не могут обладать этим качеством. Всякое восхождение предполагает представление о конечном пункте, а это значит, что у восходящего должен быть образ его индивидуальности и пути, ведущего к ней. В связи с этим возникает вопрос о принципиальной возможности предвосхищения человеком своей индивидуальности как уникального, неповторимого способа самобытия. Кроме того, в силу разных обстоятельств (как внутренних, так и внешних), тот, кто все же осуществит восхождение, может потерять по пути что-то очень важное и станет индивидуальностью не такой, какой бы ему хотелось или даже противоположной своим ожиданиям.

Если индивидуальность является результирующей от взаимодействия индивида и среды, то кем или чем, а также каким образом обеспечивается этот результат? Не будет ли такая индивидуальность своеобразным продуктом капитуляции неповторимого перед всеобщим?

Вспомним положение, что обществу нужны (!) индивидуальности. Правда, определенного рода и количества. Здесь и возникает вопрос о целенаправленном формировании, управлении, контроле развития уникальности, неповторимости и т.д. И тут уже не столько сам индивид, сколько воспитывающий его субъект, должен знать, какая индивидуальность может получиться в данном конкретном случае, что с ней делать, учитывая социальный запрос и принятые нормативные критерии оценки неповторимости, какую меру обобщения (Б.Ф.Ломов) допустить в определении индивидуальности и ее проявлений и т.д.

Частично примирить рассмотренные позиции позволяет различение двух ликов индивидуальности: как свойства или качества индивида и как отношения, оценки, даваемой этому качеству со стороны. Суть примирения состоит в том, что человек рассматривается как изначально уникальное создание, интуитивно ощущающее свою уникальность, но узнающее о ней со временем и от других людей. Однако мнения других могут быть субъективными, ситуативными, ошибочными, манипулятивными и т.п.. Потому должен быть некий общепринятый критерий, позволяющий отделять индивидуальность от всего того, что нею не является. Откуда берется этот критерий? Надо думать, что в результате наложения множества пересекающихся оценок и самооценок на множество оцениваемых индивидуальностей, формируется образ, например, «яркой индивидуальности», который как-то интерпретируется, обобщается, формализуется, интериоризируется, преломляясь через «внутренние условия». Данный образ становится критерием, который признают и которым практически пользуются представители той или иной социокультурной группы.

Таким образом, с точки зрения «генезиса», индивидуальность – это:

- врожденное свойство человека, по которому его можно идентифицировать как отдельный биологический организм (хромосомный набор, код ДНК) на любом этапе онтогенеза; оно изначально и на протяжении всей жизни оказывает влияние на процесс его развития не только как организма, но также как носителя и субъекта душевной, духовной и социальной жизни (**рождение индивидуальности**);
- приобретенное свойство человека – результат взаимодействия и сочетания его индивидуальных особенностей с особенностями природной и социальной среды (**становление индивидуальности**);

- результат целенаправленного формирующего влияния институтов социализации (**формирование индивидуальности**);
- результат целенаправленной, все более сознательной активности самого индивида как субъекта собственной жизни (**восхождение к индивидуальности и ее отстаивание**);
- результат оценивания окружающими уникальных особенностей индивида (**открытие или приписывание индивидуальности**).

Обобщая сказанное, следует признать, что для дальнейшей разработки психологической теории индивидуальности важно не только учитывать разные подходы или примирять их, но также попытаться выстроить некоторую **синтетическую модель**, в которой представления о «рождении», «становлении», «формировании» индивидуальности, а также «восхождении» к ней не обесценивали, а органично дополняли друг друга. Тем более, что «результат» каждого из этих вариантов движения к индивидуальности отличается своей спецификой. В одном случае – это может быть индивидуальное своеобразие способа реагирования организма на стимул, в другом, – уникальная неповторимость продуктов душевной или духовной созидательной активности личности, которые, тем не менее, связаны между собой какой-то генетической ниточкой и потому составляют нечто единое целое – индивидуальность человека как таковую.

Наряду с чисто генетическим, можно выделить «конструктивный» аспект исследования индивидуальности, когда фокус внимания перемещается на сам механизм ее формирования, конструирования, развития.

Парадоксально, но в исследовании индивидуальности как уникального, неповторимого довольно часто в качестве ключевого встречается слово «**много**». Так, у В. С. Мерлина речь идет о «много-многозначных», «одноуровневых», «трехуровневых», «многоуровневых» связях в структуре индивидуальности. У В. М. Русалова индивидуальность человека

представляет собой систему многомерных и многоуровневых отношений, охватывающих все совокупности условий и устойчивых факторов индивидуального развития человека. В одной из своих последних публикаций В.А.Петровский говорит о «единственности Зинаиды Гиппиус» как «лингвистической точке опоры в осмыслении сути индивидуальности», но определяет последнюю как «мультисубъектное объединение», «единомножие Я», «триумвират субъектов». (14).

Что приводит автора к такому решению? Судя по всему, невозможность объективного исследования индивидуальности как «неотразимого» (невоспроизводимого, неповторимого, уникального, единичного). Проблема намечена тонко, но насколько возможно решать ее путем превращения «единственности» в «единомножественность»? Если мы будем бесконечно множить внутренний мир личности, например, раскладывая его на инстанции «Ребенок», «Взрослый», «Родитель», сможем ли мы в результате приблизиться к пониманию ее неделимой индивидуальности?

Нет сомнений, что индивидуальность может быть описана даже математически. Однако, насколько мы продвинемся в понимании ее сущности путем дифференциальных исчислений или оперирования представлениями об интеграле? Кстати, В.С.Мерлин – автор концепции интегральной индивидуальности – видел эти сложности, сознательно ограничившись интеграцией лишь определенных уровней психической жизни. Ведь, если не сделать этого, то перед исследователем может открыться дорога в «дурную бесконечность», усеянная все новыми и новыми много-многоуровневыми и много-многозначными связями. В итоге, психическая материя начнет «исчезать», и индивидуальность превратится в энергетический феномен, которым действительно должна будет заниматься уже не столько психология, сколько математика и физика. Но это уже будет какая-то иная, не человеческая индивидуальность.

4. Детерминация

Погружение в проблему индивидуальности рано или поздно приводит к вопросу о том, является ли она чем-то «законнорожденным» или есть продукт случайных связей и стечений множества обстоятельств? Чтобы сразу заострить тему, кратко перескажем оригинальную историю об индивидуальности и случайности, не случайно придуманную уже упомянутым нами М. Кундерой.

Бог – изобретатель космического компьютера. Он вложил в компьютер дискету с подробной программой и потом удалился. В Его отсутствие никто ничего не может в ней изменить. Это не значит, что будущее запланировано в деталях, что «там, наверху» все расписано. Программа не является провидческой антиципацией будущего, а указывает лишь пределы возможностей, внутри которых все предоставляется случайности. В программу заложен лишь прототип человека, сообразно которому возникло великое множество экземпляров, являющихся производными изначальной модели и не обладающих никакой индивидуальной сущностью. Точно так, как не обладает ею отдельно взятый автомобиль марки «Рено». Его сущность содержится вне его, в архиве главного конструкторского бюро. Отдельные машины разнятся лишь производственным номером. Производственный же номер человеческого материала – лицо, это случайное и неповторимое сочетание черт. Лицо – всего-навсего номер экземпляра (11; с. 16-17).

Не будем пытаться понять собственную позицию автора в этом вопросе. Отметим лишь четкость предложенного варианта детерминации индивидуальности. Суть его в том, что мы не можем быть никем иным, кроме как людьми, и в этом каждый из нас подобен каждому. Только внутри этого подобия мы можем себе позволить быть собою, но эта наша «самость» по своей природе есть не более, чем игра случая. Кстати, В. С. Мерлин также связывал природу индивидуальности не только с много-многоуровневостью и много-многозначностью, но и с представлением о «случайных,

вероятностных, стохастических связях», о «зоне неопределенности деятельности» (12).

Однако из всего этого следует вопрос: «А что, если по каким-либо причинам его величество Случай просто не произойдет? Значит ли это, что индивидуальность как таковая не явится во всей ее неповторимой уникальности?». Не исключено и то, что случайность со временем может получить свое причинное объяснение, а вероятность и стохастичность могут быть просчитанными. Если пытаться и дальше размышлять в этом направлении, то можно, например, прийти к выводу, что неповторимость, уникальность и другие признаки индивидуальности есть случайные, временные, относительные явления. Что всякая индивидуальность рано или поздно превращается в универсальность, типичность, обычность, повседневность, тривиальность и т.п. Что все, в конечном итоге, зависит от внешних факторов и обстоятельств, а не от сущностных возможностей ее носителя.

Действительно, если не брать во внимание «случай» с Берлиозом на Патриарших прудах, то детерминанты и условия появления на свет каждого человеческого существа и его последующего бытия в мире содержат в себе значительную долю случайного. Во многом случайным бывает выбор брачного партнера, а также решение будущих пап и мам по поводу их будущих детей. Трудно сказать, были бы мы такими, как есть, если бы более везучим оказался какой-то другой из множества сперматозоидов. Кому-то из нас после рождения посчастливилось оказаться в благополучной семье, а кому-то в приюте для сирот. Даже однойцовые близнецы, выросшие в одной среде, отличаются по своим психологическим характеристикам, ибо каждый из них в каждый момент жизни погружен в мир, сложенный из случайного сочетания разного рода условностей и необходимостей.

Можно ли из всего этого сделать вывод, что именно случайность сочетаний в пространстве и времени вещей и процессов, причин и обстоятельств определяет то, что мы называем индивидуальностью? Ведь в противном случае нам придется признать, что индивидуальность есть результат преднамеренной активности, продукт волеизъявления, более или менее скрытого желания, что индивидуальностью не рождаются, а становятся, что каждый, желающий стать индивидуальностью, должен представить себе высокую и неприступную вершину, на которую, нужно «восходить».

Но если индивидуальностью не рождаются, и она не есть случайность, то ее можно и нужно целенаправленно формировать и развивать. Желательно с малых ногтей, пока дитя лежит поперек лавки и даже раньше, но так, чтобы эта наша индивидуальность не была вредной для себя и других, не зашкаливала в сторону патологии и вписывалась в социально приемлемые нормы. А это значит, что к индивидуальности нужно не только восходить, и не только ее отстаивать, но также присматривать за ней, контролировать, чтобы процесс ее формирования у данного индивидуума осуществлялся в нужном, «не случайном» направлении.

Если индивидуальность нам необходима, значит ли это, что мы должны хотеть быть индивидуальностью, целеполагать ее и вообще беспокоиться по этому поводу? Должна ли индивидуальность требовать или хотя бы ожидать признания? Ю.М. Орлов говорит о присущей человеку потребности «быть неповторимым, отдельным» (13). И с этим трудно не согласиться, ибо человек, как и всякое сущее, не может не хотеть быть и быть именно собой. Уже поэтому индивидуальность не случайна. Заманчиво, конечно, учтя все «за» и «против», попытаться как-то примирить необходимость и случайность в едином объяснительном конструкте. Не исключено, что эта задача не имеет однозначного решения. Но, желая все же разобраться в том, что в индивидуальности от случайного, что от необходимого, а что и от того и от

другого, мы решили обратиться к какой-нибудь простой аналоговой модели и остановили свой выбор на обычном калейдоскопе – детской игрушке, вызывающей у наблюдателей удивление от эффекта новообразования фигур.

Примем условно каждую открывающуюся взору калейдоскопическую фигурку в качестве аналога индивидуальности. Основанием для аналогии можно считать ее объективно наблюдаемую уникальность и неповторимость. При этом, ожидаемый эффект «фигурной индивидуальности» может быть достигнут при условии выполнения ряда психотехнических требований. С технической стороны, **необходимо** некоторое количество **случайным** образом полученных (можно с помощью обыкновенного молотка) разноцветных осколочков стекла. **Необходимо**, чтобы эти цветные осколочки размещались на смотровой площадке калейдоскопа в **случайном** порядке. **Следует** также предусмотреть возможность **случайного** перемещения осколочков по отношению друг к другу в одном пространстве и времени: **необходимо** определенным образом встряхивать осколочки, чтобы каждое последующее движение по силе, направленности, амплитуде и т.д. было максимально **случайным** по отношению к предыдущему. С психологической стороны следует предположить **необходимость** существования специфической «потребности в индивидуальности» – спонтанного, изнутри детерминированного, а значит, свободного, стремления всякого сущего к уникальному самобытию как ценности, которое, как всякая счастливая **случайность**, не вписывается ни в какие каноны и не может быть стандартизирована. Другим **необходимым** психологическим условием следует считать существование специфической готовности к идентификации уникального и его воссозданию в себе и в мире.

К каким выводам, относительно детерминации и особенностей процесса «производства» индивидуальности, можно прийти и какие экстраполяции сделать на основе рассмотрения представленной аналоговой модели?

Итак, по аналогии с уникальным узором, наблюдаемым в калейдоскопе здесь и теперь, индивидуальность можно рассматривать как некую данность, атрибутивное свойство конкретного человека, Только ловко встряхивая калейдоскоп, можно получить новый уникальный узор. Это значит, что индивидуальность не возникает на пустом месте, сама по себе, беспричинно, но предполагает существование специфической нужды-потребности и соответствующей активности, усилий, помноженных на умения. Здесь появляется несколько новых аспектов. Во-первых, свойство индивидуальности как бы переносится с неповторимого узора на сам калейдоскоп, его создателя и того, кто (или что) его встряхивает. Во-вторых, возникает вопрос о возможности расширенного воспроизводства индивидуальностей. В-третьих, заявляет о себе проблема относительности, условности индивидуальности. Дело в том, что количество уникальных узоров, которое можно получить путем встряхивания калейдоскопа, настолько велико, что мы просто вынуждены согласиться признать все сочетания осколочков случайными, а потому – уникальными. Отсюда может напрашиваться вывод о зависимости оценки феномена индивидуальности от наших различительных (в частности, математических) способностей, от мотивации различения и возможности согласования позиций наблюдателей по поводу того, что и при каких условиях считать, а что не считать индивидуальностью, уникальностью и неповторимостью.

Если ограничиться аналогией индивидуальности с неповторимым узором, наблюдаемым в калейдоскопе, то можно также высказать предположение, что она представляет собой нечто целое, имеющее различное элементное наполнение и различную структуру. Частей, составляющих индивидуальность, может быть бесчисленное множество, может быть определенное или постоянно меняющееся количество, ограниченное рамками целого. Мы можем вычленить в индивидуальности как целостности столько и таких ее частей, сколько и каких нам позволит уровень наших

познавательных возможностей и наша исследовательская мотивация. Кроме того, при вычленении частей индивидуальности мы можем руководствоваться различного рода практическими соображениями, например, выбирать те из них, которые важны и нужны для развития, воспитания и психологической поддержки личности.

Части (разноцветные осколочки), из которых складывается узор индивидуальности, могут быть идентичными друг другу, и тогда профиль ее будет зависеть только от их количества и принципа соединения. Например, из разного количества одинаковых отрезков можно построить треугольник, ромб, звезду и т.д. Иное дело, когда части не равны как по форме, так и по содержанию. Здесь аналоговой картинкой может выступить конгломерат различных геометрических фигур, соединенных на основе какого-нибудь принципа, или, например, коллаж на заданную тему. На более высоком уровне развития не только целое, но и каждая его часть может представлять индивидуальность. И тогда будем иметь качественно новую конструкцию, которая, в свою очередь, принципиально усложнится в зависимости от того, будут ли целое и каждая из его частей осознавать себя отдельными и одновременно связанными воедино и как-то соподчиненными между собой индивидуальностями.

Интересным в этом смысле представляется вопрос о **степенях свободы** частей, из которых формируется индивидуальность человека. Казалось бы, чем больше таких степеней, тем большее число комбинаций можно получить на одном и том же количестве элементов. Трудно даже представить, что может дать сочетание элементов с различным, да еще и меняющимся числом степеней свободы. Если предположить, что каждая часть находится в своеобразном состязании с другими частями за право считаться определяющей в профиле индивидуальности, то не исключено, что она может возомнить себя чем-то более свободным, чем даже само целое, будет

притязать на автономию, а то и на роль нового целого, включающего в себя старое.

Очень непростой и, одновременно, актуальной в контексте вышесказанного представляется проблема **качества индивидуальности**. Какую индивидуальность следует считать более совершенной или подлинной: ту, которая время от времени дает новый неповторимый узор, или та, которая, один раз заявив о себе как таковой, по сути, не меняется в своей уникальности всю оставшуюся жизнь?

Или вопрос о **сроке жизни** индивидуальности? Одно дело, если счет ее дней начинать с зачатия и заканчивать смертью человека. Другое, – когда речь идет о «восхождении» к индивидуальности. Ведь кто-то может всю жизнь штурмовать эту высоту, но так на нее и не взобраться, а кто-то, взобравшийся, тут же может скатиться вниз. Возможно и третье предположение, что индивидуальность существует до тех пор, пока ее проявления не становятся чем-то привычным, обычным, типичным для самого человека и для его окружения, или пока вдруг ему не встретится на пути что-то очень ее напоминающее. Что делать, если индивидуальность со временем начинает угасать, утрачивать свою яркость, а затем и себя самое? Здесь возможны два пути. Либо восстановление утраченного посредством наполнения старой формы новым содержанием и смыслом, выхода в новые сферы самореализации. Либо обращение к своим внутреннему и внешнему мирам в попытке стать новым самим собой, сохраняя историческую преемственность со своим неповторимым прошлым.

Если отталкиваться от рассмотренной аналоговой модели, то операция «встряхивания калейдоскопа» обладает, вероятно, наибольшим потенциалом вариативности, ибо задает воистину непредсказуемую траекторию движению каждого осколочка, которая становится еще более замысловатой и хаотичной

от их столкновения друг с другом. Экстраполируя это на нашу психическую жизнь, можно констатировать множество неумышленных, неожиданных столкновений сознательного и бессознательного, мысли, воли и чувства, долга и желания, души и тела, что часто бывает результатом непредполагаемых жизненных потрясений. Однако, такое броуновское движение вряд ли свойственно здоровой психике. Этой неумной свободе порождения уникального должна противостоять некая сдерживающая, организующая и направляющая сила.

Здесь имеет смысл сказать несколько слов о возможных нарушениях в проявлении индивидуальности. Можно, конечно, рассмотреть различные неисправности калейдоскопа, искажающие процесс производства неповторимых фигур. Но, по сути, основная и самая разрушительная неисправность может быть вызвана тем, что место случайного займет необходимое или наоборот. Так, в норме никому доподлинно не известен проект развития индивидуальности конкретного человека (конечный продукт, логика и технология). Иначе это будет то же самое, если вместо встряхиваний, кто-то решит выкладывать калейдоскопические узоры собственноручно. Другого рода неисправности могут быть вызваны нарушениями в системе, позволяющей созерцать то, что происходит в калейдоскопе. Так и в жизни людей, реально существующая индивидуальность может быть не идентифицирована ни ее носителем, ни окружающими по причине неумения ее проявить или заметить, распознать. В этом смысле А.С.Пушкину посчастливилось, что старик Державин его «приметил, и в гроб, сходя, благословил». То есть, можно говорить, с одной стороны, о незрелости, неразвитости, деформации, деградации человека как индивидуальности, а, с другой, – о неспособности или нежелании разглядеть, признать и принять индивидуальность другого, помочь ему раскрыться и утвердиться в этом качестве.

Нельзя, конечно, не отметить ограниченность возможностей, которые раскрывает исследователю такая простая аналоговая модель, как игрушка – калейдоскоп. Вместе с тем, обращение к ней позволяет, как нам кажется, сделать несколько более осязаемой ту реальность, которую мы обозначаем словом «индивидуальность», а также сформулировать ряд проблем, требующих специального обсуждения.

5. Общее и парциальное

Вернемся к уже затронутой теме о том, где искать источник индивидуальности с ее неповторимостью, уникальностью, своеобразием. Заходим в Интернет и узнаем, что «индивидуальность» есть понятие, обозначающее «уникальное и неповторимое проявление более или менее стандартных психологических качеств (потребностей и способностей, темпераментальных свойств и характерологических качеств, интересов и особенностей интеллекта и т.п.), свойственных психике и личности отдельного человека».

Какие вопросы могут возникнуть в связи с этим определением? Во-первых, индивидуальность здесь трактуется не как свойство человека, а как уникальное и неповторимое «проявление» более или менее стандартных качеств и свойств, присущих психике отдельного человека. То есть, как бы допускается мысль, что индивидуальность возникает и существует не раньше, а в результате развития свойств, присущих индивиду. Во вторых, эти свойства, как оказывается, не обязательно должны нести на себе печать индивидуальности, то есть, могут быть «стандартными», типичными, такими, как у всех.

Сказанное интересно соотнести с приведенным выше положением о том, что изменчивость элементов системы есть порождение самой этой системы. И поскольку целое обладает свойствами, которые не сводятся к сумме свойств его частей, поскольку лишь с позиций целого можно говорить о

сущности сущего, то именно целое и должно как бы задавать, обуславливать, опосредствовать качественное своеобразие своих частей.

Определяя интегральную индивидуальность как состоящую из парциальных индивидуальностей, а также выводя понятие индивидуального стиля деятельности, В.С. Мерлин подчеркивал, что именно этот стиль оказывает влияние на процесс изменения индивидуальных особенностей, присущих разным слоям психического. Б.Г.Ананьев констатировал, что индивидуальное своеобразие является свойством, присущим и человеку как целому, и любой структурно-функциональной части этого целого.

Однако, если признать влияние индивидуальности как целого на индивидуальность его частей, то может получиться, что последняя начнет терять свою индивидуальность, что не может не сказаться на индивидуальности целого.

Согласно другой версии, между индивидуальностями вообще и между «общей» индивидуальностью и индивидуальностями, которые она интегрирует в себе, идет постоянная борьба. И совсем не обязательно, чтобы верх в этой борьбе всегда одерживала интегральная индивидуальность. Может случиться, что яркость и колоритность всей нашей фигуре придает какая-то отдельная физическая черта или черта характера.

Завершая тему общего и парциального, остановимся на вопросе о возможности приписывания свойства индивидуальности таким глобальным целостностям, как, например, Космос, Вселенная, Природа, Логос, Разум, Дух, Бог. Эти «сущие», как бы их не трактовали, в высшей или даже абсолютной степени отвечают нашим представлениям об индивидуальности как единичности, неповторимости, уникальности. Потому, нас может страшить мысль о параллельных мирах, других цивилизациях и пришельцах, может вызывать защитную реакцию или агрессию идея многобожия, но при этом казаться кощунственным вопрос о том, является ли Бог индивидуальностью. И дело здесь не в глобальности, а в

том, что это уже территория универсального с его атрибутами безмерного, несравнимого, вневременного, вечного.

Тем не менее, называя себя «богоподобным» существом, человек стремится и в этом смысле быть неповторимым. Но, если быть последовательным, то и богоподобие, как и всякое «подобие» вообще, нивелирует индивидуальность как таковую. Кстати вспомнить церковный догмат о равенстве всех перед Богом. Может, претензия человека на индивидуальность есть признак «гордыни» и должна всячески порицаться и искореняться?

Если далее распространять идею индивидуальности на такие реально существующие глобальные целостности, как человечество, общество, народ, класс и продолжить этот ряд менее глобальными, как, например, партия, производственный коллектив, спортивная команда и т.д., то возникает два предположения: а) по мере увеличения сообщества, к нему все труднее применимо понятие индивидуальности и наоборот; б) понятие индивидуальности приложимо только к тем сущим, которые в принципе можно сравнивать между собой.

Так, не просто, но можно попытаться создать индивидуальный социально-психологический портрет украинского или российского этноса и, сравнив его с портретами всех других этнических групп, вычленить то, что присуще только ему. Однако очевидно, что подобную операцию невозможно осуществить с человечеством в целом. Разве что, соотнести портреты его прошлого, настоящего и будущего. Но это уже будет другая тема – об изменении, развитии, качественных превращениях сущего, а не о наличии или отсутствии у него качества индивидуальности.

6. Форма и стиль

В недавней истории отечественной психологии 1986 год был отмечен выходом нескольких трудов по проблеме индивидуальности. Речь идет, в

частности, об упомянутой книге А.Г.Асмолова, а также книге В.С.Мерлина «Очерк интегрального исследования индивидуальности». В своей работе Мерлин придерживается установки, что социальное, общественное, коллективное первично, а индивидуальное – производно, вторично. «Интегральная индивидуальность – это форма существования различных социальных типов, – подчеркивал он. В каждом социальном типе имеется специфическое бесконечное множество интегральных индивидуальностей, в которых он выражается» (12; с. 34). И далее индивидуальность определяется им как «индивидуальный стиль деятельности».

Стиль, действительно, является формой выражения некоторого содержания. И не исключено, что у каждого из нас может быть свой индивидуальный стиль деятельности и даже стиль жизни, о чем писал А.Адлер. Но тут возникает вопрос, к которому мы уже обращались, а именно: можно ли считать неповторимым и уникальным то, что воспроизводится одним и тем же человеком многократно? К кому более приложима характеристика индивидуальности: к тому, кто выработал свой оригинальный стиль деятельности и воспроизводит его всю свою жизнь, или к тому, кто постоянно меняет, обновляет свои стили, является неповторимым не только в сравнении с другими, но также по отношению к самому себе? Здесь не существует однозначного решения. Ясно лишь то, что, с одной стороны, индивидуальность, чтобы быть замеченной и признанной, должна проявить себя как нечто стабильное на протяжении какого-то определенного времени. С другой стороны, она должна все это время выдерживать испытание на неповторимость, уникальность и т.д. В.А. Петровский, столкнувшись с этим противоречием, определяет индивидуальность как «мультисубъектное образование» (14).

Второй вопрос касается того, исчерпывается ли индивидуальность общей стилевой характеристикой или все же уникальное, неповторимое следует искать также в смыслах, ценностях, содержании и целях

деятельности? Отвечая на этот вопрос, мы разделяем точку зрения тех исследователей, которые, распространяют понятие индивидуальности на ценностно-смысловую и потребностно-мотивационную сферы деятельности человека (К.А. Абульханова, Б.Г.Ананьев, А.Г.Асмолов, В.П.Герасимов и др.).

Интересной представляется идея В.С. Мерлина о «зоне неопределенности деятельности». Суть этого понятийного конструкта состоит в том, что, всякая деятельность как нечто социально-типичное может осуществлять себя по-разному. Неопределенность открывает дорогу «усвоению» индивидуального стиля деятельности, а значит, саму возможность индивидуальности. Личность может блеснуть своеобразием, продемонстрировать оригинальный стиль, но (!) строго в рамках, заданных социально-типичным. При этом понятие индивидуального стиля никак не соотносится с понятием индивидуальной значимости выполняемой деятельности. Речь идет о «телеологической» детерминации индивидуального социальным, в противоположность конкретной причинно-следственной детерминации. В этом контексте даже известная формула А.Г.Асмолова: «Индивидом рождаются. Личностью становятся. Индивидуальность отстаивают», не устраняет сомнение, что «отстаивать» я могу лишь право на то, чтобы как-то «по-своему» выполнить социальный заказ или общественное поручение.

Схема определения индивидуального через соотношение с социальным довлела над многими исследователями индивидуальности советского периода. Так, диалектической формуле С.Л.Рубинштейна и А.Н.Леонтьева «внешнее через внутреннее» и «внутреннее через внешнее», В. С. Мерлин противопоставил линейную, «инструментальную» формулу социально зависимого стиля деятельности (12; с. 166).

Одним из нюансов современного понимания индивидуальности является подчеркивание ее относительной автономности и устойчивости как целого.

При этом, индивидуальность рассматривается в «широком смысле слова и понимается как динамическая система, выражающая индивидуальный характер взаимосвязей между всеми свойствами человека» (8).

На наш взгляд, подобная трактовка индивидуальности скорее затуманивает, чем проясняет суть дела, поскольку в данном случае этот феномен рассматривается онтологически как некоторая инстанция, отдельное сущее внутри человека, обладающее пусть относительной, но свободой бытия, самоосуществления и саморазвития. Ведь «автономность» системы означает ни что иное, как ее функциональную самостоятельность, возможность самодетерминации и способность к саморегуляции, независимость от внешних воздействий, имманентную логику развития, а потому может ассоциироваться с понятиями субстанциальности, субъектности и пр. Возникает вопрос, насколько корректно говорить об «автономности индивидуальности», а, значит, рассматривать в качестве автономной системы то, что скорее является свойством, атрибутом, качественной характеристикой человека, его отличительной особенностью?

Более точным в этом смысле представляется понятие автономности человека как индивидуальности, но не «автономности индивидуальности». Если слово «индивидуальность» отвечает на вопрос «Кто?», то это еще совсем не значит, что означаемое им можно мыслить в качестве некоторой автономной силы, которая как-то определяет или направляет активность человека.

«Характер связи» как ключевой конструкт в определении индивидуальности, к которому обращаются последователи В.С.Мерлина, находится ближе всего к понятиям формы и стиля, которые могут быть более или менее устойчивыми образованиями, но не автономными. При этом вне поля зрения остается вопрос о сущности этого феномена. Говоря об интегральной индивидуальности, мы, фактически акцентируем внимание на ее свойствах, атрибутах, уровнях, формах, масштабах, а не на ее сущностной

характеристике. Ведь сама по себе интеграция не является источником или причиной индивидуальности, какой бы многосложной и многоуровневой она ни была. Возникает мысль, что определение индивидуальности как «динамической системы, выражающей индивидуальный характер взаимосвязей между всеми свойствами человека», если не сводит индивидуальность к индивидуности, то грешит тавтологичностью. Короче говоря, понятия, традиционно отражающие сущностные признаки индивидуальности (уникальность, своеобразие, неповторимость и т.д.), никак не вписываются в указанный смысл этого слова

7. Оценивание

Каковы критерии и условия оценивания неповторимого и уникального? Как можно сравнивать «индивидуальности» между собой? Насколько вообще корректно ставить вопрос об оценке индивидуальности, ее диагностике, прогнозировании развития и т.п.?

Действительно, как-то странно прозвучало бы: «У Петрова индивидуальности больше, чем у Сидорова, но меньше, чем у Иванова». Иронично и даже издевательски воспринималось бы оценочное суждение типа: «Вы, конечно, индивидуальность, но не очень яркая».

Дело, вероятно, в другом. Мы хоть и пользуемся выражением «яркая индивидуальность», но это, скорее, для того, чтобы подчеркнуть наше чувство восторга или удивления перед неординарностью конкретного человека. Ведь неяркой и, тем более, тусклой индивидуальности не может быть в принципе. Она либо есть, либо ее нет. Ее не может быть много или мало, она не может быть хуже или лучше. Потому, как правило, мы либо открыто отмечаем и признаем в человеке индивидуальность, либо тактично умалчиваем о ней, либо, лстя, преувеличенно восторгаемся ею.

Не менее сложен вопрос о самооценке индивидуальности. Существует мнение (Ю.М.Орлов), что индивиду часто совершенно невозможно ощущать

свою индивидуальность и, соответственно, свою неповторимость, уникальность, исключительность. Но может быть человек и не должен беспокоиться об этом? Ведь если кто-то стремится стать индивидуальностью и целенаправленно идет к своей цели, результат может оказаться обратным. Это то же самое, что хотеть стать умным, талантливым, выдающимся. Такая мотивация может свидетельствовать о психической незрелости.

Считается некорректным величать себя индивидуальностью. Ведь индивидуальность, заговорившая о себе вслух, нарушает некоторое табу, запрещающее именовать сокровенное. Нормой для индивидуальности скорее является скромность. Человек, стремясь к самоутверждению, не может не переживать, что он не такой, как все, не может не страшиться осуждения, обструкции, изоляции, одиночества. Нередко лишь значимая оценка со стороны открывает ему и другим высокий уровень его индивидуализации и самовыражения.

Но, с другой стороны, как можно становиться и быть индивидуальностью, как ее отстаивать, не зная, что это такое, и не чувствуя себя таковой? И насколько разумно скрывать свою индивидуальность? Ведь без рефлексии и презентации своей неповторимости трудно составить и удерживать, а при необходимости корректировать, представление о том, какой я есть на самом деле, чем я отличаюсь от других и от себя вчерашнего, а также знать, что в своем стремлении к неординарности я не выхожу за пределы некоторой нормы, что я и дальше могу жить по-своему.

Как появляется у человека образ его индивидуальности и возможность ее оценивания? Когда человеку о его индивидуальных свойствах говорят другие люди, отмечает А.Г.Асмолов, эти свойства означиваются, становятся «знаками» (4; с. 55), благодаря чему, появляется возможность для оценки проявлений, как своей, так и чужой индивидуальности. Когда результаты такого самопознания соотносятся с мнениями о себе окружающих, возникает

образ собственной индивидуальности, который можно изменять, совершенствовать, развивать, а также следить за тем, чтобы этот образ отражал то, что есть на самом деле.

Но я могу ошибаться, рисуя себе портрет собственной индивидуальности. Окружающие тоже могут приписывать мне то, что хотели бы видеть в моем характере, способностях, чувствах и мыслях. Кроме того, моя самооценка и оценки меня окружающими постоянно меняются, а это значит, что портрет моей индивидуальности тоже будет испытывать изменения. Много зависит и от того, хочу и могу ли я презентовать свою неповторимость и уникальность для других, и насколько эти другие смогут и захотят распознать, заметить мои уникальные черты и качества. Поэтому, необходимо различать, во-первых, представления о своей индивидуальности, сложившиеся у конкретного человека, во-вторых, представления о ней, сложившиеся у других людей, в-третьих, индивидуальность данного человека, какой она является в действительности. Важно также учитывать, что в каждый конкретный момент, в каждой новой ситуации индивидуальность может обнаруживаться лишь своими ликами, проступить лишь частично, какой-то своей отдельной гранью. Потому и возникает вопрос о необходимости и возможности профессиональной диагностики и научно обоснованной оценки индивидуальности.

В чем здесь видится основная проблема? Дело в том, что наличие, отсутствие и меру индивидуальности достаточно сложно определить традиционными объективными методами. Разве что путем сравнительного изучения ее конкретных проявлений. Но одно дело «проявление» индивидуально-неповторимого, а другое – само это качество. Оригинальный продукт может быть получен однократно и даже многократно случайным образом, при определенном стечении определенных обстоятельств. К тому же оценка степени оригинальности, уникальности, так или иначе, всегда субъективна и может быть просто ошибочной. К тому же неповторимость –

вещь относительная. Не случайно говорят: «новое – это хорошо забытое старое». Кроме того, для составления объективного психологического заключения о факте проявления индивидуальности, необходимо получить исчерпывающие данные о возможности подобных проявлений у всех других носителей индивидуальности, что в принципе сделать невозможно. Поэтому, приходится доверять репрезентативной выборке со всеми ее условностями. Следует также получить данные о личном опыте оцениваемого, круге его профессионального и межличностного общения, деятельности и продуктивности, способности к самопрезентации, рефлексии и т. д.

Отнюдь не праздным оказывается вопрос об этической стороне исследования индивидуальности. Не случайно, совестливые и скромные люди смущаются, когда их или их поступки называют уникальными. Трудно представить классический научный эксперимент с подлинной индивидуальностью в целях определения, например, ее детерминации, ибо свои причины она несет в себе самой, причем последние также имеют индивидуализированный (неповторимый, невоспроизводимый) характер.

Если попытаться установить местоположение индивидуальности в пространстве психического, то может оказаться, что ее обитель располагается в той части нашей Самости, нашего Я, которая все вокруг себя означает, но сама в принципе не может быть означена. Потому, еще остается под вопросом то, насколько мои отличительные особенности, «означаемые» во мне другими, могут рассматриваться как объективные данные, даже, если они не вызывают у меня самого никаких возражений.

Вообще, феномен индивидуальности, так же, как феномен души, духа, самости, требует к себе особого отношения со стороны науки. Что-то есть в нем от сакрального, потустороннего, мистического, «за-душевного», по выражению П.Д. Юркевича. Возможно, дело в том, что, говоря об индивидуальности не только в функциональном, но и в содержательном

смысле, мы прикасаемся к интимной, глубоко личной сфере ценностей и смыслов, симпатий и антипатий, творческих возможностей человека, сложных, а иногда трагических, выборов, которые пришлось ему сделать в жизни. А сколько уникальных в своей изощренности преступных мыслей пронесется в нашей голове, когда нам наносят оскорбление или обиду? Не случайно, право на обсуждение вопросов индивидуальности конкретного человека имеют либо наиболее близкие люди, либо проницательные биографы и исследователи его жизнетворчества.

Оказывается, что одной из главных проблем изучения индивидуальности является разработка такого номотетического метода, который бы дал возможность измерять повторяющуюся неповторимость, обыкновенную необыкновенность, рядовую уникальность и т.п., что, по меньшей мере, проблематично. В этой ситуации остается обратиться к идеографическим методам, позволяющим **понять необъяснимое**. Но и тут исследователь может столкнуться с серьезными трудностями. Так, если конкретного человека спрашивать об его индивидуальности или исследовать свою собственную индивидуальность, то мы так или иначе будем исходить из личного, индивидуального опыта, руководствоваться какими-то своими критериями, использовать какой-то свой язык и свою технику описания, к которой тоже приложимы критерии уникальности и неповторимости.

Проблема заключается и в том, что индивидуальность не тождественна ее отдельным проявлениям и потому не может быть вся, во всей ее полноте и глубине схвачена в описании как реальное живое целое. Ведь она не всегда и не во всю свою мощь включается в работу, ее нельзя (как настоящее творчество или чувство любви) актуализировать по заказу, по просьбе или по команде. Не случайно при встрече с подлинной индивидуальностью мы испытываем чувство уважения, восхищения, изумления и даже потрясения.

Обращение к идеографической методологии не решает всех проблем собственно научного познания индивидуальности, поскольку речь идет либо о самооценке индивидуальности, либо об оценке одной индивидуальностью – другой, результатом чего может быть уникально - неповторимая оценка, которая, в свою очередь, потребует ее соотнесения с оригиналом.

В современной психологии существуют разные представления по поводу путей и способов исследования индивидуальности. В частности, рекомендуется система психографии, которая должна установить связь метода исторически-биографического изучения поведения с методами дифференциально-психологического исследования человека (В.Штерн). Однако вряд ли эта система способна снять то множество проблем исследования индивидуальности, о которых шла речь выше.

Чтобы все же не финишировать на пессимистичной ноте, скажем об одной, на наш взгляд, наиболее реальной и перспективной возможности оценивания индивидуальности.

Сейчас часто вспоминают проникновенные строки Ф. Тютчева: «Умом Россию не понять, аршином общим не измерить, у ней особенная стать, в Россию можно только верить». Точно так же невозможно до конца постичь индивидуальность человека на основе рассудочного мышления. Но в нашем распоряжении все же есть уникальный и, в каком-то смысле, единственный способ распознавания индивидуальности, который в определенном смысле соединяет в себе возможности как номотетического, так и идеографического методов познания. Речь идет о нашей способности к **интуитивному проникновению в сущность вещей и явлений.**

Действительно, первой и, нередко, наиболее точной ориентировочно-познавательной реакцией на «непонятный» и «необъяснимый» стимул является наш интуитивный отклик. Именно интуиция предполагает целостную оценку ситуации, привлекая для этого весь имеющийся опыт и

оперативные ресурсы, как сознания, так и бессознательного. Определенным аргументом здесь может служить то, что на вопрос: «Почему вы считаете этого человека яркой индивидуальностью?», мы вряд ли получим вразумительный и аргументированный ответ. Не случайно, исследователи индивидуальности подчеркивают, что детерминация индивидуального не каузальная, а телеологическая. А то, что не связано причинно-следственными зависимостями может в своей сущности схватываться разве что интуицией. На наш взгляд, имеет смысл провести специальное теоретико-методологическое и эмпирическое исследование возможностей интуитивной оценки и самооценки индивидуальности. Впрочем, на отдельных моментах, связанных с методологией познания индивидуальности, мы остановимся ниже.

8. Категориальное позиционирование

Чтобы приблизиться к пониманию сущности того или иного явления, наука практикует сопоставление понятия о нем с понятиями, находящимися с ним или в близких, или в оппозиционных отношениях. Так, в литературе встречаются как случаи отождествления, так и разведения понятия индивидуальности с понятиями индивида, личности, субъекта и даже человека вообще. При этом **сведение индивидуальности к индивидуности** может производиться неумышленно, необдуманно или когда исследователь просто стремится противопоставить единичное в человеке тому, что есть в нем особенного и всеобщего, а на иные аспекты не обращает внимания. Речь может идти об «индивидной индивидуальности» как биологической неповторимости каждого человека. Правда, существует мнение, что изучение индивидуальности человека с этих позиций означает уход в «дурную бесконечность» (А.П.Басов). Однако это замечание в равной (если

не в большей) степени может касаться характеристики ее психического, душевного и духовного уровней.

Сведение индивидуальности к личности происходит в случае, когда слово «личность» подменяет собой слово «человек», и речь идет о личности конкретного человека с его неповторимым «лицом», по которому мы его «отличаем» от всех других. При этом говорится об «индивидуальности личности», «личностной неповторимости» как уникальном сочетании характеристик, ролей, свойств личности (Б.И.Додонов, И.С.Кон). Выделяя три уровня обусловленности поведения – «организм-индивид-личность», М.Г.Ярошевский означил понятием «индивид» человека как носителя совокупности типических социопсихических свойств. Личность же, на его взгляд, характеризуется ансамблем качеств, в которых раскрывается ее социальная неповторимость. (22).

Отождествление индивидуальности с субъектом также имеет свои сущностно-смысловые корни. Ведь проявить свою индивидуальность человек может, только действуя как субъект – автор-творец и заинтересованный исполнитель своего жизненного проекта. Однако не представляется корректным говорить, например, об «индивидуальности как субъекте познания» (С.Ю. Жданова), ибо в данном случае понятие индивидуальности расширяется до понятия человека.

Теперь посмотрим, какие **отличия** обнаруживаются при сопоставлении понятия «индивидуальность» с близкими ему понятиями.

Отличие индивидного от индивидуального традиционно усматривается в том, что первое понятие связывается с представлением о единичном. Индивид – один из представителей популяции, вида, рода и означает отдельную часть целого – сообщества, общества, человечества (И.С.Кон). При этом, подчеркивается природная тождественность индивида с такими же индивидами, как он сам. Каждое человеческое существо выступает индивидом и в том смысле, что по своим природным свойствам

противостоит всему иному – не человеческому миру. Понятие индивидуальности снимает в себе индивидные свойства человека, дополняя представление об его отдельности представлением о его сущностном своеобразии.

Ю.М.Орлов говорит о противоположности индивидуальности и личности как неповторимого и типичного в человеке: «Можно сказать, что как личности мы представляем собой тип, категорию людей данной культуры, а в качестве индивидуальности мы неповторимы, мы индивидуальности в подлинном смысле слова – не как единичные индивиды, а как индивидуальности, которые переработали в себе личность и подчинили ее себе» (13; с. 142).

Предложенный образ «переработки личности индивидуальностью», думается, выглядел бы более метафоричным и, потому, менее агрессивным, если бы цитируемый автор не так категорично высказывался по поводу деиндивидуализирующего влияния общества на человека («социализация склонна стирать индивидуальность», «процесс овладения речью делает мышление деиндивидуализированным»). Можно в определенной мере согласиться с тем, что «полное слияние человека с культурой смертельно для процесса индивидуализации», но, во-первых, такое «полное слияние» вряд ли возможно в принципе, а во-вторых, всякая нормальная человеческая культура должна утверждать развитие индивидуальности, а не ее угнетение.

Оригинальным, но требующим обсуждения, представляется разотождествление индивидуальности и субъектности, предпринятое В.А.Петровским. В качестве исходной вводится посылка об их тождестве, которая далее развенчивается автором на том основании, что индивидуальность не может быть деятельной: даже помыслить себя – это повторить себя в рефлексии, а «индивидуальность» неповторима. Она всегда «первой свежести» (14; с. 19). Но деятельным, на наш взгляд, является человек, а не его субъектность. Кроме того, человек-индивидуальность не

может себе позволить даже в очень тщательной рефлексии фотокопию самого себя. Ведь неповторимое и самое себя оценивает неповторимо.

Чтобы дальше продвинуться в понимании сущности индивидуальности, следует попытаться найти ее alter ego, которое не только по форме, но и по сути выступает ее противоположностью, с которым она, как учит диалектика, находится в отношениях противоречивого единства. К его понятию нас может привести обращение к научному спору между различными философско-психологическими школами по поводу того, какое свойство человека подводит черту его движению к совершенству, к какой планке или отметке, в конечном счете, он должен стремиться в своем развитии.

Так, у А.П.Басова находим, что «индивидуальность – это высший уровень развития человека, достигают которого лишь немногие личности» (5). Э.В.Ильенков, наоборот, полагал, что человек не может стремиться к индивидуальности: это все же свобода для себя, но от мира. Иное дело – стремление к универсальному. Здесь, наоборот, движение к миру, стремление стать всем, раствориться в бытии, впитать его в себя и впитаться в него (9; с. 232). На наш взгляд более «диалектичен» в этом плане Э.Фромм. С его точки зрения, жизненная задача человека «...совершенно парадоксально сочетает в себе реализацию индивидуальности и в то же время выход за ее пределы и достижение универсальности. Только полностью развитая индивидуальная самость способна отбросить Эго» (21; с. 372). В подтверждение, он обращается к И. Гете. По мнению великого поэта и философа, пока человек в стихах высказывает лишь свои личные ощущения, его еще нельзя назвать поэтом, но как только он сумеет почувствовать и высказать боль целого мира, тогда он действительно поэт. И тогда он неисчерпаем и может быть вечно новым (Там же; с. 389). В неповторимом достижении универсальности видел основную цель развития человека также П. Тейяр де Шарден.

Можно и дальше продолжать дискуссию по поводу противопоставления и отождествления понятия «индивидуальность» с понятиями «индивидность», «личность», «субъектность», «универсальность». Можно даже прийти к мысли о том, что от индивидуальности как от научного понятия следует вообще отказаться в пользу понятия личности, под тем предлогом, что, мол, именно личностное определяется социальным и представляет сущностную сторону человека, а индивидуальное – лишь случайная телесно-душевная форма существования этой сущности.

Более конструктивной в этом плане представляется попытка интеграции рассматриваемых понятий в виде системной модели (18), в которой индивидуальность занимает свое определенное место (См. рис. 1).

Представленная модель базируется на положении о том, что индивидность – личность, с одной стороны, и индивидуальность – универсальность, с другой, составляют пары противоположных системных свойств, сущностно интегрированных и опосредованных субъектной активностью человека. Не случайно Б.Г.Ананьев, выделяя триаду «индивид-личность-индивидуальность», соотносил каждый из ее членов с пониманием человека

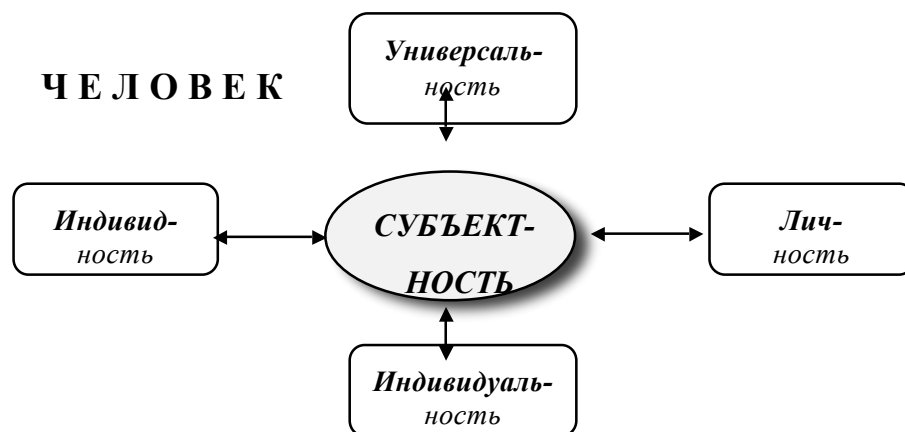

Рис. 1. Субъектная центрация категориального пространства «Человек»

как субъекта познания, общения и труда (1; с. 249). «Мы думаем,- подчеркивал он, – что одним из важнейших индикаторов человеческой индивидуальности является активность созидающей, творческой деятельности человека, воплощение, реализация в ней всех великих возможностей исторической природы человека» (2; с. 329). Индивидуальность возникает, благодаря тому, что «высокий коэффициент экстерииоризации, активности деятельности позволяет человеку строить себя изнутри, как замкнутую саморегулирующуюся систему» (3; с. 267).

Таким образом, человеческий индивид может стать личностью, индивидуальностью, универсальностью, лишь проявляя себя в качестве субъекта индивидуальной и социальной жизни. **Субъектность** выступает здесь как специфическая готовность человека к тому, чтобы до возможных пределов развить и актуализировать свои душевные и духовные потенции, обеспечивая становление, развитие и функционирование **личностных** структур с их социальной спецификой, **универсальности**, предполагающей восхождение к всеобщему, а также **индивидуальности**, развертывающейся и сущностно обнаруживающей себя в пространстве и времени неповторимого и уникального Я - творчества.

М.М.Бахтин, стремясь найти способ примирения мира культуры и мира жизни, единственного мира, в котором мы творим, познаем, созерцаем, живем и умираем; мира, в котором объективируется акт нашей деятельности, и мира, в котором этот акт единожды действительно протекает, свершается, приходит к следующему выводу: «Акт нашей деятельности, нашего переживания, как двуликий Янус, глядит в разные стороны: в объективное единство культурной области и в неповторимую единственность переживаемой жизни, но нет единого и единственного плана, где оба лика взаимно себя определяли бы по отношению к одному-единственному единству. Этим единственным единством и может быть только единственное событие свершаемого бытия...» (7; с. 13).

Приведенная выше схематическая модель (См. рис. 1) определенным образом конкретизирует и делает наглядной эту мысль М.М.Бахтина: **единичность** индивидуности переходит в **единственность** индивидуальности, а социальная **типичность** личности в **неповторимость** индивидуальности. Сама же индивидуальность противостоит универсальности как «мой внутренний, жизненный мир», «микрокосм» моему же внешнему, объективному миру природы и культуры. Но это «единственное событие свершаемого бытия» свершается не само собой, а конкретным, живым, единственным в своем роде человеческим существом, обладающим интенцией и потенцией к свершению, то есть – **субъектностью**.

9. Поступок

Обсуждение онто-психологических проблем индивидуальности как сущностного и бытийного свойства человека логично завершить рассмотрением вопроса о **специфической форме ее проявления или выражения**. Мы уже касались этого вопроса, когда анализировали определение индивидуальности. При этом отмечалась, что пространство определений индивидуальности должно включать в себя не только функциональную, формально-динамическую, но обязательно ценностно-смысловую и креативную стороны жизни человека: он своеобразен и неповторим во всех своих психических реакциях, душевных движениях и духовных порывах. Поэтому, искомая форма проявления индивидуальности должна уникальным образом сочетать в себе индивидуальное, личностное, субъектное, примирить все «миры» человека, и в то же время быть доступной для внутреннего и внешнего оценивания (19).

Фактически готовый философский проект такой «формы» находим в учении М.М.Бахтина о поступке. «Каждая мысль моя с ее содержанием – писал он – есть мой индивидуально-ответственный поступок, один из поступков, из которых слагается вся моя единственная жизнь как сплошное

поступление, ибо вся жизнь в целом может быть рассмотрена как некоторый сложный поступок: я поступаю всей своей жизнью; каждый отдельный акт и переживание есть момент моей жизни – поступления» (7; с.13).

М. М. Бахтин вскрывает индивидуализированный характер поступка, но специально не обращается к вопросам его становления, формирования и развития. Для ответа же на эти вопросы необходимо составить представление о психологической структуре поступка, понимая под «психологическим» не только нечто формально-динамическое, но также ценностно-смысловое, душевно-духовное.

Фундаментальное психологическое исследование поступка осуществил В.А. Роменец (15, 16). Суть его учения составляют следующие положения:

- поступок – «живое средоточие» всех существенных сторон психического в его высших определениях, истинное, настоящее творчество новых форм и качеств психического, основное звено, ячейка любой формы человеческой деятельности;
- поступок в его полноценном выражении всегда будет одновременно и акцией духовного развития индивида, и созиданием нравственных ценностей;
- раскрыть механизм поступка – то же самое, что раскрыть творческий механизм индивидуального психического развития;
- в поступке сущность человека проявляется на высшем уровне возможного: наиболее ясно, наиболее ярко, наиболее полно, целостно, индивидуально - неповторимо, предельно заинтересованно и самозабвенно (16).

Как можно видеть, в данном подходе находят продолжение и самостоятельное развитие идеи М.М.Бахтина о творческой и нравственной природе поступка, а также о возможности установления через поступок онтологической связи отдельного человеческого существа с миром во всей его целостности и бесконечности.

Особый интерес представляет разработанная В.А.Роменцом концепция психологической структуры поступка, включающей в себя четыре составляющие, обозначенные ключевыми словами: «ситуация», «мотивация», «действие» и «последствие».

1. **Ситуация** (драматическая, трагическая, комическая, коллизийная, идеальная, фатальная, лирическая, игровая, приключенческая и др.) синтезирует «высший уровень единства динамики среды и человеческих страстей». В психологическом понимании каждая ситуация может рассматриваться как: (1) внешняя среда, окружение, обстоятельства, объективные условия, в которые судьба «забросила» человека; (2) субъективные обстоятельства, которые составляют внутренний мир жизни человека; (3) процесс и результат трансценденции человека за пределы объективных и субъективных обстоятельств и превращение их в условия развертывания поступка. Ситуация появляется вместе с появлением значимости. Утверждение новой ситуации означает отрицание предыдущей, но ситуация как таковая никогда не исчезает. Она продолжает существовать, функционально и содержательно подчиняясь логике поступка вплоть до его завершения и к моменту инициирования следующего поступкового акта.

2. Назначение **мотивации** состоит в том, чтобы преодолеть конфликтность ситуации и принять решение действовать определенным образом. Процесс борьбы мотивов может тяготеть к «фатализму» – зависимости от обстоятельств, и к «волютаризму» – пренебрежению обстоятельствами. Кроме того, борьбу мотивов можно рассматривать как процесс, который подчиняется человеку, или же происходит самопроизвольно. Человек может «встать над обстоятельствами», но такого рода господство связывается не с возможностью замены объектной «диктатуры» – субъектной, а именно с возможностью индивидуализации каждого поступка.

3. Мотивационные доводы «за» и «против» продолжают до тех пор, пока человек не начинает **действовать**. Вместе с появлением повода завершается причинная цепь поступкового действия, и поступок осуществляется. Экстаз поступкового самозабвения дает возможность человеку переносить тяжелейшие испытания и мучения, которые посылает ему судьба. Лицо, совершающее поступок, преодолевает инерцию стереотипов, разрывает цепи рутинной повседневности, открывает путь новым индивидуализированным смыслам и формам творческого освоения мира.

4. Действие завершено, но поступок не завершается. Истинный смысл высказывания «По плодам их познаете их» состоит в осознании человеком последствий своих поступков для себя и других. Совершенный поступок исчерпывает лишь один из множества вариантов реализации человеком своих сущностных сил, а значит, перечеркивает множество других возможных траекторий его индивидуального бытия. Именно потому каждый совершенный поступок на этапе **последствия** вызывает у человека амбивалентные самопереживания, что становится психологическим основанием последующего самовыражения в поступках.

Логика совершения поступка как формы самопроявления индивидуальности состоит в том, чтобы: а) составить значимый портрет ситуации моего индивидуального бытия на пересечении пространственно-временных координат «здесь и теперь – там и тогда» и установить меру моей индивидуальной свободы, возможности быть собой в этой ситуации; б) установить, какой из противоборствующих мотивов в наибольшей мере отвечает моим актуальным ценностям и смыслам, логике моего индивидуального бытия; в) в русле победившего мотива, самостоятельно сформулировать важную лично для меня цель, определить средства, принять решение и по-своему осуществить задуманное; г) оценить содеянное на основании собственных представлений об истинном и

значимом, а также выработать установку для следующего своего поступка – более зрелого, более существенного и еще более самостоятельного.

Таким образом, если М.М.Бахтин говорил о цепи поступков, из которых складывается единственная и неповторимая жизнь человека, о жизни как непрерывном поступлении, то В.А.Роменец попытался показать, как посредством поступка происходит становление и развитие сущностных сил человека как Я - субъекта душевной и духовной жизни.

Обращаясь к вопросу о роли поступка в развитии индивидуальности, нельзя не учесть также мысль М.М.Бахтина о том, что «всякое бытие единственно», и потому действительный поступок на основе моего не-алиби в бытии (поступок-мысль, поступок-чувство, поступок-дело) действительно придвинут к последним краям бытия - события, ориентирован в нем как «едином и единственном целом», причастен к бесконечному целому [7].

Иными словами, индивидуальность человека в своей единственности и неповторимости как бы включена в единственность и неповторимость мира, а значит, особенности ее развития следует рассматривать в контексте развития того единого и единственного целого, к которому она принадлежит. Однако принадлежность одной индивидуальности к другой не должна умалять достоинства ни первой, ни второй. Правильнее было бы говорить о взаимодействии человека и мира как двух сопряженных в пространстве и времени индивидуальностей. Эту мысль подтверждает высказывание В.А.Роменца о том, что «в поступке как узлом средоточии бытия проявляется активное творческое взаимодействие человека и мира».

Конкретизация этих теоретико-методологических положений, а также идеи о развивающем значении субъектно-субъектного взаимодействия человека с человеком (Б.Ф.Ломов и др.) позволяет сформулировать теоретико-методологическую гипотезу о **совместном поступке** как социокультурном принципе и социально-психологическом механизме

воспроизводства, проявления и наращивания потенциала индивидуальности человека.

Совместным мы называем такой поступок, который предполагает психологическое единение включенных в него людей на всех этапах его осуществления – ситуации, мотивации, действия и последствий. В содержательном отношении это может быть совместный героический поступок, совместный поступок поиска истины, совместный поступок дружбы и любви.

Кстати, М.М.Бахтин, говоря о поступке, обращал внимание на способность «участно мыслить». «Считаем нужным напомнить: жить из себя, исходить из себя в своих поступках вовсе не значит ещё жить и поступать для себя. Центральность моей единственной причастности бытию в архитектонике переживаемого мира вовсе не есть центральность ценности, для которой все остальное в мире лишь служебное начало. Я-для-себя — центр исхождения поступка и активности утверждения и признания всякой ценности, ибо это единственная точка, где я ответственно причастен единственному бытию, ...Только с моего единственного места я могу быть активен и должен быть активен. Моя утвержденная причастность бытию не только пассивна (радость бытия), но, прежде всего, активна (долженствование реализовать мое единственное место)» (Там же; с. 57).

Таким образом, первым психологическим основанием для совместного поступка может быть экстериоризированная в пространство межличностного взаимодействия и интегрированная в нем общая неудовлетворенность ситуацией как такой, которая препятствует всем и каждому проявить, выразить, сохранить, отстоять и нарастить свою индивидуальность, быть собой и развиваться в этом качестве. Вторым основанием можно считать признание каждым невозможности эффективно решить свою проблему в одиночку. Третьим и главным основанием является переходящее в понимание предчувствие того, что в наибольшей мере быть собой и

наилучшим образом развиваться в этом качестве я смогу в неординарной и развивающейся среде ярких «поступающих» индивидуальностей, то есть в культуре, которая признает и реализует значимые для меня ценности и смыслы.

Следует оговорить условия, способствующие проявлению и развитию именно индивидуальности и не допускающие превращения человека в носителя индивидуализма, эгоизма и т. п. Имеются в виду отношения, которые должны доминировать в совместном поступке. При этом во взаимодействии:

- каждый из нас может пытаться использовать другого как определенный ресурс или средство для себя, не считаясь с его индивидуальными интересами;
- мы можем договориться взаимодействовать так, чтобы не мешать друг другу быть собой и жить по-своему: моя индивидуальность заканчивается там, где начинается индивидуальность другого;
- мы можем сотрудничать, оказывать друг другу поддержку на партитетных началах по принципу «Ты мне – я тебе»;
- каждый из нас может вступать во взаимоотношения, полагая индивидуальность другого целью, а себя средством;
- возможен вариант отношений, при котором индивидуальность другого выступает для меня одновременно и средством, и целью, равно как я в своем стремлении к уникальности являюсь таковым сам для себя.

Иллюстрацией для последнего варианта отношений может служить выделенная А. Маслоу разновидность так называемой «бытийной» любви. Она, в отличие от «дифицитарной», основана на взаимном уважении, доверии и восхищении друг другом, без желания изменить или использовать любящего тебя человека, но с готовностью оказать ему поддержку и помощь

в стремлении к совершенству, развитию, проявлению своей индивидуальности.

Последний из рассмотренных вариантов предполагает не столько взаимовыгодный обмен ресурсами индивидуальности, сколько сознательное стремление предложить другому именно то, что отличает меня от других, а также принять все то, что он хочет и может предложить мне собственно своего – заветного, сокровенного. В результате возникает то, что можно назвать процессом **взаимопроникновения и взаимообогащения индивидуальностей**.

Наиболее адекватным понятием, отражающим сущность такого рода процесса, может быть понятие «**взаимодарения**». Я не даю или беру, а именно от всей души дарю другому человеку действительно самое дорогое, что у меня есть – свое уникальное «Я». Не случайно, мы любим дарить подарки, а самым дорогим считаем тот, в который дарящий вложил свою душу, когда он творил для нас или ради нас, стараясь выразить в акте творения и дарения свою единственность, неповторимость и принципиальную незаменимость никем другим. В акте дарения меня в наибольшей степени должно беспокоить не то, получу ли я взамен равноценный дар, а чтобы мой собственный подарок (мое уникальное Я) был понят и с радостью принят моим визави.

Если я дарю себя другому, а этот другой внутренне принимает мой дар, то ответный подарок будет для меня ценнее прежнего. Процессу такого взаимообогащения нет предела, если учесть, что каждый из нас есть индивидуальность и не прекращает развиваться в этом направлении.

Только искреннее, подлинное может по-настоящему тронуть сердце, пробудить желание довериться, открыться в самом сокровенном. При этом каждый получает возможность не только показать другому, но и самому лучше понять свои особенности, глубже проникнуть в сущность своего внутреннего мира, увидеть подлинное лицо своей индивидуальности.

Факт выражения, утверждения и развития моей индивидуальности в совместном поступке может быть установлен на основании чувства аутентичности, гармонии с собой и миром, которое испытываю я как его автор, а также проявления искреннего удивления и чувства удовлетворения, которые можно наблюдать у моего визави, открывшего в себе и в мире нечто новое для себя и рассматривающего это как естественный результат нашего с ним поступкового взаимодействия.

При этом, конечно, может возникнуть вопрос о том, не рискуем ли мы, отдавая самое ценное, что есть у нас, другому человеку? Должны ли мы быть при этом избирательными, предусмотрительными, осторожными? Ведь есть риск ошибиться, особенно, если против нас играет искусный манипулятор. А как показывает практика жизни, иная особа, желая прослыть яркой индивидуальностью, может изображать нечто настолько «поступкоподобное», что отличить это от подлинного поступка бывает довольно сложно.

Рецептов в этом деле, как известно, не существует, и многое зависит от того, произойдет ли «встреча» именно тех людей, которым в совместном поступке есть, чем одарить друг друга. Быть избирательным важно и нужно, но, с другой стороны, чрезмерная рассудительность может стать не меньшей преградой для развития нашей индивидуальности, чем неосмотрительность. Потому, следует развивать в себе способность интуитивного чутья, умение «интуировать внутреннюю жизнь» (термин М.М.Бахтина) – свою и других людей, а также не лениться делать выводы из своих и чужих ошибок. «Это правда, – писал Г.Г.Шпет – что ни чувственный опыт, ни рассудок, ни опыт в оковах рассудка, нам жизненного и полного знания не дают. Но сквозь пестроту чувственной данности, сквозь порядок интеллектуальной интуиции пробиваемся мы к живой душе всего сущего, ухватывая ее в своеобразной, позволю себе назвать это «интелигибельной», интуиции, обнажающей не только слова и понятия, но самые вещи, и дающей

уразуметь подлинное в его подлинности, цельное в его цельности и полное в его полноте» (20; с. 13).

Таким образом, рассмотрение проблемы индивидуальности в онто-психологическом аспекте позволяет сделать общий вывод, что этот феномен определяется не только и не столько случайным сочетанием всевозможных внутренних и внешних факторов, но изначально присущей человеку субъектной интенцией и потенцией к **самобытию**, к тому, чтобы стать собой и по-своему, **поступково** строить свой неповторимый жизненный мир. Можно говорить о самодетерминации индивидуальности как высшей причинности, ибо в других случаях она превращается лишь в средство для других и утрачивает свой подлинный смысл. Все иные факторы, претендующие на роль детерминантов индивидуальности (в частности, культура, институты социализации), могут полагаться лишь как условия, сопутствующие или препятствующие ее содержательному наполнению и актуализации. При этом важно подчеркнуть, что подлинная человеческая индивидуальность не противостоит другой индивидуальности или обществу, человечеству как квазииндивидуальностям, но, наоборот, учитывает их цели и ценности как значимые для себя в аспекте полноты самоосуществления и достижения общего блага.

Литература

1. Ананьев Б.Г. Психологическая структура человека как субъекта // Человек и общество. Вып. 2. Л. 1967.
2. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. Л. 1968.
3. Ананьев Б.Г. Выступление на обсуждении книги «Человек как предмет познания» // Художественное творчество. Л. 1983. С. 262-268.
4. Асмолов А.Г. Психология индивидуальности: Методологические основы развития личности в историко-эволюционном процессе. М. 1986.

5. Басов А.П. Индивидуальность – высшее системное качество человека как творческого субъекта / Системное исследование индивидуальности. Тезисы докладов всесоюзной конференции 19-22 июня 1991 г. Пермь. 1991. С. 3-4.
6. Баткин Л.М. Итальянское Возрождение в поисках индивидуальности. М. 1989.
7. Бахтин М.М. Работы 20-х годов. Киев. 1994.
8. Жданова С.Ю. Циклы в познании индивидуальности» science.ncstu.ru/nii/cycles/sc/2004/32.pdf/file_download.
9. Ильенков Э.В. Философия и культура. М. 1991.
10. Каримов Т.Х. Деконструкция индивидуальности. http://www2.usu.ru/soc_phil/rus/texts/sociemy/1/kerimov.html.
11. Кундера М. Бессмертие: Роман /Пер. с чеш. Н. Шульгиной. СПб. 2007.
12. Мерлин В.С. Очерк интегрального исследования индивидуальности..М. 1986.
13. Орлов, Ю.М. Восхождение к индивидуальности: Кн. для учителя. М. 1991
14. Петровский В.А. Индивидуальность и саморегуляция: опыт мультисубъектной теории. - Мир психологии. № 1. 2007. С.. 13-30.
15. Роменец В.А. Історія психології: XVII століття. Епоха Просвітництва. Київ. 2006.
16. Роменец В.А. Історія психології XIX – початку XX століття. Київ. 2007.
17. Старовойтенко Е.Б. Психология личности (В парадигме жизненных отношений). М. 2004.
18. Татенко В.А. Психология в субъектном измерении: Монография. Киев. 1996.
19. Татенко В.О. Суб'єктно-вчинкова парадигма в сучасній психології / Людина. Суб'єкт. Вчинок: Філософсько-психологічні студії. (За заг. ред. В.О.Татенка). Київ. 2006.
20. Шпет Г.Г. Явление и смысл. Томск. 1996.

21. Фромм Э. Душа человека. М. 1992.
22. Ярошевский М.Г. Психология в XX столетии. М. 1974.

IV. ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ В КУЛЬТУРНОМ ИЗМЕРЕНИИ

САМОПОЗНАНИЕ И ТВОРЧЕСТВО ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ В КУЛЬТУРЕ*

Индивидуальность – это Имя.

1. Культурно – психологическая модель индивидуальности

Современная психология индивидуальности как самостоятельная и перспективная наука развивается на пересечении идей философской антропологии, культурологии, литературы, искусства, персонологии (психологии личности), дифференциальной психологии, психологии развития. В плане активного порождения и развития идей об индивидуальности, следует выделить **персонологию**, где категория «индивидуальность» обозначает предельное, высшее, наиболее тонкое и глубокое понимание личности. В первую очередь, это касается тех теорий и концепций, в которых акцентируется единственность личности, ее самопричинность, самодостаточность, способность к самопознанию, недоступность и неприкосновенность ее душевной тайны, создание индивидуального мира значимостей, принятие в себя миров других людей, уникальность самовыражения во всем инициированном и произведенном. Эти акценты свойственны экзистенциально – гуманистическому, глубинному, субъектному, жизненно – ориентированному и рефлексивному направлениям в психологии личности

Мы видим перспективу раскрытия индивидуальности в русле движения к **разнообразию и синтезу идей о личности**. Именно в персонологии находим определения личности, касающиеся ее множественных свойств, выражающихся у индивидов в неисчислимых вариантах и бесконечном количестве композиций. Именно персонологический ракурс познания

* Индивидуальный исследовательский проект № 07 – 01 – 92, выполненный при поддержке Научного Фонда ГУ - ВШЭ

позволяет осветить полидетерминацию индивида, обращенную к его конкретной жизни в форме неповторимого соединения. Только персонология погружает взгляд исследователя в потаенную бессознательную самость индивида, где непостижимо заданы многие линии его спонтанного жизненного самоосуществления, а также в феноменальную ткань «Я», совершающего невоспроизводимую работу придания жизни характера «собственной», подлинной по «моей» мере, жизни. Наконец, лишь в персонологическом измерении возможно познание полимодального самовыражения индивида, воплощенного в **культуре**, продлевающей конечную жизнь человека в неопределенное и неопределимое всеобщее будущее, где его «индивидуальное» обогащается нескончаемыми идентификациями и импликациями референтов его влияний. В пространстве культуры индивидуальность личности раскрывается той гранью, которая оказывается затененной при других фокусах ее рассмотрения: гранью искусного, проникающего самопознания, собственно и порождающего индивидуальность в продуктивном творческом диалоге и Я - отраженных отношениях с множеством других людей.

Можно сказать, что изучение индивидуальности в персонологии – это, прежде всего, помещение личности в центр координат, где соединяются единичное - общее, уникальное - универсальное и единственное – множественное. Сложный личностный синтез **единственности и множественности** образует, на наш взгляд, важнейший момент психологического становления индивидуальности в мире вообще и мире культуры, в частности.

Подход к личности в аспекте культуры хорошо отвечает поискам «индивидуальности», в силу того, что культурная деятельность и творчество способны обнаруживать и усиливать, как в волшебной линзе, то, что в динамике иных сфер жизни индивида часто оказывается скрываемым, растворенным или распределенным во взаимодействии, непринятым,

неоцененным. Это талантливость тела, гениальность души, божественность индивидуального духа, дар созидания, исключительность творческого «Я». Личность в культуре – это, прежде всего, **«индивидуальная личность»**, которая доказывает **реальность индивидуальности** и ее высокий статус в бытии, демонстрируя имманентные потенциалы человека, предельные возможности индивидуальной рефлексии, отвечающие времени формы авторских достижений, паттерны взаимоотношений индивида с другими людьми, способствующие или разрушающие культурный «слой» человечества.

Рассмотрим проблему индивидуальности в контексте персонологического направления, названного нами **«культурная психология личности»**. Логику рассмотрения определяет приводимая ниже **исследовательская модель**, охватывающая методологические положения и позиции, ранее намеченные в наших исследованиях (17; 18; 19).

1. Среди культур, развившихся в человеческом мире, можно выделить те, в которых идея «личности» и реальная личность издавна обладают высокой ценностью, задающей свободу и простор индивидуализации. К таким культурам общепризнанно относится европейская культура с ее неотъемлемой русской составляющей.
2. В истории этой культуры человек приобрел особые свойства, определившие его бытие и самопознание в качестве индивидуальной личности – индивидуальности - творца как «высокой индивидуальности».
3. Европейская культура стала «местом» рождения и самовыражения великого числа индивидуальных личностей, обусловивших ее «авторскую» динамику, в контексте которой культурные содержания, смыслы, произведения приобретали разнообразный, заверченный, непреходящий и ценностный характер.

4. Исконным достоянием этой индивидуализированной культуры являются человеческий разум и мысль, идеи и тексты. Именно в области создания идей и текстов личность могла объять стремящееся к бесконечности множество объектов, их связей и отношений, расширяя свой мир и себя далеко за пределы непосредственно данного, становясь «единичностью», вмещающей «все».
5. Тексты как события культуры образуют самостоятельную сферу творчества, имеющую тройственное отношение к индивидуальности автора и референтов: текст по-новому структурирует и эксплицирует процессы, состояния, содержания, образы и идеи внутреннего мира автора, каждый раз выступает новой формой его прямого или опосредованного самовыражения, трансцендирует «личное» автора в душевный мир референта, обновляя его.
6. Важнейшим моментом европейского культурогенеза является формирование «рефлексивной культуры», представленной текстами авторских жизнеописаний, исповедей, дневников, писем, мемуаров, литературных «самоисследований». Текст «Я» в психологическом плане многосторонне связан с личностью автора: он выражает «внутреннее», не выразимое другими, но уловленное в себе автором; является вербально – смысловой тканью его «Я»; выступает как форма «тела», «плоти» автора, во(площ)ая его душевную самость; продлевает и «собирает» Я – состояния, Я – образы. Я – идеи, по этим следам возвращая автора к единому центру «Я»; является способом изменения и развития «Я»; распространяет, расширяет авторское «Я» в пространство внешней и внутренней жизни других, порождая Я - в - Другом; становится средством прямого Я – обращения автора к каждой другой индивидуальной личности с призывом прочувствовать, понять и досоздать общий мир жизни.

7. Если в отношении Культуры можно говорить об архетипе Сокровища, то им является «творческая индивидуальность» как иницирующее начало культурных процессов. В европейском культурогенезе осуществлены блестящие опыты осмысления и моделирования «творца» как единства свойств и интенций, индивидуализирующих его, а также придающих ему типический либо вневременной, универсальный характер. Акценты на индивидуальность творцов заключаются в поиске глубинных и феноменологических истоков творчества, конкретных жизненных причин и сопутствующих условий творчеств; в определении экзистенциальных линий творческой жизни; в обращении к внутренней траектории творческого процесса, к феноменам Я - участия творца в многовекторном поиске Образа, Идеи, Смысла, Другого, Слова, Символа, Себя; в изучении форм самозавершения (самосвершения) творческой личности, выражающих полноту ее индивидуализации.
8. Идеи, тексты, способы жизни творческих индивидуальностей в их исторической динамике конституируют разнообразие и полноту культурно – психологических потенциалов, которые могут быть жизненно реализованы конкретным человеком в пространстве европейской культуры. Эти потенциалы, поскольку они во многом определены актами сознания, самосознания и самодеятельности творцов, имеют, по нашей версии, форму «жизненных отношений». Отношения - потенциалы задают такой контур самоосуществления личности, в котором одновременно присутствуют: «многое», «различное», «единое», «центральное», «расходящееся», «собранное», «множественное», «расширенное», «единственное». Сочетание этих мер осуществления жизни свидетельствует о личности как индивидуальности.

9. Имманентное многим творческим индивидуальностям самопознание, находя выражение в разновременных рефлексивных текстах, может быть представлено как исторический процесс культурной экспликации значимых аспектов «Я», осуществляющего «проникающие» влияния на самоотношение и рефлексии множества личностей, включенных в культуру. Творцами порождаются общие гибкие каноны понимания человеком себя во внутренней и внешней жизни, действующие в конкретную культурную эпоху и в снятом виде продолжающие действовать в последующие эпохи. Содержательно – смысловые «матрицы» индивидуального самопознания, передаваясь по путям межличностных влияний, могут становиться коллективными представлениями, на века конституирующими жизнь социума.
10. Придерживаясь европейского взгляда на индивидуальное самопознание как на издавна стремящееся к целостному пониманию «Я» во многих его ипостасях, качествах и отношениях, мы, тем не менее, обнаружили отчетливые содержательные доминанты в разновременных опытах самопознания творцов. Полагаем, что реконструкция исторической динамики Я - акцентов творческих индивидуальностей, выполненная усилиями многих исследователей, приведет к построению интегральной модели культурно – психологического потенциала «Я» современной личности.

Иными словами, понятие «индивидуальность» в контексте культурной психологии личности может указывать на то, что **быть индивидуальностью**, это значит:

- 1) принадлежать к индивидуализированной культуре (быть во множестве единственных);
- 2) состояться индивидуальной личностью (быть единственным во множестве);

- 3) быть причастным к созданию идей и текстов (множественно осуществить свою единственность);
- 4) стать творцом и творчески жить (быть единственным средоточием множественного);
- 5) формировать и сполна осуществлять культурно - психологический потенциал индивидуализации личностей в обществе (своей единственностью порождать множество);
- 6) осуществлять самопознание, освещая значимые для себя и для многих других аспекты «Я» (в своей единственности открыть множественность);
- 7) обогащать культурный потенциал развития «Я» и самоидентичности других индивидуальностей (стать множеством, будучи единственным).

Обоснованию намеченных исследовательских позиций и перспектив посвящено наше дальнейшее изложение.

2. Быть во множестве единственных и быть единственным во множестве

Известно, что в глобальном социокультурном процессе выделились и развиваются культуры, ставящие «личное» и «индивидуальное» на высокие уровни ценностной иерархии. К ним относят европейскую культуру в целом, а также множество конкретных культур европейского типа. Специфика зрелой индивидуализированной культуры, прежде всего, в плане общепринятого значения индивидуальной личности, отчетливо проступает в сравнении с культурами и обществами, где доминируют традиционализм и коллективизм.

Напомним, что издавна существующие коллективистские цивилизации главными мерами человеческого существования определяют родовые, групповые, общественные установления, освященные религией. Общность обладает превосходством над своими членами, объединенными скорее бессознательно - чувственными, чем сознательными и рациональными

связями. Каждый воспринимается не сам по себе, а в силу своей причастности к общему. Власть общности обеспечивается инициацией, общей легендарной историей, захватывающими сакральными обрядами и строгими социальными регламентами и санкциями поведения. Отдельный человек принимается и ценится всеми как проекция коллективного или «соборного». Он внутренне и внешне проникнут общим и не мыслит для себя иного, «внеобщественного», состояния. Телесные и душевные отличия индивидов друг от друга выглядят для общества и каждого его члена чем-то второстепенным. Коллективно воссоздается обобщенный образ человека, наиболее приемлемого для всех, и присваивается индивидами в качестве «образца для подражания». Если индивид проявляет непохожесть и обособленность от других, это отбрасывает его на самый край общественной жизни, Самыми достойными и авторитетными членами социума выступают те, кто наиболее полно концентрирует в себе «образцового человека», общий интерес, коллективные представления, общественную волю и содержание группового бессознательного. Вожди, жрецы, монархи, философы, ученые, поэты выделяются и возвышаются не в силу личной исключительности, которой, безусловно, обладают, а в силу предельного сродства с общностью, способности к самоотрешению и выражению глубинного духа коллектива. Высшей общественной ценностью выступает «Традиция» как единое знание внечеловеческого происхождения, имеющее эзотерические и конкретно – духовные формы (религия, философия, наука, искусство), поддерживающие связь людей с Абсолютом. Традиция заключает скрытую от человека тайну вхождения в «земной рай» и «золотой век».

Исторически поздние коллективистские общества допускают индивидуализацию духа и веры, инициативу, активность, личные дарования и достижения рядовых членов, но оценивает их в зависимости от общественных, групповых, клановых и т. д. целей. Индивиды, предающие

себя социуму, даже при полном «обобществлении» совершенного и созданного ими, не переживают самоотчуждения.

В Европе длительное преобладание коллективности примерно к XVII веку приобрело сильную оппозицию в «индивидуализации», направившей желания, чувства и мысль индивидов на себя, а общности – на «личное» ее конкретных членов. Тенденция индивидуализации прошла сложное становление в качестве идейного настроения, идеала, понимания сущности человека, способа жизни и рефлексивной способности личностей, став откликом на стремление множества людей к самоопределению и самоутверждению в мире. Личность постепенно открывала потенциал собственных внутренне обоснованных отношений к Абсолюту, к обществу, к другим, к себе. «Чем дальше мы в истории оглядываемся назад, тем более мы видим, как личность мало – помалу исчезает под покровом коллективности.... То, что мы разумеем под «индивидуальностью», является сравнительно недавним завоеванием истории духа и культуры» (28; с.37).

Индивидуализация, во многих культуроведческих работах называемая «индивидуализмом», является объективным переходом конкретной личности с периферии общественной жизни в ее сердцевину, а также изменением субъективных жизненных позиций индивида в направлении осознанного повышения роли своего «Я» и значимости внутренней свободы. По заключениям М. Фуко, под «индивидуализмом» в основном понимается три феномена. Во-первых, это общественная позиция, наделяющая индивида в его неповторимости высокой ценностью и приписывающая ему относительную независимость от группы. Во-вторых, повышенная общественная оценка частной жизни. В-третьих, интенсивные отношения индивида к себе, внутренние связи с собой и восприятие себя как объекта собственного познания, действия, развития (23). Данный ряд можно продолжить признаками европейской индивидуализации, выделенными Л. М. Баткиным. Это жизнь человека в горизонте «идеала индивидуальности»;

признание суверенности «Я»; нравственная ответственность перед самим собой за себя и других людей; создание собственного мировоззрения; несовпадение с собой в процессах самоформирования; чувство уникальности, независимо от яркости индивидуальности; желание свободы и переживание ее трагизма; единичность, доведенная до единственности и особость, доведенная до индивидуальности; установка на подлинность индивидуального «Я» в рефлексии и самоописаниях; стремление «Я» ко всему и вопрошание всех (4).

В европейском культурогенезе индивидуализм, не сводящийся к поиску человеком личной независимости и превосходства, к жесткой конкурентной борьбе и эгоизму, а основывающийся на общезначимом самораскрытии личности, становился «персонализмом» или «высоким индивидуализмом».

Обобщая, можно сказать, что европейскую индивидуализацию в аспекте повышения социокультурного значения индивидуальной личности и ее реальной жизни в «мире личностей», определили следующие моменты.

- Внутреннее (чувственное, эмоциональное, мысленное) выделение человеком своего телесно - психического «Я» из родственного круга, общности, универсального или трансцендентного единства в качестве автономного существа.

- Умственное, интеллектуальное, ментальное развитие человека, позволяющее ему индивидуально включиться в производство символов, идей, идеалов, текстов, приводя их в соответствие с собой.

- Осознание человеком себя самостоятельной неповторимой и незаменимой частью целого или «единичностью в тотальном».

- Поиск индивидом состояния «быть наедине с собой», принятие своего одиночества, создание личного мира, осознание возможности собственного выбора и готовность отвечать за него и его последствия.

- Личное самопознание и рефлексивное несовпадение человека с самим собой, понимание неуловимости жизненного само - предстояния.
- Отношение индивида к себе как главному основанию своих поступков и действий, субъективная локализация деятельного начала в себе самом: открытие самопричинности.
- Возрастание силы и достижение целостности Я - инстанции, деятельное самовыражение, овладение своей жизнью, жизненная продуктивность и расширяющаяся в мир интенция к творчеству.
- Соотнесение себя с другими людьми, с отдельным «Другим»; разделенное с ними существование (Я - другое Я; Я – Мы; Я – другие во мне; Я - Я в других), которое индивид осознает восполнением себя.
- Личное преодоление индивидом отчуждения результатов своей деятельности и творчества в коллективное производство и общественный продукт, самоутверждение в обществе.

Эти и многие другие моменты, которые можно рассматривать одновременно как содержание категорий «личность» и «индивидуальность», как параметры рефлексии, самооценки и ориентиры жизни реальных индивидов, как объективные критерии достигнутого человеком уровня индивидуализации, конституировали долгую и далеко еще не завершенную **европейскую антропологическую эпоху**. «Если бы автономность индивида не была бы желанием многих людей, то она вряд ли смогла бы пережить подавление коллективностью». (28; с. 82). Общество и культура данной эпохи формировались во взаимодействии множества индивидуальностей, где признается ценность любой из них

3. Множественно осуществить свою единственность

Проблема «индивидуальная личность и культура» или «индивидуальность и культура», взятая в европейском измерении, закономерно предполагает выделение в культурном процессе того, что связано с **авторской**

активностью личности, устремленной к пониманию мира, выдвижению идей, созданию идеалов, овладению тайнами Духа, построению и обновлению общественных отношений, самопознанию. С точки зрения Э Гуссерля, Г. Шпета, К. Юнга и других мыслителей, именно рациональный, идейный, идеальный, герменевтический и феноменологический опыт составляет ядро и суть личностно - центрированного европейского культурогенеза.

- В Европе есть нечто уникальное, что ощущается как некое начало, заставляющее людей разных групп человечества европеизироваться, при всем их устойчивом стремлении сохранить свою духовную автономию.

- Европейцам присуща определенная энтелехия, которая пронизывает любые изменения духовного облика Европы, сообщая ему единоподобленность в стремлении к идеальному образу жизни индивида как вечному полюсу.

- Европейское развитие имеет смысл поступательного изменения всего человечества, начиная с появления и действия Идей в малых и даже мельчайших группах. Зарождаюсь в отдельных личностях, они представляют собой смысловые структуры с удивительной, небывалой способностью скрывать в себе интенциональные бесконечности.

- Научившись порождать идеи, человек становится новым человеком. Этот процесс с самого начала включает в себя Самопознание и коммуникацию, вызывая к жизни новый стиль «личностного» существования внутри своего жизненного круга.

- Распространяется тип Личности, живущей в изменчивом мире, но ориентированной на полюса бесконечности. Благодаря этому, появляется новый тип социальности и новая форма устойчивого общества, чья духовная жизнь, сплоченная любовью индивидов к идеям, порождением идей,

самопознанием, идеальным нормированием жизни, несет в себе горизонт бесконечной смены поколений, обновляющихся в Идеальной Духовности. 7)

- Значение личности в европейской индивидуализированной культуре определяется ее Отношением к идеям (28).

- Европа – это умственное напряжение. Самым дорогим для нее является Творчество мысли. Основное ее создание – Рефлексия в форме строгого искусства и строгого чистого знания (16).

Личностно инициированные идеи, идеалы, ценности, их философская, гуманитарная, художественная рефлексия и интерпретация, а также выражение в Текстах, явились одним из порождающих начал европейского **персонализма**. Культура персонализма существенно формируется авторскими текстами, погруженными в тайну человеческой личности. Автор, выдвигающий и оперирующий разнообразными идеями о человеке, которые получают текстовое воплощение и распространение в мире людей, приобретает свойство «расширяющейся индивидуальности».

Динамику европейской культуры можно рассматривать как многовековой процесс **создания гуманитарных текстов**, авторами которых были и являются люди с ярко выраженной индивидуальностью. Это тексты рассказов о себе (исповедей, жизнеописаний, автобиографий), тексты философской антропологии, произведений литературной классики, лучших трудов по психологии и психопатологии. Просторную область культурных событий образуют произведения Марка Аврелия, Августина, Абеляра, Петрарки, Макьявелли, Шекспира, Гете, Руссо, Пушкина, Достоевского, Ницше, Кьеркегора, Хайдеггера, Шелера, Бубера, Пруста, Бунина, Набокова, Бердяева, В. Соловьева, Франка, Ясперса, Фрейда, К. Юнга, Сартра, Бахтина, Мамардашвили и других.

В европейском понимании, гуманитарный текст является деятельностью и самовыражением автора как индивидуального субъекта культуры, авторским

культурным продуктом, индивидуальным феноменом культуры, средством культурного общения индивидов, «местом» интенсивного проживания и самопознания творцов культуры. Он создает, излучает и транслирует культуру. Это происходит не столько на уровне его открытых значений и смыслов, сколько на уровне контекста, состоящего из сложно переплетающихся семантических эквивалентов эпох античности, средневековья, ренессанса, современности. Скрытая семантика гуманитарного текста отмечена следами мифа, богословия, философских учений, литературы, науки, разновременных разговорных жанров. Его культурные смыслы сгущаются, центрируются в «ключевых фигурах эпохи», продолжающих жить в других временах. Вечные архетипы и странники европейских текстов – Прометей, Эдип, Августин, Абельяр, Гамлет, Дон – Кихот, Фауст, Мастер. Авторы текстов о человеке являются соавторами общего текста, уходящего в бесконечность; каждый автор прочитывается посредством других, и все их творения кажутся взаимно обратимыми. К. Г. Юнг становится понятен, когда в его работах читатель видит присутствие Гете – Шопенгауэра – Ницше – Достоевского – Фрейда. Сам Фрейд является «досоздателем» мифов об Эдипе, Электре, Нарциссе, Оресте, возможно, в чем-то превосходящим древних мифотворцев. Культура контекста часто впитывается текстом бессознательно для автора, обнаруживаясь в реминисценциях, невольных заимствованиях, неузнанных прототипах, скрытом цитировании, «забытых» источниках и т. д.

В проблемном поле психологии индивидуальности текст как культурный феномен представляет большой интерес в аспектах личности героев и персонажей, личности автора, личности адресата и культуротворческого диалога личностей. Стоит задача раскрытия целостного потенциала гуманитарного текста как источника знания об индивидуальной личности, как формы построения образа «Я» и самоосуществления автора, как способа ценностно-психологического влияния личности автора на личность адресата.

Особенно это касается текстов, созданных в философском, рефлексивном и художественно – психологическом жанрах.

Именно в последнем жанре индивидуальность издавна нашла наилучшую возможность обосновать свою творческую силу и автономию, осуществить естественное стремление сказать собственное слово в вечном мире языковой культуры. И если классическая литература показала способность Героя «быть» и Автора самоосуществиться, сохраняя, как правило, большую дистанцию между ними и теми, для кого она предназначена, то современный литературный процесс сближает и охватывает индивидуализацией автора, героя, всех персонажей, «Я» автора и «Я» читателя, не возвышая их до исторических, выдающихся фигур. В первую очередь текст моделирует их взаимные влияния и вложения, которые образуют личностные грани общекультурных отношений между теми, кто создает, создается, живет по образу созданного и создает самого себя. Автор текста как индивидуальность выступает началом уникальной траектории множественных и во многом не эксплицируемых «проникновений в других людей.

В своих исследованиях (20) мы выделили **типы и функции** авторского текста в зависимости от его роли в персонализации, индивидуализации культуры.

1. Текст разворачивается как процесс нового, оригинального осмысления и запечатления индивидуальной жизни человека, составляет утонченную культурную форму творческой деятельности и уникальной самореализации автора. Здесь текст означает **творение и творчество личности** в культуре

2. Текст выступает практикой индивидуальной рефлексии автора, процессом его самоанализа и самообобщения. Текст охватывает «Я» автора, позволяет ему осознать свое единство, разнообразие и противоречивость, преломить все высказываемое сквозь свой внутренний мир, ретроспективно воссоздать целостность прожитого и раскрыть свою жизненную перспективу. Здесь текст - это многоплановое **«Я» личности.**

3. Текст создает личность и форму жизни героя, которые «предсуществуют» по отношению к жизни и индивидуальности адресата в качестве потенциала. Текст берется адресатами за основание внутренней и практической идентификации с действующими в нем персоналиями и происходящими событиями. В процессах активного отождествления, литературная жизнь героя продлевается в судьбы реальных людей, а его характер и психические состояния переходят в контур их личностей. Действительный мир проявляет себя по образу литературы. Принимая эту импликацию, мы сознаем, что «герои живут вечно» и что «перспектива жить текст» – не просто художественный оборот Ж. – П. Сартра. «То, что мы называем миром Гамлета, то, что мы понимаем через типизацию, данную в Гамлете, родилось **после того**, как этот образ был написан. Мир Гамлета есть продукт написания «Гамлета»... Пока нет самого Гамлета, мы ниоткуда не могли бы получить его «возможность» (9; с. 324). Текст появляется в обществе и культуре как **возможная личность и ее возможная жизнь**.

4. Текст может составлять действительное бытие автора. То существование, которое для других людей представляется «действительным» в силу укорененности в предметном мире и практической деятельности, для автора является отчужденным. Только мысля, воображая, чувствуя, высказываясь, автор проживает свою подлинную жизнь. Течение жизни в «текстовом измерении» доказывается тем, что процесс порождения текста растягивается на долгие годы, в его динамике возникают захватывающие события воспоминаний и самоактуализации, изменяется личность автора, происходит слияние «Я» автора с героем, текст остается незавершенным, так как автору не дано знать и высказаться о финале своей жизни. Так, жизни Пруста, Джойса, Бунина, Набокова приобретали свой реальный хронотоп в рассказываемых ими историях. В этом случае текст выступает **способом личностного проживания жизни**.

5. Открывая понимающему читателю свои содержания, текст по-новому структурирует его ментальный опыт, стимулирует его активность в качестве критика, интерпретатора, импровизатора, толкователя, пародиста, подражателя, самостоятельного писателя или ученого. Текст наполняет разнообразное речевое творчество адресата, вплетается в его интеллектуальную жизнь. Чем содержательнее и разнообразнее текст, тем свободнее чувствует себя человек, извлекающий, развивающий или отвергающий идеи автора, строящий на их основе новые модели понимания человека, мира и самого себя, использующий текст как оригинальный материал для научных исследований в области филологии, лингвистики, психологии. Текст, таким образом, становится **источником творчества личности**.

Текст можно рассматривать как модус и обширный мир индивидуальности автора в том смысле, что он потенциально способен вмещать все отмеченные типы и функции и реализовать максимум возможностей гуманитарной культуры для развития индивидуальности референтов.

4. Быть единственным средоточием множественности.

Индивидуальность создает текстовую культуру и конституируется ею. Это положение, в первую очередь, относится к явлению, идее и образу **«творческой индивидуальности»**. Текстовые приближения к пониманию сущности творца стали возможны, благодаря личностной рефлексии и герменевтическому искусству самих творцов, создавших тексты о себе и других субъектах творчества. Индивидуальность в освещении индивидуальностей приобретает завораживающее богатство свойств, связанных отношениями взаимного порождения, дополнения, притяжения и синтеза. Потенциалом, обладателем и центром реализации этих **множественных свойств** определяется «Я» личности, заряженное энергией действий по различным направлениям творчества.

Подразумеваемая под творческой индивидуальностью личность, развившаяся в «единство многого», способную к авторским преобразованиям в сфере духа, культуры, самопознания, самлоразвития, человеческой жизни, наметим ее модель, основываясь на текстах Гете, К. Юнга, О. Шпенглера, Э. Нойманна (6; 12; 25; 28).

- Творческая индивидуальность могла появиться в обществе, обладающем коперниковским сознанием, в обществе индивидуальной культуры, которое утверждает существование личности в безграничном мире, бесконечном пространстве, потоке вечного бытия и в движении к бессмертию души.

- Ее идеалом является «жизнь с совершенной динамикой», то есть направляемая рациональными устремлениями, индивидуальной волей, проистекающей из «уверенного в себе разума», развивающимся интеллектом, творческой фантазией. Наилучшей формой такой жизни выступает «деятельность», осваивающая мир, пространство и время, отвечающая дарованиям личности, духу современности и общественным ожиданиям. Творческая деятельность разворачивается как самодеятельность, не уловимая творцом в ее внутренних побудителях, многих моментах динамики, в свободном течении, обусловленном целостным состоянием личности, в неповторимой форме конечного результата.

- Стиль жизни творческой индивидуальности - это порождение новых понятий, смыслов, образов, символов, панорамных картин бытия и самобытия. Ее имманентным достоянием является Творящий талант или Гений, который пробуждается и выражается в отношениях с другими людьми и в обращении личности к себе, в самоотношении и рефлексии.

- Бытийные векторы творческой индивидуальности охватывают все времена жизни и составляют: «восхождение к себе», «жизненную перспективу» и «внутреннее прошлое» или биографию. Восхождение к себе означает индивидуальное самопознание, раскрытие своего потенциала, нравственную работу над собой, самооправдание верой и достойными

деяниями, признание равенства всех человеческих состояний у «Ты» и «Я». Жизненная перспектива – страстное предвосхищение будущей реализации личных возможностей, прорыв в отдаленное завтра, вечное предвосхищение себя. Внутреннее прошлое – непрерывная память о событиях, ситуациях, состояниях и отношениях протекшей жизни.

- Восхождение, биография и перспектива соединяются в творчестве, выступают тремя мерами уникального самовыражения творца. Например, литературные произведения посредством образов героев связаны с актуальным «Я» автора, воссоздают контуры его прошлого, заключают ресурс авторских духовных влияний на других. У Гете это звучит так: «Все мною опубликованное – отрывки единой, большой исповеди» (6; с. 232).

- Жизненным приоритетом творческой индивидуальности являются разнообразные отношения со многими другими. Они состоят в защите перед другими права быть личностью, в стремлении пополнить при общении свою сущность, в терпимости и принятии всех людей без исключения, в поиске уединения для успешного творчества, в самовосстановлении при разрушительных воздействиях других, в самоотречении во имя ближних.

- Внутри биографии, отношений и деятельности возникают сложные личностные коллизии творческой индивидуальности. Так, избыточные «вожделения» личного превосходства, сверхэнергичное творческое бытие превращают ее жизнь в преодоление, неуклонное движение к цели, прогрессирование. Неизбежное внешнее сопротивление этому вовлекает личность в непрерывную борьбу с миром, с другими, с собой. Победы заставляют снова и снова искать переживаний опасности, напряжения и удовлетворения своей властью.

- Невозможность ценой борьбы длительно поддерживать достоинство придает жизни творца трагизм. Кроме того, он обусловлен острым переживанием «Я», затерянным в бесконечном мире, ощущением силы, отступающей в столкновении с великими силами, напряжением воли к

свободе и страхом перед ней, самоутверждением, которое, ввиду неизбежной смерти, оборачивается чувством вины перед лицом Высшего. Исход коллизий и страданий личности не имеет абсолютной предопределенности и намечается ее собственными выборами. Если коллизии лично неразрешимы, творец допускает для себя отрицание жизни.

- Кроме рациональных планов индивидуального бытия, у творческой индивидуальности ярко выражены его бессознательные планы. Их присутствие проявляется в стремлении к сверхчувственному опыту, в возвращающихся мыслях о необъятном и непостижимом, в спонтанности творческого процесса, в предвидении, в жизненных противоречиях, в том, что походит и на случайность, и на промысел, что сжимает время и раздвигает пространство, что влечет к невозможному и что действует как судьба.

- Творческая индивидуальность способна интуитивно уловить в бессознательной жизни прообраз собственного сознательного развития, превращающего его «Я» в зрелое и интегрированное. Этим прообразом является архетип Героя, который, благодаря сознательным усилиям личности, становится особо адекватным современному духу и ведет ее путем направленных авторских преобразований ценностного содержания культуры. Творчество, творческие влияния, качества творца способны длительно жить в культурном каноне, сохраняясь в разные времена, несмотря на натиски коллективных сил.

- Творец направляет свою деятельность в области религии, искусства, философии, науки или политики, преобразуя их с помощью новых идей и символов, понятных, пленительных и убедительных для множества людей. Бессознательное «Героическое начало», реализуясь и творчески оформляясь личностью, порождает знаменитых и масштабно влияющих художников, проповедников, философов, писателей, ученых и общественных деятелей.

- Бессознательное творческой индивидуальности заключает ожившие архетипы с потенциалом мощных воздействий на современность; ее сознание представляет собой совершенный интеллектуальный инструмент и способ индивидуального творчества; ее духовность образована устойчивыми культурными нормами, которых она строго придерживается. В психике и жизни творца достигаются исключительно плодотворные связи архетипа – сознания – культурной традиции - индивидуальной культурной деятельности. Направляющей силой в установлении этих связей является стремление творца выразить свою внутреннюю причастность к Красоте, Истине, Добру, Слову, Идеальной Вещи, Совершенному Действию и т. д.

- Творческий процесс, осуществляемый индивидуальностью, охватывает не только множество объектов и субъектов мира, но и максимум аспектов ее собственного бытия и «Я». При этом устанавливаются отношения центроверсии, когда личность гармонизирует взаимодействие дихотомий, избавляя свою внешнюю и внутреннюю жизнь от разрушительной двойственности. Центроверсия исключает острые конфликты органического и психического, бессознательного и сознательного, рационального и иррационального, индивидуального и коллективного, «Я» и глубинной самости.

- Иррациональное и трансперсональное играет в жизни творца не менее важную роль, чем сознание и сознательное творчество. Открытие новых символов и идей осуществляется в ответ на «вызов высшего Духа». Образы, тексты, произведения личности относятся к культуре, сообщающейся с областью трансцендентного. В «продуктах» и «влияниях» творческой личности всегда есть некоторая избыточность, не постигаемая большинством людей и относящаяся либо к исчезающему, либо еще не появившемуся в человеческом мире. Тайна ее дарования неотразимо действует на других: «любой талант неизъясним».

- Создавая новые ценности, творческая индивидуальность сама более 200 лет представляет собой культурное достояние. В отношении к этому достоянию общество занимает неоднозначную позицию то, наделяя творца огромной духовной властью, то, отвергая его как «несвоевременного», то, растворяя его уникальные вклады в «коллективных представлениях», то, заставляя бороться с враждебностью, привносимой в его жизнь, то вознося его на вершины социальной иерархии.

- Своими идеями, образами, текстами, выступлениями творец может нести предвестие кардинальных смен культурных форм и стилей. В них часто угадывается желание выразить уже пережитую в собственной душе возможность гибели традиционных ценностей, интуитивное знание о надвигающейся интеллектуальной опасности, предчувствие расширения границ познания и самопознания. Иногда, оберегая свои уникальные авторские установки, личность бывает вынуждена пойти на самоизоляцию, в одиночестве продолжая творческий путь.

- В своем погружении в созидательную деятельность, творческая индивидуальность иногда кажется эксцентричной, отличающейся не то необычной активностью бессознательного, не то неординарной работой сознания, не то какой - то «неправильностью» всей ее психической системы. Однако ни одна из этих гипотетических причин не устраняет и не ослабляет впечатления величия, производимого свершениями личности, тем большего, что она приобретает известность и власть, не стремясь к ним и не придавая им особого значения. Скорее она чувствует себя проводником власти Высшего, позволяющего ей создавать нечто значительное.

- Творческой индивидуальности свойственен непрерывный рост и самосовершенствование. Во всем выявляется ее особое бытийное предназначение. В любом возрасте ей присущи мудрость и неординарность жизненных выборов, принимаемых решений, способов перехода с одного этапа жизни на другой. Она умеет постоянно рождаться на основе «вложений

в себя», субъективно отражая результаты своих продуктивных действий, отклики на свои произведения, эффекты любви к себе других людей и своей любви к ним. И даже при недостатке таких «вложений» личность усиливает себя, внутренне работая на будущее, интуитивно следуя великой «метафизической задаче».

- В процессах роста творческой индивидуальности формируется единство ее мощного порыва к творческому бытию, ее хорошо структурированного «Я» и множества жизненных обращений и ответов «Других». На психологической территории активности личности возникает социальность нового типа, где происходят душевные и духовные циркуляции от ее внутреннего мира к внутренним мирам других людей. Последние также приобретают способность оказывать личные влияния в расширяющихся горизонтах совместной творческой жизни. Генерирующая среда отношений с другими необходима творцу для свободного самоопределения и самовыражения.

- Свойственная европейской личности свобода быть собой, неординарно выражена у творца во внутреннем преломлении и подчинении себе великого множества жизненных событий, воздействий и ситуаций, а также в возведении их в значительный социокультурный масштаб. Она непрерывно расширяет и концентрирует себя, приводя обстоятельства, культурные формы, стили жизни, способы деятельности и общения в соответствие с творческим «Я».

- Творец несет в себе, реализует и порождает личностные потенциалы и способности, направляющие в развитии каждого из индивидуальных субъектов культуры. В нем эти потенциалы приобретают великолепную форму, наиболее ярко высвеченную жизнью. Речь, прежде всего, идет о сознании, проблематизирующем мир, деятельности, дающей миру смыслы будущего, рефлексии, формирующей суверенное «Я» в соответствии с социальными и культурными перспективами, диалогизме бытия, состоящем в

расширенной передаче открытий, касающихся жизни, взаимодействия, познания и самопознания людей.

5. Своей единственностью порождать множество

Когда творец, обладающий указанными ценными свойствами, направляет свою деятельность на познание человека или самопознание, он закономерно приходит к выдвижению **идей** и созданию **идеалов** «индивидуальной личности», закрепляющихся в философии, гуманитарном знании, психологии, литературе, искусстве. По материалам изучения ряда авторских текстов, относящихся к различным этапам европейского культурогенеза: античности, раннего и позднего средневековья, ренессанса, просвещения и романтизма, современности – мы разработали версию **интегральной модели личности**, обобщающей такие идеи и идеалы (17). Модель объединяет **отношения к миру и жизни**, которые, в освещении творцов, означают многовековую поступательную индивидуализацию и персонализацию человека. Акцент на «отношения» позволяет подчеркнуть психологически главное в культурном становлении индивидуальности – свободно иницируемую внутреннюю и внешнюю активность личности. Полагаем, что единство отношений как выражение полноты жизни и жизненной состоятельности личности образует **«культурно - психологический потенциал индивидуальности»**. Осуществляясь по его критериям, множество людей приобретали и приобретают сродство с творцами, открывшими и воплотившими многообразные грани этого потенциала.

Отношение к высшему началу бытия. Личность в своих связях с миром исходит из абсолютных мер жизни, имеющих осознанные образы и символы Бога, Универсума, Космоса, Разума, Идеала, Бытия, Духа, Слова, «трансцендентного Я». Присутствие абсолюта в бытии индивидуальной

личности составляет для нее высшее благо и предлежащий смысл, достигаемые в опытах веры, духовного поиска, деятельного служения.

Отношение к обществу. Жизнь личности протекает в общностях и группах, выступающих для нее живыми объединениями людей, подобных ей самой, с которыми она находится в разнообразном взаимодействии. Коллективное ощущается и осознается личностью не как довлеющая тотальность, а как плодотворная среда совместного осуществления архетипов, творения общей ментальности, выработки стилей общезначимой деятельности, создания общих ценностей, самопознания. Целью и сутью соединения личности с другими является ее внутреннее признание и деятельностно - поступковое формирование себя «частью, индивидуально вмещающей целое».

Отношение к культуре. Абсолютное и коллективное представлены в личности способом культурного опосредования, а именно, в формах религиозности, морали, науки, философии, искусства, канонов повседневности. Культура выступает бессознательным и сознаваемым контекстом, условием, содержательно – ценностным наполнением жизненного самоопределения индивида. Внешнее и внутреннее культурное априори входит в ткань индивидуальной жизни и придает ей направленность на духовно - практическое освоение, оценку, рефлексию и преобразование культуры.

Отношение к своей природе. Формирование мер сакрального, общественного и культурного бытия и отношений личности происходит в соответствии с ее природным априори: витальностью, телом, полом, чувственностью. Оно конституирует ее влечения, активность в поиске удовольствия, конституцию, психоэнергетику, психодинамику, сексуальность, психофункциональные возможности, соотношения мужественности и женственности, врожденное чувство красоты и гармонии,

сенсорно - интуитивный опыт познания, действия и потребления и т. д. Психические компоненты природной организации сосредоточены в бессознательном мире личности. Они образуют «самость» личности, ее «естественную» внутреннюю жизнь, ее исходный душевный потенциал. Природное осознается личностью как ценность, сущность и условие жизни, как объект активного отношения и развития, как цель самосовершенствования.

Рациональное отношение. Сильным началом бытия личности является рациональность или способность к мышлению, логическим построениям, идеализации, пониманию и интерпретации мира. Мышление, двойственно направленное на внешние объекты и самого индивида, формирующее, совместно с чувством, интуицией и представлением, отношение к ним, развивается в качестве сознания. Сознательное отношение формирует символическую границу внутренней автономии личности, препятствующую ее слиянию с предметной и социальной средой. Центром внутреннего мира и интенциональности личности осознается «Я», которое, благодаря рефлексии, полагает себя свободным в собственном замысле и выборе абсолютных, социальных, культурных, природных мер и форм собственной жизни.

Отношение к своему «Я». Сознание позволяет личности субъективно отделить устойчивую определенность своих потребностей, притязаний, способностей, характера и целостного образа «Я» от собственного существования, мимолетности и сиюминутности жизни, протекающей в желаниях, эмоциях, воображении и мысли. Направленно и спонтанно, в каждый момент проживания личность, развиваясь в качестве «Я», решает проблемы наполнения внутренней жизни новым содержанием, отождествления и разотождествления себя с другими людьми, собирания себя в единство, а также уникального самовыражения и самоутверждения в мире. «Я» выступает для личности объектом самоотношения, основанием и причиной активных выходов в мир, возможностью индивидуального

изменения коллективных форм веры, познания, нравственности, творчества, социального поведения и самопознания. Благодаря развивающей рефлексии и самодеятельности, «Я» утверждает себя единичностью, к которой сходятся и в которой объединяются многие тотальные процессы в мире.

Отношение к противоречиям жизни. Индивидуальное «Я» является самодостаточным в плане сознательной направленности на выявление собственных возможностей через самого себя. Однако, цели и смыслы отношения к себе, чтобы расширяться, углубляться и варьировать, должны быть укоренены во всех других отношениях личности. «Я» встает в собственные отношения к природе и обществу, другим и другому, жизни и смерти, времени и пространству, религии и этике, свободе и долженствованию, знанию и искусству, традиции и новациям. Полноценное осуществление отношений в системе «Я - мир – другие» предполагает осознание их равновесия или вскрытие и разрешение их противоречий. Задача уравнивания и преодоления коллизий в отношениях решается Я – субъектом на основе жизненных способностей к самосознанию, активному действию, творчеству и поступку.

Отношение к другому человеку. Посредством различных отношений, личность устанавливает, выстраивает и проживает взаимодействие с «другими», будь то реальные люди из близкого окружения, или авторитетные «дальние», или выдающиеся персоналии, или символические личности. Другой человек субъективно присутствует в личности и ее жизни как «значимый другой», «другой как Я», «Я как другой», «мое другое Я», «другой, недоступный для Я», «другой, для кого мое Я недоступно». Соединение или слияние личности с другим человеком имеет многие формы, включая подражание, присвоение, обладание, привязанность, любовь, принятие влияний, обратные влияния, признание и умножение взаимной свободы. В процессе жизни непрерывно происходит чувственное, рефлексивное, практическое отстояние и сближение «Я» с другими, то есть,

развертывается многовекторный жизненный диалог личности. «Я» личности особенно глубоко проникает в другое «Я», когда личность нравится, является образцом, учителем, любимым, вызывает сопереживание, становится волнующим идеалом и тайной.

Деятельное отношение. Суверенность, самостоятельность личности в мире утверждается деятельной стороной индивидуальной жизни: динамикой тела, поведенческими актами, профессиональными практиками, социальными действиями, поступками, творческой деятельностью и приемами самовыражения. Закрепляясь за разнообразными качествами внутренней личности, укореняясь в ее жизненных установках и «Я», текущие действия и поступки начинают глубинно определяться «деятельной индивидуальностью», что приносит в них момент свободы и избыточности. Личность, погруженная в жизнедеятельность, находится в непрерывном генерировании мотивов, намерений, смыслов, целей, процессов и результатов активности. Деятельная личность обладает привилегией особо тесного сращения с миром, приобретения искусности, мастерства, высокого общественного статуса, постоянного Я – возврата к себе и диалога с собой, развития своих сущностных качеств и самовозрастания в существовании, то есть является субъектом жизни.

Отношение личности к своему жизненному пути. Все, что происходит в личности и с нею, включено в общую историю индивидуальной жизни или жизненный путь. Он включает и соединяет: возрастные фазы телесного и психического развития личности; освоенные личностью места жизни; неповторимые превращения объективного и субъективного времени жизни; принятые и персонально преобразованные формы культуры; личный контур социальных связей и значимых встреч; динамику жизнеотношений; трансформации сознания и бессознательного; изменения качеств и свойств личности; смену индивидуальных деятельностей и жизненных ролей; последовательность, длительность и смыслы ведущих жизненных событий и

жизненных ситуаций. История индивидуального бытия становится объектом отношения и рефлексии личности, автобиографией, рассказом о себе, жизнеописанием при участии «Я», творящего текст о соотношении прошлого, настоящего и будущего, содержательном наполнении, итоговом самопереживании жизни. В своей сложности и уникальности, жизненный путь создается потоком всеобщего Бытия, силой индивидуального порыва «быть», непостижимой «судьбой», бессознательной экзистенцией личности, ее сознательной активностью и следующей за жизнью рефлексией, которая освобождает личность и для принятия судьбы, и для житнетворчества.

Творческое отношение. При осознании свобод своего внутреннего и внешнего существования, личность может самоопределяться по отношению ко всему, что составляет ее собственный жизненный мир. Самоопределением охватываются выборы идеальных и прагматических ценностей, отношения значимости и интимности, способы сотрудничества, оказываемые личностью социальные воздействия, ее отношение к телу и здоровью, освоенные сферы деятельности, индивидуальные достижения и жизненный путь личности. Самоопределение, саморазвитие, разрешение жизненных коллизий в пользу сохранения или обновления человеческих идеалов и индивидуальных смыслов являются «созданием своей индивидуальности» или творческим отношением к себе

Заметно, что в структуре культурно – психологических потенциалов европейской личности центральная роль принадлежит ее сложному и многомерному «Я» как важнейшему источнику процессов индивидуализации. Культурная история развития «Я» и самопознания личности может быть выделена в самостоятельную линию культурогенеза индивидуальности и может изучаться посредством реконструкции и интерпретации **рефлексивных текстов**, принадлежащих творцам, известным уникальными вкладами в философию, теологию, литературу, психологию и т. д.

6. В своей единственности открыть множественность

Выдающиеся рефлексивные тексты (Я – тексты) определяют развитие литературы «Автор об Авторе», общепризнанно являются одним из **творческих** способов самопознания, самопонимания и самовыражения индивидуальности. Как правило, «Я» осознается в них как начало различных направлений жизни, центр разнообразных отношений к миру, инстанция внутреннего воссоединения многих внешних влияний и выступает богатейшей **феноменологической реальностью Автора**, остающейся в длительном времени культуры.

В контексте культурной психологии личности актуальны исследования выдающихся рефлексивных текстов Марка Аврелия, Аврелия Августина, Пьетро Абеляра, Бенвенуто Челлини, Иоганна - Вольфганга Гете, Льва Толстого, В. Набокова, И. Бунина, Н Бердяева, Карла Юнга, С. Дали и многих других с целью моделирования основных содержаний самопознания и аспектов «Я» творческой индивидуальности. Полагаем, что синтез построенных моделей будет служить психологическому воссозданию системы Я - предпосылок развития современных талантов, а также разработке технологий личностной реализации этих предпосылок для достижения масштабных социокультурных прорывов.

Моделирование индивидуальности на основе рефлексивных текстов является методом психологической герменевтики, предполагающей, кроме интуитивного понимания, применение релевантных **теоретических концепций личности**. В частности, в своих исследованиях мы применили систему положений о самосознании, жизненных отношениях, субъекте жизни и жизненном пути личности, развиваемую школой С. Л. Рубинштейна. (2; 13; 14; 15; 18).

Кроме того, при моделировании мы учитывали богатый спектр **возможностей литературных Я – текстов** для психологического изучения

индивидуальной личности. Эти возможности были выявлены нами в результате обращения к исследованиям «феномена текста» в русле феноменологической, экзистенциальной, гуманистической психологии личности. (20).

Первое. Я - текст является отражением и субъективной репрезентацией жизненного пути Автора. Жизненный путь рефлексивно представлен в тех или иных мыслеобразных «измерениях»: ситуативном, событийном, смысловом, поступковом, измерении встреч и взаимодействий с другими людьми, измерениях умений – мастерства – произведений, измерениях желаний, чувств и направляющих идей, измерениях коллизий, успехов и поражений, измерениях отношений и свойств «Я». Рефлексия жизни Автора формируется переплетающимися актами «это было в моей жизни», «это произошло со мной», «это имело смысл для меня», «я так делал и поступал», «я встретил Другого», «я испытывал отношения и действия других», «я работал, создавал, добивался успеха», «я желал, чувствовал, руководствовался идеями», «мне помогали и противодействовали», «я ошибался, я преодолевал», «я обладал такими – то свойствами», «я так – то относился к себе».

Второе. Рефлексивный текст, кроме образов и идей, характеризующих содержание жизненного пути «Я», выражает операциональный план рефлексии, то есть, «как я познаю себя». Текст можно психологически оценить по критерию преобладающих форм самопознания личности, к которым мы относим: самоисследование, ведущееся в научных, философских, литературных понятиях; осознание переживаний и сознательную самооценку; активное самоосмысление; создание стратегий и сценариев самовыражения; проблемную рефлексия как вопрошание о себе; интуитивно – логическое самопонимание (18).

Третье. Рефлексия и написание Я – текста становится не только возможностью сказать о своей жизни, но также утонченным способом

протекания и проживания душевной жизни, самой внутренне - внешней жизнью Автора. «Саморефлексивный образ индивида сцеплен с его эмпирическим существованием и входит в органический состав последнего» (4; с. 894). Жизнь, возведенная текстом в степени феноменологического усиления и интенсивного проживания, субъективно приобретает качество подлинности. Создание Я – текста непосредственно становится житнетворчеством.

Четвертое. Рефлексивный текст, выступая дифференцированной и целостной картиной сознания Автора, делает множественные отметки его тайной жизни, умалчиваемого и бессознательного. То есть, выражая субъективное понимание и интерпретации своей жизни и личности, Автор транслирует другим не только знание о себе, но и свои загадки.

Пятое. Рефлексивный текст включает обобщенные «матрицы» или «формулы» самопознания, которые развивают культурные каноны поиска индивидами знаний о себе в данном типе общества. Пределы, границы, содержания и операции самопознания индивидов в социуме во многом конституируются критическими опытами рефлексии, принадлежащими персоналиям, творческая жизнь которых по определению опосредована их сильной, продуманной, осмысленной Я – позицией.

Шестое. Рефлексивный текст формирует культурное осознание взаимодействий творческой личности с другими людьми. Он строится, как правило, в режиме диалогов «Я – другие» и «другие – Я», освещая отношения Автора к конкретным личностям, социальной среде, обществу и их субъективно отраженные отношения к нему. Опыты взаимодействия Автора с другими людьми опосредуют его творческую деятельность и входят в ее ткань, независимо от своего позитивного или негативного качества. Не является редкостью то, что индивидуальное созидание сопровождается и оплачивается сложными конфликтами творца с окружением. Рефлексивные

тексты содержат психологические модели поддерживающих и ограничивающих отношений других к Автору, а также его отдачи, сопротивления и противодействия другим. Литературно – рефлексивные модели индивидуальных отношений Автора с другими могут обладать большой формирующей силой в системе социальных взаимодействий.

Седьмое. Рефлексивный текст позволяет получить научные данные о процессах и продуктах творчества, о путях индивидуализации и усиления активности творческой личности, о качествах и способностях творца, о преодолеваемых им коллизиях жизни. Они могут использоваться исследователями при разработке моделей «индивидуальной личности» и «творческой индивидуальности», релевантных европейскому культурному процессу, и являются, таким образом, источником поисков в психологии и других науках.

Основываясь на изложенных позициях, мы провели феноменологическую реконструкцию пяти текстов: «Размышлений» Марка Аврелия, «Исповеди» Августина, «Истории моих бедствий», Пьетро Абеляра, «Жизни Бенвенуто Челлини, рассказанной им самим» и «Исповеди» Льва Толстого. В итоге был намечен культурогенетический континуум **моделей индивидуального самопознания творцов**, акцентирующих те или иные жизненные условия их самоформирования.

Действие и роль определенных условий в жизни и становлении творческой индивидуальности, несомненно, нашло многогранное научное отражение. Однако, сложный контур их осознания, личной значимости, внутреннего овладения ими и синтеза в активном образе «Я», недостаточно изучен, требует фундаментальных исследований и преломления в современных моделях развития субъектов творчества.

Наш выбор Авторов рефлексии был обусловлен их принадлежностью к различным эпохам становления европейской культуры и участием в развитии

ее разнообразных этнических форм (греко – римской, французской, итальянской, русской), мировым признанием их творческих вкладов, высоким уровнем психологизма созданных ими текстов самопознания и большой частотой упоминаний этих текстов в мировой культуре.

Согласно результатам проведенных исследований, «Я» творцов охватывает активным осмыслением, отношениями значимости и преобразованиями относительно **константную структуру моментов своей жизни**. К ним относятся:

поиск Идеала среди богов, людей, в мире Абсолюта, в своем глубинном мире или своем сознании;

творчество в его жизненном пробуждении, иррациональном и осознанном протекании, обусловленности даром, талантом или гением личности, продуктивном выражении в созданных образцах, идеалах, трудах, произведениях, изображениях, текстах;

взаимодействие с другими в формах внутренних и внешних отношений с творцами - авторитетами, с родителями, с помощниками в творчестве, с вдохновителями, с врагами, с учениками, с референтным окружением, социумом, государством, конкретными носителями власти;

собрание ценных знаний как опытная, рациональная основа творчества, соединяющая традицию, обучение, освоение мастерства других, творческие практики, концептуальные авторские установки, мировоззрение личности;

организация и динамика жизненных смыслов, обосновывающие для личности мотивы, цели, способы, стратегии, перспективы, этапы, рефлексию существования, включая творчество и самореализацию в качестве творца;

противоречия жизни, возникающие в процессах творчества, во взаимодействии с другими, в познании и самопознании, в поисках смысла, и

разрешаемые личностью с жертвами или приобретениями, путем активности или отступления, способом капитуляции или нового жизненного прорыва;

самоутверждение, состоящее в непрерывном творчестве, уникальных авторских результатах, отстаивании авторского достоинства, сопротивлении внешнему давлению, преодолении враждебности со стороны других, принятии одиночества для сохранения автономии, превращении индивидуального в общепринятое, усилении «Я» средствами рефлексии, построении жизни в соответствии с идеалом человека или собственной моделью Индивидуальности.

Кроме тонко дифференцированной тематической **общности**, в рефлексии творцов была обнаружена критически высокая представленность **определенных моментов жизни**, в зависимости от принадлежности субъекта к культуре античности, или средневековья, или Ренессанса или Нового времени. Можно предположить, что яркие рефлексивные акценты отражают не только наиболее осознанные жизненные значимости конкретного автора Я - текста, но и действующие, либо нарождающиеся в то или иное историческое время каноны **избирательного самопознания** индивидов. Творческая личность в контексте своего культурного времени, во-первых, эксплицирует и полно воссоздает существующие каноны самопознания и самоотношения человека, во-вторых, выходит за их пределы, в-третьих, инициирует появление новых моделей человеческого «Я».

Продемонстрируем обнаруженные рефлексивные акценты творцов на примерах пяти выбранных текстов. Убедимся, насколько многоаспектны и многооттеночны эти акценты.

1. «Размышления» Марка Аврелия (10) намечают образец человека как цели индивидуального самоформирования. В самопознании выражает себя **«Я», творящее идеал Человека**. Определяются бытийные условия, пути и меры реализации идеала в собственной жизни и жизни других людей. Во

всеобъемлющем самосознании Аврелия идеальное человеческое бытие диалектично объединяет богов – природу – тайну человека – его разум – разумную душу – умную жизнь – гения в человеке – общественность человека – других людей – правила самопознания и самосовершенствования.

- **Боги** устроили все разумно, прекрасно, человеколюбиво. Силой божественного Разума творится **Природа** – первооснова всего сущего и существующего, истина и причина всего, что истинно. Природа является совершенным целым, все воссоединяет в целое, все дает и все отбирает у сущего. В ней сосредоточено единство таинственных сил, составляющих «природу» вещей. Это тайны возникновения вещей, их строения из отдельных частей, их становления и превращений, преодоления ими зла, то есть распада и отпадения от целого. Будучи сотворенной, Природа сама выступает творцом. Одним из ее творений является человек и его жизнь в мире. **Тайна человека** - соединение в нем тела, души и ума. Этому соединению способствует разумное отношение к божественной причине всего, к телу, к другим людям, к миру. Кто не знает, что такое мир, не знает, где он сам. Кто не знает, для чего он рожден, не знает, ни кто он, ни что такое мир

- **Разум** дан человеку от божественной Природы. Это «главенствующее внутри человека»; пронизывающее все сущее; не создающее зла; уловитель связи всего и всех отношений одного к другому; управитель человеческой жизни; придающее человеку цель и назначение; созерцающее бытие и время как целое; познающее порядок, складывающееся из противоположностей; общее с другими людьми. Разум является гением человека, направляющим его к **умной жизни** в мире и к добродетельной жизни души. Задачей разума - ума является формирование правильных представлений о предметах, а именно, нахождение пределов и очертаний предметов, рассмотрение каждого предмета в его «естественной наготе», познание его в полноте и отдельности, называние его собственным именем, знание всех элементов,

его составляющих и всех частей, на которые он распадается, познание ценности предмета для целого. В единении с душой, разум превращает ее в **разумную душу**, способную себя видеть, себя познавать, себя расчленять, делать себя такой, какой хочет, пожинать свой плод, приходить к своему назначению, все в себе делать полным и самодостаточным, обходить весь мир, распространяться на бесконечность времен, любить ближнего, встретиться со своим гением. Разумная душа - «сфера, светящаяся светом». Разум – в целостной, не рассеянной, собранной жизни.

- **Гения** в человеке открывает и сберегает философия, которая придает жизни благой характер, отличающий ее от обычной человеческой жизни. В обыкновенной жизни мы живем в мимолетном настоящем, наша душа пребывает во сне и слепоте, жизнь состоит только из первостихий, существование кажется войной и чужбиной, воспоминание не отличается от забвения, смерть настигает любого, даже тех, кто чрезмерно заботится о жизни. В разумной жизни, осененной гением, мы живем в созерцательном и деятельном настоящем, видим его «точкой вечности», помним не только о жизни, но и о смерти, прилаживаемся к судьбе, преодолеваем стихийность бытия, действуем с рвением, силой и благожелательностью, сохраняем своего гения в чистоте, ничего не ожидаем и ничего не избегаем, храним покой, не доверяя какой – то одной из противоположностей, действуем по традиции наилучших времен, делаем свою жизнь завершённой, так, чтобы нас нельзя было сравнить с «лицедеем, который ушел со сцены, не доиграв».

- Разумные существа рождены один для другого. Человек по природе **общественное существо**, действует общественно. Радость в том, чтобы от одного общественного деяния переходить к другому. «Что улью не полезно, то и пчеле не на пользу». Все разумные существа устроены для единого сотрудничества. Человек, отщепленный от хотя бы одного существа, отпал от всей общности. «Не одинаковы ветка единорастущая и ветка, заново принятая, как была отрублена». Мы рождены для общества. «Много

комочков ладана на одном алтаре. Один раньше упал, другой позже». Нужно помышлять о самых разных людях самых разных занятий и разных народов, желать другим только добра; не порицать других, так как каждый может совершить погрешность.

- Присущие мне лучшие свойства достались мне, как и любому человеку, от **других людей**: прадеда, деда, отца, матери, воспитателя, учителя, философов, поэтов. Это изящество нрава, негневливость, благочестие, щедрость, воздержание от плохого, неприхотливость, выносливость, несуетность, пристрастие к философии, ловкость умозрительных положений, благожелательность, бесстрастность, неосуждение, обучение у друзей, восхваление учителей, долг перед ближними, владение собой, бодрость духа, скромность, мужество, надежность, последовательность, спокойствие, невысокомерие, нестроптивость, нетщеславие, трудолюбие, справедливость, самодостаточность, приветливость, независтливость, приверженность старому, зрелость, невозмутимость, стойкость, поддержка богов, божественные подсказки и знамения, хорошее здоровье, помощь другим.

- Я могу **узнать себя**, оставаясь наедине с собой, обращаясь к себе, спрашивая себя, испытывая себя, ставя перед собой задачи, устанавливая себе правила, примеряясь к образцам. То же можешь сделать и ты:

Когда тебя спросят, о чем помышляешь, отвечай быстро, откровенно, просто, доброжелательно.

Принимай как благо то, что с тобой сейчас происходит, тех, кто сейчас с тобой, свои представления о происходящем и то, что неизвестно в настоящем.

Спрашивай себя при пробуждении ото сна той своей драгоценной частью, где живут верность, правда, стыд, закон, добрый гений.

Соблюдай себя при именах: добротный, достойный, доподлинный, осмысленный, единомысленный, свободомысленный.

Смотри внутрь – там источник блага.

Делай то, что от тебя сейчас требует природа.

Само себя лишает сияния то, что не желает пересылать его.

Благом является для тебя: общественное, неподатливость для переживаний, первенство духовных движений, неопрометчивость и пронизательность.

Шествуй прямо, следуя собственной и общей природе.

Из людей никого не ставь ни господином себе, ни рабом.

Говори себе: это идет от бога, это по жребию и вплетено в общую ткань, это – от случая, это – от других, это – от меня самого.

Поспешай к своему назначению, помогай себе, давай себе уединение, обновляй себя.

2.. Пути создания и индивидуальной реализации Идеала, намеченные Марком Аврелием и другими философами античности, были продолжены христианскими мыслителями средневековья. Однако, в противовес идеализации человека, они стремились обосновать его несовершенство перед лицом Всемогущего. Идеалом человеческой жизни стало обретение и самоотдача Вере. Текст «Исповеди» великого **Аврелия Августина** (3) открыл и канонизировал способ индивидуального самоотношения, при котором все пережитое и достигнутое, составляющее многообразие жизни талантливого человека, осмысливается как несоответствующее «бытию в Боге» и связанное, поэтому, с неразрешимыми внутренними коллизиями. В поиске подлинного бытия Августин творит образ **«Я», живущего в противоречиях с собой**, и показывает освобождение от этих противоречий в свете Истины.

Коллизии «Я», проступающие в тексте «Исповеди», могут быть выстроены в следующий континуум, соотносящийся с различными периодами жизненного пути Августина и образующий рефлексивную картину покаяния и движения личности к моменту смирения и спасения - отказу от себя во имя Бога.

Я предпочитал игры и зрелища, которые взрослые устраивают, соблазняя детей. ⇐⇒ Взрослые наказывали меня за это. ⇐⇒ Мне мучительны и непонятны были эти наказания.

Я был ленив в учении. ⇐⇒ Меня били учителя в школе. ⇐⇒ Родители одобряли этот обычай. ⇐⇒ А я, фактически, занимался тем же, чем наставник, бивший меня. ⇐⇒ Меня мучили и наказания и несправедливость.

Я обманывал в игре и обманом добивался превосходства над другими детьми. ⇐⇒ Меня уличали и наказывали. ⇐⇒ Я свирепел и не уступал. ⇐⇒ Я стыдился, что делал то, за что часто бранил других.

Я совершил поступок, который был мне приятен своей запретностью. ⇐⇒ Я хотел быть свободным, занимаясь тем, что запрещено. ⇐⇒ Меня смущали «запутанные» извивы души, эта тяга к проступку.

Я любил и был любимым. ⇐⇒ Страсти увлекали меня. ⇐⇒ Я падал, и был горд этим. ⇐⇒ Родители не удерживали меня. ⇐⇒ Туман желаний помрачал мое сердце.

Я хотел стать выдающимся оратором и мечтал о форуме. ⇐⇒ Мое тщеславие тешилось тем, что я был лучшим в риторической школе. ⇐⇒ Я начинал понимать, что ораторский блеск - искусство лжи.

Я решил заняться Священным Писанием. ⇐⇒ Но я не мог мириться с его простотой. ⇐⇒ Мое остроумие не проникало в его сердцевину. ⇐⇒ Но я и тогда искал Тебя, Боже мой, не зная, где Ты.

Я продавал победоносную болтливость, преподавая риторику. ⇐⇒ Хотел иметь хороших учеников. ⇐⇒ Они обманывали мои ожидания.

Умер мой друг. ⇐⇒ Я был в отчаянии, всюду была смерть. ⇐⇒ У меня родилось жестокое отвращение к жизни. ⇐⇒ Одновременно возник страх перед смертью. ⇐⇒ Я начал понимать, что нельзя никого любить так, словно он не может умереть. ⇐⇒ Я страдал еще больше.

Я узнал без больших затруднений науку красноречия, диалектику, геометрию, музыку, арифметику. ⇐⇒ Я пытался их разъяснить своим

ученикам. ⇐⇒ Самого прилежного из моих учеников хватало лишь на то, чтобы не слишком медленно усваивать мои объяснения. ⇐⇒ Я начал сомневаться в пользе моего ума.

Я всегда знал, когда совершаю худое. ⇐⇒ Я часто считал, что грешу не я, а что-то другое, что мною не было. ⇐⇒ Я не считал себя виновным.

Я во всем сомневался и ни к чему не мог пристать. ⇐⇒ И все же я ждал, когда засветится передо мною что-то определенное, к чему направлю я свой путь. ⇐⇒ Ожидая, я стал катехуменом в Православной церкви.

Я искал известности, славя императора. ⇐⇒ Изнуряющие размышления о моей лжи донимали меня».

Мне улыбалось счастье. ⇐⇒ Мне было скучно ловить его. ⇐⇒ Я знал, что оно угаснет прежде, чем удастся схватить его.

Я искал мудрости и истины. ⇐⇒ Я хотел оставить пустые, тщетные желания, лживые увлечения. ⇐⇒ Я наслаждался ими, наслаждался настоящим, которое рассеивало меня.

Я хотел использовать влиятельных друзей, хотел получить хорошее место правителя провинции. ⇐⇒ Хотел жениться и вместе с женой, как многие достойные мужи, предаться мудрости. ⇐⇒ Я понимал, что тем самым лукаво предпочитаю женские объятия и известность истине.

Я искал, откуда мое зло. ⇐⇒ Меня тяготил и грыз страх смерти. ⇐⇒ Истина не давалась мне. ⇐⇒ Я начинал понимать, что сам Страх есть Зло.

Я искал истину, спрашивал себя, откуда зло. ⇐⇒ Искал я в молчании, обращаясь к Тебе, Милосердному. ⇐⇒ Люди не знали о тревоге моей. ⇐⇒ Благодаря Тебе, я вошел в свое сердце и увидел, что Ты сотворил все добрым, что зло - ухудшающееся добро. ⇐⇒ Я не мог найти пути, на котором можно насладиться Тобой, я не находил Пути Христа..

Одна моя воля была плотская - привязанность к женщине. ⇐⇒ Другая моя воля стремилась освободиться от всего для Тебя.

Закон в теле моем делал меня своим пленником. ⇐⇒ Я не спешил освободиться, лишь вяло говорил себе: «сейчас», «вот сейчас», «подожди немного». ⇐⇒ Так я, знающий Истину, уходил от закона Твоего. ⇐⇒ Тревога моя росла.

Ты, Господи, повернул меня лицом ко мне самому. ⇐⇒ Я увидел неправду свою и ужаснулся. ⇐⇒ Я стал ненавидеть себя. ⇐⇒ Но моя душа боялась, что ее вытянут из русла привычной жизни. ⇐⇒ Шел великий спор, поднятый во внутреннем доме моем.

Я «безумствовал, чтобы войти в разум. ⇐⇒ Я умирал, чтобы жить. ⇐⇒ Я разделился в самом себе. ⇐⇒ Я хотел пожелать союза с Тобой и не мог. ⇐⇒ Я боролся с собой и мучительно ждал, когда исчезнет мрак моих сомнений.

Наконец наступает решающее событие в жизни Августина, когда к нему, призывающему в саду избавление от мучительной «мирской зависимости», приходит долгожданный «знак»: Он слышит голос из соседнего дома, как будто мальчик или девочки, часто повторяет нараспев: «Возьми, читай! Возьми, читай!» Следуя этому знаку, он открывает апостольские Послания и читает: «Облекитесь в Иисуса Христа и попечение о плоти не превращайте в похоти...». Наступает момент просветления: **«После этого текста сердце мое залили свет и покой; исчез мрак моих сомнений»**. Следует «разрешающий поступок» - принятие Августином крещения и вступление в жизнь - во - Христе.

3. Позднее средневековье отчетливо меняет акценты Я – текста. «История моих бедствий» **Пьетро Абеляра** (1) представляет собой захватывающую рефлексию богослова, философа, вовлеченного во множество жизненных конфликтов, связанных с враждебностью людей и его ответным сопротивлением, преодолением и самоутверждением. Воссоздается неповторимое **«Я», отстаивающее себя в противоречиях с другими**. Раскрываются моменты интенсивной жизни, сплетающиеся в коллизиях и

позволяющие побеждать в жизненной борьбе. Это таланты Абельяра – выборы занятий – обучение у знаменитых учителей – успехи - приобретение уверенности в своей исключительности - страсти - вражда учителей – неприятие соучеников – преподавание и написание трудов – борьба с выпадами против него – победы врагов - его отступления и малодушные поступки – самоосуждение - новые прорывы в познании – создание авторской школы - распространение его славы – умножение врагов – готовность к противодействию – вера в личное искание Истины.

Психологическая реконструкция самопознания Абельяра выглядит следующим образом.

- Я отличался восприимчивостью и способностями к научным познаниям, отказался ради них от воинских подвигов, которых хотел от меня отец, «отрекся от участия в совете Марса ради того, чтобы быть воспитанным в лоне Минервы».

- Я был одержим любовью к наукам. Среди них избрал философию, а из всех ее положений и методов – оружие диалектических доводов и победы в философских диспутах

- Я изучал диалектику у Гильома из Шампо, выдающегося магистра, который принял меня благосклонно и благоволил мне до тех пор, пока я не попытался опровергнуть некоторые из его положений. Я стал ему неприятен, так как побеждал его в спорах и постепенно приобретал славу.

- Я видел, как он воспламенялся завистью ко мне по мере того, как распространялся слух о моем искусстве в диалектике и по мере того, как меркла его известность.

- Я возымел о себе такое высокое мнение, что, несмотря на юный возраст, стремился открыть собственную школу. Мой бывший учитель и его сторонники противились моему влиянию на учеников, и я открыл школу в отдалении от Парижа, где мог более свободно нападать на противников в диспутах.

- Я возвратился в Париж и силой диалектических доводов опроверг учение Гильома об универсалиях. Он коварно лишил меня моих покровителей, и моя школа была отдана другому. Я сопротивлялся и вскоре вернул школу, выиграв битву.

- Я начал изучать богословие у Ансельма Ланского, обязанного своей большой известностью долголетним преподаванием и красноречием, а не умом и памятью. «Зажигая огонь, он наполнял свой дом дымом, а не озарял его светом».

- Я ходил на его занятия все реже и реже, что тяжко обидело лучших учеников Ансельма. Они коварными наговорами вызвали у него ненависть ко мне.

- Я стал отрицать необходимость в чужом руководстве при толковании священных текстов и приступил к их собственному толкованию и чтению лекций по богословию. После первой лекции Ансельм стал мучиться завистью ко мне. Гильом преследовал меня в философии, Ансельм – в богословии.

- Моя школа принесла мне славу и благополучие. Беззаботное житье ослабляло силу духа и направило его к плотским удовольствиям. Я считал себя единственным в мире философом, был всецело охвачен гордостью, надменностью, сластолюбием и все больше отдалялся от философии и богословия.

- Я полюбил Элоизу, известную многим своими научными познаниями. Она ответила мне страстной любовью, но считала, что истинный философ отличается от других строгостью жизни и свободой от мирских забот, следовательно, не должен жениться.

- Я был жестоко наказан родственниками Элоизы за нашу тайную любовь. Особое горе причиняло мне то, что оскоропленные люди считались нечистыми и по общему убеждению не могли заниматься философией и богословием.

- Я постригся в монахи, и вскоре монастырские предложили мне преподавать философию для бедных. Но в аббатстве царили дурные нравы, и я стал обличать братию за их мерзости. Они возненавидели меня.

- Ко мне съехалось множество школяров, другие школы стремительно теряли учеников, и магистры других школ стали возводить на меня разные обвинения.

- Я написал богословский трактат «О божественном единстве и троичности». Наитруднейшие вопросы получили в нем разрешение, нравившееся многим.

- Мои раздосадованные соперники собрали против меня Собор для обсуждения моего трактата. Мне не дали слова для защиты под предлогом, что «весь божий свет не мог бы опровергнуть его доказательств и софизмов».

- Меня осудили за высокомерие, с которым я написал и распространил эту книгу. Книгу присудили к сожжению и меня заставили самого бросить ее в огонь. «И враги наши – судьи».

- Я удалился в пустынь, но вскоре ко мне съехались многие ученики и почитатели, отказавшись от городских благ. Обо мне говорили: «Вот за ним пошел целый свет». Я основал там храм и назвал его Параклетом (Утешителем).

- Слава моя росла, но враги стали распускать обо мне дурные слухи, и я должен был оставить Параклет на попечение Элоизы, также принявшей постриг. «Мне казалось, что язычники отнеслись бы ко мне более благосклонно, чем собратья по вере.

- Меня назначили настоятелем монастыря в Бретани, где я принял в управление неукротимую, непослушную братию. И там меня мучили «извне нападения, а изнутри – страхи». Вследствие непрерывных бедствий я считал себя наследником блаженного Иеронима.

- Я решил оказывать покровительство, помощь и преподавать науки в монастыре, основанном при Параклете Элоизой. Свои несчастья я стал

считать полезными, как некие искушения, и потому обращался к богу со словами: **«Да будет воля твоя!»**

4. Рефлексия художника Бенвенуто Челлини (24), чарующая стройностью ренессансного текста, акцентирует произведения разностороннего гения Автора, его гордость творца, его самоотождествление с предками – отменными мастерами и с великими художниками, его подвиги и испытания в творчестве. С критически выраженной силой заявляет о себе **«Я», изобильно создающее шедевры.** Автор погружен в череду великого множества событий и ситуаций своей жизни, основная часть которых была связана с дворцовыми запросами (со стороны королей, пап, кардиналов, герцогов, другой знати) на его уникальную способность творить красоту вещей. Выстраивается образ непрерывного, жизненного движения индивидуальности от одного образного замысла к другому, от состоявшегося творческого процесса к новому процессу, от завершенного изделия к вновь задуманному. Эта продуктивная динамика, с ее сопутствующими условиями, может быть воссоздана следующей моделью самопознания.

- Я описываю только вот эту мою жизнь и то, что к ней относится.
- Мой путь составляют благие отрады, доблестные дела, превратности судьбы.
- Я родился свободным и таким же свободным хочу жить.
- Родясь простым, я положил своему дому почтенное начало.
- В детстве мне явилась в огне Саламандра как знак будущего величия.
- Мой дед занимался зодческим искусством; отец был отменным рисовальщиком и музыкантом, обладал поэтической жилой и пророческим даром.
- У такого отца я должен был стать мастером.
- Отец желал, чтобы я стал искусным в игре на флейте, но я с большим трудом убедил его учить меня рисованию. Вначале я попал в обучение к золотых дел мастеру.

- Я учился у многих мастеров (ювелиров, рисовальщиков, ваятелей) и многие из них, видя мое дарование и старание, любили меня, как родного сына.

- Я учился на прекрасном пошибе Микеланьоло Буонаротти и Леонардо да Винчи, Рафаэлло да Урбино и Донателло, Юлио Романо и Тициана.

- Мои великие Учителя – люди с божественным талантом, искуснейшие, добродетельные, доблестные.

- Когда меня сравнивали с великими мастерами, это было мне наилучшим вознаграждением.

- Я был живописцем и ваятелем, владел золотым, серебряным, финифтяным делом, имел многих учеников.

- У меня был особый дар, ниспосланный мне богом: усердие и легкость преодоления трудностей, благодаря чудесному телесному сложению.

- Многие люди, обладающие властью, стремились заполучить мой талант. Папа Климент говорил: «Бенвенуто может гордиться тем, что служит государю, подобному мне, который его знает».

- Мне покровительствовали, благоволили, помещали для работы в свои дворцы, соперничали из-за меня между собой герцог Лессандро, король Франции, герцог Пьер Луиджи, герцог Козимо, герцог Лоренцо Медичи, кардиналы наваррский, лотарингский, феррарский. Французский король сказал обо мне: «Я достал из Италии величайшего человека, который когда – либо рождался, полного стольких художеств».

- Для этих моих высоких заказчиков я сделал множество вещей, соперничающих с изделиями самых больших искусников: оправленные в золото бриллианты, вазы, медали, монеты, пряжки для шляп, застежку для папской ризы, драгоценные оклады для книг, серебряную посуду, модели 12 серебряных статуй богов, женские скульптуры, изваяние Персея для центральной площади Флоренции, мраморное распятие для флорентийской церкви, статую Нептуна.

- Я делал работу такой тяжести, которая иногда убивала моих работников.
- Я подвигал одновременно множество работ.
- Мои враги говорили: «Бенвенуто – великий дьявол, сделавший то, что искусство не может сделать, и столько великих дел, каковых слишком много даже для дьявола».
- Я сознаю, что обладаю свободной волей.
- Я верю в бога, судьбу и могущество звезд.
- Я достиг возраста пятидесяти восьми лет, с каковым **столь счастливо, благодаря милости божьей, иду вперед.**

5. Значительным моментом в развитии рефлексии творцов стало их обращение в XIX-XX веках к смысловому аспекту жизни как тайне, загадке, проблеме индивидуальности. Это означало принципиальное изменение направления творчества и самопознания, сместившегося от «внешнего» пространства общественных идеалов, мира Абсолюта, межчеловеческих взаимодействий, произведений и способов самовыражения в мир внутренних ценностей личности. Предметом творчества становится ускользающий феномен смысла, поиск которого принимает форму углубленного исследования «Я». Общие экзистенциальные установки, порожденные новоевропейской гуманитарной культурой, приобретают образ «творческого самообоснования личностью своей жизни».

Критическим случаем смысловой рефлексии можно считать «Исповедь» **Льва Толстого** (21), где воссоздается «Я», исследующее **смысл своей жизни**. «Смысл» для Толстого - это осознанная вера в то, ради чего стоит жить. Главной проблемой, направляющей его самоисследование, выступает раскрытие личной динамики смысла, включающей ряд циклов: нахождение смысла – возникновение смыслового конфликта – критика смысла – состояние опустошения - переосмысление – рождение нового смысла. Множественность обретенных, разоблаченных и принятых Толстым смыслов поднимает его на уровень «всечеловеческого искания Смысла».

В целом, жизненный контур внутренних смысловых изменений автора «Исповеди» может быть представлен следующей моделью самопознания.

- Моя жизнь является историей искания веры как смысла жизни.
- Во все времена моего детства меня учили **православной вере**, но то, что я испытывал, было скорее не вера, а доверие к тем, кто меня учил.
- Вероучение постепенно оттеснялось из сознания, как не участвующее в жизни людей, окружавших меня, людей нашего круга и склада.
- В юности моей верой стало **совершенствование**. Я совершенствовал свой ум, волю, нравственность, но делал это не ради того, чтобы быть лучше перед Богом или перед собой. Я желал быть лучше, то есть, сильнее, славнее, богаче перед другими людьми.
- В молодости меня хвалили за то, что я не могу вспоминать без ужаса: я убивал людей на войне, вызывал их на дуэль, проигрывался в карты, проедал труды мужиков, обманывал. Но смысл моей жизни, который я скрывал, составляло **стремление к добру**. Я был совершенно одинок, когда искал хорошее в себе...
- Я начал писать и считался чудесным художником. Мои товарищи по искусству верили, что жизнь идет, развиваясь, и главная роль в этом развитии принадлежит писателям, поэтам. Я тоже верил, что должен писать и печататься как можно больше, **учить и просвещать людей**, служить благу человечества. Но мы не знали, при этом, что хорошо, а что дурно, не слышали друг друга и на самом деле хотели получать больше денег и похвал.
- Жизнь в Европе и сближение с европейскими учеными людьми укрепили мою **веру в прогресс** как естественный процесс совершенствования жизни.
- Счастливая семейная жизнь отвлекла меня от искания общего смысла жизни. Вся жизнь сосредоточилась на жене, детях, добывании средств к существованию. Я считал писательство пустяшным делом, но писал и получал за это огромное вознаграждение. Смыслом стала **благополучная жизнь семьи**.

- Некоторое время назад у меня появилось ощущение «остановки жизни», как будто я не знал, как мне жить, что мне делать, что будет потом. Например, думая о славе своих сочинений, я говорил себе: «Ты будешь славнее Пушкина, Гоголя, Шекспира, Мольера – ну и что?» Многие вопросы к себе, падая в одно и то же место, «сплотились без ответов в одно черное пятно».

- В пятьдесят лет жизнь моя остановилась, потому что не было у меня таких желаний, удовлетворение которых я находил бы разумным. Истиной стало казаться то, что **жизнь – бессмыслица**.

- Я не мог жить, не думая о смысле жизни, и не мог не видеть смену дней и ночей, ведущих к смерти. Ужас приближения и ожидания смерти был слишком велик, и это чувство сильнее всего влекло меня к **самоубийству**.

- Я думал, что состояние отчаяние не должно быть свойственно человеку, а значит, я чего – то не понял о своей жизни. Я стал искать **разумного знания** о жизни в естественных и умозрительных науках, в философии и учениях мудрецов, но нигде я не нашел ответа на вопрос: «Зачем *Я* живу?».

- Я изучал людей своего круга и увидел 4 основных способа избежать отчаяния и переживания бессмыслицы жизни: неведение и непонимание; эпикурейство; сила и энергия – выбор самоубийства; слабость – знание зла жизни, но продолжение ее в ожидании чего – то. Я выбрал **путь слабости**.

- Я должен был **оправдать свою жизнь**. Мой настоящий вопрос о жизни был такой: «Что выйдет настоящего, неуничтожающегося из моей призрачной, уходящей жизни?»

- Я обратился к религии и верующим, простым людям. Я увидел, что они признают смысл жизни в неразумном знании, то есть, в вере. Выходило противоречие: разум отрицал жизнь, породившую его, а вера требовала отречься от разума, чтобы оправдать жизнь.

- Я говорил себе, что сущность веры в том, что она придает жизни смысл, который не исчезает со смертью человека. Я искал веры, силы жизни. Я

искал бога как истины, которая не проясняется разумом, но помогает человеку жить. «Живи, отыскивая бога, и тогда не будет жизни без бога».

- Я бросился к изучению богословия, пытаюсь объяснить необъяснимое. Не разум, а сон помог мне. Я увидел, что вишу на невообразимой высоте: бездна внизу и бездна сверху. У моего тела нет опоры. Бесконечность внизу пугает и отталкивает меня. Бесконечность сверху притягивает меня. Я смотрю только **вверх**, и страх покидает меня. Я всем телом чувствую опору, вижу столб у своего изголовья, на котором держится эта опора. Голос сна сказал мне» **«Заметь, это оно».**

Таким образом, культурную динамику самопознания творцов можно рассматривать как движение **рефлексивного творчества** от одних доминирующих аспектов «Я» к другим, в частности, от Абсолютного и общественного к индивидуальному, от внешнего к внутреннему, от идеального к противоречивому и трагическому, от авторской, продуктивной деятельности к смыслообразованию. Вехами культурогенеза или культурно – психологическими «матрицами» самопознания личности выступают: «Я», создающее идеал человека, «Я», живущее в противоречиях с собой, «Я», отстаивающее себя в противоречиях с другими, «Я», изобильно создающее шедевры, «Я», исследующее смысл своей жизни.

Творческая и познающая себя индивидуальность, умножая силу «Я» в освоении великого числа жизненных потенциалов и умений, в преодолении многих жизненных коллизий, создании масштабных произведений, наполнении жизни смыслом, может приобрести новую ипостась: стать **множеством в своей единственности**. «Множество» олицетворяется также теми людьми, которые свободно принимают найденные индивидуальностью формы творчества и самопознания, воплощают их в собственной жизни и проникают во внутренний мир творца своими откликами и ответными вкладками.

Литература

1. Абеляр П. История моих бедствий. М. 1992.
2. Абульханова – Славская К. А. Стратегия жизни. М. 1991.
3. Августин А. Исповедь. М. 1990.
4. Баткин Л. М. Европейский человек наедине с собой. Очерки о культурно-исторических основаниях и пределах личного самосознания. М. 2000.
5. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М. 1986.
6. Гете И.-В. Из моей жизни. Поэзия и правда. С.С. в 10 т. Т. 3. М. 1976.
7. Гуссерль Э. Кризис европейского человечества и философия. - Культурология. XX век. Антология. М. 1995. С. 297 – 330.
8. Мамардашвили М. К. Необходимость себя. М. 1996.
9. Мамардашвили М.К. Психологическая топология пути. СПб. 1997.
10. Марк Аврелий. Наедине с собой. Размышления. – Римские стоики. М. 1995. С. 271 – 363.
11. Мунье Э. Манифест персонализма. М. 1999.
12. Нойманн Э. Происхождение и развитие сознания. М. 1998.
13. Рубинштейн С. Л. Избранные философско – психологические труды. Основы онтологии, логики, психологии. М. 1997.
14. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб. 2004.
15. Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М. 1973.
16. Самосознание европейской культуры. Мыслители и писатели Запада о месте культуры в современном обществе. М.1991.
17. Старовойтенко Е. Б. Культурная психология личности. М. 2007.
18. Старовойтенко Е. Б. Психология личности (В парадигме жизненных отношений) М. 2004.
19. Старовойтенко Е. Б. Рефлексия личности в культуре. – Мир психологии. №4. 2007. С.209 – 220.

20. Старовойтенко Е.Б. Современная психология. Формы интеллектуальной жизни. М. 2001.
21. Толстой Л. Н. Исповедь. Собр. соч. в 22-х томах. Т.16. М. 1989.
22. Фромм Э. Человек для самого себя. – Психоанализ и этика. М. 1993.
23. Фуко М. Забота о себе. Киев - М. 1998.
24. Челлини Б. Жизнь Бенвенуто Челлини, рассказанная им самим. М. 1987.
25. Шпенглер О. Закат Европы. Т. 1. М. 1993.
- 26.. Шпет Г.Г. Философские этюды. М. 1994.
27. Юнг К.Г. Проблемы души нашего времени. М. 1993.
28. Юнг К.Г. Психологические типы. СПб. - М. 1995.
29. Bromley D. B. The case-study method in psychology and related disciplines. – Chichester: John Wiley & Sons. 1986.
30. McAdams P. Biography, Narratives, and Lives: An Introduction, Psychobiography and Lives Narratives // Journal of Personality. 1988. – Vol. 56 (1)
31. Spiro M. Culture and human nature // The Making of Psychological anthropology. – Berkeley: University of California Press. 1978.

V. САМООСУЩЕСТВЛЕНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ

ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ: СОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ И САМОРЕГУЛЯЦИЯ

1. Индивидуальность как мультисубъектное объединение

В настоящей работе мы предлагаем ряд моделей, позволяющих на новом уровне психологического синтеза рассмотреть проблему индивидуальности. В первую очередь, это модель саморегуляции личности, среди источников которой отмечаем булеву модель готовности субъекта к биполярному выбору Лефевра (11, 12) и рефлексивную модель нормированного поведения, предложенную Таран (38).

Авторская психологическая интерпретация основных элементов предшествующих моделей существенно затрагивает переменные, представленные в них («давление среды», «представление о давлении среды», «интенция») и оператор связи между этими переменными (материальная импликация). Уточняя возможный психологический смысл элементов моделей, мы исходили из нашей мультисубъектной теории личности (22, 24, 34). Опорными элементами данной психологической теории являются понятия «индивид», «субъект», «личность», «личностность», «индивидуальность», «состоятельность».

Термину «индивид» («индивидуум») в психологии соответствует представление о живом существе, сходном с другими живыми существами (о них говорят как об «отдельных представителях одного и того же вида»), причем сходство понимается как общность психофизических свойств, обеспечивающих их существование в определенной среде обитания, своего рода «сумма психотехнологий» жизни. Независимо от того, идет ли речь о человеке – носителе сознания, или, например, о насекомом – обладателе сенсорной психики, под термином «индивид» подразумевается некое

психофизическое целое, а, следовательно, и проблески «субъективности»: чувствительность, чувствования, «чувственная ткань», ощущения, переживания.

Однако, субъективность, как таковая, еще не делает индивида субъектом. Понятие субъекта значительно богаче определениями. «Субъект» – и таков образ субъекта в культуре - не просто ощущающее, живущее (движущееся, растущее) существо. Субъект заключает в себе источник своего существования. К примеру, он не просто пребывает в движении, а производит это движение «сам», воспроизводя себя в процессе своего движения. Здесь речь может идти о восстановлении энергии, структуры, свойств, процессов и функций живого существа, его места в мире, вообще говоря, - о воспроизведении любых измерений его жизни, если только они рассматриваются как существенные и неотъемлемые. Имея в виду это особое качество - способность к самодвижению, в ходе которого живое существо воспроизводит себя, - говорят, что оно представляет собой субъект активности. «Быть субъектом», значит, воспроизводить себя, быть причиной своего существования, на философском языке – быть «причиной себя («causa sui»).

Из этого понимания вытекают четыре **характеристики субъекта**:

- 1) субъект – целеустремленное (то есть целеполагающее и целедостигающее существо): иначе ни о каком «воспроизводстве» нет, и не может быть, речи;
- 2) субъект – рефлекслирующее существо, обладатель образа себя; иное немислимо, так как самовоспроизводство подразумевает наличие образа того, что должно быть воспроизведено;
- 3) субъект есть свободное существо (никто, кроме него самого, не отвечает за процесс, не направляет его и не заключает о том, что всё завершилось или должно быть продолжено);
- 4) субъект – развивающееся существо, ибо приходится действовать в изменчивой, непредсказуемой, среде, и по этой причине воспроизводству

подлежат новые, обозначившиеся на предшествующем шаге активности условия и способы самовоспроизводства (А. В. Петровский).

Когда говорят о личности индивида, то, как раз и имеют в виду его способность быть целеустремленным, рефлектирующим, свободным, развивающимся существом, то есть полноценным (вполне раскрывшим свою суть, сущностные свои определения) субъектом активности в социуме. Подчеркиваем: «Так говорят...»; «Так принято говорить...».

Однако вопрос состоит в том, насколько понятие «субъект» (равно как и «личность» в данном контексте) совместимо с понятием «индивид». Анализ, предпринятый нами ранее, показывает, что, при общепринятой трактовке, эти понятия неконгруэнтны (24). Но мы можем выделить, как минимум, четыре условия, выполнение которых позволяет индивиду приобрести статус подлинного субъекта активности (а стало быть, и шанс «быть личностью»). Перечислим эти необходимые условия.

Первое условие состоит в том, что частично преодолевается целевой хаос функционирования различных подсистем индивида (многие годы назад для их обозначения мы ввели термин «заинтересованная подсистема» (20), отталкиваясь от принципов «локального управления», выдвинутых в работах И.М.Гельфанда и И.М.Цетлина). Можно предположить, что в этом движении от целевого хаоса к целостности, никогда, впрочем, не достижимой (к чему мы еще вернемся), могут быть задействованы процессы самоорганизации, «состыковки» разнонаправленных тенденций, акты спонтанного синтеза схем, а также – задаваемые извне эталоны и способы поведения. В конечном счете, и сам индивид приобретает способность транслировать освоенные формы поведения другим людям (в этом отношении большой интерес представляют работы В.И. Панова). Таким образом, «субъектность» других людей как бы присваивается индивидом. Рождается способность к целеполаганию и целедостижению (произвольность), позволяющая индивиду

воспроизводить себя, упорядочивая проявления собственной активности (возникает волевое «Я», своего рода локальный центр управления).

Второе условие заключается в том, что произвольные действия приобретают активно неадаптивный характер (индивид предпочитает цели с непредрешенным результатом достижения: бескорыстный риск, творчество, непрагматические формы общения, самопознания, исследованные нами ранее (1971 – 1983 гг.).

Третье условие: индивид отражается в других людях значимыми для них аспектами своего бытия, обретает свое «инобытие», идеальную представленность и продолженность в других людях. Таким образом, в зеркале другого, а на некотором этапе жизни, и в зеркале собственного cogito, он находит инструмент воспроизводства, полагания своего «Я» в других и в себе как другом.

Четвертое условие приобретения индивидом статуса субъектности заключается в том, что рано или поздно, но совершенно неизбежно, он обнаруживает факт несовпадения своего «в себе и для себя бытия» («Я в самосознании») и «бытия в другом и для другого» («отраженное Я»), что становится источником развития индивида как личности, а также возрастных кризисов этого развития.

Являются ли, однако, выделенные необходимые условия бытия индивида как личности в то же время условиями, достаточными для этого?

На данный вопрос следует ответить отрицательно, если придерживаться традиционной, классической точки зрения, согласно которой личность индивида «локализована» в пространстве жизни самого индивида, то есть является исключительно внутренней детерминантой его активности, и, кроме того, если по-прежнему видеть в личности единственного субъекта активности, игнорируя факт множественности «Я» индивида.

Предлагаемая нами мультисубъектная теория исходит из того, что личность индивида представлена многими субъектами, в которых он

фактически обнаруживает свое бытие; при этом выделяются два полюса личности индивида: «индивидуальность» и «личность», а также динамика их перехода друг в друга (см. рис. 1).

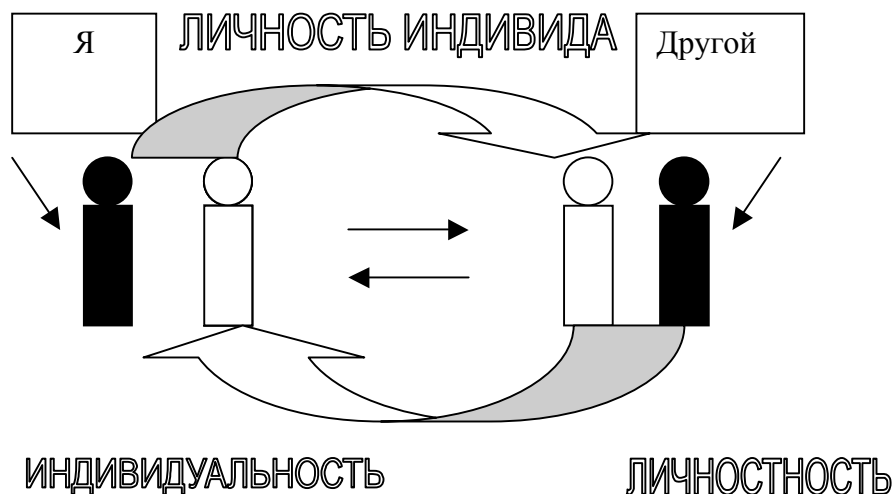

Рис. 1

Ранее, говоря о полюсе индивидуальности, мы ограничивались общими замечаниями, перенося основной акцент анализа на полюс «личности» (думается, это было естественно, так как, вводя новое понятие, мы не могли обойти вниманием как теоретические, так и эмпирические аспекты этой проблемы). В данном случае мы можем отдать должное «индивидуальности», рассматривая ее под углом зрения мультисубъектной теории личности.

Индивидуальность – «неотразимость». Число мыслимых психологических определений этого термина когда-нибудь приблизится к числу индивидуальностей в психологии. Тут трудно что-либо поделать! Каждый – по себе судит, от себя отталкивается, свою индивидуальность отстаивает... Интуитивные концепции индивидуальности – формализуются, латентные – легализуются, личные превращаются в публичные. Было бы удивительным, если бы дефиниции, порожденные гением индивидуальности каждого из исследователей, совпадали. Существуют, доподлинно, такие категории в психологии, имя которым «контроверзы» (19). Достаточно кому-

нибудь одному из нас, смелому, дать дефиницию, как кто-нибудь другой, отважный, непременно заявит, что дело обстоит равным счетом наоборот. Среди таких категорий - контроверз, я думаю, есть и занимающая нас сейчас категория индивидуальности. Уникальность исследователя, спроецированная на терминологическое пятно Роршаха, вот вам и рецепт построения искомого концепта!

В ситуации хаоса существующих и потенциально возможных определений термина «индивидуальность» могут быть выделены несколько опорных точек, позволяющих описать способы его психологического осмысления (см. рисунок 2):

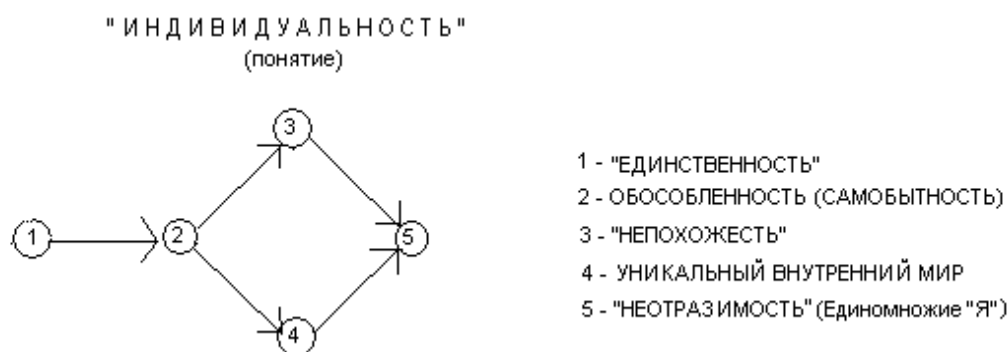

Рис. 2

Первая точка – это общее значение термина «индивидуальность», укорененное в культуре и представленное в языке повседневной речи. Четыре других точки, указывают на область возможных психологических интерпретаций данного термина, значимых для проведения специальных теоретических и эмпирических исследований индивидуальности.

Начнем с центральной, «лингвистической», точки отсчета.

«1». У Александра Блока, в дневнике, есть запись, которую цитирует Георгий Адамович в своей статье о Зинаиде Гиппиус [3]. Всего три слова: «Единственность Зинаиды Гиппиус». «Единственность» - быть чем-то, как говорят, «единственным в своем роде». Тут, на наш взгляд, самая суть

«индивидуальности» (как она осмысливается в культуре): уникальность, своеобразие, отличительность индивида. Здесь же и основание для выделения производных смысловых форм; они представлены сложными комбинации слов, оттеняющими разные грани термина «индивидуальность» (символизированы точками «2», «3», «4», «5»).

«2» **«Обособленность»** (самобытность) - социо-природно-культурная неслиянность, нетождественность индивида с кем-либо или с чем-либо; уникальный узор разнородных образующих индивида (между ними существуют, по словам В.С. Мерлина, «много - ногозначные» связи);

«3» **«Непохожесть»** - несходство с другими, значимое для других. Термин «непохожесть» заимствуем у автора «Бригантины», поэта Павла Когана: «Пьем за яростных, за непохожих, за презревших грошевой уют!». Пафос поэта, разумеется, не распространяется на акцентуации характера (в этой связи, еще один пример «непохожести»: для «тихого невротика» проблема заключается в нем самом, психопат – это проблема для окружающих).

«4» **«Уникальный внутренний мир»**. В этой трактовке индивидуальности мы солидарны с В.Д. Шадриковым (41). Следует подчеркнуть при этом три момента, раскрывающих значение этого определения:

- самоценность: привилегированное положение «внутреннего» по сравнению с «внешним». «Индивидом рождаются. Личностью становятся. Индивидуальность отстаивают» (А.Г. Асмолов);

- надситуативность: индивид поднимается над ситуацией, преодолевая внешние и внутренние ограничения в реализации себя как субъекта; в этой связи мы говорим и об «активной неадаптивности» индивида, о постановке целей, мотивированных непредреженностью результата их достижения;

- потаённость: индивидуальность всегда остается за кадром для других, значима для самого человека и в этом смысле являет собой признак «для себя

бытия», его единственности. Нам близка, в этой связи, точка зрения А.Г. Асмолова и В.Н.Дружинина, согласно которой, психика человека обладает самодвижением, порождающим в своем **творческом** проявлении множество «субъективных миров», лишь некоторые из которых будут реализованы. Внутренний мир человека, именно внутренний, не обнаруживаемый никогда до конца, не редуцируемый к чему-то внешнему, и, вместе с тем, интригующий наблюдателя своей трансцендентностью, - это характеристика индивидуальности как чего-то своеобразного, данного только этому человеку и для него значимого, как бытия в качестве самости - предела индивидуации (К. Юнг).

Иногда здесь можно разглядеть основание для игр-заигрываний с окружающими. Как говаривал Эрик Берн, спереди на футболке написано: «Никто не знает, что я испытал!..» А сзади на футболке – «Никто и не узнает!» (6). Вдобавок это своеобразие может быть основанием для игр и интриг с самим собой: нет мне ни похожих, ни равных!

По поводу дурной индивидуальности можно шутить, но истинная индивидуальность наводит на серьезные размышления. Ибо здесь есть некое противоречие, которое я считаю базовым противоречием психологии индивидуальности. Если моя неповторимость, «единственность» есть ценность, если в ней всё дело, если я без нее не единица, а ноль, то субъектность не составляет сути индивидуальности. Потому что существовать – значит: воспроизводится, повторяться, отражаться в ком-то. Повтор, вторичность по отношению к себе, – это удар по ценности неповторимости. А сознание, будь то чужое сознание или мое самосознание, удваивает, и, стало быть, не может не разрушать то, что удвоению не подлежит.

«5» **«Неотразимость»**. Истина индивидуальности – в невозможности получить сколько-нибудь заверченный и внутренне достоверный автопортрет индивида как субъекта активности. Детский вопрос: «Сколько

яиц можно съесть натошак?» Хорошо известно, что только одно. Ведь второе – это уже не натошак. Так и с индивидуальностью как единственностью. Удвоению не подлежит. Индивидуальность есть то, что, будучи своеобразием индивида, неотразимо, - в чужом сознании или самосознании – неважно. Ибо ценность этого своеобразия именно в том, что оно непередаваемо, невозпроизводимо, дорефлективно, исключает повтор.

Если мы придаем единственности и неповторимости индивида статус особой ценности, рассматриваем эту ценность как сущностную характеристику индивидуальности, то индивидуальность никогда не имеет форму чего-то ставшего, наличного, обретенного, а всегда пребывает в состоянии становления. Индивидуальность человека - это его неотразимость. Выделим этот тезис особо: **индивидуальность = неотразимость**.

Заметим, здесь есть несовпадение с понятием «личность». Личность индивида, как мы уже говорили, подразумевает открытую для него возможность отражаться в других. Но только индивидуальность, и именно индивидуальность, неотразима. И не только в том смысле, в каком говорят, что кто-то «подпадает под влияние кого-то», не может «отразить его влияние», «поставить щит», но и в том смысле, что этот другой остается некой загадкой. Он по ту сторону нашего полного знания и понимания.

Или можно знать что-то, и при этом не знать, что знаешь. В этом, как известно, отличие проблемного знания («я знаю, что я не знаю»), от потаенного, тайного («не знаю, что знаю»).

Рассмотрим некоторые иллюстрации.

Знает ли Гамлет Лаэрта?

«О з р и к . Вам небезызвестно, какими совершенствами обладает Лаэрт.
Г а м л е т. Этим знанием я не могу похвастаться, чтоб не равнять себя с ним, так как знать совершенно другого – значит знать самого себя».

Знал ли себя совершенно Гамлет? Был бы Гамлет Гамлетом, если бы знал себя наперед? Разумеется, можно попытаться выразить одно неизвестное

через другое, но дело это абсолютно бессмысленное... «Таким путем» - пути не будет.

В отношениях супружества факт «Я знаю его - Я знаю ее» равносителен распаду, в лучшем случае, стагнации отношений. А поэзия отношений – это, как у Маяковского, «езда в незнаемое» или путь в непредрешенное.

Парадокс Эдипа.

Вот еще факт, полученный экспериментально (26). Он аналогичен описанному в философии и интересующему социологов парадоксу, состоящему в том, что прогноз, будучи известен, оказывает влияние на прогнозируемые события, и поэтому всегда «промахивается».

Человеку говорят: мы расскажем тебе, что думает о тебе психолог, он знает тебя, он догадывается о том, как ты ответишь на эти вопросы – и предъявляют испытуемому заранее заполненную форму опросника. «Сверхчеловеческая проницательность» психолога имеет под собой вполне прозаическую причину. После заполнения испытуемыми первой формы опросника, им предъявляется параллельная форма того же опросника. Она-то и заполнена психологом в соответствии с ответами, которые испытуемый дает на вопросы первой формы опросника. Иными словами, испытуемым показывают их собственные суждения о себе – под видом прогнозов, которые осуществляет в отношении их возможных оценок компетентный психолог. Выяснилось, что в этих условиях испытуемые обнаруживают тенденцию отмежевываться от своих старых решений; в частности, на статистически достоверном уровне значимости, у них повышаются показатели интроверсии (словом, «счастье – когда тебя понимают», но «несчастье – когда тебя раскусили...»). Человек сам себе мера, и он никому не позволит думать иначе...

Я – не ровня ему (или ей), даже если он (она) – это Я.

С использованием авторской методики «Я-конфронтаций» и «Я-заимствований», было показано, что, когда человеку под видом самооценок

другого человека предъявляют его собственные самооценки, то он отказывается их принимать, оценивает себя наново, - иначе, чем прежде. Более того, если испытуемый видит, что другой человек, решая задачу, точно также как и он сам, не может с ней справиться, то тенденция «быть другим», способна подтолкнуть его к правильному решению – даже тогда, когда речь идет о «задачах на сообразительность». Выяснилось: чем больше я отвергаю свое сходство с другим, отклоняя свою самооценку, если считаю, что так себя оценивает этот другой человек, тем сильнее эффект роста креативности, выход за рамки шаблона в решении задачи (22). Это ли не демонстрация силы действия того, что Карл Юнг называет тенденцией к индивидуации?

Всё сказанное приводит к непривычному выводу. Подобное понимание индивидуальности – удар в самое сердце идеи субъектности, если, конечно, отождествлять, как это обычно делается, «индивидуальность» с «субъектностью». В действительности же, **индивидуальность ≠ субъект**.

Почему? Одним из определяющих признаков «субъекта» является рефлексивность или - по Сартру - «интеллигибельность» (самопрозрачность, самоданность). «Субъект» – целеполагающее, целедостигающее существо, обладающее образом самого себя и результата того, что делает (24). Картезианское «Я мыслю» - это всегда «Я мыслю, что Я мыслю» (М. Мамардашвили). Но ведь помыслить себя – это повторить себя в рефлексии, а «индивидуальность» – неповторима. Она всегда «первой свежести».

Но в этом случае нам важно понять, как такое возможно. Одно из решений состоит в том, чтобы психологически интерпретировать индивидуальность как мультисубъектное образование. В то время, как «единственность» - лингвистическая точка опоры в развертке интересующего нас понятия, «единомножие «Я» - это вторая искомая точка, острие психологической трактовки этого термина. Итак: **индивидуальность = мультисубъектное объединение = единомножие «Я»**.

Не одно «Я», а множество «Я», или, как говорили старые русские философы, «единомножие Я» – вот это и есть подлинная индивидуальность, если, конечно, принять, что композиция этих «Я» уникальна, неповторима. Такой взгляд радикальным образом противостоит мнению о том, что индивидуальность – это субъект деятельности, как бы широко она ни понималась. Можно предположить, что А.Н. Леонтьев, говоря о полимотивированности деятельности (9), забрасывал вперед, в будущее, идею мультисубъектности личности, а в повороте «на индивида» – идею мультисубъектности индивидуальности. И этот «заброс» в будущее имел «замах» в прошлом – в работах Л.С. Выготского, с его идеей интериоризации «субъект-субъектных» отношений. С.Л. Рубинштейн был близок к этому взгляду, когда говорил, что «каждое «Я», поскольку оно есть и всеобщность «Я», есть «республика субъектов» (37).

Личность, как объемлющая система, а внутри нее индивидуальность как ее особая ипостась, представлены множеством субъектов (множеством «Я»), в которых обнаруживает свое бытие индивид. **Индивидуальность – триумвират субъектов.** И они, эти субъекты, вряд ли могут быть поняты как покорные исполнители воли некой высшей инстанции, «верховного субъекта» или «монарха». Ведь республика есть республика, и если какой-нибудь республиканец попытается узурпировать власть, ему это будет сделать непросто.

Можно назвать ряд направлений в психологии и психологических системах, в которых личность, индивидуальность рассматривается как содержащая в себе множество субъектов, через них понимаемая. Фрейдовские интроекты, архетипы Юнга, фигурки сна Минделла, различные «Я» Ассаджиоли, наконец, федерновские, а далее берновские эго-состояния, такие как Родитель, Взрослый, Дитя, множественные идентификации-«идентичности».

Продуктивное различие субъектов «реактивной и рефлексивной доминант» предложено В.Е. Лепским (10); оно, очевидно, выражает факт сосуществования и координированной деятельности двух источников и центров активности в составе индивидуальности, их несводимость друг другу, и в то же время невыводимость из какого бы то ни было «центрального» «Я», лежащего в основании.

Современные авторы выделяют феномен многоликого «возможного Я», в частности, Розенберг, Каплан, а также Маркус, Нуриус и др. (4). Этот список может быть расширен, если иметь в виду работы Джона Брэдшоу, Гэл и Сидры Стоун и др. авторов. Спектр разработок по проблеме множественной идентичности представлен в работе Е. П. Белинской (4).

Четверть века назад мы провели свои первые исследования феноменов инобытия человека в человеке, идеальной представленности и продолженности индивида в других людей, их «отраженной субъектности», их «личности» (22; 23). Они также могли бы быть приобщены к этому списку.

2. Транзактная модель индивидуальности

Среди всех авторов-психотерапевтов, понимавших суть несовпадения разных «Я» и непредставимости индивидуальности как формы существования «Верховного Я», мы выделяем Эрика Берна, видя в нем «Выготского современной психотерапии» (27), создателя, как он сам ее называл, социальной психиатрии, рассматривающей психику как поле брани интериоризированных значимых других (сам он, впрочем, не использовал таких слов).

Несколько слов о реальности для самого Берна эго-состояний Взрослый, Родитель, Дитя. Для него это не слова, не метафоры, а именно, «феноменологические реальности». «...Терапевту следует задаться вопросом: почему пациент позволяет себя разоблачать? Может быть, это его Родитель

предаёт Ребенка? Или Взрослый уговаривает Ребенка раскритиковаться? Или это Ребёнок продолжает свою игру с целью «спасти лицо», хотя и упрощает её для терапевта, надеясь, что его спасут, подобно тому, как мальчуган попискивает из своего укрытия во время игры в прятки, помогая себя обнаружить?» (5; с. 41).

Берновская модель позволяет более дифференцированно описать взаимоотношения между такими полюсами сознания, как «Мое Я» и «Мое Ты». Говоря «Мое Я», «Мое Ты», идем за Ф.Д. Горбовым, за его психологическими исследованиями диалогов Я – Второе Я, и, опосредовано, за Бахтиным, за теми исследователями, для которых «внутренний диалог» – ключевое понятие. Развивая этот подход, уточняем: «Мое Я» - это полюс субъективности и субъектности человека в самосознании, а «Мое Ты» - это полюс «овнешнения» Я. «Мое Ты» это тот, к кому Я и кто ко мне обращается в пустой комнате (примерно так выразил мою мысль один из моих коллег). Фактически, мы признаем и можем прочувствовать существование «Моего Ты», когда спорим с собой, приказываем себе, убеждаем себя, «отпускаем» себя, хвалим себя и успокаиваем себя. «Возьмите себя в руки» - сказали ему; и он взял себя в руки, прижал к груди и отнес в тихое место... Оставим это в качестве метафоры для «Моего Ты».

«Мое Я» и «Мое Ты», каждое, могут быть представлены в виде трехчастной структуры Родитель, Взрослый, Дитя (27):

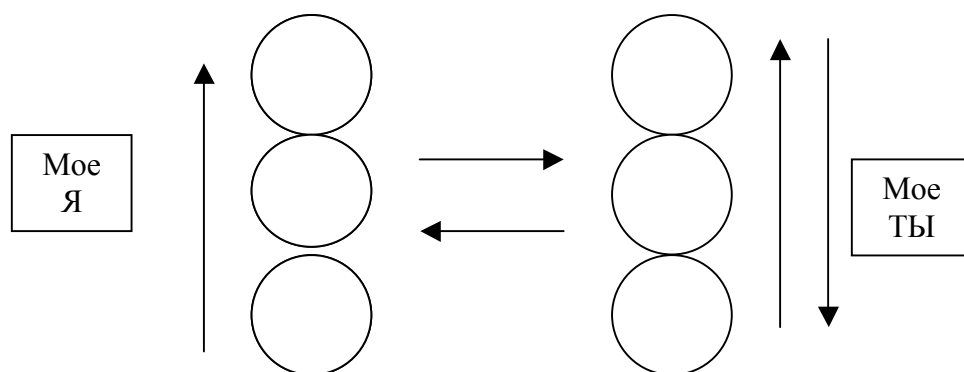

Рис. 3 Транзакции в пространстве индивидуальности

Различение и соотнесение конструкторов «Мое Я» - «Мое Ты» послужило основой для проведения ряда экспериментов, проясняющих трактовку личности как «единомножия» взаимодействующих субъектов. Например, в исследовании М.В.Анисимовой (1) фиксировались внутренние диалоги испытуемого в момент решения интеллектуальных задач: диалоги «Мое Я» - «Мое Ты». При различении во внутреннем диалоге, во всех этих самообращениях и ответах самому себе, эго-состояний «Взрослый», «Родитель», «Дитя», выяснилось, что нахождение ответа на вопрос задачи подразумевает Взросло-Взрослую внутреннюю коммуникацию. При этом Родительски-Детские внутренние транзакции не содействуют решению.

Эти и многие другие данные, полученные в русле мультисубъектного подхода, содействуют преодолению мифа (или, точнее, некоего скрытого постулата) изначальной «моносубъектности» личности. Между тем, именно этот миф, этот постулат, лежит в основе большего числа исследований, в которых мы застаем человека перед лицом выбора (имеются в виду, как психологические, так и социологические исследования).

Любой выбор личности, как правило, имеет под собой мультисубъектную основу, особенно, если речь идет о выборах важных, судьбоносных, «экзистенциальных». Наш тезис состоит в том, что **экзистенциальные выборы – мультисубъектны.**

Отталкиваясь от транзактной модели личности, мы с коллегами (40) предлагали испытуемым проранжировать 16 жизненных ценностей – в одном случае с позиций Дитя (мечты, сокровенные желания), во втором случае – с позиции Родителя (голос долга), в третьем – с позиции Взрослого (разумный взгляд, то, что человек сам считает для себя необходимым делать).

Выяснилось, что процент значимых корреляций между выборами с позиций трех инстанций, эго-состояний Дитя, Родитель, Взрослый, минимален. Где же тут место целостности? Чаше встречаются значимые

корреляции между двумя инстанциями (Родитель - Дитя; Родитель – Взрослый, Взрослый – Дитя), и еще чаще – отсутствие корреляций между инстанциями, то есть, ортогональность предпочтений. Не напоминает ли подобная ситуация хрестоматийный триумвират таких «субъектов» как Лебедь, Рак да Щука? И, следовательно, правомерен вопрос: «Если я выбираю, то кто во мне выбирает?»

В недавних исследованиях нам удалось показать, что понятие самооценки личности расщепляется минимум на три: «самооценка Взрослого», «самооценка Родителя» и «самооценка Дитя», причем эти самооценки статистически независимы друг от друга. Быть может, поэтому не столь уж нелепы, как может показаться на первый взгляд, высказывания, вроде: «У меня, знаете, неадекватно заниженная самооценка» и т.п. И в самом деле, казалось бы, коль скоро человек осознает неадекватность своей самооценки, то он и корректирует ее по ходу дела, или, по меньшей мере, должен воздерживаться от неадекватных высказываний! Однако, факт сосуществования независимых самооценок вполне «реабилитирует» высказывающегося. Его Взрослая самооценка может быть высокой (показатели «уверенности в себе - неуверенности в себе»). Однако его Родительская самооценка (шкала «амбициозность - приниженность») или Детская самооценка (шкала «самонадеянность - растерянность») обнаруживают низкие показатели.

Всё сказанное отнюдь не означает, что индивидуальность, отличаясь от субъекта как рефлектирующего себя, целеустремленного и целедостигающего существа, лишена возможности обнаруживать во вне субъектность составляющих ее «частей». Отнюдь нет! Каждое эго-состояние способно строить образ себя, ставить перед собой цели и воплощать их в соответствии со своими возможностями и замыслом. В таком случае какое-то одно из них берет верх над другими, включают их в свои интересы, опираются на них и т.п. Индивидуальность приобретает черты одного из

таких субъектов активности, но в то же время сохраняет «свою дистанцию» по отношению к другим субъектам внутри, «выбиваясь» из-под диктата их возможной «исполнительной власти». В том случае, если Взрослый, берет на себя эту роль, «простраивая» свои отношения с другими внутренними субъектами и, подчиняя их своей воли, такой процесс может рассматриваться как **саморегуляция**.

Прежде чем качественно и количественно охарактеризовать это понятие, ответить на вопросы о том, каково внутреннее строение (архитектоника) саморегуляции в структуре индивидуальности, каковы критерии совершенства и несовершенства этого процесса, и т.д., мы остановимся на базовой категории мультисубъектной теории личности, – категории «состоятельности».

3. Категория состоятельности в определении индивидуальности

Термин «состоятельность» пока отсутствует в психологических словарях, энциклопедиях и словниках. Но, я думаю, со временем, «состоятельность» раскроет себя как полезный конструкт, способный обобщить существующие сегодня представления, такие как «личностный потенциал», «удовлетворенность», «готовность к действию» и др. Однако «состоятельность» не совпадает с этими представлениями и существующее различие между ними способно стимулировать новые исследования в психологии личности.

Слово «состоятельность» может быть прочитано по-разному, но, при этом, оно всегда включает в себя идею существования кого-то, кто состоятелен (будем говорить «агент»), запросов, ему свойственных (мотивы, ценности, устремления), внутренних и внешних ресурсов, которые им осваиваются и благ, которые им приобретаются.

Интуитивно, «состоятельность» – это обретаемое кем-либо благополучие, единство того, что есть у агента, и того, к чему он устремлен.

Метафорически, это кентавр. Одна из его «частей» - реальна, в то время как другая «часть» – идеальна. Мы видим два способа формального определения «состоятельности». При одном из них «состоятельность» есть сумма реальных и идеальных благ, приобретаемых агентом. При другом способе определения – реализуемость притязаний агента. Оба определения, как мы увидим дальше, логически эквивалентны друг другу.

Поясним некоторые термины.

Говоря об «агенте», мы подчеркиваем, что это понятие шире понятий «субъект», «индивидуальность» и «личность». Это могут быть простейшие организмы или социальные организации, социум в целом, а то и «космический субъект» - любая система, являющаяся носителем запросов и ресурсов, используемых во взаимодействии с окружением, и удовлетворяющая определенным формальным условиям (о них ниже).

Подразумевается так же существование **реагентов** – источников **внешних ресурсов**, без которых агент существовать не может; мы говорим, что эти ресурсы осваиваются агентом. В том случае, если реагент - это субъект или совокупность субъектов, будем говорить о нем «контрагент». Однако к числу реагентов могут относиться и внесубъектные образования, будь то четыре стихии у древних философов (огонь, воздух, вода, земля и их сочетания), или такие фетиши современности, как информация, деньги, карьера. Во всех таких случаях мы будем говорить о реагентах среды. Реагенты среды лишены запросов, но они заключают в себе ресурс, который присваивается агентом. Нелишне подчеркнуть, что реагенты – часть окружения агента.

В дальнейшем, мы будем использовать для обозначения агентов и реагентов прописные латинские буквы: А, В, С....

Договоримся также обозначать внутренние и внешние ресурсы агента строчными латинскими буквами r и r' . Здесь r – это **внутренний ресурс** агента, а r' – внешний ресурс, предоставляемый реагентом.

Будем различать два рода **запросов**, присущих агентам:

1) запрос на использование имеющегося внутреннего ресурса (коротко, «запросы на использование»); при их обозначении будем использовать символ n (need) и говорить о них: «запрос - могу», «могу и хочу», «желание достичь».

2) запросы на получение отсутствующего ресурса; обозначаем их n' и говорим о них: «запрос на дефицит», «запрос - мечта», «могу, что хочу», «желание получить»

Тот факт, что некоторый ресурс принадлежит тому или иному агенту или предоставляется каким-нибудь реагентом, изображаем так: r_A , r'_B , r_C ... (применительно к запросам: n_A , n'_A , n_B , n'_C и т.п.). Иногда мы будем опускать нижние индексы.

Предполагается, что v , n , n' , r , r' могут принимать любые рациональные значения на отрезке $(0, 1)$. Значения 0 и 1 описываются как «четкие» значения, другие же рациональные значения на данном отрезке, – как «промежуточные». Единичный ресурс ($r=1$), относящийся к агенту или реагенту, мы называем абсолютным ресурсом, и обозначаем 1. Так как этот ресурс может принадлежать как агенту, так и реагенту, мы, за исключением некоторых случаев, не помечаем его нижним индексом. Ресурс 1 может существовать наяву, но он же может быть недостижимым идеалом, фантомом, плодом фантазии субъекта.

Далее мы определяем реальные и идеальные **блага**, приобретаемые агентом. В качественном отношении, благо вообще определяется нами как результат сочетания (взаимодействия, взаимопроникновения) имеющихся у агента запросов и необходимых ему ресурсов. В количественном плане, при определении уровня благ (общее обозначение v), мы вычисляем произведение уровня запроса агента на уровень запрашиваемого ресурса.

Применительно к идеальным и реальным благам имеем:

$v_{и} = n'_A \times 1$. Это значит, что идеальное благо есть результат произведения «запроса-мечты» («желания получить») на абсолютный ресурс. Старые авторы сказали бы: «гипостаза мечты».

$v_p = n_A \times r'_B$. Это значит, что реальное благо есть результат произведения «запроса - могу» («желания достичь») на внешний ресурс, поставляемый реагентом.

Прежде чем дать формальное определение состоятельности, рассмотрим подробнее, в каких отношениях состоят между собой ресурсы и запросы агента.

Постулат 1: $n = r / 1_A$

Это значит, что запрос на использование ресурса равен доле этого ресурса по отношению к абсолютному ресурсу агента; чем больше имеющейся ресурс, тем сильнее потребность агента использовать или подтвердить этот ресурс; количественно, сила запроса равна величине имеющегося ресурса. Я формулирую этот постулат, развивая мысль о том, что возможности, как таковые (переживание «я могу»), представляет собой независимый источник активности (21).

По сути, перед нами то, что может быть названо **уровнем притязаний**, если понимать под притязаниями запросы агента, соответствующие и побуждаемые его возможностям («могу» как источник «хочу» той же силы).

Постулат 2: $n' = 1 - n = 1 - r$

Это значит, что запрос на дефицит есть величина, дополнительная к запросу на использование ресурса, что количественно равно разнице между абсолютным ресурсом и имеющимся у агента ресурсом: агент нуждается в том, чего ему не хватает, и сила этой нужды соответствует нехватке ресурса. Теперь может быть предложено два определения «состоятельности», w , которые, в итоге, оказываются логически эквивалентными.

Первое определение. Состоятельность есть сумма реальных и идеальных благ, приобретаемых агентом:

$$w = v_p + v_{и} = n' \times 1 + n \times r' = (1-n) \times 1 + n \times r' = 1 - r + r \times r'$$

Второе определение. Состоятельность есть результат реализации агентом собственных притязаний с опорой на внешние ресурсы, поставляемые реагентом:

$w = n \rightarrow^* r' = r \rightarrow^* r = 1 - r + r \times r'$, где « \rightarrow^* » есть знак метаимпликации, позволяющий математически выразить идею реализуемости притязаний агента с опорой на внешний ресурс. Сказанное нуждается в пояснении.

Рассмотрим вначале результаты материальной импликации, соотносящей запросы n и ресурсы r' , принимающие «четкие» значения:

$0 \rightarrow 1 = 1$ (если нет запроса, а есть только ресурс, то состоятельность равна 1);

$0 \rightarrow 0 = 1$ (если нет запроса и нет ресурса, то состоятельность равна 1);

$1 \rightarrow 1 = 1$ (если есть запрос и есть ресурс, то состоятельность равна 1);

$1 \rightarrow 0 = 0$ (если есть запрос, но нет ресурса, то состоятельность равна 0; к счастью, это единственный такой случай).

Как видим, факт состоит в том, что результаты импликации, связывающей уровень притязаний агента с уровнем возможностей, предоставляемых извне, $n \rightarrow r' = r \rightarrow r'$, соответствуют интуитивному смыслу термина «состоятельность».

Переходя к оператору материальной метаимпликации (В.А. Петровский, Т.А. Таран), имеющей дело не только с «четкими», но и с любыми другими рациональными значениями переменных на отрезке $(0, 1)$, мы получаем формулу:

$n \rightarrow^* r' = r \rightarrow^* r' = 1 - r + r \times r'$ (далее символ $*$ справа от стрелки, подчеркивающий, что речь идет о метаимпликации, мы будем опускать).

Итак, можно убедиться в том, что предложенные определения понятия «состоятельность», как было сказано, логически эквивалентны.

Попробуем теперь дать психологическую интерпретацию переменным и их соотношению, фигурирующим в правой части формулы.

« $1 - r$ » может быть осмыслено двояким образом:

- 1) как резервные возможности, привлекаемые агентом на старте своей активности в направлении внешнего ресурса (эта трактовка была представлена нами в предшествующих работах: 31; 32; 33; 34). Мы можем видеть в « $1 - r$ » своего рода «фору», «допинг», «подъемные», извлекаемые агентом А из своих собственных внутренних запасов (хранилища потенциальных возможностей) во взаимоотношениях с реагентом В;
- 2) как виртуальные (фантазийные) возможности, используемые агентом при взаимодействии с реагентом. Именно этой точки зрения мы предпочитаем придерживаться.

Итак, метафорически, «состоятельность» - это кентавр, объединяющий в себе реальные и идеальные блага («реальные достижения + гипостаза мечты»), а также уровень реализации притязаний агента с опорой на внешний ресурс («уровень реализации уровня притязаний»).

Отталкиваясь от этих формальных определений, мы можем охарактеризовать критерии **гармонии** во взаимоотношениях агента и реагента.

Первый критерий – реализм притязаний: это значит, что уровень состоятельности агента соответствует уровню его притязаний ($w = n$):

$$w = n \rightarrow r' = r \rightarrow r' = 1 - r + r \times r' = r$$

Пусть А – агент, вступающий во всевозможные отношения с реагентами В, С, D и т.д. Если в результате этого, состоятельность А равна его притязаниям, мы также говорим о реализме его притязаний. Это обобщение понадобится нам, когда мы будем рассматривать личность как генерацию агентов Взрослый, Родитель, Дитя.

Говоря о реализме притязаний, мы подчеркиваем преемственность развиваемой точки зрения по отношению к идее реализма в рефлексивной теории В.А. Лефевра. К «реалистам» автор этой теории относит тех субъектов, чьи интенции к выбору альтернативы соответствуют объективной готовности к ее выбору. Формулируя критерий реализма притязаний, мы

переносим акцент на идею соответствия между целью достижения и его результатом. Таким образом, критерий реализма притязаний в нашей трактовке соответствует триаде, описывающей целеустремленную активность: «цель – средство – результат» (цель здесь соответствует результату). Фундаментальное левеевское понятие готовности трактуется нами как обращенная «во вне» сторона состоятельности, как новый импульс к активности, обусловленный ранее достигнутым уровнем состоятельности.

Второй критерий: комплиментарность внешних и внутренних ресурсов ($r + r' = 1$), или, в другой формулировке, внешний ресурс адекватен запросу на него ($r' = n'$). Эти формулировки логически эквивалентны. Действительно, если $r + r' = 1$, то $r' = 1 - r$, что, в свою очередь, равно n' (исходя из постулата 2), и, таким образом, $r' = n'$. С другой стороны, если $r' = n'$, то мы с очевидностью приходим к $r + r'$.

Психологический смысл данного правила заключается в том, что агент желает получить внешний ресурс, компенсирующий дефицит внутреннего ресурса.

Совмещая первый и второй критерии, мы можем определить конкретные значения уровня притязаний и уровня внешних ресурсов, обеспечивающих искомую гармонию во взаимоотношениях между агентом и реагентом.

Имеем:

$$1 - r + r \times r' = r \text{ (критерий 1)}$$

$$r + r' = 1 \text{ (критерий 2)}$$

из чего следует:

$$1 - r + r \times (1 - r) = 1 - r + r - r^2 = 1 - r^2 = r,$$

соответственно,

$$r + r^2 = 1,$$

и мы приходим к определению внутреннего ресурса $r = 0,617\dots$ («золотое сечение»); запрашиваемый внешний ресурс $r' = 0,382\dots$

В эмпирическом плане, нас будет интересовать вопрос о том, действительно ли притязания людей соответствуют «золотому сечению» и насколько реалистичными являются их притязания. К обсуждению данного вопроса мы вернемся в двух разделах этой работы, посвященных «задаче по вкусу» и «формула гармонии».

4. Транзактный контур саморегуляции

Переходя к описанию процессов саморегуляции в структуре индивидуальности, мы рассматриваем координацию таких агентов активности как эго-состояния (Взрослый, Родитель, Дитя), а также эго-системы (Взрослый => Родитель и Взрослый => Родитель => Дитя). См .рис.4.

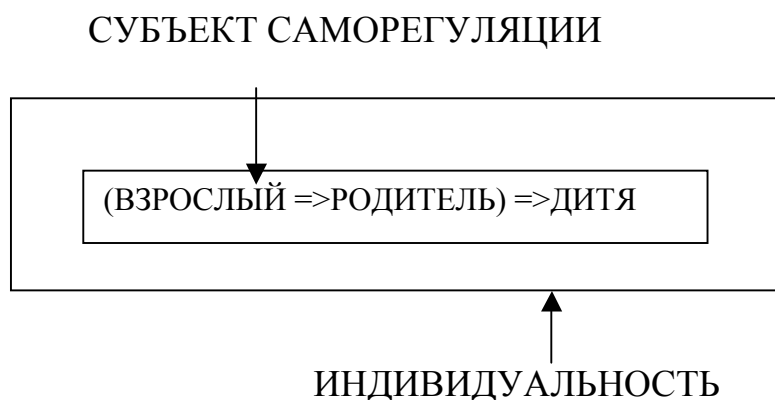

Рис. 4

Представленные на схеме эго-состояния и эго-системы рассматриваются как носители запросов и ресурсов, соотношение которых детерминирует выборы, совершаемые индивидом. Запросы Взрослого опираются на ресурсы, предоставляемые Родителем, а Взросло - Родительская эго-система рождает запросы, опирающиеся на ресурсы Дитя. Стрелочка «=>» характеризует механизм реализации запросов через ресурс.

Здесь Взрослый выступает как субъект регуляции, Родитель – как посредник, а Дитя – как объект регуляции. Будем называть эту схему, или, если воспользоваться словами О.А. Конопкина и представителей его школы

(8; 9; 17; 18), «контур», саморегуляции «эго-построением Взрослый - Родитель – Дитя» (или, кратко, ВРД - построением). Вслед за этими авторами, позволим себе говорить о «транзактном контуре саморегуляции».

Теперь можно охарактеризовать транзактный контур саморегуляции. Он объединяет в себе следующие переменные, принимающие рациональные значения на отрезке (0, 1):

w (состоятельность индивидуальности);

x (интенции к действию со стороны Взрослого – «намерен», «считаю»);

y (директивы Родителя – «следует делать», «вот что требуется», «ты должен»);

z (чаянья Дитя – «хочу», «мечтаю», «полагаюсь на чудо»);

и связывающий их оператор метаимпликации, \rightarrow («запрос опирается на ресурс»).

Всё сказанное нами ранее о внутренних и внешних возможностях каждого из агентов, образующих индивидуальность, о соотношении запросов и ресурсов, уровне притязаний и уровне состоятельности, - всё это сохраняет свое значение применительно к перечисленным эго-состояниям и эго-системам. И, таким образом, мы переходим от мультисубъектной к метаимпликативной модели саморегуляции.

Транзактный контур саморегуляции (метаимпликативная модель):

$W_{\text{Индивидуальность}} = \langle \langle x_{\text{Взрослый}} \rightarrow^* u_{\text{Родитель}} \rangle \rightarrow^* z_{\text{Дитя}} \rangle$

В первой редакции предложенная нами модель была названа «транзактной моделью рефлексивного выбора» (28). Она представляла собой транзактную версию «рефлексивной модели нормированного поведения» Т.А.Таран (38). Транзактная модель рефлексивного выбора была для автора не только поводом формализации некоторых положений транзактного анализа и своих собственных разработок в области мультисубъектной теории личности, но и инструментом психологического консультирования, как дополнительный стимул продвижения клиентов в решении их личных проблем. Из данной

модели, чисто формально, следовало, что нереализованные мечты Дитя поддерживают личность в состоянии постоянной готовности к поиску объекта мечты. Это, к слову сказать, соответствовало взглядам Зигмунда Фрейда. Любопытно, что в случае, когда Дитя «отворачивается» от чего-то значимого с точки зрения других частей индивидуальности, то единственная сила, способная повлиять на его выбор (в сторону предпочтения объекта) – это Взрослый. Только Взрослый, и никто другой, может «уговорить» Дитя; главное, чтобы Родитель не слишком помогал в этом Взрослому. Есть и другие наблюдения того же рода, прогнозируемые на основе транзактной модели выбора и подтверждаемые практикой.

Позже были предприняты шаги к экспериментальной апробации модели. Вместе с О.В. Митиной (16) мы сопоставили оценки, которые индивид получал по шкалам опросников Кетелла и Айзенка, с оценками терминальных ценностей с позиций Взрослого, Родителя и Дитя, а также с интегральной, или мультисубъектной, оценкой ценностей из списка терминальных ценностей (таких, как Творчество, Активная деятельная жизнь, Свобода, Честность и др.).

Нас интересовало, насколько работает предложенная модель «состыковки» Взрослых, Родительских и Детских интересов. Главным был вопрос о том, будет ли предпочтение ценностей, «вычисленное» по модели, соответствовать характеру людей, совершающих выбор. Эмпирические данные подтвердили это общее предположение. Кроме того, полученные данные позволили установить взаимосвязь между ценностями, которые исповедует личность, и гранями ее индивидуальности как мультисубъектного образования.

Например, выяснилось, что ценность Творчества выбирают люди с низкими показателями по фактору «G», то есть, морально независимые, свободно трактующие существующие правила. Люди с высоким уровнем психотизма (эгоцентризм, бесстрастность, неконтактность) выбирают

Свободу, а с низким (характеризующимся сильным суперэго) - Честность. Таким образом, мультисубъектные предпочтения, вытекающие из метаимпликативной модели выбора, по-видимому, неслучайным образом связаны с определенными индивидуальными проявлениями, то есть семантически им адекватны.

Понятие «саморегуляции» вырисовывается с большей отчетливостью, когда мы противопоставляем ее другим эго-построениям: например, $(D \Rightarrow V) \Rightarrow P$, $(P \Rightarrow V) \Rightarrow D$, $(D \Rightarrow D) \Rightarrow V$, $(V \Rightarrow V) \Rightarrow V^1$ и т.п.. Могут ли они быть названы «саморегуляцией»? Или, скорее, они противоположны ей по сути? Ведь они лишают ее специфической функции – настраивать индивидуальность на поведение, адекватное реальности «здесь и теперь». Ведь, вместо того, чтобы опосредствовать отношения между опытом, заимствованным у других (Родитель) и собственным архаичным опытом жизни (Дитя), они устанавливают господство одного из указанных эго-состояний над другим!

В этом плане представляет интерес исследование того, что можно назвать «действительностью» эго-состояний (29; 32), то есть меры соответствия готовности индивидуальности к действию: 1) Интенциям Взрослого («интенциональные выборы»), 2) Указаниям Родителя и 3) Чаяниям Ребенка. О.В. Митина предложила использовать для анализа этих соответствий («действительности») метод детерминационного анализа Чеснокова. Результаты нашего совместного исследования отражены в работе (16).

Вычислялись значения коэффициентов корреляции Л («Л» - личность, готовность индивидуальности к выбору, определяемая, согласно формуле эго-построения РВД) с каждым из эго-состояний Д, Р, В для каждого респондента. Согласно нашей гипотезе, эго-состояния и готовность индивидуальности к выбору Л, как функция от эго-состояний, должны детерминировать определенные черты характера, выявляемые с помощью

стандартных опросников. В экспериментальном исследовании каждый респондент характеризовался значениями переменных по показателям ряда личностных методик и коэффициентом корреляции вектора значений выборов ценностей Л с векторами значений выбора ценностей В, Р, Д.

В результате специальной математической обработки данных (вычисление так называемой существенности), количественно определялась степень детерминированности личности со стороны эго-состояний Взрослый, Родитель, Ребенок. Высокая существенность детерминации Л со стороны эго-состояния В, Р или Д свидетельствует об акцентуированности личности в качестве носителя данного эго-состояния. Вводя представления о Взрослой, Родительской и Детской акцентуациях, мы, по предложению О.В.Митиной, вводим также и новые имена для «акцентуантов»: «Человек-Взрослый», «Человек-Родитель» и «Человек-Ребенок».

Приведем некоторые из полученных данных.

«Человек-Родитель» характеризуется внутренним локусом контроля (как в области неудач, так и в ситуациях, связанных с достижением успеха). О «Человеке-Взрослом» подобного сказать нельзя. Последний, руководствуясь принципами целесообразности, отказывается признавать себя виновным во всех неудачах, соблюдая в этом принцип разумной середины. «Человек-Ребенок», полностью отказывается признавать себя ответственным за неудачи.

Высокие показатели по фактору G (сила - слабость Сверх-Я) детерминируются эго-состоянием Родитель, а низкие – Ребенок. Человеку-Родителю легче выдержать серьёзные трудности, чем пойти против своей совести. Принятых правил морали он придерживается не потому, что это выгодно, а потому, что считает это своим кредо. Если деятельность акцентуированного Родителя сопровождаются частые конфликты, то это, скорее всего, связано с тем, что он слишком последовательно и прямолинейно проводит в жизнь свои принципы.

«Человек-Ребенок» часто демонстрирует моральную независимость, существующие правила трактует свободно, даёт окружающим повод сомневаться в своей надёжности. Его несобранность расценивается людьми как пренебрежение интересами тех, кто вместе с ним вкладывает усилия в общее дело, что, в свою очередь, может послужить причиной низкой оценки деловых качеств. Возможно, он не всегда находит нужным соблюдать общепринятые требования и нормы поведения. Принципы, по которым живёт акцентуированный Ребенок, далеко не всегда понятны людям.

Эго-состояние Родитель детерминирует высокие показатели по фактору Q3 (высокий - низкий самоконтроль поведения), что свидетельствует об организованности, умении контролировать себя, способности упорно и планомерно следовать поставленной цели. «Человек-Родитель» хорошо сознаёт социальные требования, старается их выполнить, заботится о своей репутации.

В противоположность этой детерминации, эго-состояние Ребенок детерминирует низкие показатели по фактору Q3, свидетельствующие о пониженном самоконтроле, импульсивности, жизни по настроению. Человеку-Ребенку трудно организовать, продумать и упорядочить свою деятельность, подчинить желания требованиям дела.

Существуют личностные характеристики, задающие оппозицию между разными эго-состояниями. Так, шкалы интернальность - экстернальность в области неудач, сила Сверх-Я - слабость Сверх-Я, контроль желаний – импульсивность задают оппозицию Родитель – Ребенок.

По результатам нашей работы был сделан общий вывод. В контексте многофакторного исследования индивидуальности, при использовании схемы эго-построения РВД (В=>Р)=>Д, мы получаем вполне согласующиеся с транзактными представлениями и нашей собственной интуицией факты: личностные черты индивидуумов, устанавливаемые по многим методикам,

соответствуют тем выборам, к которым их «подталкивают» эго-состояния Взрослый, Родитель, Ребёнок.

Эти исследования подготавливают нас к постановке вопроса о том, насколько совершенной является саморегуляция индивидуальности, если иметь в виду сопоставление свойственных ей запросов (уровень притязаний различных агентов в структуре личности) и их достижений.

4. Совершенная и несовершенная саморегуляция индивидуальности

При таком разграничении саморегуляции мы опираемся на критерий «реализма» (уровень притязаний = уровень состоятельности). Различаем при этом две формы состоятельности: субъективную состоятельность, как результат импликации $x \rightarrow y$ (Взрослое «считаю необходимым» с опорой на Родительское «ты должен»); внутреннюю состоятельность, как результат импликации $(x \rightarrow y) \rightarrow z$ (Взросло-Родительские амбиции, опирающиеся на чаяния Дитя). Ограничиваясь анализом процессов саморегуляции во внутреннем пространстве бытия индивидуальности, мы лишь отчасти затронем объективную состоятельность, как результат импликации $((x \rightarrow y) \rightarrow z) \rightarrow f$, где f – внешний ресурс, с которым фактически имеет дело индивид, и о свойствах которого он может узнать лишь постфактум.

1. Совершенная саморегуляция. Мы называем саморегуляцию совершенной в том и только в том случае, когда притязания Взрослого совпадают с внутренней состоятельностью. Имея в виду этот особый случай, мы могли бы сказать: каковы намерения Взрослого, такова и состоятельность индивидуальности как целого (то есть ее внутреннее благополучие и готовность действовать в соответствие с принятым намерением) См. рис 5.

СОВЕРШЕННАЯ САМОРЕГУЛЯЦИЯ

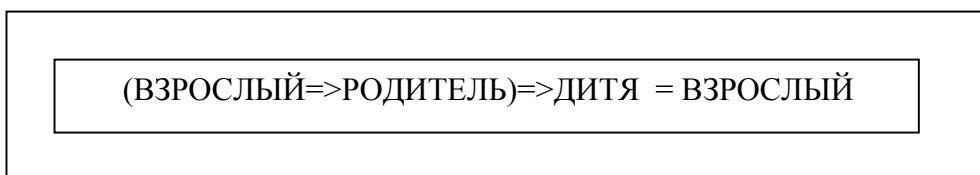

Рис. 5

2. **Несовершенная саморегуляция**, как ни прискорбно, богаче исходами. Во всех мыслимых случаях мы могли бы записать (рис. 6):

НЕСОВЕРШЕННАЯ САМОРЕГУЛЯЦИЯ

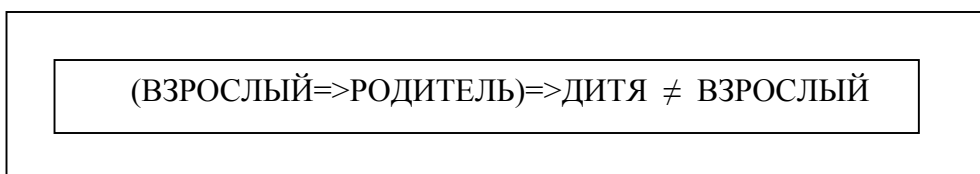

Рис. 6

В психологическом плане представляют интерес, по крайней мере, два случая (используем сокращенную запись):

А) $(V \Rightarrow P) \Rightarrow D = P (P \neq V)$

Б) $(V \Rightarrow P) \Rightarrow D = D (D \neq V)$

Случай А – пример несовершенной саморегуляции, которая может быть обозначена как «драйверное поведение». Следуя указаниям: «Будь сильным!», «Будь лучшим!», «Старайся!», «Радуй других!», «Торопись!», человек входит в негативные сценарии, такие как «Никогда...» («Тантал»), «Пока не...» («Геракл»), «Опять и опять...» («Арахна»), «Почти...» («Сизиф»), «Потом...» («Дамокл») и др.

Случай Б – пример несовершенной саморегуляции, которая в терминах транзактного анализа может быть адекватно описана как сход с драйвера (7). Перед нами «прорывы сценария», выражающиеся в том, что взрослый

человек следует своим ранним (детским) решениям: «Не будь!», «Не взрослей!», «Не доверяй никому!», «Не думай!», «Будь беспомощен!» и т.п., а также проявляет необузданную раскованность, импульсивность и легкомыслие.

Примеры несовершенной саморегуляции не исчерпываются случаями А и Б. Могут быть рассмотрены и другие формы несоответствия между объективной готовностью действовать определенным образом и субъективной склонностью индивидуума действовать намеченным образом. Несостоятельность субъекта здесь может быть осмыслена так: «Взрослый не в состоянии действовать так, как считает нужным».

«Задача по вкусу»: реализм выбора. Со временем, конечно, будут установлены общие формы и найдены общие формулы, описывающие архитектуру деятельности как многоуровневой «ВРД - системы», распределения «сил» между разными эго-состояниями, вовлеченными в деятельность и со-продуцирующими ее результат. Будут исследованы феномены взаимосвязи особенностей саморегуляции и содержания осуществляемой деятельности, меры ее значимости для индивида, ее места в иерархии других деятельностей, осознанности ее мотивов и т.д. Однако в данном случае мы остановимся на обсуждении значительно более узкого и вполне конкретного вопроса (он может рассматриваться как «стартовый» для всех последующих в данном направлении поиска), а именно: насколько совершенной является саморегуляция в деятельности, связанной с постановкой и разрешением задач, отвечающих личным предпочтениям индивида – его собственным интересам и ценностям? Каждую такую задачу условимся называть в дальнейшем «задачей по вкусу».

Можно предположить, что, выбирая для себя задачу «по вкусу» и оценивая перспективы ее решения, люди, как правило, придерживаются стратегии реализма, то есть соответствия субъективных интенций к действию

(намерения) и объективной нацеленности на его осуществление (внутренняя состоятельность).

Поделимся результатами нашего пилотажного исследования, посвященного проверке этой гипотезы и предпринятого на небольшой выборке испытуемых (37 человек). Испытуемым предлагалось описать свои мысли и чувства при решении наиболее привлекательной для них задачи, – «задачи по вкусу» («идеальной задачи»). Ниже мы приводим список отобранных вопросов. Читатель увидит справа от каждого из них в фигурных скобках числа «1» или «0». Они маркируют присутствие или отсутствие в утверждениях таких моментов как «намерение действовать» (первый элемент), «предвидение позитивного исхода» (второй элемент), «предчувствие позитивного исхода» (третий элемент). В самом опроснике, разумеется, фигурные скобки с соответствующей маркировкой смысловых аспектов вопроса отсутствовали. Требовалось поставить крестик «х» на шкале «редко – часто», отвечая на общий вопрос о том, как часто, при решении такой задачи, Вы:

1. Перепроверяете себя, пытаясь удостовериться в правильности своих догадок и предположений (как бы испытывая их на прочность)? {1,0,1};

редко ----- часто

2. Считаете нужным дождаться «того самого» счастливого случая, когда ситуация сама подскажет, как быть и что делать дальше (полагаетесь на удачное стечение обстоятельств, как был наталкивающих на открытие)? {0,1,1} (оценочную шкалу в тексте статьи больше не изображаем);

3. Исходите из необходимости «отмести» версии, кажущиеся Вам сомнительными? {1,0,0};

4. Думаете: вот бы пришел кто-нибудь и сказал, что делать дальше (да только, увы, не будет этого)? {0,1,0};

5. Верите в то, что не совершите ошибки, действуя так, а не как-то иначе? {1,1,1};
6. Отказываетесь решать задачу по-старому, «отстраняетесь» от ситуации, внутренне подготавливаете к новому решению («переключаетесь»)? {0,0,1};
7. Вам не хочется ничего делать, нет никаких идей, не испытываете ничего, кроме ощущения полной бесперспективности? {0,0,0};
8. Думаете: «Надо попробовать!», хотя и чувствуете, что это совершенно напрасно? {1,1,0}.

При обработке материалов крайнему левому положению крестика на шкале «редко – часто» придавалось значение 0%, а крайнему правому – значение 100% (все другие значения рассматривались как пропорциональные расстоянию между местонахождением крестика на шкале и крайней левой точкой шкалы). Таким образом, по каждой из восьми шкал ($i = 1, 2, 3, \dots, 8$) мы получали характеристику «субъективной встречаемости» F_i состояния s_i . Величину F_i рассматриваем как абсолютную весовую характеристику «субъективной встречаемости» состояния s_i , а величину $f_i = F_i / (F_1 + F_2 + F_3 + F_4 + F_5 + F_6 + F_7 + F_8)$ как показатель относительной субъективной встречаемости данного состояния. Показатели относительной субъективной встречаемости могут рассматриваться как «слагаемые успеха» в процессе решения задачи «по вкусу».

Далее определяется, как часто, с точки зрения самих испытуемых, они склонны действовать, а не избегать действия, то есть сила интенции. Этот эмпирический показатель соответствует ранее рассмотренному нами теоретическому конструкту «уровень притязаний», как потребности субъекта использовать имеющиеся возможности в соответствии с высотой этих возможностей. Показатель силы интенции произведен от частоты состояний: «бдительность» {1,0,1}, «скептицизм» {1,0,0}, «надежда умирает последней» {1,1,0}, «уверенность в успехе» {1,1,1}, Сила интенции = $f_1 + f_3 + f_5 + f_8$.

Таким же образом вычисляется показатель «шанс на успех» (соответствующий теоретическому конструкту «внешний ресурс»). Он определяется частотой состояниями: $\{0,1,1\}$ - «везение», $\{0,1,0\}$ - «соломинка», $\{1,1,1\}$ - «уверенность в успехе», $\{1,1,0\}$ - «надежда умирает последней». $\text{Шанс на успех} = f_2 + f_4 + f_5 + f_8$.

Тем же путем подсчитывается показатель «сила предчувствия», определяемый состояниями: $\{1,0,1\}$ - «осмотрительность», $\{0,1,1\}$ - «везение», $\{1,1,1\}$ - «убежденность в успехе», $\{0,0,1\}$ - «как-нибудь само собой». $\text{Сила предчувствия} = f_1 + f_2 + f_5 + f_6$.

Показатель «сила предчувствия» рассматривался нами как источник для получения важного производного показателя - «ставка на чудо», «вера в волшебство». В отличие от Взрослой «силы интенции» («уровень притязаний») и Родительского «шанса на успех» («ты должен использовать этот шанс»), «ставка на чудо» (мечта, волшебство), как и предчувствие, есть проявление Дитя. «Ставка на чудо» противоположно предчувствию: чем сильнее предчувствие, тем меньше надобность в чуде, и наоборот, чем пессимистичнее предчувствия, тем сильнее Дитя нуждается в чуде. $\text{Ставка на чудо} = 1 - \text{«сила предчувствия»} = 1 - (f_1 + f_2 + f_5 + f_6)$.

Итак, уровень внутренней состоятельности испытуемых определялся согласно формуле:

$$\begin{aligned} & \text{Внутренняя состоятельность} = \\ & = (\text{Сила интенции} \rightarrow * \text{Шанс на успех}) \rightarrow * \text{Ставка на чудо} = \\ & = \text{Сила интенции} \end{aligned}$$

Условие реализма, напомним, заключается в том, что сила интенции индивида совпадает с его внутренней состоятельностью в процессе решения задачи. Рассмотрим результаты исследования. Среднее значение показателя «силы интенции» по группе испытуемых равно 0,630; среднее значение «шансов на успех» – 0,477; среднее значение «ставки на чудо» – 0,404; среднее значение состоятельности испытуемых, выбирающих «задачу по

вкусу» равно 0,603. Реализация Т-критерия с зависимыми выборками демонстрирует отсутствие значимого различия между силой интенции и внутренней состоятельностью испытуемых ($p < 0,05$).

Итак, выдвинутая гипотеза подтвердилась. Испытуемые, в момент расчета собственных сил, имея дело с «задачей по вкусу», проявляют себя как подлинные «реалисты». Их саморегуляция, согласно принятому критерию, отвечает критерию совершенства: интенции, исходящие из эго-состояния Взрослый находят свое адекватное воплощение в эффекте готовности индивида действовать на уровне целого, - «триумвирата» Взрослого, Родителя и Дитя.

В контрольной группе (37 человек) испытуемые-студенты были лишены возможности выбирать задачу самостоятельно (им было известно, что задача будет поставлена перед ними преподавателем, ведущим занятия). Выяснилось, что сила интенций к решению такой задачи значимо ниже, чем в основной группе испытуемых (что, конечно, неудивительно). Главное же состоит в том, что внутренняя расположенность (состоятельность) испытуемых контрольной группы решать задачу оказывается значимо выше ($p < 0,05$) субъективной интенции к ее решению (0,618 против 0,577). «Совершенный контур» саморегуляции мы прослеживаем в ситуациях деятельности, связанных с решением задач «по вкусу», а «несовершенный» - с решением задач «по указанию».

Еще один факт, полученный в этих экспериментах, имеет особое значение при описании проявлений индивидуальности как целостности во взаимоотношениях с миром. Трудно не обратить внимания на то, что уровень внутренней состоятельности испытуемых обеих групп колеблется вокруг «золотого сечения» (в первой группе это значение равно 0,603, во второй – 0,618). При объединении двух выборок получаем среднее значение состоятельности, равное 0,611 («золотое сечение» равно 0,617). Чем можно было бы объяснить этот факт?

Формула гармонии. «Внутренняя состоятельность», напомним, это присущий индивидуальности потенциал активности, совокупность усилий, которые могут быть затрачены на решение стоящей задачи. В отличие от интенций, имеющих субъективный характер, внутренняя состоятельность – объективная характеристика активности.

Каким должен быть необходимый и достаточный объем усилий для того, чтобы человек был готов к достижению того, к чему он реально стремится? Опишем возможный критерий гармонии во взаимоотношении с собой и окружающим миром.

Определяющей характеристикой субъектности индивида является его готовность к самовоспроизводству, и в частности, как отмечалось, – благоприобретений опыта. Из этого следует: если я однажды добился чего-то важного для своего существования, то в дальнейшем я буду стремиться воспроизвести достигнутое. Положим, моя внутренняя состоятельность на предшествующем витке активности равна W . При этом появляются новые возможности, а значит и новая мотивация действия (объем невоплощенных усилий, «уровень притязаний»). Теперь я готов «вкладывать» $W = R$ (новый ресурс, равный достигнутому уровню состоятельности) = N (новый уровень притязаний) чтобы в итоге воспроизвести всё то же W , – но уже в качестве цели нового устремления:

$N \rightarrow R' = R \rightarrow R' = W = R$, где R' – искомый внешний ресурс

Будем считать также оптимальной взаимную дополнтельность усилий, направленных вовне, R , и – внешних ресурсов, R' , которые при этом осваиваются: $R + R' = 1$.

Таким образом, мы имеем здесь дело с двумя ранее рассмотренными критериями гармонии во взаимоотношениях между притязаниями и ресурсами агента (в данном случае – единомножия агентов в составе индивидуальности). Вкладывая и воспроизводя W , я опираюсь на недостающий мне внешний ресурс, в точности равный дефициту ранее

приобретенных возможностей. Но ранее мы показали, что уровень притязаний агента в таком случае равен «золотому сечению» (0,617...).

И таким образом остается только найти внешний ресурс, позволяющей воспроизвести уровень предшествующих благоприобретений.

Итак, перед нами формула гармонии человека во взаимоотношениях с миром, – «золотая формула»:

$$W = W \rightarrow (1 - W) = 1 - W,$$

$$W = 0,617...$$

Люди организуют свою активность так, чтобы их притязания удовлетворялись за счет внешних ресурсов, объем которых восполняет дефицит ранее приобретенных возможностей.

Полагаем, что именно это обстоятельство объясняет эмпирическую картину колебания внутренней состоятельности людей при решении разных задач вокруг «золотого сечения».

Выбор уровня трудности задачи. Рассмотрим еще один сюжет, на этот раз, классический, относящийся к одной из наиболее разработанных глав психологии мотивации. Речь идет об исследовании деятельности человека в ситуации достижения. В какой мере мультисубъектная модель индивидуальности могла бы оказаться полезной для разработки этой классической темы, прежде всего проблематики «уровня притязаний», свободного выбора испытуемыми задач определенной степени трудности.

Ведущую роль в формировании гипотез и построения экспериментов, посвященных данной проблеме, играет «модель выбора риска», предложенная Дж. Аткинсоном (42; 43) полвека назад. Она предсказывает существование двух феноменологически различных групп испытуемых. Согласно модели, одни из них должны предпочитать, скорее, задачи среднего уровня трудности, а другие – выбирать для себя либо очень легкие, либо очень трудные задачи. Известно, что модель Аткинсона «приблизительно верно» предсказывает поведение людей в ситуации свободного выбора

задачи. Многие исследователи пытались добиться более точных прогнозов (39). Настоящим камнем преткновения было то, что испытуемые, мотивированные, скорее, успехом, чем неудачей, предпочитали не средний уровень трудности задачи, как предсказывала модель Аткинсона, а повышенный уровень трудности задач, вероятность решения которых находилась в диапазоне (0.3 – 0.4), а не на уровне 0,5, как предсказывала эта модель.

Попробуем подойти к решению этой проблемы, исходя из предложенной нами **метаимпликативной модели мотивации выбора** (31). Будем считать, что в ситуации свободного выбора субъектом уровня трудности задачи, информация о ее доступности запечатлена в его предвидениях y (представление о шансе на успех) и чаяниях z (мечты, ставка на чудо, волшебные силы). «Свободный выбор» задачи определяем как одновременное формирование интенции к ее решению (мобилизации усилий) x в сочетании с уровнем предвидимой вероятности ее решения y и мечтой z .

Принимаем, как и в ранее рассмотренном нами случае (решение «задачи по вкусу»), что ожидаемое удовлетворение от решения задачи соответствует значению метаимпликации $w^* = \langle \langle x \rightarrow^* y \rangle \rightarrow^* z \rangle$

Исходим из следующих трех посылок (постулатов адекватности предпочтений):

- 1) Ожидаемое удовлетворение от решения задачи пропорционально затрачиваемым усилиям; максимуму усилий соответствует максимум ожидаемого удовлетворения (постулат пропорциональности ожиданий; другое название – «постулат интенциональности», в соответствии с принципом интенционального выбора в работах В.А. Лефевра (11; 12). Из этого следует: $w = x$.
- 2) Усилия x , мобилизуемые для решения выбранной задачи, пропорциональны предвидимой трудности этой задачи y_d ; максимуму трудности соответствует максимум усилий (постулат пропорциональности

затрат). Поскольку $y = 1 - y_d$, (доступность = уровень трудности наоборот), имеем $x = 1 - y_d$.

3) «Амбиции» субъекта, $\langle x \rightarrow^* y \rangle$, пропорциональны ощущению несбыточности мечты, то есть предчувствию неудачи $z_- = 1 - z_+$ (принимается также, что максимальная выраженность амбиций и предчувствия неудач равно 1). Из этого следует: $\langle x \rightarrow^* y \rangle = z_- = 1 - z_+$. Суммируя сказанное, мы приходим к системе уравнений, описывающих выборы субъектом задач различного уровня доступности:

$$\langle \langle x \rightarrow^* y \rangle \rightarrow^* z_+ \rangle = x$$

(из постулата пропорциональности ожиданий интенциям; «условие интенциональности В. А. Лефевра)

$$x = 1 - y$$

(из постулата пропорциональности затрат предвидимой трудности задачи)

$$\langle x \rightarrow y \rangle = 1 - z_+$$

(из постулата пропорциональности амбиций предчувствию неудачи)

В результате подстановок и преобразований мы приходим к уравнению:

$(1 - (1 - y)^2)^2 = y$, и находим три приемлемых его решения:

$$x_1 = 0.618... \text{ («золотое сечение»), } y_1 = 0.382..., z_{+1} = 0.382...;$$

$$x_2 = 0, y_2 = 1, z_{+2} = 0;$$

$$x_3 = 1, y_3 = 0, z_{+3} = 1$$

Корни (x_1, y_1, z_{+1}) дают нам формулу «рационалиста», выбирающего задачи повышенного уровня трудности (вероятность решить задачу равна 0,382...), а корни (x_2, y_2, z_{+2}) и (x_3, y_3, z_{+3}) – формулу «идеалиста», действующего либо на минимуме (вероятность решения близка к 1), либо на максимуме своих возможностей (вероятность решения близка к 0).

Метаимпликативная модель мотивации выбора, устраняя неточность прогнозов, вытекающих из модели принятия риска Дж. Аткинсона, позволяет назвать «идеальные точки» предпочтений для двух контингентов испытуемых. «Рационалисты» - это те, у кого Родительские и Детские

предпочтения совпадают. «Экстремалы» - те, чьи Детские предпочтения конфронтируют с Родительскими. Так вот, «экстремалы» выбирают граничные значения трудности - либо эпатающе простые, либо – сверхтрудные задачи. А «рационалисты» предпочитают задачи, трудность которых равна 62% (субъективная вероятность решения – 0, 38). Я думаю, люди, знакомые с «золотым сечением» вообще и «золотым сечением» как психологическим феноменом, в частности, ну, например, по работам Лефевра, увидят в этих числах нечто большее, чем просто числа, - увидят символ некой гармонии. А если вернуться к прозе жизни, то перед нами оценки, соответствующие эмпирической картине выборов испытуемых с доминированием мотива достижения успеха над страхом неудачи и – мотива избегания неудачи над мотивом достижения успеха. Только сами эти мотивы оказываются раскрыты и переосмыслены в рамках мультисубъектного представления о об индивидуальности.

Взрослое эго рационалистов во взаимоотношениях с Родителем и Дитя придерживается принципа «Живи и давай жить!». А экстремалы, по сути, рассуждают (цитирую Владимира Даля (36) так: «Да, дело это нехорошее (Родитель)... А дай-ка попробуем!» (Дитя).

Разрегуляция и сюррегуляция. Высказанные соображения возвращают нас к проблеме индивидуальности как мультисубъектного образования. Является ли транзактный контур эффективной саморегуляции способом подлинного учета интересов и возможностей внутренних субъектов, что объединяются под эгидой Взрослого?

Думается, лишь частично.

Со временем, в поле ведения экспериментаторов (а не только практикующих психологов) окажутся феномены «разрегуляции» поведения индивидуальности вслед за достижением состояния «отрегулированности» - «странные» реакции людей, хорошо умеющих подчинять своему Взрослому эго - интересы, как Дитя, так и Родителя, а именно:

франкловские невроты людей, «умеющих жить правильно»;

берновские проделки «демона»

лермонтовские мотивы «паруса»;

перфекционизм, неудовлетворенность достигнутым и т.д. и т.п. -

– всё то, что мы именуем общим термином: «неадаптивность» (грибоедовское «шел в комнату, попал в другую»), подчеркивая, вслед за В. Вундтом, а стало быть, опосредствованно, за Г.Гегелем, идею несовпадения целей активности и достигаемых результатов. Формальные основания для этого вывода следуют из предложенной модели. Положим, Взрослая часть личности в составе индивидуальности представляет собой субъекта эффективной саморегуляции: интенции x воплощаются в адекватную ей готовность к действию $w = x$. Кроме того, указания Родителя y столь же действительны, то есть они воплощаются в готовность $w = y$. И, наконец, допустим, что «хотения» («чаянья») Дитя также находят действительное, то есть равное им по уровню воплощение в готовности вести себя соответствующим образом, $w = z$. Итак, имеем:

$$\langle\langle x \rightarrow^* y \rangle \rightarrow^* z \rangle = w = x = y = z$$

Из этого равенства, в частности, следует:

$$\langle\langle x \rightarrow^* x \rangle \rightarrow^* x \rangle = x,$$

Из чего вытекает $\langle\langle x \rightarrow^* x \rangle \rightarrow^* x \rangle = x + (1 - x) \cdot (1 - x) \cdot x = x + (1 - x)^2 \cdot x = x$.

Таким образом, получаем: $(1 - x)^2 \cdot x = 0$, $x = 0$, либо $x = 1$.

И мы в итоге имеем два возможных варианта эго-построений:

$$1) \langle\langle 0 \rightarrow^* 0 \rangle \rightarrow^* 0 \rangle = 0$$

$$2) \langle\langle 1 \rightarrow^* 1 \rangle \rightarrow^* 1 \rangle = 1$$

Итак, мы имеем дело с двумя феноменами «всестороннего и полного» удовлетворения запросов индивидуальности посредством эффективной саморегуляции (назовем их феноменами «сюррегуляции»).

Первый вариант «сюррегуляции», $\langle\langle 0 \rightarrow^* 0 \rangle \rightarrow^* 0 \rangle = 0$: все части индивидуальности одинаково ничего не хотят, ничего не могут дать друг

другу, индивидуальность не подает признаков жизни, саморегуляция отсутствует – в ней никто не нуждается.

Второй вариант «сюррегуляции», $\langle\langle 1 \rightarrow^* 1 \rangle \rightarrow^* 1 \rangle = 1$: все части индивидуальности в полном согласии друг с другом, имеют в избытке все, что необходимо друг другу, и, таким образом, необходимость в какой-либо саморегуляции отпадает сама собой.

Выводы.

1) Индивидуальность – это особый полюс личности индивида. В отличие от «личности», погруженности в других людей, индивидуальность – это единственность и неповторимость индивида, а, стало быть, она не подлежит удвоению, копированию, имитации. Индивидуальность – это потенциал субъектности, но сама не есть субъект. Она «Республика субъектов», единомножие «я».

2) В транзактных категориях описания, индивидуальность есть совокупный потенциал эго-состояний, «непостижимое» (неотразимое) условие саморегуляции.

3) Транзактный контур саморегуляции в структуре индивидуальности определяется следующими моментами: субъект саморегуляции есть эго-состояние Взрослый; объект саморегуляции – эго-состояние Дитя; посредник в процессах саморегуляции – эго-состояние Родитель.

4) Механизм саморегуляции представлен метаимпликацией:

$$\langle\langle X_{\text{Взрослый}} \rightarrow^* U_{\text{Родитель}} \rangle \rightarrow^* Z_{\text{Дитя}} \rangle$$

а) Ближайший результат совершенной саморегуляции есть готовность Взрослого поступать согласно своим собственным намерениям, или, говоря другими словами, – внутренняя состоятельность индивидуальности при достижении собственных (разумных) целей:

$$\langle\langle X_{\text{Взрослый}} \rightarrow^* U_{\text{Родитель}} \rangle \rightarrow^* Z_{\text{Дитя}} \rangle = X$$

б) Несовершенная саморегуляция – это, в частности, драйверное поведение, при котором Взрослый не может противостоять Родителю:

$$\langle\langle X_{\text{Взрослый}} \rightarrow^* U_{\text{Родитель}} \rangle \rightarrow^* Z_{\text{Дитя}} \rangle = y,$$

или импульсивное поведение, «сходы с драйвера», при которых Взрослый не способен справиться с диктатом Дитя:

$$\langle\langle X_{\text{Взрослый}} \rightarrow^* U_{\text{Родитель}} \rangle \rightarrow^* Z_{\text{Дитя}} \rangle = z$$

5) Ставя перед собой «задачу по вкусу», индивид обнаруживает способность к совершенной саморегуляции (сила интенции и внутренняя расположенность к действию совпадают).

6) «Золотая» формула гармонии во взаимоотношениях индивидуальности с собой и миром имеет вид $W = W \rightarrow (1 - W) = 1 - W^2$, символизируя тот факт, что люди, запрашивая то, чего не имеют, и, достигая то, что запрашивают, мобилизуют объем усилий W , равный «золотому сечению».

7) Модель саморегуляции позволяет уточнить эмпирическую картину свободного предпочтения людьми задач, отличающихся уровнем сложности, составляя альтернативу к модели принятия риска Дж. Аткинсона.

8) Саморегуляция рано или поздно заканчивается «разрегуляцией», в силу того, что эго-состояние Взрослый не может быть отождествлено в своих предпочтениях с эго-состояниями «использованных» при этом Родителя и Дитя.

9) Гипотетический результат саморегуляции – полнота проявления потенциала всех субъектов, образующих индивидуальность – недостижимая цель; она не может быть предвосхищена Взрослым, обеспечена Родителем, отвоевана Дитя. Существуют всего два варианта подобной гипотетической суррегуляции («всестороннего и полного удовлетворения потребностей» посредством «эффективной саморегуляции»). В каждом из этих вариантов саморегуляция, по сути, бессмысленна: в первом случае, $\langle\langle 1 \rightarrow^* 1 \rangle \rightarrow^* 1 \rangle = 1$, ее осуществлять незачем, во втором случае, $\langle\langle 0 \rightarrow^* 0 \rangle \rightarrow^* 0 \rangle = 0$, – некому.

10) Могут быть обозначены и противопоставлены друг другу два подхода к пониманию индивидуальности, и, соответственно, места саморегуляции в её структуре: три лица одного субъекта versus три субъекта одного лица.

Литература

1. Анисимова М.В. Внутренний диалог в решении творческой задачи. Диплом работа ст. 4 курса факультета психологии кафедра психологии личности, МГУ им. М.В. Ломоносова, 2003.
2. Асмолов А.Г. Психология индивидуальности: Методологические аспекты развития личности в историко-эволюционном процессе. М. 1986.
3. Адамович Г. Зинаида Гиппиус. // Зинаида Гиппиус. Живые лица. Санкт-Петербург. 2004
4. Белинская Е.П. Человек в изменяющемся мире – социально-психологическая перспектива. М. 2005
5. Берн Э. Транзактный анализ в психотерапии. М. 2001
6. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Екатеринбург. 2004.
7. Джойнс В. Стюарт Я. Современный транзактный анализ. СПб. 1996.
8. Конопкин О.А., Моросанова В.И. Структурно-функциональный подход к исследованию саморегуляции произвольной активности человека // Московская психологическая школа: История и современность (Под общей редакцией В.В. Рубцова). Т.1 Кн.1 М. 2004..С.421 431.
9. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М. 1975.
10. Лепский В.Е. Проблемы субъектов в постнеклассической науке. (Препринт под ред. В.И.Аршинова и В.Е.Лепского). М. 2007.
11. Лефевр В.А. Алгебра совести. М. 2004.
12. Лефевр В.А. В. Космический субъект. М. 1996.
13. Максимова С.В. Творчество: созидание или деструкция? М. 2006.
14. Маркина Н.М. Соотношение ситуативной и надситуативной активности одаренных учащихся. Автореферат на соиск. уч. ст. к. пс. наук. М. 2003.

15. Митина О.В., Петровский В.А. Нетривиальность научного факта и психологическая экспертиза психологов как экспертов. - Мир психологии. N4, 2001.
16. Митина О.В., Петровский В.А. Транзактная модель рефлексивного выбора: опыт эмпирического обоснования // Образование и наука. Российская научно-методическая конференция 6-7 февраля 2004 г.: Сборник статей. Самара. 2004. С. 138 – 145.
17. Моросанова В.И. Индивидуальный стиль саморегуляции, М. 1998
18. Моросанова В.И. Субъект и личность в исследованиях осознанной саморегуляции произвольной активности человека (Введение) // Личностные и когнитивные аспекты саморегуляции деятельности человека (Под ред. В.И.Моросановой). М. 2006.. С.3-10.
19. Петровский А.В., Петровский В.А. Категориальная система психологии. - Вопросы психологии. 2000. N5.
20. Петровский В.А. К психологии активности личности. - //Вопросы психологии, N3, 1975.
21. Петровский В.А. Активность как «надситуативная деятельность»: Тез. научных сообщений советских психологов к XXI Международному психологическому конгрессу. М. 1976.
22. Петровский В.А. К пониманию личности в психологии - Вопросы психологии. 1988. N 2
23. Петровский В.А. Психология неадаптивной активности. М. 1992.
24. Петровский В.А. Личность в психологии: парадигма субъектности. Ростов на/Д. 1996.
25. Петровский В.А. Мультисубъектная персонология - Сб. трудов конференции Института экзистенциальной психологии и жизнетворчества. М., 2004.

26. Петровский В.А., Т.А. Тунгусова Т.А. Влияние прогноза на развитие событий. //Экспериментальные методы исследования личности в коллективе. Ч.1. Даугавпилс. 1985.
27. Петровский В.А. Метасловарь транзактного анализа (Предисловие) // Берн Э. Транзактный анализ в психотерапии. М. 2001.
28. Петровский В.А. Транзактная модель рефлексивного выбора. // Рефлексивные процессы и управление. Тез. III Международного симпозиума. М. 2001
29. Петровский В.А. Модель рефлексивного выбора: транзактная версия/ (Июль 2002). Рукопись, см. www.petrowskiy.ru.
30. Петровский В.А. «Эго-состояния» и готовность к рефлексивному выбору: Тез. конференции по практической психологии // Ежегодник Российского психологического общества: Психология и ее приложения. Вып. 9. М. 2002.
31. Петровский В.А. Метаимпlicative модель экзистенциального выбора. // Известия самарского научного центра Российской академии наук. «Актуальные проблемы психологии».. Самара. 2002.
32. Петровский В.А., Таран Т.А. Модель рефлексивного выбора: транзактная версия // КИИ-2002. VIII национальная конференция по искусственному интеллекту с международным участием: Тр. конференции. Т. 1. М.: Физматлит, 2002.
33. Петровский В.А., Таран Т.А. Импульсная модель экзистенциального выбора. // VIII национальная конференция по искусственному интеллекту с международным участием: Тр. конференции. Том 1. М/ 2002.
34. Петровский В.А. Уровень трудности задачи: метаимпlicative модель мотивации выбора. - Психологический журнал. N 1/ 2006/
35. Петровский В.А. Импликация: экспликация имплицитного // Рефлексивные процессы и управление. М/ 2006/
36. Пословицы русского народа. Сборник В. Даля. М/ 1957/

37. Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М/ 1973.
38. Таран Т.А. Многозначные булевы модели рефлексивного выбора // Рефлексивное управление// М/ 2000/ С. 122 – 132.
39. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность: В 2 тт. М. 1986.
40. Худышева М.К. Условия становления личностной состоятельности будущего профессионала. Автореферат дисс. на соиск. уч. степени к. пс. н., М/ 2004
41. Шадриков В.Д. Мир внутренней жизни человека. М/ 2006/
42. Atkinson J.W. Motivational determinants of risk-taking behavior // Psychological Review. 1957 N 64.
43. Atkinson *J.W.* An Introduction to Motivation. N. J.: Princeton, 1964.

VI. СУБЪЕКТНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ

СУБЪЕКТНЫЙ КОНТЕКСТ ИССЛЕДОВАНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ

1. Значение категории субъекта для определения индивидуальности

Методологические поиски современной постсоветской персонологии требуют корректного согласования культурно-исторической и деятельностной традиции с новейшими идеями, касающимися индивидуального способа бытия личности-субъекта, её индивидуализации в процессе личностного становления.

Согласно давно утвердившимся дефинициям, под «индивидуальностью» понимается, во-первых, человек, характеризуемый со стороны своих социально значимых отличий от других людей и, во-вторых, своеобразие психики и личности индивида, его неповторимость, которая проявляется в чертах темперамента, характера, в специфике интересов, особенностях когнитивных процессов и интеллекта, потребностей и способностей (15; с. 136 – 137).

В последнее десятилетие произошли качественные изменения в научно-психологическом понимании индивидуальности. Обнаруживается существенный парадигмальный сдвиг в ее определении. «Горизонтальная» точка зрения, то есть, дифференциально-психологическая, дуалистически сочетающая биологический и социальный подходы, сменяется «вертикальной», то есть, культурно-феноменологической, ценностной, субъектной. «Индивидуальность – индивид как субъект своего жизненного пути, уникальная, самобытная личность, реализующая себя в житнетворчестве...» (14; с. 42).

Очевидное смещение акцента с влияний природы и социума на субъектные усилия самого индивида, направленные на обнаружение и придание вектора

развития и интенсивности актуализации его врожденных потенций, обусловлено «гуманитарным переворотом» в методологической рефлексии психологии. Идея авторства субъекта в порождении и трансформации психологической реальности стала объединительной платформой для моделирования ценностного бытия человека, в котором не утрачивается его централизирующий стержень – свободный от эмпирических ограничений дух, субъектность как способность к саморазвитию и самоосуществлению в широчайшем спектре человеческой активности (9, с. 3 – 4).

Именно через категорию субъекта становится возможным непротиворечивое соединение личностного и индивидуального в едином духовно-творческом и ценностно-преобразующем модусе существования человека.

Согласно Е. Б. Старовойтенко, «субъект выступает ценностно-смысловой, иницирующей основой деятельности, взаимоотношений с другими, саморазвития и самоформирования человека в культурном социуме, жизненно интегрирует его «личность» и «индивидуальность»... «Субъектный интеграл, выстроенный в координатах социума, культуры и «Я», хорошо проясняет значение термина «индивидуальная личность», который пришел в психологию из философии и культурологии» (13; с. 232). Означенные координаты можно дополнить, разве что, природным окружением как материалом и средством производства субъектом среды жизни, очеловеченной коллективными и индивидуальными смыслами.

С другой стороны, если прибегнуть к визуальной метафоре, в которой субъект представляется как фокус, средоточие сил, центр творения индивидуальной личности, то его атрибутивное свойство – субъектность – охватывает обширную территорию, не имеет фиксированных границ и способно к расширению, сужению, модификации очертаний. Статика субъекта преодолевается динамикой субъектности; центр смыслопорождения

продолжается «волнами» смыслополагания в различных направлениях жизненного осуществления личности.

2. Пространство моделирования индивидуальности

Под субъектностью мы понимаем основу самопричинности сущего, универсальный принцип перехода возможных состояний субъекта в действительность бытия. В.А. Татенко считает наиболее существенным в процессе субъектогенеза именно механизм самополагания, состоящий, в первую очередь, в «способности субъекта проникать внутрь всей системы движущих мотивационных сил, подчинять себе разнообразные мотивационные тенденции, при необходимости сталкивать между собой противоположные мотивы, включать их в «борьбу» и руководить этой борьбой ради осуществления единственно правильного, оптимального выбора того, что сейчас является самым важным» (21; с. 23).

Субъектность индивидуальности – это уникальная форма аутентичного, детерминированного личностными ценностями волеизъявления с использованием психофизиологических ресурсов организма и возможностей социокультурных контекстов. Следовательно, индивидуальностью является фенотипически обозначенная и произвольно сконструированная идентичность отдельного человека, соответствующая его представлениям о желаемом, должном, достойном и оправдывающем его существование в образе жизни, стиле поведения, сфере и качестве труда, профессиональных достижениях и т. п.

Интегральная субъектность – концепт, представляющий «картографию» целостного бытия человека в его различных ипостасях: индивида (организма) как носителя инстинктивной активности; собственно субъекта как деятеля, инициатора разноплановых деятельностей; личности как субъекта нравственной по содержанию и совместной по форме деятельности; индивидуальности как субъекта творческой жизнедеятельности и культурных «вкладов» в социальную и материальную действительность;

универсальности как субъекта веры и носителя нерушимых общечеловеческих ценностей. Данные модусы жизнеосуществления человека можно соотнести с различными уровнями субъектогенеза: индивид – относительный (виртуальный) субъект; собственно субъект индивидуальной деятельности – моносубъект; личность – полисубъект; индивидуальность – метасубъект; универсальность – абсолютный субъект;

Уровни индивидуального субъектогенеза – это эпигенетические достижения конкретного человека, способные к произвольному и ситуативному развертыванию в зависимости от его ценностных предпочтений, наклонностей и соображений целесообразности, а также этапа онтогенеза, что блестяще показано В. А. Татенко в упомянутой выше работе. Причем, высшие уровни субъектности не упраздняют «низшие», а «живут» за их счет. Так, в известной пирамиде мотивации А. Маслоу бытийная мотивация становится возможной вследствие преодоления дефицита витальных нужд. Везде, где присутствует тот или иной уровень субъектности, присутствует и соответствующий уровень индивидуальности. Все субъектные достижения человека сосуществуют, но не все они имеют одинаковое право «голоса» в определенных культурно – исторических условиях. Вслед за М. С. Гусельцевой мы полагаем, что на этапе постмодернистского толкования реальности и запроса на обновление методологии психологических исследований, большим потенциалом обладают «идеи о социальном конструировании реальности и особой креативности субъективного опыта» (7; с. 7). Это помещает проблему человека в фокус изучения индивидуальности и в известный субъектный, точнее – метасубъектный – контекст.

Прежде чем характеризовать новый контекст понимания генеза индивидуальности – субъекта, приведем схему картографии интегральной субъектности (см. рис.1).

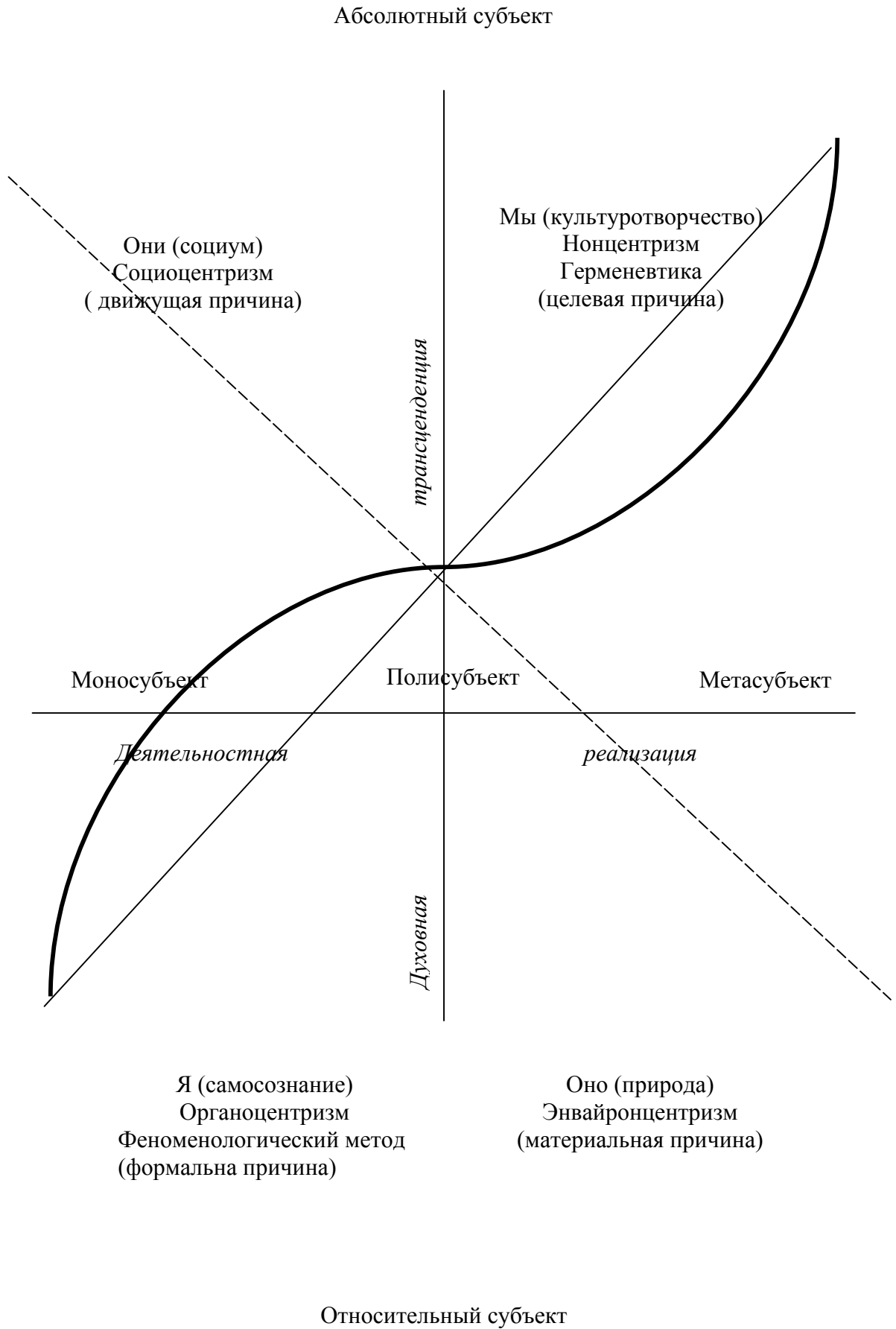

Рис. 1. Картография интегральной субъектности: траектория индивидуализации личности

Интегральная субъектность задается двумя векторами. ОХ – вектор «горизонтального» или деятельностной, количественно-линейной, поступательной реализации субъектных потенций. ОУ – вектор «вертикального» или ценностно-целевого, качественно-квантового развертывания духовных интенций человека. С точки зрения психологических механизмов, вектор ОХ представлен дискурсивным интеллектом (слева), переходящим в свою социальную ипостась – рефлекссию (справа). Вектор ОУ представлен иррациональными факторами: индивидуальной интуицией (снизу) и социальной эмпатией (сверху). Два верхних сектора (над осью ОХ) репрезентируют социальные (слева) и культурные (справа) обстоятельства бытия человека, а два нижних (под осью ОХ) – относительно индивидуальные формы существования. Два сектора справа от ОУ репрезентируют соотношение «Мы» (культура) и «Оно» (природа). Линия, соединяющая секторы «Я» и «Мы», представляет направление культурно-феноменологического становления индивидуальности, а кривая – собственно траекторию индивидуализации конкретной личности как нарративной идентичности, осуществляющей свое метасубъектное осуществление (смыслополагание). Пунктирная линия, соединяющая секторы «Оно» и «Они», представляет вектор социализации человеческого индивида.

Прежде чем перейти к обоснованию центрального тезиса нашей работы, вкратце охарактеризуем секторы, принадлежащие карте интегральной субъектности.

Сектор «Оно», очерченный направлениями субъектогенеза в диапазоне относительного субъекта, поли- и метасубъекта, представляет влияние природного окружения на становление личности. В полную мощь здесь проявляется фактор наследственности как естественная данность, определяющая возможности развития дарований. Исследования воплощений разного рода материальных причин осуществляются в русле энвайроцентризма. Заметим, что «истинно научные» методы – эксперимент и объективные тесты – могут быть применены только в этом и следующем областях исследований, которые, по известным причинам, не схватывают сущность творческого, ценностно-целевого и культурно воплощенного трансцендирования личности.

Сектор «Они» представляет поле социализации, условно ограниченное моно- и поли- субъектами, а также абсолютным субъектом, на котором осуществляется интернализация социальных норм, ценностей и экспектаций. Прессинг социального контроля ассоциируется с Аристотелевой движущей причиной, а системы психологии, объясняющие становление такого рода рецептивного субъекта, который адаптируется, репродуцирует и ретранслирует социальный опыт, Н. Смит называет социоцентричными (20).

Сектор «Я», образованный векторами субъектогенеза в диапазоне относительного субъекта, моно- и поли- субъектов, репрезентирует развитие самосознания индивида от элементарного самоощущения и осознания схемы тела к разветвленной системе Я-образов личности и их символической репрезентации в речи. Сектор «Я» воплощает формальную причинность, укорененную в самопознании наличного субъектного потенциала и интенций его реализации. Исследованиям в этой области релевантен феноменологический метод, состоящий в интуитивном усмотрении аподиктической очевидности базисных побуждений и возможностей их удовлетворения с более поздней опытной и мыслительной верификацией интуитивных гипотез. Феноменальный спектр «Я» интерпретируют так

называемые органоцентрические системы психологии, которые усматривают источник субъектности в самом индивиде (когнитивная, эволюционная, гуманистическая психология и самоанализ, по Н. Смиуту).

Сектор «Мы» очерчен линиями субъектогенеза, которые идут от полисубъекта (личности) в «горизонтальном» или деятельностном направлении к метасубъекту (индивидуальности), а также в «вертикальном» или трансцендентном направлении к абсолютному субъекту (универсальности). Он представлен культуротворчеством человека, реализующим его целевое предназначение «быть и жить для других» в ареале его жизненных действий и поступков. Пространство «Мы» – это арена, на которой разыгрывается драма ситуации – мотивации – действия – последствий (13; с. 11 – 36), ибо только здесь личность находит разнообразные объекты для различных воплощений своих творческих интенций. Наблюдается трансформация монологического «Я» индивида в диалогическое «Ты» личности и далее – в полилогическое «Мы» творческой индивидуальности, одновременно целостной, экспрессивной и пластичной. Методом, релевантным этому уровню жизнеосуществления, является герменевтика, толкующая тексты человеческих поступков по принятым культуральным критериям и эталонам. Сектор «Мы» исследуется нецентрическими (постмодернистскими) системами психологии, уравнивающими в правах различные дискурсы, вплоть до отрицания их авторства. При этом факт «смерти индивидуального Автора» (13, с. 161) дает возможность помыслить о существовании анонимного субъекта или субъектов, составляющих агрегат семантически близких волевых устремлений многих людей, репрезентирующий себя посредством общественного мнения, коллективных представлений, аттитюдов и других феноменов массового сознания.

Из вышеприведенных координат картографии интегральной субъектности вытекает, что последняя воплощает принцип «холархического» устройства

сущего. По К. Уилберу, холархия включает в себя баланс иерархии (в человеке – уровней субъектности) и гетерархии (в человеке – направлений жизнеосуществления или экзистенциальных модусов) (22, с.50). Конкретно, в отношении субъекта это означает:

- удержание в едином эпистемологическом фокусе двух аспектов экзистенции: деятельностной самореализации и духовного восхождения от биологических смыслов к универсальным ценностям или движение от относительного субъекта к абсолютному субъекту; первый аспект репрезентирует внешнюю сторону жизнеосуществления, а второй аспект – его внутреннюю сторону;
- существование определенных соответствий между уровнем самореализации и достигнутым ценностным уровнем индивидуальной личности, так, что каждая последующая ипостась жизнеосуществления вбирает в себя приобретения предыдущих стадий с целью эмерджентного синтеза новых возможностей.

В приведенных координатах картографического моделирования интегральной субъектности траектория индивидуализации личности (ТИЛ) выглядит следующим образом. Ее нижний полюс связан с самосознанием трансцендентного «Я», а верхний – с её артикулированными репрезентациями в мире культуры. Проекция ТИЛ на ОХ означает диапазон актуализации индивидуальных возможностей, деятельностную самореализацию в жизненном пространстве личности. Проекция ТИЛ на ОУ репрезентирует размах духовного трансцендирования человека в пределах его жизненного пути. Точка пересечения осей координат (полисубъект) обозначает место соотнесения ортогональных областей человеческого существования. Бытийные «пересечения» этих областей образуют ценностно-смысловую связь имманентного потенциала и проявленного ресурса «Я». Показана динамика экзистенции человека в диапазоне от индивидуальных врожденных интенций саморазвития до утверждения

трансперсональных, универсальных ценностей как максимума самоактуализации.

В обоснование ценностного восхождения субъекта в актах самоактуализации, напомним, что Виндельбанд понимал ценности как идеал, носителем которого является трансцендентальный субъект, т.е. самосознание как источник и основа всех норм. Риккерт считал ценности полностью трансцендентными относительно индивидуального субъекта (10; с. 12). В. Франкл считал, что влечения направляют к самореализации и социальному взаимодействию, а экзистенциальные смыслы притягивают индивидуальную личность и обнаруживаются ею в уникальном, жизненном контексте как предельные ценности и её вершинные духовные достижения.

3. Феноменологический и герменевтический методы исследования индивидуальности

Двухполюсный континуум духовно - ценностной экзистенции человека – не более чем наглядная модель, получаемая в результате теоретического абстрагирования. Реальное содержание экзистенции может быть определено понятием «жизненного мира». По определению Т. М. Титаренко, оно выражает определенное индивидуальное соотношение между миром внешним и миром внутренним. Жизненный мир репрезентирует уникальную целостность осознанной и неосознаваемой психической жизни и её внешних, предметных воплощений. В жизненном мире сосуществуют не реальные физические объекты, а их субъективные интерпретации. Его можно рассматривать как концептуальную модель многомерного отражения человеком реальности, описывающую ее посредством разных перцептивных, вербальных, мифологических, символических языков (14; с. 33).

Жизненный мир личности является её феноменологическим локусом, интегрирующим отрезок пройденного жизненного пути как цепь событий осуществления смыслов, и жизненное пространство как сферу творческого

самоутверждения личности в качестве метасубъекта. Конструкт жизненного мира выражает единство ценностного универсума в его симультанном схватывании конкретной личностью.

Релевантным методом исследования жизненного мира является **феноменологический анализ**, дающий возможность обнаружить эмоционально-ценностную палитру переживаний личностных смыслов, для подтверждения и трансцендирования которых осуществляется целеполагание и реализуется интенциональный выбор субъекта. Феноменологический анализ – это разновидность описательных (качественных, понимающих) исследований, нацеленных на идентификацию базисных структур субъективного опыта – духовных интенций и личностных смыслов. Конкретными феноменологическими техниками выступают интроспекция и медитация (сектор «Я»), эмпатия и идентификация (сектор «Мы»), рефлексия как внутренний диалог и как осознанное «внешнее» самонаблюдение.

Развертывание духовного потенциала личности, обеспеченное развивающейся рефлексией и возрастанием эмпатических способностей, предполагает все большее феноменологическое выделение и «очищение» трансцендентального «Я» как духовного центра или, по выражению В. А. Татенко, «субстанционального ядра», от различных эмпирических наслоений.

Функционирование сознания в обычном межличностном общении или работа с сознанием в условиях психотерапевтического сеанса, в принципе, преследуют одну и ту же цель. Она состоит в том, чтобы, не покидая внутренней точки опоры, дистанцироваться в себе от влечений индивида (относительного субъекта), запросов на общественное призвание личности (полисубъекта), мотивов творческого самоосуществления индивидуальности (метасубъекта), трансперсональных ценностей универсального человека (абсолютного субъекта). Решается задача обеспечения «стереоскопического»

видения собственной духовной ситуации и действовать как интегрированная, осознающая свой выбор личность.

В этом смысле характерно следующее высказывание Т. Слунецко: «Рефлексивное сознание должно сделать собственно такую дугу: отойти от себя, чтобы прийти к себе... Терапевт должен быть достаточно далеким (чужим), чтобы их (жизненные отношения – З. К.) увидеть, но одновременно достаточно близким, чтобы то, что он видит, эмоционально разделять и тем самым выдерживать пациента. «Очужение» означает применение к общему процессу исследования такого типа видения, которое свойственно терапевтическому сеансу, – до остатка быть в «другом», совсем рядом, в полном контакте и одновременно чужим. Это возможно при условии, что система, которая вызывает очужение, будет выступать не как угрожающий узурпатор, а как доброжелательный партнер в диалоге, что открывает новые перспективы» (1; с. 342).

Предложенная картография интегральной субъектности с обозначенной на ней траекторией индивидуализации личности и психологическими средствами и процедурами её понимания, истолкования и терапевтической реконструкции перекликаются с психотерапевтическими этапами «геометрического образа» целостного цикла личностного выбора, намеченными Ф. Е. Василюком:

1. Отрешение сознания от горизонтали. На этом этапе за счет операций отвлечения от трудностей внешнего мира и удержания сложности внутреннего мира совершается выделение и осознание мотивационно-смысловых ядер столкнувшихся жизненных отношений.
2. Вхождение в вертикаль. Если на первом этапе выбора сознание, отрешаясь от поверхности жизни, обращается к её экзистенциальной глубине, то на втором к этому добавляется ещё актуализация высших ценностей, и тем самым выдвигается напряженная душевная вертикаль.

3. Вертикальные движения сознания. В кульминационной точке этой фазы сознание должно сменить режим своего функционирования: удерживая напряжение ситуации выбора, не активно решать задачу, а внимательно предстоять перед высшими ценностями, прислушиваясь и ожидая внутреннего смыслового ответа.

4. Движение от вертикали к горизонтали. Избранный смысл должен быть в воображении воплощен в перспективу реальной жизнедеятельности, в пределе – в новый образ жизни. Здесь перед человеком встает задача сказать «да» или «нет» выбору перед лицом предстоящих изменений и жертв (16; с. 311 – 312).

Свободное отрешение и скольжение по горизонтали и вертикали человеческого существования – необходимое условие становления индивидуальности как субъекта культурогенеза. Ведь сектор культуротворчества «Мы» является полем его творческого трансцендирования. Заслуга постмодернистских теорий в том, что они акцентируют конструктивную и творческую способность сознания: мир не только отражается в сознании человека; интерпретируя, человек творит мир по своим проектам. Как последовательный сторонник холизма, К. Уилбер подчеркивает: «Интерпретация внутренне присуща Космосу «сверху донизу», поскольку сознание и внутренние аспекты представляют собой неотъемлемые характеристики Космоса «сверху донизу», а к внутренним аспектам можно добраться только с помощью интроспекции и интерпретации» (22; с. 229).

Субъективно присвоенный и опредмеченный индивидуальной личностью мир – её культурная ноосфера – органично соединен с индивидом не только как «носителем» сознания, но и как с «двойником» универсального человеческого начала. На это указывают и положения синергетики, по которым структуры самоорганизации имеют двойственную природу: с одной стороны, они воплощают взаимодействие вещественных элементов, а с

другой, – выступают как информационный процесс. Иначе говоря, один и тот же феномен раскрывает себя и в виде материального начала, и в контексте информационного предъявления, моделирования или отражения (12; с. 23). Это послужило основанием для уточнения фундаментальной проблематики философии. Так, С. Б. Крымский считает, что «вместо дилеммы выбора между монизмом материи или духа можно сделать вывод об их сложном взаимном опосредовании по определенным рангам реальности – от стихийной внечеловеческой активности до виртуального бытия опредмеченных мыслеформ» [Там же; с. 25]. О том же самом говорит К. Уилбер, используя метафору «Великого Гнезда Бытия» для обозначения Универсума: «...базисные структуры Великого Гнезда – это одновременно уровни бытия и познания, онтология и эпистемология» (22; с. 328). Проанализировав большой массив экспериментальных психологических исследований, автор интересной монографии «Человек как смысловая модель мира» А. Ю. Агафонов приходит к аналогичному выводу: «... в онтологическом плане сознание – это текст, который является единством взаимосвязанных смыслов, а в гносеологическом аспекте сознание – это механизм понимания собственного текста сознания» (1; с. 91). В конце работы этот тезис сжат до афоризма: «Тексты сознания формируются актами их понимания» (Там же; с. 234).

Итак, фокусом феноменологического анализа является жизненный мир личности как взгляд со стороны «Я»; внешняя репрезентация жизненного мира – культурное творчество человека – исследуется **герменевтически**.

4. Индивидуальность как нарративная идентичность

Постмодернистский акцент на интерпретации наиболее заметно проявился у Ницше, в герменевтической онтологии Хайдеггера и в установке «нет ничего вне текста» Дерриды. Постмодернисты отрицали фундаментализм, субстанционализм и трансцендентализм. Они отбросили

рациональность, истину как меру соответствия реальности и репрезентативное знание. Вместо этого была предложена альтернатива, которая содержала три основных положения:

1. Реальности конструируются, а не задаются.
2. Смысл зависит от контекста, а контексты безграничны.
3. Интегральный аперспективизм – «истины» плюралистичны. (5; с.809 – 812).

Однако «лингвистический поворот» в философии, осуществленный постмодернистами, со временем приобрел экстремистские черты. Вместо того, чтобы рассматривать выражение индивидуальной интенциональности в определенных культурных контекстах, они стремились к её полной элиминации. Мета Субъекту (Автору) предрекали смерть. «Тот факт, что любое «Я» всегда находится в среде «Мы», был искажен и преобразован в представления, что никакого «Я» вообще не существует, а есть только вездесущее «Мы» – никаких индивидуальных субъектов, одни лишь сети intersubjectных и лингвистических структур» (22; с. 388). Таким образом, культурные означаемые получили полную автономию, оторвавшись от своих субъектных референтов. Семиотический произвол упразднил холистически интерпретированную истину как взаимное соответствие означаемого (субъекта) и означающего (культуры) (5; с.923 – 924).

Разочарование, наступившее вслед за восхищением постмодернистскими версиями феномена творчества и его завершения смертью Автора (субъекта), настоятельно требует восстановления онтологической укоренённости человека как первоисточника и самодвижущей причины творческого процесса. Поиски «точки опоры» приводят к «спасению» субъекта посредством его нарративного рождения, которое происходит в коммуникативно обусловленном процессе конструирования и экзистенциального утверждения себя как индивидуальной личности с собственным спектром ценностных устремлений.

Отсюда следует, что с аксиопсихологической точки зрения субъект творческой деятельности, обладающей различным содержательным и технологическим оснащением, свободно (спонтанно и интуитивно) самоопределяется в богатейшем полисемантическом пространстве человеческой экзистенции. Пространственная конфигурация и временная текучесть такого самоопределения – творческий хронотоп – конституируется каждый раз неповторимым взаимодействием авторской интенции с ожиданиями реципиентов творческих продуктов (других людей и групп), а также сопротивлением «наличного материала» (социокультурными нормами, стереотипами и т. п.), в котором объективируется и приобретает временную прописку индивидуальное творчество. Сложность взаимодействия может порождать эффекты нарушения стройности ценностных построений автора, рассеивание, уравнивание и релятивизацию смыслов. Это, в свою очередь, влияет на интерпретационную свободу реципиента (значимого Другого), подрывает власть господствующих социокультурных, идеологических канонов, расшатывает, а то и переворачивает, устоявшуюся ценностную пирамиду. В результате субъекты творческого взаимодействия оказываются перед одинаковой задачей, а именно: необходимостью фиктивной (воображаемой, игровой) «потери себя» с целью свободного экспериментирования с визуальными или концептуальными ценностными позициями, то есть, с **символической** тканью референтного взаимодействия.

Под символическим конституированием субъекта в психотерапии Н. Ф. Калина и В. Р. Кейсельман понимают процесс, «когда отсутствие или невозможность удовлетворения бессознательных желаний в регистре Реального компенсируется реализацией этих желаний в регистре Символического, т.е. в терапевтическом дискурсе. Конституирование в регистре Символического достигается путем воплощения бессознательных желаний клиента в речи, когда он занимает позицию возможного удовлетворения этих желаний перед лицом значимого «Другого» (13; с. 149).

Феноменологически обозначенная «потеря» представляет собой рефлексивное раздвоение субъекта жизнетворчества на виртуальную экспериментальную модель и базисную ценностную идентичность. В опыте переживания субъекта происходит свободное перетекание ценностных позиций, углубляющее русло экзистенциально значимых идентификаций и оставляющее ситуативные отождествления как запасные (потенциально приемлемые) или временно эмоционально отброшенные варианты индивидуального аксиогенеза.

Сконструированная **нарративная идентичность** выступает неизбежным артефактом процесса жизнетворчества, трансцендирующего границы индивидуальной личности за пределы наличного, в сферу виртуальных шансов ценностного самоутверждения. Фигурально выражаясь, игровое экспериментирование с ценностными позициями (коннотациями) текста своей жизни в процессе её творения напоминает путешествие человеческой экзистенции с чудесными, не исключено, рискованными приключениями свободного духа, жаждущего возвращения на родину Автора – путешествие, где начало и конец движения свершаются одновременно. При этом ценностная ось, удерживающая смысловую сферу, позволяет последней поворачиваться с целью всестороннего осмотра и ориентации субъекта, но не разрушает жизненный мир личности как её аутентичную жизненно - культурную среду. Поэтому нарративная идентичность является «ценностной трансгрессией» базисной смысловой матрицы личности в процессе её индивидуализации на необъятном поле культурных значений.

Представляется перспективным конкретизировать набросанный эскиз становления индивидуальности как нарративной идентичности в процессе продуцирования жизненных смыслов, обратившись к феноменологическому описанию и герменевтическому толкованию «модусов самоосуществления» субъекта.

5. Темпоральный модус конституирования индивидуальности

Пожалуй, самым существенным модусом становления индивидуальности является метасубъектная способность личности к **смыслополаганию в контексте культуры**, представленной системой общественных ценностей в их темпоральной протяженности. Отсюда, смыслополагание личности представляется индивидуализированным референтом ценностной оси разнообразных социокультурных явлений.

Смыслополагание в темпоральном измерении выступает единственно возможным способом духовно-творческого трансцендирования индивидуальной личности, при котором она реализует аутентичный экзистенциальный выбор в ценностном мире культуры.

Эксклюзивный модус темпоральности относительно проявления сущностных сил человека репрезентирован **духом** как волевой способностью разотождествления самости с чувственным содержанием вещей. Культурные приобретения человечества, по М. Шелеру, являются результатом сублимации духом жизненного порыва. Последний обнаруживается в «эмоциональном априори» как тенденциозном переживании действительности. Таким образом, культура конституируется объективирующими усилиями человеческих индивидуумов, переводящих инстинктивную чувственность как переживание «смыслов-для-себя» в интерперсональный контекст, благодаря чему индивидуальное порождение смыслов непременно коррелирует со смысловым наполнением культуры. Динамика духовных, объективирующих, смыслополагающих актов отражает смысловую динамику, которая, по Э. Гуссерлю, является результатом интенциональной деятельности трансцендентального «Я». Согласно феноменологии, в основе исторического развития лежат априорные индивидуальности, очерчивающие перспективы человеческих сообществ. То, что соединяет интенции моего «Я» – это созвучные у всех людей смыслы, которые в ареале жизненного мира личности существуют как предельные,

наиндивидуальные, intersубъективные смысловые универсалии, ценности. По Г. Риккерт, ценности лишены онтологического основания, образуя «третье царство», лежащее вне субъекта и объекта и выполняющее функцию соотнесения человека с его бытием. По своей интимной сущности социализация является принятием ценностей, которые оказываются трансцендентальными долженствующими наставлениями, связывающими эмпирическое бытие с субъектом волеизъявления.

Медиаторная функция социокультурных ценностей как результатов смыслополаганий различных «Я» только тогда обеспечивает «прописку в истории», если она пропитана «заботой» (М. Хайдеггер). Только вовлеченность в проблемы мира может упразднить анонимность нашего временного присутствия в нем (Dasein) и утвердить детерминацию будущим, которое и вносит смысл в абсурдное «теперь», пропадающее в круговороте наличного. Темпоральность как своеобразная метафизическая «субстанция», модус бытия персонифицирует и увековечивает результаты смыслопостроения в виде культурного наследия поколений.

С лингвистической точки зрения темпоральность смыслополагания – это двоякий рефрен, за которым кроется единство времени и ценностей бытия, обеспечиваемое, по крайней мере, двумя механизмами. Во-первых, усмотрение личностью смысла в конкретном жизненном событии может осуществляться посредством его виртуального выхватывания из ряда других событий и помещения в контекст трансперсональных ценностей. Ценностно-смысловой резонанс, с вероятностью при этом возникающий, служит подтверждением уместности данного личностного выбора. Во-вторых, энергичное вторжение **уникального личностного смысла** в устойчивую нормативно-ценностную структуру социума, не сопровождаемое явлением резонанса, может стать событием «вдруг», разрывающим традиционную цикличность времени и символизирующим образование новой ценностно-смысловой связи, с которой продолжится культурно-историческая

длительность смысла в им же трансформированной системе. Согласно Ж. Делезу, в недрах физического и циклического Хроноса, вечно пребывающего в актуальном «сейчас», содержится потенциальный Эон - слой равновозможных событий, кооперирующихся между собой в виде непричинных соответствий, смысловых параллелизмов, отголосков знаковых повторений и резонанса. Результатом кооперации сингулярных событий на микроуровне самоорганизующейся темпоральной среды является определяющая смысловая тема, доминирующий мотив, направленность личности, её жизненная история, имеющая многовариантное прочтение – толкование в зависимости от течения событий в точке версификации, в которой актуализируется какой-либо прежде виртуальный шанс персонального нарратива. Координация смысловых акцентов в Эоне приводит к их хронологическому упорядочиванию на внешне-событийном ландшафте. При этом осуществляется синтез отдельных прото-смыслов сингулярных событий в единую семантику (макросмысл) **личной истории**.

Представленные механизмы смыслополагания личности объясняют её развитие в относительно стабильные и критические периоды жизни. В первом случае смыслополагание личности беспрепятственно переходит в алгоритмизированное репродуктивное целеполагание, являющееся пространственной проекцией смысла в область предметной деятельности (аспект социализации); в другом – смыслополагание инициирует **творческую самореализацию** в спонтанной жизненной активности (аспект индивидуализации). Первая темпоральная версия смыслополагания личности выражает парадигму воспроизводства культуры, другая – парадигму её становления посредством синергетического обновления содержания ценностной пирамиды общества индивидуальными творческими вкладами (10).

6. Развитие индивидуальности в психотерапевтическом дискурсе

Взгляд на индивидуальность как нарративную идентичность, произвольно конструируемую субъектом жизнетворчества, ведет к пересмотру некоторых традиционных предметов психотерапевтической работы. Так, исторические судьбы психоанализа связаны с попытками модернизации каузальной модели **толкования сновидений** как символического ключа доступа к «сейфу» бессознательного.

Ретроспективный взгляд на развитие психоанализа позволяет убедиться в том, что «еретические» нововведения К. Юнга подорвали фрейдистский императив об осознании вытесненных в индивидуальное бессознательное влечений и желаний как его единственных онтических форм. На смену детерминизму травматическим прошлым, ведущим к «психопатологии обыденной жизни», пришел синхронистический принцип коллективного бессознательного, способный гарантировать интеграцию индивидуального и универсального смыслов в процессе индивидуации самости. Впрочем, как известно, юнгианство не устранило фрейдизм, а лишь расширило горизонты применения аналитической психотехнологии, стремящейся к разложению тотальной целостности души, духа и тела на взаимодействующие «первозлементы». Причем за первичным процессом, представляющим значимую чувственную ткань течения сновидений, закрепляется функция иррациональной проработки бессознательных импульсов, которые должны быть «побеждены» рационально упорядоченным и культурно идентифицированным дискурсом так называемого вторичного процесса.

Постмодернистские версии психоаналитического толкования сновидений акцентируют роль парциальных образов сновидца как носителей дискретных значимостей в феноменологическом поле субъекта. Восстановленный в правах имагинативный символизм становится откликом на интуитивно-чувственные послания всей сферы бессознательного: индивидуального, архетипического, наиндивидуального (социального) и трансперсонального (универсального). Послания синтаксически оформлены как последовательно-

диахронические, линейно развернутые и событийно обозначенные, с одной стороны, или синхронно-рекуррентные, «упакованные» и неисчерпаемые по смысловому богатству образные, вербальные и др. коды, с другой стороны. Если первые в сети целостной психики функционируют по принципу причинно-следственных связей (детерминизма), то вторые – по принципу параллельного сосуществования родственных по своему ценностно-целевому содержанию психических, жизненных и культурных феноменов, то есть, по принципу смыслового резонанса. Последние требуют радикального поворота интерпретаций от каузальной (объяснительной) к телеологической (нарративной) модели толкования сновидений. Такая модель упраздняет Иного как компетентного Толкователя, убежденного в истинности осуществленных им диагностических идентификаций (симптомов, комплексов, конфликтов, вытеснений и т.п.). Вместо этого выдвигается релятивная истина, что «Я» – феноменальные образы Автора сновидения, познаваемые им в актуальном и, самое интересное, виртуальном контексте, в том числе, предвидимом Будущем.

Детерминация будущим, целевая причинность, телеологизм – парадоксальные для постмодернизма выводы, вытекающие из подрыва абсолютного авторитета Постороннего (психоаналитика), который завершает принципиально нескончаемый диалог Человека с Миром. В то же время признание релятивности истины не превращает Сновидца в анонимного медиума, посредством которого «нечто снится», а возлагает на него уникальную в своей экзистенциальной полноте ответственность за интерпретацию знаков духовно-душевно-телесного универсума.

Телеологическая модель толкования сновидений не отсылает к «общезначимой» сексуальной символике или универсальной символике мифологических сюжетов, а акцентирует наличный метафорический перенос или метонимическое смещение образов сновидения посредством моделирования нарративных идентичностей сновидца.

Под **нарративной идентичностью** мы понимаем сконструированную вокруг субъектного ядра самость, стремящуюся к трансценденции и испытанию приумноженных возможностей, которые соотносятся с темпоральными «метками» смыслоосуществления и целеполагания, определяя время, место и характер будущего события. Следовательно, интуитивное усмотрение «буйков затопленного смысла», инсайт относительно означаемого, закодированного в образе сновидения, осуществляет лишь кажущийся выбор «за» сновидца. Реально же он обеспечивается соответствующей **феноменологической установкой личности**, настроенной не на «редукцию напряжения», а на расширение ценностно-смыслового сознания, благодаря вбиранию в себя текущих смысложизненных констелляций. Не феноменологическая редукция, а феноменологическая амплификация обеспечивает «эпохе трансцендентного смысла». Таким образом, сновидец как автор предвидимого текста будущих событий обретает шанс превратиться в **уникального интерпретатора символического дискурса**, владеющего мощным энергоинформационным потенциалом для своей актуализации в событийном пространстве.

Означает ли это отмену предыдущей методологической установки? Нам представляется, что нет. Указанная амплификация не только на стадии порождения текста сновидения, но и на стадии его интерпретации, остается ведущей, обеспечивая чувственно-интуитивный, континуальный поток сознания, втягивающий в себя подпороговые значимости, интенциональные векторы, имплицитные тенденции и т. п., которые сплетаются в прогностические, полные интегрированного смысла, образные и семиотические аллегории.

Будучи необходимой, феноменологическая амплификация еще не достаточна для порождения Провидца как телеологически ориентированного интерпретатора. Он рождается, благодаря «феноменологическому отцентрированию» как умозрительно-медитативной установке субъекта,

способного произвольно отождествиться и разотождествиться с символами сновидения, рефлексирова имплицитную «логику смысла». При этом роль дискурсивного рассуждения является вспомогательной, обеспечивая размещение материалов памяти в формально-логическую пространственно-временную смежность, последовательность или образно-символическое подобие.

Таким образом, очерчивается трехступенчатая последовательность функциональных режимов сознания в плане **проработки содержания сновидения**: феноменологическая амплификация, интуитивно налаживающая смысловую, чувственный резонанс между различными сферами и частицами («психофракталами», по Е. А. Донченко) универсума, представленного автору сновидения; феноменологическое отцентрирование, основанное на рефлексивном удвоении субстанциального субъекта (абсолютного Наблюдателя, Person, по А. Ленгле), свободного от интроекций сновидца, что позволяет ему произвольно экспериментировать с разнообразными смысловыми позициями, налаживая полноценный внутренний диалог и идентифицируя точки смысловых бифуркаций (конфликтов); формально-логическое упорядочивание и оформление нового телеологически обоснованного смысложизненного дискурса, ведущего к наращиванию вокруг субстанциального субъекта феноменологически сконструированных нарративных идентичностей как освоенных (узнанных, оцененных и принятых) способов личностного бытия в мире.

Очерченный здесь механизм телеологического толкования сновидений можно экстраполировать на всю область культурных артефактов, произведенных силой человеческого Духа, прежде всего воображения, эмоционально согретых Душой и чувственно верифицированных Телом. Открытость личности к смысловой вселенной, по В. В. Налимову, – это фундаментальный выбор, запускающий механизм герменевтической реконструкции собственного микрокосма. Это шанс, за пренебрежение

которым расплачиваемся ущербной судьбой и нераспознанным призванием, а, воспользовавшись которым, воплощаем в себе всю полноту бытия, замирая в ожидании следующего креатива – сновидения, литературного, музыкального или художественного произведения, технического нововведения, оптимального решения нравственной коллизии и т. п.

Конечно, предложенное видение психологического механизма телеологического толкования сновидений требует его операционального дополнения соответствующими понимающими процедурами, обеспечивающими герменевтическую реконструкцию всего текста сновидения в интересах его Автора. И тогда вполне может оказаться, что известные интерпретации сновидений (по З. Фрейду, А. Адлеру, Ф. Перлзу, А. Менегетти и даже К. Юнгу) представляют собой частные звенья универсального холистического механизма их порождения и истолкования.

Так, ортодоксальная фрейдистская интерпретация предполагает процедуру редукции содержания сновидения к общезначимым сексуальным символам и типичным психоаналитическим сюжетам; адлерианский подход основан на поиске значимых личностных гиперкомпенсаций и беспощадном «срывании масок» с индивидуума, одержимого фикцией превосходства; подход Ф. Перлза предполагает восстановление самости посредством осознаваемой чувственной идентификации сновидца с элементами своего сновидения, представленными ему в виде спроектированных образов; толкование сновидений по А. Менегетти должно связывать реальную жизненную ситуацию индивида с «голосами» его Ин-се – внутренней сущности, сообщающей человеку направление его развития и истинного самоосуществления; юнгианская стратегия толкования сновидений предполагала компенсацию (восполнение) – интеграцию бессознательных и сознательных аспектов психики.

Как представляется, две последние стратегии релевантны феноменологической амплификации; гештальт - психологическое толкование

(по Перлзу) основано на механизме феноменологического отцентрирования; психодинамические интерпретации (по Фрейд и Адлеру) исходят из теоретических конструктов и дедуктивных построений, на которые накладывается образно-символическая ткань сновидения (механизм формально-логического объяснения).

В идеале, телеологическая модель толкования сновидений стремится к целостному охвату всего спектра **ценностно-смысловой репрезентации индивидуальности** и требует корректного применения указанных стратегий, в зависимости от предполагаемой глубины жизненной проблемы, ситуации, актуальной экзистенциальной задачи личности (11).

7. Коммуникация в психотерапевтическом развитии индивидуальности

Предложенное выше видение проблемы субъектного конструирования индивидуальности, в частности, в психотерапевтическом дискурсе, дополним ее коммуникативными аспектами в их философском и психологическом осмыслении. Прежде всего, отметим, что развитие современной научно-психологической мысли ознаменовалось возвращением к старой проблеме поиска молярной единицы психического, которая представляла бы собой голографический фрагмент целого. Холистическое мышление ученых-психологов привело к признанию за смыслом или родственными феноменами (личностной ценностью, значимым переживанием, смысловой диспозицией, ценностной ориентацией) статуса «первоэлементов» психики, способных к дальнейшей дифференциации структуры и функций в целостном развитии личности (1). С этих позиций, **смысл** является интенциональным, переживаемым знанием, праединством эмоций, интеллекта и воли, своего рода производным телеологической функции вчувствования и рефлексивного наблюдения личностью некоторого значимого факта. Метафорически выражаясь, жизнеосуществление можно сравнить с полем взращенных смыслов, и чем гуще нива осмысленной

жизни, тем богаче континуум человеческого существования. Наоборот, автоматическое функционирование превращает локальные смыслы в замкнутые интроекты, неспособные к динамике, к смысловому расширению, уплотнению или трансформации.

Последовательная **феноменологическая** установка по отношению к проблеме бытия, познания и преобразования личностных смыслов предполагает взгляд на смысл не только как на квант ценностно-смысловой сферы психики, а как на интенциональную основу, дочувственную ткань эмпирического бытия, в котором так называемый объективный мир обнаруживает себя в качестве телеологически спроектированной субъективной реальности. Таким образом, перцептивная полимодальность психического отражения на деле оборачивается разносторонним подтверждением познавательных гипотез, которые порождает трансцендентальное ценностно-смысловое сознание субъекта. Экспликация этого сознания в актах «внешней» перцепции или «внутренней» рефлексии – суть разновидности познавательной коммуникации субъекта, носителя «смыслового потенциала» как имманентной способности личности к смыслопорождению, с одной стороны, и смыслополаганию, с другой.

Основанием для такого взгляда является вывод И. Канта о том, что познание является не созерцанием, а конструированием предмета, откуда следует, что истина бытия, как она понимается человеком, первоначально зависит от ее ценностного модуса – сознательно и ответственно занятой позиции. Создатель современной теории радикального конструкционизма Эрнст фон Глазерсфельд, не боясь обвинений в психологизации теории познания, доказывает тезис о конструировании субъектом в процессе собственного эмпирического опыта так называемой внешней реальности. Он отбрасывает, как логически недопустимую, самую возможность постановки вопроса об иконическом подобии (гомоморфности) какого бы то ни было отражения (6). Таким образом, определяется, что человеческое познание –

это личностное знание (Полани), интерпретация (Гадамер), критерием которой является полезность (эффективность), и, благодаря которой, подтверждается целеполагание личности, осуществляется упорядочивание и предвосхищение своего феноменального мира. В психотерапевтическом аспекте речь здесь может идти о моносубъектном (неконвенциональном) дискурсе личности.

В то же время, **герменевтическая** позиция как позиция анонимности (бессубъектности) налагает ответственность за осуществление интерпретационных процедур на «внешнего» автора – текст жизни, написанный материальными, культурными и социальными обстоятельствами для «подневольного» реципиента, основная задача которого – адекватно понимать навязанные смыслы и конформно вписаться в заданный контекст. Таким в общих чертах является ортодоксальное бихевиоральное направление в психологии, основанное на принципах материалистической теории отражения.

Позиция **интерсубъектного** (конвенционального) психотерапевтического дискурса состоит в признании смыслообразующим началом контекст межличностного взаимодействия. Ярким примером реализации такой позиции является нарративная психотерапия, соответствующая постмодернистскому мировоззрению. Нарративные психотерапевты говорят о бытийном присутствии смысла в интерсубъектном пространстве человеческого взаимодействия, а, следовательно, о зависимости ценностного проектирования жизни личности от наличия поддерживающих (развивающих) или патологизирующих (проблемных) социальных контекстов (23).

Философским референтом позиции социального конструктивизма можно считать понятие коммуникативной рациональности Ю. Хабермаса, который сущность общественной жизни человека усматривает в процессах установления взаимопонимания. Он формулирует пять ключевых

процессуальных требований **этики дискурса**: 1) ни одна из сторон, вовлеченных в предмет обсуждения, не должна исключаться из дискурса (требование общности); 2) все участники должны иметь одинаковую возможность выдвигать и критиковать претензии на общезначимость в ходе дискурса (равноправие); 3) участники должны быть готовы и способны «вчувствоваться» в претензии других на общезначимость (принятие идеальных ролей); 4) существующие между участниками отличия в смысле обладания властью (или силой) должны быть нейтрализованы, так, чтобы эти отличия не оказывали никакого влияния на выработку консенсуса (властная, или силовая, нейтральность); 5) участники должны открыто разъяснять свои цели и намерения и (в ходе дискурса) воздерживаться от стратегических действий по их достижению (прозрачность) (19; с. 84 – 90).

Наконец, **холистический** (метасубъектный) вариант психотерапевтического дискурса мыслится как разделенная феноменологическая реальность между людьми, укорененными в общем социокультурном контексте. Критерием такой герменевтической позиции будет аутентичность смыслопорождения и смыслорепрезентации. К. Роджерс описывает мистические переживания духовного единства с другими людьми, наступавшие в процессе центрированной на человеке терапии: «В такие моменты кажется, что мой внутренний дух вышел вовне и коснулся внутреннего духа другого человека. Наше отношение трансцендирует себя и становится частью чего-то большего. Налицо существенные и очевидные рост, исцеление, энергия» (18; с. 50).

Философы, представители холистического подхода (Сматс, Бергсон, Уайтхед и др.) снимают противопоставление материального и идеального, объективного и субъективного, провозглашая «целостность» последней реальностью универсума. Высшей формой органической целостности признается целостная личность. Конструкты «жизненный мир», «разделенная

феноменологическая реальность» или «герменевтическая ситуация» входят в категорию холистических явлений.

Итак, **субъектный контекст** конституирования и развития индивидуальности предполагает целостную, сложную, многоплановую и макроуровневую **смысловую динамику**, реализуемую, в частности, психотерапевтическим путем. Микродинамика смысловых преобразований связана с диалогической природой смысла. Последний по своей лингвистической форме является бинарной оппозицией, двухполюсным конструктом, определяющим поливариантность жизненных выборов личности в континууме значений «за» и «против». С этой точки зрения, каждой ценности формально логически противостоит антиценность, например, добро – зло, прекрасное – безобразное. С диалектической точки зрения содержательная бинарность смысла репрезентирует неисчерпаемость, безграничную виртуальность, свободу ценностного самоопределения личности в пространстве смыслового конструкта. Терапевтический резон такого положения вещей состоит в признании правомерности нахождения опоры как в позитивном спектре возможностей клиента, что традиционно для гуманистической психотерапии, так и в спектре порока и деструктивности, что обыгрывается в провокативной терапии. Диалогичность смысла первоначально обеспечивается врожденной интенцией к «Я – Ты» отношениям, ориентированным на принятие референтного Другого в жизненное пространство индивида. «Ты» является рефлекслирующим свидетелем самобытия субъекта. По мере принятия Другого возрастает способность к инструментальному овладению его инобытием («Я – Оно» отношения, по М. Буберу) (2). Первоначальная «Ты - интенция» выполняет функцию смыслопорождения, фактически – смыслообнаружения, так как осуществляется с помощью интернализованного «Ты». Производная от нее «Оно-интенция» объективирует доселе имманентный смысл, реализует его в актах означивания, символической репрезентации предметного действия и т.

п. Таким образом, внутренняя оппозиционность смыслового конструкта репрезентирует одновременно вектор «Ты» (ценностный позитив, прогрессивное телеологическое устремление) и вектор «Оно» (антипод ценностного позитива, призванный его инструментально обслуживать).

В этой связи симптоматическим является название книги Дж. Стивенса – «Приручи своих драконов: как превратить свои недостатки в свои достоинства». Из сказанного следует также, что объективирующий инструментальный вектор «Оно» как средство противостоит вектору «Ты» как самодостаточной цели. Вспомним распространенные высказывания: «Добро должно быть с кулаками», «Не было бы счастья, да несчастье помогло». Признание этого капитального феноменологического факта порождает необходимость психопрактической проработки герменевтической ситуации диалогического взаимодействия в концентриках: межличностном (психотерапевт – клиент), внутриличностном (между разными субличностью, ценностными императивами, мотивационными тенденциями клиента и т. п.) - и, что не менее важно, для критической рефлексии самого психотерапевта, в частности, для понимания им сущности контрпереносных реакций.

Дж. Бьюдженталь, определяя условия развивающего межличностного взаимодействия, говорит о «доступности» как разрешении личности на вхождение другого «Ты» в собственный внутренний мир и об экспрессивности как спонтанном самовыражении своих свойств (выход на «Оно») (3). Следовательно, проблема налаживания продуктивной **внутренней коммуникации** личности, являющаяся предпосылкой профилактики и преодоления невротических противостояний в структуре «Я», разрешается посредством обеспечения открытой в отношении к социуму и комплементарной в отношении внутренних бинарных агентов психодинамики личностных смыслов. По-видимому, закон сохранения и преобразования энергии наилучшим образом иллюстрирует течение всех

коммуникативных актов личности. Успешный ход социализации (доступность) коррелирует с продуктивной индивидуализацией (творческая экспрессия). Нарушения личностной динамики смыслов зависят от блокирования психологическими защитами свободного прохождения осмысленной информации. Вследствие этого образуются психологические «шлаки» – результат «засорения» ценностно-смысловой сферы плохо ассимилированными, функционально неполноценными смыслами. В норме комплементарно - диалогическая, структура этих смыслов подвергается невротической деструкции, шизофреническому расщеплению в патологии. Невротик знает, к чему стремится, но не видит своих возможностей, игнорирует собственную индивидуальность; диссоциированный индивидуум осуществляет инверсию мотива ущербным потенциалом, например, отсутствие стремления объясняется непреодолимой общей слабостью, истощенностью, тотальной тревожностью. Реставрация исходного смыслового конструкта, направленного на реализацию социального гуманистического устремления «Ты», обеспеченного энергией овеществленного инструментального отношения («Оно»), – цель любой эффективной психотерапии.

Такой ход размышлений способствует обоснованию герменевтики – этого недостаточно востребованного гуманитарного метода и технологии. Отстаивая телеологический (по существу – интенциональный, аксиологический) подход к постижению психических феноменов, основатель понимающей психологии и психологической герменевтики В. Дильтей определил такие виды понимания, в зависимости от того, что представляет собой его «текст»:

- понимание как теоретический метод; его критерии: истина – неправда;
- понимание действия, требующее реконструкции целей, на которые направлено действие; его критерии: успешность – неуспешность;

- понимание проявлений «живого опыта»: от продуктов деятельности – к актам невербального поведения (жестам, интонации и др.; его критерий – аутентичность (8).

Из этого следует, что различные виды понимания, определенные Дильтеем, соответствуют феноменологическим ипостасям: гносеологической (1), праксеологической (2), онтологической (3) с имманентно присущими им ценностно-целевыми векторами – стремлениями к истине, успешности (продуктивности), аутентичности (здесь – еще и спонтанности).

Такой вывод согласуется с логикой автора единой теории психических процессов Л. М. Веккера, который, размышляя над соотношением составляющих психической триады (разум, чувство, воля), сквозных психических процессов (память, воображение, внимание) и интегративных психических образований (сознание, характер), констатирует: «Конечным результатом процессов внутриклассовой и межклассовой психической интеграции, охватывающей все горизонтالي и вертикали всех трех иерархий в их внутренних и внешних связях, является личность» (4; с. 659). Индивидуальная личность венчает иерархическую систему психических носителей как истинный субъект своих свойств и состояний. По Л. М. Веккеру, базисные психические способности индивида, представленные в ощущениях (экстеро-, интеро- и проприоцептивных) являются праматериалом для более поздних и более сложных дифференциаций психического. Дальше делается вывод о пространственно-временной структуре, модальности и интенсивности как определенных свойствах личности – интегрального субъекта своих феноменальных атрибуций.

Таким образом, культурно-феноменологический план психологического исследования предполагает возможность взаимно обратимой проекции на внутренний экран (ценностно-смысловое сознание) исследователя (исследуемого) триединого факта человеческой экзистенции – аутентичного

самовыражения посредством диалогического познания и свободного волеизъявления. В психотерапевтическом дискурсе холистическая и коммуникативная установки позволяют неаддитивно операционализировать приведенные выше герменевтические позиции.

Заключение

Приведенная здесь теоретико-методологическая рефлексия субъектного контекста определения и исследования индивидуальности, несмотря на количество и важность затронутых аспектов и проблем, всё же не является исчерпывающей. Выстроена картография интегральной субъектности как пространства многомерного моделирования индивидуализации личности. Эксплицированы возможности и средства феноменологического анализа и герменевтической реконструкции жизненного мира личности как среды её индивидуализации. Намечен эскиз проекта индивидуальности как нарративной идентичности в процессе жизне- и культуротворчества. Представлено темпоральное измерение самоконституирования индивидуальности, обусловленное синергетическими механизмами смыслополагания. Предложена модель толкования сновидений в качестве психотерапевтического средства развития индивидуальности. Объективированы коммуникативные условия конституирования индивидуальности в психотерапевтическом дискурсе. Перспективой развития предложенного подхода видится дальнейшая разработка проблемы индивидуальности на пересечении психологии субъекта, культурно – психологических исследований личности, а также феноменологически – герменевтической и символически – нарративной психотерапии.

Литература

1. Агафонов А. Ю. Человек как смысловая модель мира. Прологомены к психологической теории смысла. Самара. 2000.
2. Бубер М. Два образа веры. М. 1995.
3. Бьюдженталь Дж. Искусство психотерапевта. СПб. 2001.
4. Веккер Л. М. Психика и реальность: Единая теория психических процессов. М. 2000.
5. Всемирная энциклопедия: философия. (Глав. науч. ред. и сост. А. А. Грицанов). М. – Мн. 2001.
6. Глазерсфельд Е. Вступ до радикального конструктивізму. - Філософська думка.. 2001. №2.. С. 33 – 58.
7. Гусельцева М. С. Постнекласическая рациональность в культурной психологии. - Психологический журнал. 2005. Т 6. № 6.. С. 5 – 15.
8. Дільтей В. Виникнення герменевтики// Сучасна зарубіжна філософія. Течії і напрями. К. 1996. С. 31 – 60.
9. Карпенко З. С. Герменевтика психологічної практики. К. 2001.
10. Карпенко З. С. Темпоральний вимір смислопокладання особистості // Особистість. Час. Культура. Міждисциплінарні проблеми дослідження їх взаємозв'язку в гуманітарних науках. Чернівці. 2006. С.15 – 17.
11. Карпенко З. С. Сновидение как предвидение: телеологическая модель толкования // Зигмунд Фрейд – основатель новой научной парадигмы: психоанализ в теории и практике. (Под ред. А.Н. Харитонов и др.) В 2-х т. Т. II. М. 2006.
12. Кримський С.Б. Запити філософських смислів. К. 2003.
13. Людина. Суб'єкт. Вчинок: Філософсько-психологічні студії. (За заг. ред. В.О. Татенка). К. 2006.
14. Психология личности: Словарь-справочник. (Под ред. П. П. Горностая, Т. М. Титаренко). К. 2001.

15. Психология. Словарь. (Под общ. ред. А. В. Петровского, М.Г. Ярошевского). М. 1990.
16. Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии. (Под ред. Д. А. Леонтьева, В. Г. Щур). М. 1997.
17. Психотерапія – нова наука про Людину. (За ред. А. Прица). Львів. 1998.
18. Роджерс К. Клиентоцентрированный/ человекоцентрированный подход в психотерапии. - Вопросы психологии. 2001. №2. С. 48 – 58.
19. Ситниченко Л. А. Першоджерела комунікативної філософії. К. 1996.
20. Смит Н. Современные системы психологии. СПб. 2003.
21. Татенко В.О. Про “єгологічний генезис” у Е. Гуссерля та проблему суб’єктних перетворень психіки в онтогенезі - Психологія і суспільство. 2004. № 4. С. 13 – 36.
22. Уилбер К. Интегральная психология: Сознание. Дух. Психология. Терапия. М. 2004.
23. Фридман Дж. Комбс Дж. Конструирование иных реальностей: Истории и рассказы как терапия. М. 2001.

VII. ГЛУБИННАЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ

ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ В ПСИХОЛОГИИ БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО

1. Постановка проблемы индивидуальности в психологии бессознательного

В истории психологической науки проблема индивидуальности была главной точкой расхождения между глубинной психологией и психологией индивидуальной личности – если, конечно, рассматривать личность в традиционном контексте социально-психологического знания. Именно психоанализ покончил с иллюзиями относительно общества как среды, стимулирующей личностное развитие, и эксплицировал пути и механизмы невротизирующего влияния социума на индивидуальность, равно как и объем этого влияния. Для психологии бессознательного всегда важен был ценностный аспект индивидуальности который последовательно игнорировался отечественным деятельностным подходом, фактически редуцировавшим проблему индивидуальности до проблемы индивидуальных различий.

Прежде чем обсуждать трактовку индивидуальности в различных школах глубинной психологии, необходимо сделать следующее замечание. Традиция русскоязычных переводов работ Фрейда, Юнга и ряда других авторов, мягко говоря, далека от совершенства. Многие переводчики совершенно произвольно используют термины «индивид», «личность», «субъект», не давая себе труда вдуматься, какой из них имеется в виду в оригинале. Слову «индивидуальность» вообще не повезло – его не используют даже в тех контекстах, где оно является ключевым, как, например, в (2). Поэтому может сложиться ошибочное впечатление, что эта проблема вообще не обсуждается, скажем, в ранних работах Фрейда, хотя это, конечно же, не так. Во всех случаях, когда это необходимо, мы будем обращать внимание читателя на специфику перевода.

В работах З.Фрейда ключевым моментом становления индивидуальности является период накопления раннего опыта (до пяти лет). Этот опыт формирует

основные особенности объектных отношений и нюансы переживания собственного «Я». В дальнейшем ранний опыт удовлетворения влечений модифицируется под влиянием Супер-эго и постоянно преодолевается индивидом в ходе реализации зрелых объектных отношений. Иными словами, индивидуальное «Я» бессознательно, оно представлено несимволизированными влечениями и катексисами и постепенно трансформируется в устойчивые и осознанные паттерны взаимоотношений, которые в значительной мере деиндивидуализированы у взрослого человека.

Еще один аспект индивидуальности представлен в психоанализе феноменом нарциссизма. Нарциссизм, особенно вторичный, как стремление отнимать либидо у объектов и катектировать его к собственному «Я», является психологическим механизмом поддержания и функционирования индивидуальности как некоей устойчивой самоидентичности, непосредственно представленной в переживании. В то же время избыточный или просто ярко выраженный нарциссический катексис рассматривается всеми психоаналитиками (кроме, пожалуй, Х.Кохута) как типичная патология объектных отношений.

У Фрейда чрезвычайно мало обсуждается индивидуальность вне контекста негативных групповых влияний, как это сделано в начале работы «Психология масс и анализ человеческого Я». Переводчик Л. Голлербах (8) не пользуется данным термином, и последующие переиздания (7) также оперируют термином «личность», создавая определенную смысловую дисгармонию: у Фрейда личность, негативно сопротивляющаяся социуму, – определенно индивидуальность, а не «личность в системе общественных отношений». Тем не менее, основные аспекты индивидуальности – ее бессознательность, компенсаторная (в объектных отношениях) природа и антагонизм по отношению к требованиям социума – выделены достаточно четко.

В постфрейдистских направлениях проблема индивидуальности представлена, главным образом, исследованиями идентичности, причем последняя в большей степени связывается с результатом множественных процессов идентификации, и

в гораздо меньшей – с переживаниями на уровне внутреннего опыта. Зачастую под личностной идентичностью (наиболее подходящий синоним индивидуальности в американской психологии) понимается совокупность присвоенных индивидом аспектов и характеристик полоролевой, этнической, конфессиональной и других форм социальной идентичности. Подчеркивается активный, самодостаточный характер индивидуальности (теории самоактуализации, самоэффективности, самоподдержки и т.п.). Понятие «индивидуальность» очень мало ангажировано в неопрейдизме, а кляйнианская теория его вообще не знает. Иногда, впрочем, индивидуальность рассматривается как результат различных форм сепарации от матери в дошкольном детстве.

В юнгианстве понятие «индивидуальность» тесно связано с понятием индивидуации. По К.Г.Юнгу, указанный процесс есть одновременно становление целостности (в идеале – полноты) индивида и его уникальности, непохожести на других. Индивидуальность как реализованная Самость предполагает не только автономность, самодостаточность и силу духа, но и успешную реализацию творческого потенциала. Юнг подчеркивал, что индивидуация – это задача для избранных, и противопоставлял ее существованию на уровне Персоны, т.е. социально конформным, стереотипным формам личностной активности.

Процесс индивидуации – аспект специфически человеческого существования, выводящий индивида из нерасчлененной массы других. «Индивид, – пишет Юнг, – может играть какую-то роль лишь в качестве коллективного существа и имеет смысл только как составная частица массы. Культурная традиция позволяет человеку выделиться из массы, и это, по прошествии веков, привело к развитию индивидуальности» (9; с. 182). Развитая индивидуальность всегда имеет некоторый **личный миф**, укорененный в общекультурной традиции, но отражающий также, в первую очередь, историю собственного становления, почти всегда драматичную и полную борьбы за автономию и уникальность. Анализ этого мифа – важная часть аналитической психотерапии, которая может быть

определена как осознанная попытка терапевта содействовать процессу индивидуации клиента.

Еще один аспект проблемы индивидуальности открывается в контексте специфического для аналитической психологии концепта **психической реальности**. Это понятие введено Юнгом, указывавшим, что уверенность в существовании тех или иных вещей или отношений (например, вера в духов или в политические партии, магическая сопричастность и т.п.) является атрибутом особого субъективного мира (или пространства), где эти явления приобретают **личный онтологический статус** и не могут быть признаны ни объективными, ни несуществующими. В настоящее время налицо неуклонно прогрессирующий процесс миграции человека из объективной реальности в психическую, в том числе виртуальную, которая становится новой плоскостью функционирования индивидуальности.

К числу эксплицитных характеристик психической реальности относятся:

– **онтологичность**. Довольно часто человеку трудно провести различие между индивидуальным концептом действительности и ею самой. Эти различия могут быть вскрыты лишь со специальной целью и с помощью особых актов объективации – например, в процессе медитации или на психотерапевтических сеансах. В широком смысле слова все, что представлено в психической реальности – от религиозной веры до политических или сексуальных фантазмов – является для субъекта фундаментальным фактом его индивидуального бытия;

– **дереализующая интенция**. Эта характеристика отражает роль индивидуального бессознательного в процессах моделирования и концептуализации действительности. Механизмы психического моделирования и концептуализации действительности, прежде всего, носят защитный характер. Это не только увеличивает дистанцию между объективной реальностью и индивидуальным ее концептом, но и делает последний более предпочитаемым и лично ценным. В свою очередь, субъект бессознательно «подгоняет» мир под

свою модель и открывает новые возможности для собственных рационализаций и проекций;

- **динамичность.** Индивидуальная психическая реальность непрерывно меняется, и ее изменчивая подвижность включает в себя:

- а) динамику относительно того, что можно назвать ее (реальности) онтологической основой (т.е. объективной действительностью, к которой она, если можно так выразиться, асимптотически приближается, но с которой никогда не совпадает полностью);

- б) динамику, обусловленную межличностным взаимодействием – индивидуальные реальности людей влияют друг на друга;

- в) динамику индивидуального концепта реальности относительно ее нормативной лингвокультурной модели;

- г) динамику, обусловленную развитием (или инволюцией) процессов взаимодействия субъекта с миром;

- д) динамику, зависящую от потребностей индивида (наподобие динамики фигуры/фона в гештальт - психологии) и тесно связанную с ней бессознательную динамику вытеснения, реверсии, сублимации и др. психологических защит;

- **ценность.** Субъективная психическая реальность имеет высший аксиологический статус жизненного мира индивидуальности, в которой последняя онтологически укоренена. В течение всей жизни человек утверждает и подчеркивает эту ценность. Есть множество примеров того, как ради сохранения своей субъективной реальности человек может пожертвовать жизнью (от поступков-подвигов до суицидов невротически неприспособленных людей).

Достаточно специфичной выглядит проблема индивидуальности в структурном психоанализе. Для Лакана индивидуальность (как, впрочем, и многие другие модусы человеческого существования) является скорее вопросом, гипотезой, которую каждый отдельный индивид подтверждает в процессе существования. Причем опровержение Воображаемых индивидуальных свойств и характеристик (которое происходит, например, в аналитической практике) – не

менее значимый аспект функционирования индивидуальности, чем ее подтверждение.

Индивидуальность субъекта дискретна, она возрождается в каждом новом акте конституирования. Безусловно, наиболее репрезентативным здесь является регистр Реального или «бессознательного, которое полностью ускользает из круга достоверных вещей, в которых человек узнает себя в качестве собственного «Я». Именно вне этого круга существует нечто, имеющее полное право называться «Я» и демонстрирующее это право уже тем фактом, что именно, заявляя о себе в качестве «Я», оно появляется на свет. Это и есть то самое, чего область собственного «Я», всегда готового выдать себя в анализе за «Я» в собственном смысле слова, не желало знать» (3; с.14). Субъект у Лакана всегда децентрирован по отношению к индивиду, а индивидуальность (в тех случаях, когда подразумевается именно эта область феноменологии «Я») и есть опыт множественных разрозненных попыток преодолеть децентрацию и первичное отчуждение.

Индивидуальность, собственно, есть ее желание, а субъект в течение жизни всего лишь «мечется в поисках гордо возвышающегося в отдалении внутреннего замка». Несбыточное желание индивидуальности, как и любое другое, «носит характер принципиально разорванный. Уже сам образ человека привносит в него опосредование, всегда воображаемое, вечно проблематичное и никогда до конца не завершенное. Осуществляется это опосредование серией моментальных переживаний, каждое из которых либо отчуждает человека от себя самого, либо приводит к разрушению и отрицанию объекта» (3; с.238). Как видим, и здесь присутствует классическая фрейдовская идея о том, что индивидуальность несовместима с нормальными объектными отношениями.

2. Перспектива идеи индивидуальности в современной глубинной психологии

Идеи Ж.Лакана ощутимо повлияли на постмодернистские представления об индивидуальности. Те авторы, которые были склонны уделить внимание этому

аспекту человеческой природы (а их совсем немного – индивидуальность не входит в число ведущих концептов постмодерна), активно эксплуатируют прежде всего представления о Воображаемом. Один из ведущих и наиболее ярких философов конца XX века, Ж.Бодрийяр, вообще отказывает современному человеку в какой-либо индивидуальной сущности или экзистенциальной глубине. Нет ни личности, ни индивидуальности; существует лишь пустота, которую индивид тщетно пытается замаскировать:

«Под снимаемыми один за другим покровами нет ничего, никогда нет ничего, и процесс, идущий все дальше и дальше к этому открытию, есть самый настоящий процесс кастрации – не признание неполноты, но головокружительная замороженность этой субстанцией небытия. Вся история западной цивилизации, итогом которой становится головокружительное, навязчиво-реалистическое влечение, отмечено этим стробизмом кастрации: под видом воссоздания «сути вещей» взгляд бессознательно косит в пустоту» (1; с.209).

Ж.Делез и Ф.Гваттари (10) связывают функционирование индивидуальности со «стратегиями ускользания», под которыми понимают способность отдельного человека противостоять культурным стратегиям удовлетворения влечений. Только такое бегство, по их мнению, создает возможность для переживания уникального опыта собственного «Я» как «тела без органов», на котором социальные «машины желаний» записывают траектории удовольствия или страха. Эти постмодернисты постулируют возможность дискурсивных практик вне русел возможной речи, и именно такие практики релевантны индивидуальности «в чистом виде» (а другой просто нет).

Наиболее революционные представления об индивидуальности в постмодернистских теориях связаны с теорией новой активности человека в киберпространстве. Речь идет о специфике существования в виртуальной среде (компьютерные игры, Интернет-общение), в рамках которого появляется возможность снятия оппозиции между телесными аспектами бытия (конечного,

смертного) и неограниченными желаниями личности. С. Жижек в статье «Обойдемся без секса – ведь мы же пост-люди» пишет:

«Мы никогда не станем виртуальными существами, свободно плавающими между различными виртуальными мирами: «реальная жизнь» нашего тела и его смертность – вот основной горизонт нашего существования, предельная, глубочайшая невозможность, которая служит основой для погружения во множество возможных виртуальных миров. Однако в то же время тело возвращается в киберпространство с миссией мести: «просветление», «легкость бытия», облегчение – все то, что мы ощущаем, когда свободно плаваем в виртуальной реальности, – это не опыт бесплотного бытия, это опыт обладания другим – эфирным, виртуальным, невесомым – телом, которое не заточает нас в инертной материальности и конечности» (11).

Перспективы виртуального бытия индивидуальности связываются с дальнейшим совершенствованием нейрональных имплантантов, благодаря которым непосредственное восприятие реальности замещается неограниченным набором виртуальных реальностей, который каждый может создавать и изменять по своему вкусу. При помощи технологий типа «Utility Fog» в любое время можно испытать какой угодно опыт (реальный или воображаемый) с кем захочется, причем индивид становится всемогущим, способными силой мысли менять реальности одну за другой – изменять свое тело, тела партнеров, окружающую обстановку и т.п. до бесконечности.

В этот решающий момент человек изменит свой онтологический статус: он перестанет отождествлять себя с носителем материального (мозга в человеческом теле). Образно говоря, индивидуальность перестанет быть «hardware» и станет «software», программой, которая сможет существовать на бесконечном множестве и разнообразии носителей. Индивидуальная идентичность – со своей тотальностью, бесконечностью и неуничтожимостью – станет новой формой человеческого существования. Правда, возникнут новые вопросы. В чем состоит моя идентичность, – спрашивает автор цитированной выше статьи, – если она не

расположена ни на материальном носителе (который все время меняется), ни в формальной структуре (которую можно точно копировать)?

Если попытаться обобщить весьма разрозненные представления о природе и сущности индивидуальности, свойственные психологии бессознательного, то можно выделить три основные тенденции в понимании и трактовке понятия, вынесенного в заголовок статьи. Первоначально (в работах Фрейда и его последователей) индивидуальность понималась как некоторое компенсаторное образование, основной задачей которого было преодоление антагонизма между деструктивными прегенитальными влечениями и моральными установками Супер-эго. Индивидуальность – весьма непрочное образование, фрагментированный опыт переживания собственного «Я», которое периодически ставится под угрозу объектными отношениями. Фактически, если последние успешны, индивидуальность для субъекта не особо значима.

Традицию негативизма в отношении индивидуальности подхватывают Ж.Лакан и постмодернисты. К идее необязательности и неустойчивости индивидуальных аспектов опыта они добавляют представления о фиктивности и фантазматичности индивидуальности как таковой. В конечном счете, индивидуальность вырождается (как у С.Жижека или Ж.-Л.Нанси) в бестелесный виртуальный призрак, существование которого более чем проблематично.

Противоположную позицию позитивности и насущной необходимости бытия на уровне индивидуальности представляет аналитическая психология К.Г.Юнга. Для него индивидуальность есть высший модус человеческого существования, которого, правда, далеко не всем удастся достичь. Интересно, что некоторые постъюнгианцы, в частности, Дж. Хиллман, не разделяют этой точки зрения.

Для удобства можно представить основные составляющие **концепта индивидуальности** в различных школах глубинной психологии в виде следующей таблицы:

<i>Название подхода</i>	Психоанализ и постфрейдизм	Юнгианство	Структурный психоанализ	Постмодерн
<i>Специфические атрибуты индивидуальности</i>	Бессознательность Фрагментарность Антагонистичность Компенсаторная природа Нарциссичность	Автономность Уникальность Дифференцированность Зрелость Осознанность Гармоничность	Дискретность Проблематичность Бессознательность Уязвимость Нестойкость Ценностность	Аморфность Асоциальность Ценностность Фантазматическая природа Фиктивность Виртуальность

Современное состояние изучения индивидуальности в глубинной психологии можно считать чисто номинальным. Эта проблема, безусловно, важная и, в некоторых моментах, ключевая для психологии бессознательного, по непонятным причинам оказалась практически **вытесненной** из предметного поля упомянутой науки. В немалой степени этому способствует терминологическая путаница, о которой упоминалось выше, но основная причина отсутствия интереса к индивидуальности заключается все же в другом. Вероятно, необходимо новое понимание природы и сущности данного феномена, которое должно быть сформулировано с учетом его бессознательных аспектов.

Можно предложить следующую дефиницию: индивидуальность представляет собой специфическую конфигурацию свойственных индивиду уникальных бессознательных импульсов и влечений, осознание и развитие которых в процессе жизни обеспечивает максимальный уровень зрелого аутентичного существования человека в мире. Разумеется, это определение лишь частично, поскольку отражает неосознанные аспекты индивидуальности и указывает на их роль и значение в процессе целостной жизнедеятельности.

Было бы интересно исследовать в этом ключе существование индивидуальности современного человека, причем не только в контексте оказания психотерапевтической помощи (как это практикуется в большинстве современных психоаналитических школ), но и в более широком поле социо- и лингвокультурной активности. Остается надеяться, что эта проблема в будущем найдет своих исследователей.

Литература

1. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М. 2000.
2. Браун Д. Психология Фрейда и постфрейдисты. К. 1997.
3. Лакан Ж. Я в теории Фрейда и в технике психоанализа // Семинары. Т. 2. М. 1999.
4. Мазин В. А. Введение в Лакана. М. 2004.
5. Фрейд З. Основные принципы психоанализа. М.-К. 1998.
6. Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия. М. 1993.
7. Фрейд З. Психоаналитические этюды. – Минск. 1991.
8. Фрейд З. Я и Оно. Труды разных лет. Т. 1,2. Тбилиси. 1991.
9. Юнг К.Г. Символы трансформации. М. 2000.
10. Deleuze J., Guattari F. L'Anti-Edipe. Capitalisme et schizophrénie. Paris: Gallimard, 1972.
11. www.CjijecS.psycho.@yandex.cheh.

VIII. ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ В ДИАЛОГЕ С СОБОЙ

РЕФЛЕКСИВНО- ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ

1. Об аксиологии современной психологии индивидуальности

Проблема индивидуальности является ключевой для любого периода развития психологии, так как главным ее интересом всегда был и будет человек – во всём уникальном своеобразии и феноменологическом разнообразии состояний и черт, свойств и качеств, характеризующих его как единство психики и сознания, способностей и деятельности, субъектности и личности, общения и поведения.

Изучение индивидуальности имеет в психологии насыщенную историю и богатые традиции: от Теофраста и Хуана Уарте до А.Адлера и Ф.Э.Шперка, Б.М.Теплова и В.С.Мерлина и др. Анализ этих достижений, их обобщение и ассимиляция составляет важную задачу, решение которой требует специальных исследований. К их числу относятся исследования, осуществляемые на факультете психологии ГУ-ВШЭ в русле системогенетического (В.Д.Шадриков), субъектного (К.А.Абульханова), культурно-психологического (Е.Б.Старовойтенко), рефлексивно-экзистенциального (И.Н.Семенов) подходов.

Важно подчеркнуть, что в отличие от советской психологии XX века, на рубеже XXI века существенно изменился социокультурный контекст современного практического и научного интереса к проблеме индивидуальности. Поэтому прежде, чем рассмотреть историко-научные и философско-методологические предпосылки ее теоретического анализа и возможности ее исследования с позиций развиваемого нами рефлексивно-экзистенциального подхода, обратимся к **аксиологическому обоснованию** актуальности изучения индивидуальности в отечественной психологии.

Полагаем, что его необходимо строить, исходя из оценки роли индивидуальности в современном социуме с учетом ее культурогенеза, научных трактовок, философской онтологии, традиций психологического познания. Данная логика обоснования в наибольшей степени отвечает сущности рефлексивно-экзистенциального подхода, а также релевантных ему рефлексивно-терапевтического и рефлексивно-биографического методов.

В социально-экономических условиях современной России стали весьма востребованы активность, самостоятельность, самодеятельность и ответственность человека, его опора на собственные силы и способности, усвоенные им научные знания и практические умения, стремление раскрыть свой творческий потенциал и успешно самореализоваться в социально значимой и экономически эффективной инновационной деятельности. Все это - составляющие новой, успешной индивидуальности как ценности, начавшей доминировать в общественном сознании и становящейся целью воспитания и развития экономически конкурентоспособной и профессионально активной личности. Этим, прежде всего, обусловлена актуальность изучения индивидуальности на новом витке жизни, научного познания и развития психологии в современном российском обществе.

Научная реализация новой аксиологии индивидуальности позволяет подойти к ее разработке на основе иной, чем ранее, онтологии, учитывающей социально-экономические реалии, значимые в современном социокультурном контексте для теоретической и прикладной психологии. В связи с этим попытаемся обрисовать онтологические контуры индивидуальности, уточнив некоторые исходные представления и рабочие понятия, характеризующие ее жизненные и феноменологические проявления. Зафиксируем, в первую очередь, тот радикальный цивилизационно - ценностный сдвиг, который произошел в результате революционных событий в России на рубеже 90-х годов прошлого века, приведших к смене не только общественно-политического устройства страны, но и социально-

экономической формации – с социалистической на капиталистическую, а также и типа культуры – с коллективистской на индивидуалистскую.

В интересующем нас аспекте важно отметить, что в стране произошла резкая переориентация от устаревших ценностей всеобщего уравнивания и нивелирования индивидуальности к высокой оценке самодостаточной, эффективной, компетентной индивидуальной личности, обладающей мощным профессиональным потенциалом и карьерной активностью. В связи с этим, в психологии происходит принципиальный аксиологический переход от архаичной адаптивной социокультурной модели индивидуальности как интеграла дифференциально-типологических свойств психики (в пределе – редуцированных до основных свойств нервной системы) к ее модели как системе рефлексивно-продуктивных акмеологических характеристик, сосредоточенных в Я-концепции творческого субъекта.

О преимущественно «уравнительной» аксиологии и социологизаторской трактовке индивидуальности, имевшей место в советской психологии, свидетельствует не только акцент на изучение биологических и физиологических основ индивидуально-типологических различий в школе дифференциальной психофизиологии Б.М.Теплова - В.Д. Небылицына и школе интегральной психологии В.С. Мерлина - Е.А. Климова. Косвенно это проявилось и в определении «индивида» и «индивидуальности» в основательном, выпущенном в конце перестройки Политиздатом словаре «Психология» под редакцией А.В.Петровского и М.Г.Ярошевского. Индивидуальность определяется, во-первых, как человек, характеризующийся со стороны своих социально значимых отличий от других людей; во – вторых, как своеобразие психики и личности индивида; в – третьих, как неповторимость проявлений человека в чертах темперамента, характера, в интересах, перцептивных процессах и интеллекте, потребностях и способностях. Индивид определяется в качестве единичного природного

существа, носителя индивидуально своеобразных черт (задатков, влечений и т.д.), отдельного представителя человеческой общности, социального существа, выходящего за рамки своей природной ограниченности, использующего орудия, знаки и через них овладевающего собственным поведением и психическими процессами, способного к активному взаимодействию с миром и самоизменению. Все указанные в этих определениях психологические атрибуты индивида и индивидуальности, разумеется, справедливы.

Однако бросается в глаза то, что авторы, исходя, в основном, из естественно - научного подхода, придерживаются био -социальной трактовки индивидуальности. За рамками рассмотрения оказался **гуманитарный подход** (в лице понимающей, экзистенциальной, гуманистической, культуральной и феноменологической психологии), который акцентирует «Я» человека, ценности и мотивацию его существования, содержание и динамику сознания и рефлексии, переживаний и чувств, воли и характера, способностей и деяний и т.п. Однако именно данный подход в теоретическом плане открывает новые аксиологические горизонты анализу бытия и сущности индивидуальности.

Необходимость такого подхода уже ощущается новейшей философией и современной наукой. Так, в энциклопедическом словаре «Человек» (2000 г.) Ю.Г.Волков и В.С.Поликарпов определяют индивидуальность как неповторимость, культурное своеобразие человека, отмечая, что в настоящее время отсутствует однозначное определение соотношения между понятиями «личность» и «индивидуальность». Так, немецкий философ Ю. Хабермас считает, что эти понятия тождественны, французский философ П. Рикер полагает, что личность – это индивидуальность особого рода, а для российского философа Л. Баткина индивидуальность есть определенная степень развития личности.

Сами же авторы словаря «Человек» соглашаются с подходом Рикера, согласно которому индивидуальность выступает предварительным условием образования личности и который позволяет преодолеть европоцентристскую традицию персонализма, обосновывая, что представление о личности как автономном образовании существовало в древности также и на Востоке. Тем самым, авторы придерживаются прагматического тезиса о том, что специфика решаемой исследовательской задачи влияет на решение фундаментальных проблем, например, трактовку индивидуальности в ее соотношении с **личностью**.

Признавая существующую неоднозначность в трактовке индивидуальности и личности, мы все же не можем согласиться с конвенционализмом Ю.Г.Волкова и В.С.Поликарпова в отношении к проблеме индивидуальности. Никакие исследовательские задачи (даже интересующие авторов задачи ассимиляции достижений восточной философии и критики ограниченности европоцентризма) не снимают необходимости радикальной постановки фундаментальных проблем индивидуальности и поиска их онтологического решения. Подобный поиск целесообразно начать с изучения развития философско-научных представлений об индивидуальности в целях последующей категоризации ее психологических трактовок. В теоретическом плане это открывает новые возможности для онтологически – психологического анализа индивидуальности, в частности, с позиций развиваемой нами рефлексивно-гуманитарной психологии. Необходимой предпосылкой построения **онтологии индивидуальности** является анализ гносеологии проблемы, что предполагает обращение к истории познания индивидуальности в философии и психологии.

2. Из истории философских и научных трактовок индивидуальности

Индивидуальность (от лат. Individuum - неделимое) означает неповторимое своеобразие какого-либо явления, отдельного существа, человека. В самом общем плане индивидуальность в качестве «особенного», характеризующего данную единичность в её качественных отличиях, противопоставляется «типичному» как общему, присущему всем элементам данного класса или значительной их части.

Идея индивидуальности возникает в античной философии, прежде всего, в связи с разработкой древнегреческими атомистами Левкиппом и Демокритом понятия атомов, или индивидов (греч. *Átomos* – также неделимый), как множества качественно своеобразных элементов бытия, обладающих определённой формой и положением, т. е. выступающих как индивидуальности. После древнеримского философа Сенеки за индивидуальностью утверждается обозначение отдельного существа, которое не может быть далее разделено, не утрачивая своей специфики. В средневековой схоластике понятие индивидуальности ограничивается человеческой личностью. Начиная с эпохи Возрождения, акцентирование индивидуальности отдельного человека в противопоставлении традиционным общественным связям и установлениям становится исходной точкой различных концепций новоевропейского индивидуализма. В философии 17 в. понятие индивидуальности получает наиболее полное развитие у немецкого философа Лейбница в его учении о «монадах» как о множестве замкнутых в себе специфических субстанций бытия. Понятие монады как одушевлённой жизненной индивидуальности используется у Гёте. Внимание к индивидуальному, в частности, понимание исторических эпох как неповторимых и необратимых индивидуальностей, было характерно для романтизма и позднее для восходящей к нему философии жизни.

В настоящее время в различных науках и в философии понятие индивидуальности получает разный смысл в зависимости от той или иной его

конкретизации. В биологии (физиологии, зоологии, этологии, генетике) индивидуальность характеризуют специфические черты данной особи, организма, состоящие в своеобразном сочетании наследственных и приобретённых свойств, что является результатом онтогенеза и выражается в особенностях генотипа и фенотипа.

В общей психологии проблема индивидуальности ставится, прежде всего, в связи с целостной характеристикой отдельного человека в самобытном многообразии его мыслей, чувств, воли, стремлений, желаний, потребностей, мотивов, интересов, настроений, переживаний, состояний, действий, поступков, привычек, склонностей, способностей и др. особенностей. Их конкретное сочетание образует уникальную, целостную структуру переживающего и действующего «Я». В этом плане вопрос об индивидуальности встаёт в связи с анализом темперамента и характера человека, поиском оснований для выделения типов людей (их классификаций - в характерологии, физиогномике, графологии и т. п.) и ставится в дифференциальной психологии как проблема соотношения в человеке типологических свойств и индивидуальных различий. В связи с этим, индивидуальность описывается как набор признаков, присущих данному человеку.

В социальной психологии индивидуальное обычно противопоставляется коллективному (групповому). Индивидуальность рассматривается как основная структура, определяющая целостность и своеобразие отдельного человека. Процесс индивидуализации, т. е. осознания и культивирования человеком своей индивидуальности, рассматривается как вторичный по отношению к социализации - приобщению человека к обществу и миру культуры. Индивидуализация представляется рефлексивным обособлением «Я» человека от исполняемых им социальных ролей, которые в процессе интериоризации становятся достоянием внутреннего мира человека.

Индивидуальность реализуется, как через поведение человека в ситуациях общения, так и через культивирование им различных способностей в актах деятельности. Рассмотрим более подробно основные вехи и этапы становления психологии индивидуальности.

3 Основные этапы становления психологии индивидуальности

Психология индивидуальности имеет давнюю историю, тесно связанную, как с социокультурным и даже государственно-политическим развитием общества, так и с религиозно-мифологической и, особенно, философско-научной эволюцией мировоззрения относительно природы и своеобразия человека. В античной культуре проблематика индивидуальности восходит к мифологической типологии, лежащей в основе дифференциации пантеона древнегреческих (позднее и древнеримских) богов. Согласно этой первой в истории европейской культуры типологии индивидуальности, каждый из этих богов, занимая строго определенное место в иерархии на Олимпе, с одной стороны, отвечал за проявление в мире людей соответствующих сил, а с другой, в процессе их реализации в своем конкретном поведении проявлял присущие ему индивидуальные свойства характера. Именно в этих свойствах греки находили подобие черт собственного характера и индивидуальных различий в поведении сограждан.

В древнегреческой философии истоком осмысления проблематики индивидуальности, по-видимому, послужило учение Пифагора о числе, а главное – известное изречение Гераклита о «едином, различаемом в себе самом», и призыв Сократа: «Познай самого себя!». Первый тезис онтологичен, выделяя «единичное» и фиксируя «единое в себе самом», то есть, постулируя целостность и «овнутрение» индивидуальности. Второй – методологичен, задавая процедуру «различения». Третий же тезис и аксиологичен, задавая ценность самопознания, и психологичен, так как локализует феноменологию индивидуальности в сфере души (сознания)

посредством ее работы (рефлексии) над собой, что реализовалось в дальнейшем – уже в Новое время – в интроспективной психологии.

Второй античной типологией индивидуальности явилось учение систематизатора Аристотелевской философии и психологии Теофраста, а третьей – известное различие Галеном четырех видов темперамента (сангвиник, холерик, флегматик, меланхолик), весьма популярное не только в Средневековье и Возрождение, но и в Новое и Новейшее время вплоть до современного обыденного сознания.

В европейской культуре интерес к проблематике индивидуальности стал устойчивым, начиная с эпохи Возрождения, что вылилось в такую социокультурную ценность, как индивидуализм. В философско-научном и психологическом изучении проблематики индивидуальности можно выделить следующие основные этапы и трактовки.

На первом – латентно-философском – этапе от античности до XIX века в период умозрительной доэкспериментальной психологии души в рамках философии и человекознания возникла и прошла существенные этапы становления **идея индивидуальности**. Она получила категориально-методологическую проработку в учениях Пифагора «о числе», Гераклита о «саморазличении», Сократа о «самопознании», Платона о «душе», Монтеня и Жана де Лабрюйера о «нравах и характерах», Локка о «рефлексии», Лейбница о «монадах», Канта о «субъекте», Фихте о «Я» и «фактах сознания», Гегеля о «субъективном духе», К.Маркса об «отчуждении личности», Киркегора об «экзистенции». Собственно **понятийно-психологическую** конкретизацию идея индивидуальности приобрела, благодаря трудам Аристотеля «о душе», Теофраста «о характере», Хуана Уарте «о способностях», Ф. Гальтона «о генеральном факторе одаренности», В.Освальда «о типологии творчества», Н.Я. Пэрны «о ритмах творчества».

На втором – номинативно-адлеровском – этапе в начале XX века возникает собственно «**индивидуальная психология**» А.Адлера как первая теоретическая система психологического знания, концентрирующаяся на изучении индивидуальности с его соответствующим концептуально-методологическим обоснованием, эмпирической и психоаналитической верификацией.

На третьем – дифференциально-психофизиологическом – этапе, в середине XX века изучаются биологические, нейрофизиологические и психофизиологические аспекты **индивидуальных различий** человека в плане основных свойств его тела, нервной системы и темперамента. Здесь следует упомянуть труды И.П.Павлова, Б.М.Теплова, В.Д.Небылицына, В.С.Мерлина, Е.А.Климова, Е.Ф.Рыбалко, Э.А.Голубевой, А.М.Русалова, Б.А.Вяткина, В.В.Белоуса, Т.Ф.Базылевич и других

На четвертом – личностно-типологическом – этапе, в основном, во второй половине XX века, индивидуальность стала связываться с типологическим своеобразием **личности** (В.Штерн, А.Лазурский, и др.), проявляющимся в индивидуальном стиле ее деятельности (Е.А.Климов, Г.А.Берулава, В.А.Толочек и др.) и поведения (А.М.Матюшкин и др.).

На пятом – экзистенциально-рефлексивном – этапе, на рубеже XX-XXI веков, акцентируется бытийность, субъектность, активность и креативность уникального существования человека, личности. Индивидуальность рассматривается как единство всех процессов и состояний психики, рефлексивно презентующих феноменологию смыслового взаимодействия внутренней и внешней жизни человека (К. Роджерс, К.А. Абульханова, А.Г. Асмолов, А.А. Бодалев, Д.А.Леонтьев, И.Н.Семенов, Е.Б. Старовойтенко, В.Д. Шадриков и др.).

Доминировавшие на каждом этапе аспекты психологии индивидуальности, разумеется, дополнялись изучением других аспектов конкретного человека в рамках основных методологических ориентаций современной психологии: естественнонаучной, кибернетико-технологической и социально-гуманитарной.

Так, в современной психологии индивидуальности дифференцируются следующие предметные области ее изучения: 1) своеобразие личности в норме и патологии (К.А.Абульханова, А.Г.Асмолов, Б.С.Братусь, Б.В.Зейгарник, В.Н.Мясищев, А.В. и В.А.Петровские, Е.Б.Старовойтенко и др.); 2) характер (Б.Г.Ананьев, Н.Д.Левитов и др.); 3) мотивация поведения человека (Анастаси, А.В.Запорожец, А.К.Маркова и др.); 4) темперамент и индивидуальные свойства нервной системы (Б.М.Теплов, В.Д. Небылицын, А.Н.Лебедев и др.); 5) индивидуальные различия и индивидуальный стиль деятельности (В.С.Мерлин, Е.А.Климов, Г.А.Берулава, В.А.Толочек и др.); 6) гетерохронность и системность онтогенеза психических процессов и функций (Б.Г.Ананьев, П.К.Анохин, В.М.Бехтерев, Л.С. Выготский и др.); 7) профессионально важные качества и способности (К.М.Гуревич, А.А.Деркач, В.Н.Дружинин, Б.Ф.Ломов, Я.А.Пономарев, В.Д. Шадриков, Б.М.Теплов и др.); 8) рефлексивность самосознания и личностные смыслы деятельности и творчества (Н.Г.Алексеев, А.А. Бодалев, В.В.Давыдов, В.П.Зинченко, А.Н. и Д.А.Леонтьевы, В.С. Мухина, Н.И.Непомнящая, Я.А.Пономарев, И.Н.Семенов, Е.Б. Старовойтенко и др.); 9) психологическое время человека и периодичность его продуктивной самореализации (К.А.Абульханова, А.К.Болотова, Н.Я.Пэрны и др.); 10) субъектность жизнедеятельности и внутренний мир жизни человека (К.А.Абульханова, С.Л.Рубинштейн, В.И.Слободчиков, В.Д.Шадриков и др.); 11) метаинтегральность и духовность человека (Б.А.Вяткин, Н.А.Коваль, В.Д.Шадриков и др.); 12) уникальность, рефлексивность и зрелость творческой индивидуальности (В.Г.Аникина, А.В.Балаева, А.А.Бодалев, Е.П. Варламова, А.А.Деркач,

Н.А.Коваль, А.В.Растянников, И.Н.Семенов, С.Ю.Степанов, Д.В.Ушаков и др.).

Предлагаемая нами периодизация истории психологии индивидуальности акцентирует основные этапы и концептуальные подходы к ее изучению в логике познавательного движения от античной идеи единства разнообразных свойств, образующих своеобразие характера человека к дифференциально-типологическому вычленению составляющих это своеобразие элементарных свойств нервной системы и темперамента, а также черт и качеств личности. Эта логика психологического познания индивидуальности оказалась весьма противоречивой. Во-первых, гносеологически она вела к нейрофизиологическому (В.Д.Небылицын) и даже биологическому (В.М. Русалов) редукционизму, а, во-вторых, онтологически она была недостаточной для концептуально-феноменологической дифференциации таких психологических реальностей как личность и, собственно, индивидуальность человека. Как нам представляется, онтологическую основу их многосложного соотношения составляет то, что личность представляет собой биосоциальное единство человека с доминированием его «обращенности» к общественным связям и «отчужденно - остранным» отношениям, реализующимся «деятельно-ролевым» образом.

Напротив, **индивидуальность** являет собой экзистенциально-смысловое единство целостного человека как уникального субъекта, рефлексивно углубленного в себя, свое «Я» и непосредственно обращенного в процессе общения к другому конкретному человеку как «ближнему» и, одновременно, как рефлексивно-диалогическому ресурсу самоактуализации, саморазвития, самопознания, самореализации и самосовершенствования. На путях интеграции междисциплинарных знаний об этих процессах и их концептуально-экспериментального изучения открывается конструктивная

перспектива построения психологической теории индивидуальности, в частности, в рамках рефлексивно-экзистенциального подхода.

4. Рефлексивно-экзистенциальное понимание индивидуальности

Изучение психологии индивидуальности традиционно ведется через выделение и исследование различных индивидуальных особенностей психических процессов, проявляющихся в поведении, деятельности, общении человека как социального индивида, функционирующего в общественном окружении, и как биологического организма, живущего в биотической среде, взаимодействие с которой регулируется его нервной системой. Феноменологические особенности индивидуальности традиционно выделяются на фоне базовых типологических различий. Например, индивидуальные особенности темперамента в школе Б.М.Теплова – В.Д. Небылицына характеризуются по отношению к базовым для него основным свойствам нервной системы. Такой подход присущ дифференциальной психологии, самое название которой ориентирует на исследование различий между людьми путем дифференциации, разложения изучаемой целостности – индивидуальности – на спектр составляющих ее параметров.

Однако, поскольку терминологически «индивидуальность» по латыни означает «неделимую, уникальную целостность», то обнаруживается противоречие в познании принципиально неразложимого целого через дифференциацию составляющих его частей. В связи с этим, возникает методологическая проблема: каким образом можно представить такую психологическую реальность, как индивидуальность, в качестве предмета исследования, в ходе которого она не дифференцировалась бы на составляющие ее части, а, напротив, интегрировала бы свои различные аспекты.

Одним из решений этой во многом парадоксальной проблемы явились концепции пермской научной школы, В частности, концепция «интегральной индивидуальности» В. С. Мерлина, «мета-индивидуальности» Б. А. Вяткина, «полиморфной индивидуальности» В.В. Белоуса. Несмотря на конструктивность этих подходов, а также реализующих их фундаментальных исследований индивидуальности, заметим, что они, на наш взгляд, все же являются паллиативными, так как не устраняют обозначенного выше «спектрального» парадокса в ее изучении, присущего дифференциальной психологии в целом. И это понятно, ибо всем указанным концепциям индивидуальности присуще доминирование психофизиологического подхода к ее изучению, который реализует естественнонаучную ориентацию в методологии психологии. Однако в современной психологической науке, помимо этой, конструктивно развиваются технико-информационная и социогуманитарная методология.

Проблемы психологии индивидуальности ставятся и исследуются в различных аспектах и с позиций разных подходов, коренящихся в традициях психологической науки. Проведенный нами анализ показал, что эти подходы можно свести к трём основным научно-методологическим ориентациям, присущим современному научному познанию вообще, а именно, естественнонаучной, социогуманитарной, технико-технологической.

В рамках **технико-технологической** ориентации индивидуальность трактуется с компьютерно-кибернетических позиций, как самопрограммирующаяся информационная система головного мозга, уподобляемого функционированию программного обеспечения ЭВМ, определяющая ее своеобразие, раскрывающееся в информационном пространстве человеческого общества - аналога всемирной информационной сети в виде современного Интернета. Эта информационная трактовка индивидуальности в пределе конструктивна при изучении ее с позиций

построения психо-лингвистических, логико-математических, системно-кибернетических моделей когнитивной психологии.

В рамках **социо-гуманитарной** ориентации, изучение психологии индивидуальности можно вести с позиций развиваемого в нашей научной школе рефлексивно-экзистенциального подхода. При этом открывается перспектива конструктивного снятия указанного «спектрального» парадокса, хотя, разумеется, и на этом пути имеется ряд принципиальных трудностей. Одна из них связана с тем, что он реализуется, прежде всего, в личностно-ориентированных исследованиях, ведущихся в контексте гуманитарной и экзистенциальной психологии, а также – практики индивидуального психологического консалтинга и психотерапии.

При этом сразу же возникает проблема соотношения таких психологических реалий, как **индивидуальность и личность**. Так как прежде, чем осуществлять конкретные исследования, необходимо выяснить, является ли индивидуальность самостоятельной психологической реальностью (субстанцией) или она всего лишь аспект (часть, атрибут) личности?

Наиболее распространенной «атрибутивной» стратегией выступает изучение индивидуальных особенностей личности как ее своеобразных проявлений в тех или иных обстоятельствах (в том числе, в специально создаваемых экспериментальных ситуациях или при ответах на соответствующие опросники). Однако в таком случае индивидуальность не является самостоятельной психологической реальностью, а как бы растворяется в личности, выступая лишь ее аспектом, характеризующим своеобразие функционирования различных личностных свойств у данного человека, «частичность» которых требует их последующей интеграции в нераздельное целое. Помимо этого, индивидуальность трактуется как высший этап или уровень развития личности. Но тогда окажется, что ни

ребенок, ни юноша не обладают индивидуальностью, ею является лишь взрослый человек, что, на наш взгляд, противоречит действительности.

Во всех рассмотренных трактовках личность понимается, прежде всего, как социально обусловленный субъект, носитель различных социальных норм, ролей, представлений, установок и т.п. Тем самым, личность выступает социальным полюсом в человеке, тогда как индивидуальность, с нашей точки зрения, презентует его обособление от общности посредством полагания себя как самости, реализующей свое собственное «Я». Отсюда следует, что «Я» генерирует индивидуальность, которая осуществляется в своей собственной рефлексивно-смысловой субстанции, не сводимой ни к социальному (личностно-ролевому), ни к биологическому (нервно-организмическому). Хотя, безусловно, она взаимодействует с ними, как в онтогенезе своего формирования и развития, так и в актуалгенезе ситуативного поведения в общении и целеустремленной деятельности в процессе социально значимого и экономически эффективного труда.

Рефлексивно-психологическая трактовка индивидуальности как смыслового поля «Я» человека ориентирует на субстанциональную стратегию ее изучения. Реализация такой стратегии предполагает разработку концептуальных моделей и методических средств исследования индивидуальности, производных от ее онтологического определения как специфической психологической реальности, существующей в виде **смыслового содержания Я-концепции субъекта жизнедеятельности**. Необходимой предпосылкой разработки этих моделей и средств является более конкретизированное построение самой онтологии индивидуальности как психологической реальности.

Идеальным пределом психологии индивидуальности является, с одной стороны, научное объяснение и прогнозирование **феноменологии** существования человека как уникальной системы, самореализующейся и

саморазвивающейся в биосоциальной среде посредством деятельности и поведения, рефлекслируемых и организуемых целостным «Я» субъекта. С другой стороны – оказание человеку необходимой психологической поддержки и помощи в конкретных обстоятельствах его жизнедеятельности посредством психоконсалтинга: психодиагностики, психокоррекции, психотерапии, психоразвития. Развивающиеся в психологии индивидуальности научные подходы, как правило, акцентируют различные аспекты ее изучения, что в совокупности составляет палитру соответствующих предметных областей.

В настоящее время наиболее близкими к целостному, феноменологическому подходу предметными областями изучения индивидуальности в отечественной психологии являются: индивидуальные особенности субъекта и профили личности (Б.В.Зейгарник, К.А.Абульханова, Л.Н.Собчик, Н.И.Непомнящая и др.); индивидуальное проявление способностей и одаренности (Д.Б.Богоявленская, В.Н.Дружинин, Н.С.Лейтес, А.М.Матюшкин, Я.А.Пономарев, Б.М.Теплов, Д.В.Ушаков, В.Д.Шадриков и др.); индивидуальные особенности профессионализма и творчества в их социокультурном и рефлексивном опосредовании (А.А.Бодалев, А.А.Деркач, А.Н.Ждан, Я.А.Пономарев, И.Н.Семенов, Е.Б.Старовойтенко, М.Г.Ярошевский и др.).

С учетом философской и психологической традиций, индивидуальность можно определить как: развивающееся в течение жизни уникальное своеобразие единой, неделимой целостности **психического склада человека**. Это отличает ее, скажем, от личности, которая также сохраняет свое единство, но при этом все же «делится» на составляющие ее социальные роли, стили деятельности, профессионально важные качества и т. д.

Психический склад, строй души человека и его уникальное своеобразие можно описать с использованием разработанных в психологии понятий, а

также охарактеризовать с помощью имеющихся в ней методических средств, позволяющих в принципе исследовать психику: от темперамента индивида до характера личности, причем, с акцентом на своеобразие их конкретных проявлений у данного человека. Однако понятийно схватить единство этой неделимой целостности весьма сложно – и это представляет собой особую проблему, трудноразрешимую имеющимися в психологии средствами.

В связи с этим возникает специфически онтологическая проблема построения средствами философских категорий и научных понятий (психологии, культурологи, социологии, биологии, физиологии) системного представления об индивидуальности как особой психологической реальности, феноменологической сутью которой является **индивидуальное бытие** человека. Важно подчеркнуть, что это бытие не может быть редуцировано ни к социальному бытию человека как личности, ни к биологической жизни человека как организма. Хотя, разумеется, должны быть учтены обе эти сферы бытия индивида как естественный (природный) и искусственный (культурный) базис развития индивидуальности.

Поскольку рассмотрение индивидуальности в аспектах биологического или социального, или культурного бытия человека ведет к редукционизму в трактовке ее психологической сути, то возникает проблема онтологического выяснения и определения индивидуальности как таковой. Как нам представляется, психологическую реальность индивидуальности человека конституирует его «Я» как непосредственно ощущаемая, переживаемая, сознаваемая, рефлекслируемая человеком действительность его бытия. Именно это «Я» чувствует и полагает себя индивидуальностью в качестве уникальной, своеобразной, единой, неделимой целостности в противопоставлении объективному миру, а также в приспособлении и в обособлении от него для сохранения и воплощения своей аутентичности.

Один полюс объективности – это мир природы, предстоящий субъекту в виде биоэнергетики собственного организма и биотических свойств окружающих его внешних вещей, взаимодействие с которыми образует экологическую и техногенную среду биологического обитания человека. Другой полюс – это мир общества в виде других индивидов и их взаимодействий, образующих культурную среду социального существования человека. Самополагание «Я» по отношению к внешнему для него миру осуществляется в субстанции сознания человека, где, в частности, происходит самосознание им своей индивидуальности или души.

Отношение «Я» к своему внутреннему миру как переживаемой и понимаемой данности и к ощущаемому собственному организму (т.е. телу) осуществляется в субстанции психики и выражается в виде интуитивного самопонимания и самопереживания человеком своего бытия. Субстанция психики есть единство двух модусов индивидуального бытия человека, а именно – его пребывания во внешнем мире (в теле, в среде) и его взаимодействия с ним посредством движения, действия, информационного, духовного обмена.

Индивидуальность психики существует в виде темперамента человека, образа его среды и окружения, а также в виде присущего данному индивиду телесного состояния и переживания человеком этого своего состояния. Индивидуальность сознания существует в форме самовыражения человека (в мимике, речи, поступках, деяниях), в актах его взаимодействия с миром и отношения к этому миру. Индивидуальное бытие человека в мире характеризуется как процесс его самоопределения относительно его норм, как самореализация в социоприродном и социокультурном пространстве посредством поведения и деятельности, потребления и творчества. По отношению к социуму модель индивидуального бытия человека характеризуется либо как общение с другими людьми (посредством

поступков, то есть, речи и со - действий на основе взаимопонимания), либо как осуществление совместного труда (посредством кооперации с коллегами).

В связи с этим возникает ряд проблем: что же обеспечивает единство базовых субстанций человека: психики, сознания, индивидуального бытия; что задает его целостность, что определяет его неделимость; в чем проявляется и как характеризуется уникальность индивидуальности?

Неделимость индивидуальности определяется самоданностью человеческого «Я». При этом целостность индивидуальности задается образом, концепцией этого «Я», которая формируется у человека в процессе его жизнедеятельности и развивается посредством самоопределения относительно культурных норм и самореализации в соотнесении с ними. Причем, онтогенез Я – концепции осуществляется как осознанно, так и неосознанно. Единство сознательного и неосознанного аспектов бытия субъекта обеспечивает **рефлексия** как системообразующий фактор индивидуальности человека.

Поскольку рефлексия есть, прежде всего, процесс осмысления и переосмысления человеком содержания своего сознания и переживания Я-данностей психических состояний, то субстанциальным единством индивидуальности человека является **смысловое поле** его индивидуального существования. Это смысловое поле человеческого «Я» является источником его бытия и отношения к внешнему миру природы, социума, а также выражения себя в мире в актах поведения (движениях и поступках), деятельности (действиях и кооперациях), общения (коммуникации и взаимодействия) и труда (выполнения технологий и применения знаний).

5. К онто - психологии индивидуальности

Онто - психологическая проработка проблематики индивидуальности предполагает реинтерпретацию самого термина «индивидуальность», который в переводе с латыни означает «единый, неделимый», а в его философской транскрипции – «единичный, уникальный, целостный». Очевидно, что носителем этой неделимой уникальности в ее единичности является природный организм человека с присущими именно этому организму свойствами, характеризующими его целостность - от генетической и биохимической до психогенетической и психофизиологической. Последние два вида природной индивидуальности, как отмечалось, активно изучались в отечественной психологии.

Противоположным природному аспекту, является социальный аспект индивидуальности как неделимой единичности. При этом проявляется социально-психологическое своеобразие бытия человека с присущими ему уникальными проявлениями эффективности социально-значимой деятельности: ролевой, коммуникативной, речевой, профессиональной, ценностной и т. д. Уже на этом уровне онто – психологического анализа индивидуальности дифференцируются ее различные «виды» (биологическая, социальная), характеризующие разные уровни ее функционирования как интегрально-целостной системы.

Однако психологическое бытие человека далеко не исчерпывается ни его природным (психогенетическим и психофизиологическим) базисом, ни даже его социально-психологической и информационно - ноосферной надстройкой с реализующими их видами или подсистемами индивидуальности. Ведь они образуют лишь естественные (природные) и искусственные (социальные) рамки существования человека как **экзистенции**, рефлексивной, осуществляемой и переживаемой им в конкретно-значимом для него психологическом пространстве. В нем с течением транспонируемого в сознании внутреннего времени человека происходят значимые для него

события и актуализируются, развиваются присущие ему процессы и характерные для его индивидуальности состояния и отношения сознания. (К. А. Абульханова)

Необходимо исследовать онтологическую проблему психологического наполнения пространственно-временного континуума индивидуальности как своеобразного целостного, неделимого и **уникального мира внутренней жизни человека**. Важно отметить, что внешним миром – во многом мало зависимым от данного субъекта – является противоположный его самости объектный мир природы и социума, в относительно статичном контексте которого, и разворачивается динамично движущаяся и постоянно развивающаяся внутренняя жизнь человека как его субъективный мир с уникально присущим ему своеобразием неделимо-целостной экзистенциальной индивидуальности.

Субстанцией мира внутренних состояний и переживаний человека является его сознание, а движущей силой происходящих в нем изменений – рефлексия. Ее роль состоит в переосмыслении и трансформации содержаний сознания, изменение которых определяется взаимодействием субъектного и объектного мира внутренней жизни человека, детерминируемой, в свою очередь, его взаимодействием с миром. Мир выступает той средой, в которой человек самореализуется как индивидуальность посредством спонтанных движений и действий или целенаправленных поступков и социально значимых деяний.

Внешний объектный мир представлен в сознании субъекта индивидуальным строением его внутреннего пространственно-временного континуума, который, как и все психические образования, формируется в онтогенезе и трансформируется в течение всей жизни человека. Хотя индивидуализированное внутреннее время субъекта градуируется значимыми для его существования событиями, задающими хронологию

индивидуального бытия, оно естественно проецируется на внешнее объективное время (рефлексивно соотносясь с ним), общепринятое в данной культуре. Например, в христианской цивилизации (Европа, Россия, США) принято линейно-прогрессирующее время, астрономически исчисляемое по годам и отсчитываемое от Рождества Христова.

С внешней социально-нормированной стабильной временной сеткой соотносится мобильно меняющаяся динамика внутреннего индивидуализированного времени, структурируемого значимыми для субъекта жизненными моментами, своеобразно связанными друг с другом в сознании переживающего и рефлексирующего их субъекта. Тем самым метрика внутреннего времени человека задается динамикой его отношений к происходящим с ним и значимым для него событиям его жизни. Отсюда континуум пространства внутреннего мира человека наполняется значимостями объектов для субъекта и возникающими у него к ним **отношениями**. (В.Н.Мясищев, Л.Я.Гозман, Е.Б.Старовойтенко и др.).

Наличие этих отношений в сознании субъекта фиксируется посредством актуализации и развития смыслов и их сопряженностью с «Я» как центром внутреннего пространства индивидуальности человека. При этом внешние объекты, благодаря **рефлексии**, ранжируются субъектом по степени их актуальной личной ценности и по мере необходимости рефлексивного соотнесения с ними посредством чувства, переживания, мысли, поступка, деяния. Рефлексия является активностью сознания, обеспечивая переосмысление и трансформацию содержаний сознания (от их перестройки до продуцирования) в зависимости, как от происходящих с субъектом и рефлексивно переживаемых и осмысляемых событий, так и от совершаемых и осознаваемых им поступков и деяний.

Рефлексия, регулируя динамику **экзистенции индивидуальности**, представляет собой ее системообразующий фактор, обеспечивающий, в

конечном счете, ее единство и целостность в сознании человека. Эпицентром индивидуальной экзистенции является переживание и рефлексирующее осознание человеком своего «Я» как источника ее уникальной и неделимой целостности. Эта целостность достигается посредством рефлексивной экспликации значимости какого-либо события или поступка, определения своего отношения к нему, замыкания возникающих в связи с этим своих переживаний на собственное «Я» и их осмысление с точки зрения степени и характера удовлетворения в этом контексте потребностей, желаний, склонностей, интересов, запросов субъекта.

Актуализируемая в сознании и эксплицируемая рефлексией самоданность «Я» обладает – в качестве своей психофизиологической основы – чувственной индивидуальностью как эмоционально мобильным переживанием субъектом своего самочувствия и самоощущения, которые имеют свои формально-динамические корреляты, измеряемые традиционными психофизиологическими методами. С другой стороны, «Я» (чувствующее свои состояния и переживающее их, равно как и свои деяния и происходящие с собой события) порождает, благодаря рефлексии, собственные образы. Их содержание, выражая саморазвитие субъекта, строится и обобщается «Я» в процессе соотнесения, как с миром своей внутренней жизни, так и с внешним, объективным миром, с которым постоянно взаимодействует субъект жизнедеятельности. Рефлексия, конституируя **обобщенный образ «Я»**, представляет собой интегральную внутреннюю динамическую характеристику индивидуальности человека, процесс его смыслообразования; образ «Я» выступает точкой отсчета для актуализации и осознания им своих отношений ко всему, что происходит с ним, как в его внутреннем смысловом пространственно-временном континууме, так и во внешнем окружающем его природно-социальном мире.

Образ «Я» у каждого человека полимодален, конкретен, дифференцирован, множественен, целостен. При этом с одной стороны, образ «Я» относительно устойчив и достаточно определен для субъекта в тех или иных ролевых ситуациях самоопределения и на соответствующих фазах развития индивидуальности в онтогенезе. С другой же стороны, образ «Я» весьма пластичен, разворачиваясь теми или иными своими гранями и ипостасями в различных ситуациях, актуализируясь и перестраиваясь в зависимости от вызывающих их обстоятельств. И если в психологии личности имеется достаточно методик, позволяющих эксплицировать стабильный образ «Я» конкретного человека, то разработка методических средств, позволяющих характеризовать пластичность образов «Я», в частности, в зависимости от различных проблемно-конфликтных ситуаций жизнедеятельности, составляет во многом нерешенную задачу (В.Г.Аникина, Н.А.Коваль и И.Н.Семенов).

Одна из основных трудностей связана здесь с тем, что «Я» живущего человека представляет собой принципиально открытую сложноорганизованную систему, функционирование и саморазвитие которой происходит как синхронически (то есть, непосредственно, в конкретных ситуациях «здесь и теперь»), так и диахронически (то есть, в смысловых «цепях» этих ситуаций, длящихся и организованных во времени). Система «Я» динамично функционирует, как во внутреннем рефлексивно-смысловом мире индивидуального сознания человека, так и в процессе его поведения и деятельности во внешнем объективированном мире материальных предметов, произведений культуры, знаковой информации, а также мире других людей – партнеров по непосредственному общению или по деловой, семейной и т.п. кооперации. Важная роль в развитии внутреннего, рефлексивно-смыслового мира индивидуальности принадлежит диалогу человека с сами собой.

6. Рефлексивно-экзистенциальный диалог в развитии индивидуальности

Диалог с собой выступает как экзистенциальный процесс «самообщения» человека в форме восклицаний, разговора, рассказа, размышления. Диалог с собой удовлетворяет базовую потребность человека в самопонимании и самооценке, саморефлексии и самосознании, самопознании и самоопределении, самообосновании и самоутверждении. Он ведется посредством рефлексии, в актах самонаблюдения, самоосознания, самоосмысления, самоотношения. Его продуктивным результатом является знание о «Я» как феноменологически противоречивой саморазвивающейся данности, неповторимой индивидуальности, уникальной целостности.

Диалог с собой служит накоплению, углублению, расширению, закреплению внутреннего опыта человека, являясь рефлексивным механизмом развития его индивидуальных процессов и содержаний. В его динамике, характеризующейся множеством возможностей и различных степеней свободы, человеку раскрывается его душевный и духовный мир, происходит ориентировка в мире внешнем, благодаря внутреннему проигрыванию вариативных положений и ситуаций, с которыми сталкивается человек в своей жизни. Обретаемая посредством диалога с собой опора на собственное «Я», с одной стороны, служит для человека психотерапевтической поддержкой от невзгод и одиночества, а с другой – трамплином для дерзаний.

Эмпирически диалог с собой протекает в форме речи человека, обращенной к самому себе и комментирующей его чувства и поступки. Генетически общение «Я – Я» – это вторичная психологическая реальность по отношению к исходной для нее форме первичной реальности, каковой является общение человека с другими людьми, протекающее в виде предназначенной для них внешней речи. В онтогенезе сначала развивается общение с другими, сопровождаемое комментирующей и объясняющей его

дискурсивной речью. Результатом полноценного общения является взаимопонимание людей. Оно служит условием и, одновременно, экзистенциальным механизмом формирования общения человека со своим «Я», первоначально как с квази-партнером по мысленному общению, а затем с идеальным подразумеваемым партнером (в пределе – с Богом в виде обращенной к нему молитвы).

Диалог с собой, выражающийся в процессе обращенной к «Я» внутренней речи, протекает в сфере самосознания и осуществляется посредством активной рефлексии. При этом происходит раздвоение самости человека на два полюса: на поступающее каким-либо образом Я - реальное и на отстраненно или пристрастно созерцающее, оценивающее, анализирующее и осмысляющее свои деяния Я - идеальное. Онтологическая двойственность рефлексивного диалога проявляется в особом строе речи – в **самообращениях**.

Эта речь развивается от стихийно-спорадических форм спонтанных откликов (на возникающие и привлекающие внимание «Я» ситуации) до произвольных, систематических размышлений относительно затрагивающих «Я» обстоятельств. В наиболее развитых формах диалог с собой становится не только произвольно интенциональным, но и целенаправленно продуктивным. Этому способствует рефлексия в форме исповедального самопознания человека, осуществляющего самореализацию совести как средоточия внутренних нравственных критериев индивидуальности. Эти критерии, с одной стороны, определяют поступки человека в отношении других людей, в актах общения с ними, а с другой стороны, обеспечивают его социализацию, поскольку производны от социальных ценностей и соотносятся с моральными принципами тех общностей, с которыми идентифицирует себя «Я», самореализующееся в данной культуре.

В культурологическом плане диалог с собой осуществляется в различных исторически эволюционирующих формах, культивирующих его разнообразные и все усложняющиеся способы, которые образуют, в конечном счете, **рафинированную культуру самообщения**. Это рефлексивные формы, начиная от религиозных молитв и покаяний, где Я - реальное кающегося субъекта диалогизируется обращением к Я - идеальному верующего человека, до исповедальной прозы дневников, воспоминаний и высших индивидуализированных текстов литературной лирики (монологов и стихов) или философских афоризмов и ауто-эссе.

Так, к художественным способам обращения к себе относятся такие исторически развивающиеся литературные формы, как: монологи героев драмы («Быть или не быть» Гамлета в трагедии В.Шекспира) или лирические отступления авторов в поэмах (А.Пушкин в «Евгении Онегине»), прозе («Красное и черное» А.Стендаля), или романы потока сознания («Улисс» Д.Джойса), а также дневники (И.Бунин) и исповеди (Ж.-Ж.Руссо). Диалоги с собой находим в прозе, лирических стихотворениях и поэмах, когда их лирический герой почти совпадает с авторским «Я», как, например, в «Чайльд Гарольде» Дж.Байрона. В истории культуры и литературы самообщение наиболее выражено в поэзии романтизма XIX в. (Дж. Китс, Ф.Гельдерлин, Е.Баратынский, М.Лермонтов, Ф.Тютчев, А.Фет, В.Гюго, Дж.Леопарди), символизма (П.Верлен, К.Случевский, З.Гиппиус, А.Блок) рубежа XIX-XX в.в., а также эгофутуризма (И.Северянин), футуризма (Б.Пастернак), акмеизма (А.Ахматова), имажинизма (С.Есенин «Черный человек») XX в. Эволюция названных форм диалога с собой опосредована эпохальным развитием философской мысли, определяющей интеллектуальный прогресс общества и духовную индивидуализацию человека, познающего свое «Я» посредством рефлексии.

Начало культивированию **самопознания** как способа философствования восходит в античности к максиме Сократа «Познай самого себя!» и ее воплощению в диалогах Платона в форме размышлений о себе как авторских компонентов сократических бесед философов, рассуждающих друг с другом о проблемах бытия. Вершинами философского самообщения являются в эпоху эллинизма размышления неоплатоника Плотина, в древнеримской философии «Наедине с собой» стоика императора Марка Аврелия, а в раннехристианской традиции «Исповедь» епископа Августина. В средневековье исповедальная рефлексия наиболее ярко представлена в автобиографии П.Абеляра «История моих бедствий», в эпоху Возрождения в «Опытах» М.Монтеня. В Новое время культура самообщения развивалась в таких философских направлениях, как эмпиризм (Ф.Бэкон, Дж. Локк), рационализм (Р.Декарт), мистицизм («Мысли» Б.Паскаля), интроспекционизм (Дж.Локк, Мен де Биран), немецкий классический идеализм (И.Фихте «Факты сознания»), волюнтаризм (А.Шопенгауэр), философия жизни (Ф.Ницше), экзистенциализм (С.Киркегор, К.Ясперс), персонализм (В.Штерн, Н.Бердяев «Самопознание»), герменевтика (Г.Гадамер, П.Рикер).

Необходимо подчеркнуть, что еще Платон видел сущность мышления во внутреннем диалоге души с самой собой. Философы средневековья, возрождения, Нового времени, равно как и современные философы XX в. анализировали проблематику диалога с собой и роль рефлексии в нем. Так, экзистенциальный структуралист Ж. Батай в своей концепции внутреннего опыта считал, что: «Всякий человек воображает и, стало быть, познает свое существование при помощи слов. Слова приходят к нему в голову, нагруженную множеством человеческих – или нечеловеческих – существований, по отношению к которым определяется его личное существование». Один из основателей современной герменевтики Г. Гадамер подчеркивал, что: «Разговор способен преобразовать человека».

Согласно герменевтике П.Рикера, существование человека оказывается «диалогом многоморфного безвольного начала – с его мотивами сопротивления, необратимыми ситуациями, на которые воля отвечает выбором, усилием и согласием». Экзистенциалист М. Мэрло-Понти подчеркивал, что: «Вещи и мое тело вплетены в единую ткань, ибо я изнутри участвую в артикуляции бытия». Персоналист Н.Бердяев считал, что: «Сознание возникает в отношениях «я» и «не-я», оно означает выход из «я», но оно вместе с тем может быть препятствием для выхода «я» к «ты» как внутреннего общения».

В психологии проблематика внутреннего общения как самопознания и самопонимания разрабатывалась в таких направлениях, как: интроспекционизм (Дж. Локк, В.Вундт), фрейдизм и неопрейдизм, Вюрцбургская школа (О.Кюльпе, К.Бюлер), понимающая психология (В.Дильтей), персоналистическая (В.Штерн), экзистенциальная, гуманистическая (А.Маслоу, К.Роджерс) психология. Нужно также упомянуть в этой связи рефлексивную психологию (В.Г.Аникина, Е.П.Варламова, Г.И.Давыдова, Ю.А.Репецкий, И.Н.Семенов, С.Ю.Степанов) и рефлексивную акмеологию (А.В.Балаева, А.А.Деркач, И.Н.Семенов, С.Ю.Степанов, Е.А.Яблокова). Проблема исследовалась в контексте психологии отношений (К.А.Абульханова, В.Н.Мясищев, Э.В. Сайко, Е.Б.Старовойтенко), психологии смысла и индивидуальности (А.А.Бодалев, В.С.Мерлин, М.М.Рубинштейн, Б.М.Теплов, В.Э.Чудновский, В.Д.Шадриков), психологии внутренней речи и самонаблюдения (Б.Г.Ананьев, П.П.Блонский, Л.С.Выготский, П.Я.Гальперин, С.В.Кравков, Г.М. Кучинский, А.А.Леонтьев, А.Р.Лурия, С.Л.Рубинштейн).

С позиций современного гуманитарно-психологического знания основными методами изучения самообщения являются самонаблюдение внутренней речи и рефлексивно-смысловая интерпретация эгоцентрической

речи. Эти виды речи, презентующие проявления «Я» в виде разговора с собой или размышления человека о себе, являются объектом множества исследований (А.А.Бодалев, П.П.Блонский, К.Бюлер, Л.С.Выготский, П.Я.Гальперин, И.С.Кон, С.В.Кравков, Г.М.Кучинский, А.А.Леонтьев, Ж.Пиаже, С.Л.Рубинштейн, М.М.Рубинштейн, И.Н.Семенов, А.Н.Соколов, В.Э.Чудновский и др.). Их предметом выступает выраженное в ауторечи **рефлексивно-смысловое отношение «Я»** к собственным поступкам в жизненных ситуациях и к вовлеченным в них людям, взаимодействие с которыми по мере надобности может продолжиться в актах общения и достижения взаимопонимания как условия совместных поступков и деятельностей.

Смысловое отношение возникает, благодаря спонтанной или произвольной рефлексии как ситуативно-ретроспективному или перспективно-экзистенциальному осознанию и переосмыслению субъектом значимых для «Я» аспектов собственного поведения в сложных обстоятельствах, требующих самоопределения относительно выбора из имеющихся альтернатив адекватных и успешных поступков. Потребность в диалоге с собой возрастает в критических для «Я» проблемно-конфликтных ситуациях, эмоциональная напряженность, внешняя противоречивость и внутренняя конфликтность которых рефлексивно снимается за счет принятия решений, оптимальных для «Я». Принятое в результате рефлексии разумное решение оказывает «Я» внутреннюю поддержку, вселяя в него уверенность в себе и обеспечивая личностный рост субъекта как самоценной индивидуальности. Тем самым обеспечивается продуктивность произвольного самообщения, которая служит необходимым условием возрастания творческого потенциала и ресурсных возможностей «Я» для самореализации. Творческий прогресс индивида опосредован рефлексивным диалогом в ходе поисково-исследовательской и конструктивно-продуктивной деятельности субъекта, устремленного к инновационной самореализации,

интенционально соотносящейся с ценностями и образцами культуры в различных сферах социальной практики (экономики, производства, техники, науки, образования, здравоохранения, политики, управления, искусства).

Продуктивность самообщения человека обеспечивает мощный вклад его творческой индивидуальности в сокровищницу культуры в виде новых произведений, которые, побеждая в конкуренции, становятся носителями новаций и культурными образцами для современных и последующих поколений творцов-профессионалов в различных сферах культуры,

Диалог с собой обеспечивает также культурно - нравственную идентичность личности, приобщающейся в процессе социализации к окружающим ее социальным общностям с присущими им ценностями, обычаями, институциями. Это приобщение выражается не только в усвоении указанных норм посредством соответствующего образования, но и сопровождается их освоением и индивидуальным присвоением. В этих процессах эти нормы персонализируются, становясь личными ценностями. В результате аутодиалога, «Я» обращается к проблемам добра и зла, пороков и добродетелей, греховности и праведности, лжи и правды и самоопределяется относительно этих морально-этических максим как смысловых начал человеческой жизни, определяя ориентиры своего поведения в качестве индивидуальности в конкретных ситуациях нравственного выбора.

Диалог с собой является, в конечном счете, экзистенциально-дискурсивным самовыражением «Я» и, одновременно, рефлексивно-смысловым механизмом индивидуализации человека, обеспечивая развитие его самобытной, самодостаточной и оригинальной индивидуальности.

Исходя из рассмотрения индивидуальности с позиций рефлексивно-экзистенциального подхода, мы проводим ее исследования как **открытой и закрытой** системы

7. Прецеденты изучения индивидуальности как открытой системы

Первым опытом такого рода явилось наше совместное с Г.И.Давыдовой исследование рефлексивных особенностей развития индивидуальности школьников в процессе их рефлексивно-диалогического взаимодействия с учителями и родителями в системе семейного воспитания и общего образования. В связи с этим, была разработана концептуальная модель и реализующие ее психотерапевтические методы рефлексивной поддержки развития школьников в процессе общего образования (24).

Вторым прецедентом явилось изучение вместе с В.Г.Аникиной и Н.А. Коваль (9) проявлений экзистенциальной рефлексии индивидуальности в процессе преодоления проблемно-конфликтных ситуаций при решении творческих задач. Их продуктивное разрешение актуализировало индивидуальность целостного «Я», рефлексирующего не только процесс преодоления сложностей мыслительного поиска, но и конфликтность его для субъекта. Для активизации этого процесса были разработаны специальные тренинговые процедуры, показавшие свою эффективность для развития экзистенциальной рефлексии как компонента структуры индивидуальности, изучаемой в рамках социокультурной методологической ориентации.

Третий прецедент представляет собой рефлексивно-психологическое исследование Семенова И. Н., С.А.Смирнова и В.В.Кордубана кризисной индивидуальности лиц, страдающих алкоголизмом и наркоманией. В рефлексивно-психотерапевтической практике реабилитационной работы с этим контингентом рельефно выступила необходимость «достучаться» до «Я» пациентов, «пробиться» сквозь шоры измененного сознания в мир их внутренней жизни с тем, чтобы оказать рефлексивно-экзистенциальную поддержку в целях восстановления целостности, самостоятельности и жизнеспособности нарушенной недугом и социально отклоняющимся поведением индивидуальности. В дальнейшем этот опыт был

усовершенствован за счет применения методов гештальт-терапии и проведения исследований на выборках здоровых людей, в частности, руководителей малого бизнеса. Обобщение результатов данных исследований привело к разработке положений о рефлексивной гештальт-терапии, что явилось четвертым прецедентом реализации нашего подхода к изучению индивидуальности как открытой системы.

Значение исследования субъектов малого бизнеса связано с тем, что одной из стратегий социально-экономического развития России и становления в ней гражданского общества является формирование его среднего класса. Встречающийся в современных условиях спектр, как внешних, объективных препятствий этому формированию, так и, в особенности, внутренних, субъектных трудностей, весьма широк. Их выявление, изучение, типология и, в особенности, разработка рефлексивных технологий их преодоления представляют собой самостоятельную проблематику такого нового направления человекознания, как рефлексивная психология индивидуальности, экономического поведения и развития человеческого капитала субъекта.

Особую область этого направления составляет **рефлексивная психотерапия**, стремящаяся не только исследовать особенности «Я» и индивидуальности человека, его характер и способности, но, главное, вскрыв пласты и динамику произвольно рефлексирующего и спонтанно актуализирующегося экзистенциального сознания, оказать человеку психологическую поддержку и психотерапевтическую помощь. Ибо, как показывает практика, многие причины неуспеха в бизнесе, равно как и неэффективность принятия ряда управленческих решений, зачастую уходят своими корнями в глубинные слои сознания и жизнедеятельности субъекта.

Эта инновационная область психотерапии образовалась сравнительно недавно, на стыке классической гештальт-терапии (Ф.Пэрлз, С. и А.Гингер,

Н.Лебедева, Е.Иванова и др.), организационного консультирования (Э.Нэвис, А.И.Пригожин и др.), а также рефлексивного человекознания (Н.Г.Алексеев, В.А.Лефевр, В.Е.Лепский, Г.П.Щедровицкий и др.). Ее развивающимися направлениями являются рефлексивно-гуманитарная психология (И.Н.Семенов), рефлексивно-диалогическая психотерапия (Г.И.Давыдова, И.Н.Семенов), рефлексивная реабилитология (С.А.Смирнов, И.Н.Семенов, В.В.Кордубан).

Конструктивным прецедентом практико-ориентированного исследования в русле современной рефлексивной гештальт-психотерапии явилось проведенное нами изучение проблемности экономического поведения бизнесменов и разработка принципов и методов их экзистенциальной поддержки при решении ими профессиональных проблем.

Еще одним прецедентом изучения индивидуальности с рефлексивно-психологических позиций явилось исследование Е.П.Варламовой и С.Ю.Степанова (18), посвященное творческой уникальности человека. Авторами использовался ряд методик психодиагностического, психотерапевтического, тернингового и психобиографического характера с акцентом на развитие творческих возможностей и рефлексивно-инновационного потенциала индивидуальности.

Однако творческое бытие человека в пространстве создаваемой им культуры и развивающееся в историческом времени предоставляет возможность изучать его индивидуальность либо как еще становящуюся (скажем, в актах творческой самодеятельности) систему, либо как уже окончательно свершившуюся в жизнедеятельности и закрытую (фактом смерти) систему. В последнем случае индивидуальность может изучаться лишь опосредованно, путем психобиографической реконструкции свойств и образов «Я» субъекта и его окончательно свершившейся жизнедеятельности, представленной в мемориальных документах и различных авторских текстах,

включая научные и художественные произведения, дневники, письма, воспоминания. Прецедентами рефлексивно-психологических реконструкций индивидуальности послужили наши историко-научные статьи с анализом вклада в культуру и характеристикой творческой уникальности ряда философов, психологов, педагогов, которые были подготовлены нами для энциклопедий, словарей, научных журналов и сборников.

8. Прецеденты изучения индивидуальности как закрытой системы

Первым нашим исследованием такого рода послужила историко-научная работа над персоналиями О.Кюльпе, В.М.Бехтерева, П.П.Блонского и Л.С. Выготского, опубликованная в БСЭ третьего издания и в Философском энциклопедическом словаре. Причем, характеристики первых трех персоналий строились посредством реконструкции их научного пути и оценки профессионального вклада в науку и культуру на материале анализа научных трудов и биографических данных о жизнедеятельности этих ученых. При работе, посвященной Л.С.Выготскому, помимо анализа его трудов и биографии, были использованы также материалы наших рефлексивно - диалогических интервью с учеными, близко знавшими его: П.Я.Гальпериным, А.В.Запорожцем, Б.В.Зейгарник, А.Н.Леонтьевым, А.Р. Лурией, Д.Б.Элькониным, а также с супругой ученого и с его дочерью Гитой Львовной Выгодской. При этом, нельзя было не почувствовать обаяние творческой индивидуальности гения мировой психологической мысли, каким признан Л.С.Выготский, и буквально ощутить на себе влияние его, по выражению В. А. Петровского, «отраженной субъектности».

Вторым прецедентом – собственно рефлексивно-диалогического изучения творческой индивидуальности – явилась наша работа с близко знакомыми персоналиями Н.Г.Алексеева, П.Я.Гальперина, И.С.Ладенко, Я.А.Пономарева, П.А.Шеварева, Г.П.Щедровицкого. Нас связывало многолетнее сотрудничество, как при системно-психологической разработке

проблем мышления, так и при организации научных семинаров, конференций и секций по линии Философского и Психологического обществ при АН СССР, РАН и АПН СССР, РАО РФ. В результате этой работы появилась общая схема характеристики творческой индивидуальности ученого-гуманитария на материале рефлексивно-биографического анализа его жизненного пути и профессиональной деятельности в контексте конкретно-исторических условий формирования и развития личности в социокультурном пространстве образования и науки. Подобная схема позволила не только эксплицировать и оценить конкретный вклад в психологию названных и других ученых, но и подчеркнуть уникальность их жизни и научного поиска.

Третьим прецедентом стал наш рефлексивно-культурологический анализ развития индивидуальности поэта Ф.И.Тютчева в контексте проблематики художественного творчества и изучения его влияния на формирование социокультурных ценностей Серебряного века. Результаты этой работы, а также исследований других психологов, нашли развитие в идее создания новой области возрастной психологии - «акмеологии», изучающей взрослого человека. При акмеологических исследованиях в контексте современного человекознания ставится акцент на изучение достижения вершин профессионализма, творческого мастерства, рефлексивной культуры и самосовершенствования индивидуальности зрелой личности (К.А.Абульханова, А.А.Бодалев, А.А.Деркач, Е.А.Климов, Е.Б. Старовойтенко, Р.Л.Кричевский, Н.В.Кузьмина, А.К.Маркова, И.Н.Семенов, С.Ю.Степанов, Е.А.Яблокова и др.).

Четвертым прецедентом явилось распространение опыта рефлексивно-экзистенциального подхода к изучению развития творчества крупных ученых в социокультурном пространстве на наше совместное с А.В.Балаевой и А.А.Деркачем исследование индивидуальности выдающегося

психофизиолога начала XX в. **Н.Я. Пэрны**, создавшего ритмологическую теорию творческого развития человека (25).

9. Рефлексивный подход к творческой индивидуальности ученого

Почти каждая выходящая ныне монография, посвященная проблемам биоритмов и динамике психической деятельности, не обходится без ссылок на исследование Николая Яковлевича Пэрны (1878-1923) «Ритм, жизнь и творчество» (1925). Теория ритмической организации жизнедеятельности человека, изложенная в работе Н.Я. Пэрны, содержит важные идеи о принципах развития человека в процессе жизни и профессионально-творческой деятельности, востребованные в современной психологии развития индивидуальности и акмеологии профессионализма.

Рассмотрим результаты проведенного нами рефлексивно-культурологического исследования развития индивидуальности ученого на материале научно-продуктивной жизнедеятельности Н.Я.Пэрны. Он был одним из ученых, стоявших на рубеже XIX-XX веков, в эпоху Серебряного века русской культуры у истоков российской психологии и акмеологии творчества, и являлся оригинальным (но недостаточно известным как в свое время, так и донныне) ученым-энциклопедистом. Его упомянутый капитальный труд содержал новаторскую концепцию развития творчества у гениев философии (Кант, Гете), науки (Ньютон, Либих, Гельмгольц), поэзии (Байрон, Пушкин), литературы (Гоголь, Шиллер), музыки (Бетховен, Моцарт, Глинка), живописи (Рембрант) и др. Он был соратником и другом выдающихся физиологов Н.Е.Введенского и А.А.Ухтомского. Сам Н.Я.Пэрна был не только крупным экспериментатором в области неврологии, но и широко эрудированным ученым, развивавшим междисциплинарный подход к проблематике научного и художественного творчества. Изучение его закономерностей он вел разработанным им **рефлексивно-биографическим**

методом, важность которого в психологии творчества отмечали позднее А.А.Бодалев, Б.М.Кедров, И.И.Лапшин, Я.А.Пономарев, М.Г.Ярошевский.

Важно подчеркнуть, что формирование творческой индивидуальности Н.Я.Пэрны было опосредовано интенсивной экзистенциально-профессиональной рефлексией в форме дневника, который он вел всю сознательную жизнь. Кроме того, им осуществлялась культурно-методологическая рефлексия жизнедеятельности гениев русской и мировой науки и культуры, поскольку разработанная им **психобиографика** была устремлена к познанию индивидуальности творчества. Основным положением концепции Н.Я.Пэрны является утверждение о том, что все процессы жизни (в особенности такие сложные, как человеческая жизнь) являются волнообразными. Причем, эта волнообразность носит поступательный, созидательный характер, то есть с каждой новой волной развитие переходит на качественно новый уровень. Для обоснования этого положения Н.Я. Пэрна проанализировал, во-первых, факты физиологической и биологической периодичности, во-вторых, ритмы психической жизни человека. Ритмы психической (или душевной) жизни изучались ученым на основании количественного анализа собственного дневника, в который на протяжении 18 лет непрерывно заносились и рефлексировались мысли и душевные переживания, а также на основании анализа более 20 биографий выдающихся деятелей искусства и науки **методом возрастной периодизации творчества**.

Рефлексивно-смысловой анализ дневника (А.В.Балаева, И.Н.Семенов) показал, что он строился Н.Я.Пэрной следующим образом: выявив три фактора (частоту записей, число написанных страниц и количество «новых мыслей» за полугодие), ученый графически прослеживал их взаимосвязь с временным параметром. В случае с биографиями устанавливалась взаимосвязь временного параметра и характера продуктов творчества. В

результате исследования, Н.Я.Пэрной было установлено, что жизнь значительного числа людей (к анализируемой выборке автор добавил также данные других исследователей) протекает волнообразно, что проявляется в существовании особых «узловых точек» развития, совпадающих с годами жизни: 6-7 лет, 12-13 лет, 18-19 лет, 25-26 лет, 31-32 года, 37-38 лет, 43-44 года, 50 лет, 56-57 лет и т.д. Таким образом, среднее значение интервала, через который происходит скачок в развитии личности, равно примерно 6-7 годам. Продуктивность профессионально-творческой деятельности также зависит от обнаруженного ритма, что подтвердил анализ Н.Я.Пэрной индивидуальных биографий выдающихся людей. Содержание научной концепции и рефлексии ученого, по нашему мнению, отражает многие аспекты его личностного развития, становления его как профессионала и как индивидуальности.

Продуктивность профессионально-творческой деятельности традиционно изучается с помощью метода возрастной периодизации творчества, который в России был разработан именно Н.Я. Пэрной. В современной психологии и акмеологии подобный метод нашел применение в работах А.А.Бодалева и Л.А. Рудкевича (15). Архивный материал, на основе которого нами с А.В.Балаевой была произведена реконструкция творческой биографии Н.Я. Пэрна, условно делится на три основных части: 1) дневники (содержат данные о внутренней эволюции автора, о его ценностно-смысловой сфере и субъективные оценки событий биографии); 2) автобиографические документы (содержат факты биографии и их датировку, списки научных трудов – опубликованных и неопубликованных); 3) рукописи научных работ и тексты публикаций. В своей совокупности эти дискурсы презентуют феноменологию продуктивной самореализации в сфере науки творческой индивидуальности ученого как субъекта инновационной научной деятельности.

Исходя из вышеприведенной структуры архивных данных, были выделены три направления исследования творческой индивидуальности ученого на материале рефлексивно-психологического анализа биографии Н.Я. Пэрна. Первое направление включает в себя реконструкцию биографии ученого в виде хронологической таблицы. Второе направление связано с анализом дневника, который презентует сведения о внутренней жизни автора (диаграммы «Изменение во времени характеристик дневника» и «Смысловые категории»). Третье направление - это изучение динамики продуктивности профессионально-творческой деятельности с помощью метода возрастной периодизации творчества (диаграмма «Динамика продуктивности профессионально-творческой деятельности Н.Я. Пэрна»).

Рефлексивно-хронологическая таблица снабжает качественной информацией о субъективной оценке жизненной ситуации ученым, о спектре его интересов в определенный период времени, о важнейших событиях в жизни, так или иначе связанных или влияющих на научно-профессиональную деятельность. Важно то, что эта таблица составлена на основе тщательного поиска необходимых фактов в архивных материалах. Разрозненные данные приведены в соответствие друг другу с опорой на хронологический критерий и сведены в рефлексивно-хронологической таблице. Приводим ее фрагмент:

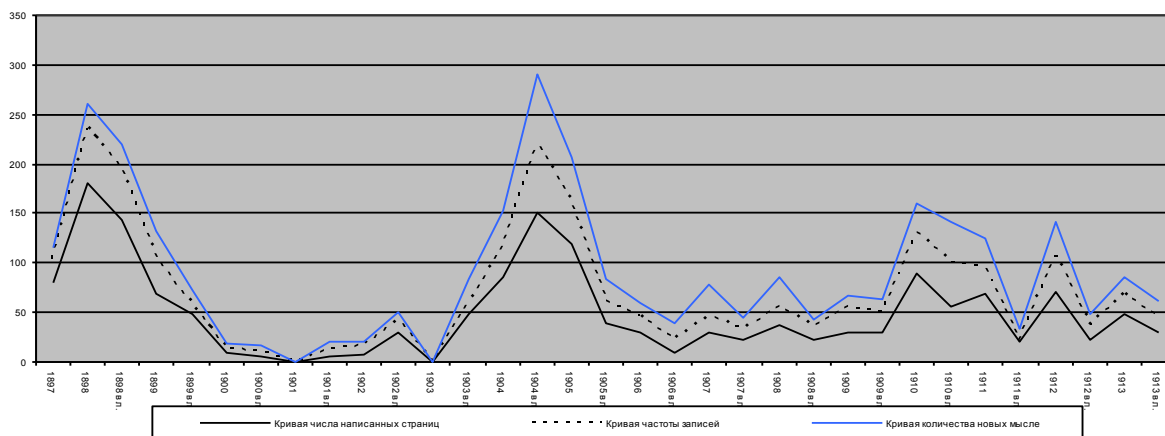
Даты/ воз- раст	События «внешней» биографии	События «внутренней» биографии или субъективная оценка жизненной ситуации	Научные Работы	Область научных и творческих интересов, книги
1921- 1922/43	Пытается ввести чтение курса по	«Я стар и болен», но в то же время Н.Я. Пэрна пишет:	Написал работу «Сон и его значение для внутренней	Luciani, Гельмгольц, Антология

-44	психофизиологии	«Душа и тело требуют уже быть самостоятельным»	секреции», вел отделку IV части книги о периодичности, написал «Мелодия в музыке»	натурфилософии, В.Оствальд, Франк, Дао де Дзин
-----	-----------------	--	---	--

В дополнение к данным этой хронологической таблицы был использован также специально построенный график «Изменение во времени характеристик дневника», являющийся реконструкцией графика, созданного самим Н.Я. Пэрной для иллюстрации исследования «Ритм, жизнь и творчество» (1925). Данные о количестве страниц, частоте записей и количестве новых мыслей воспроизведены из упомянутого графика и в точности отражают его динамику. Диаграмма же «Изменение во времени характеристик дневника» характеризует активность внутренних переживаний ученого. Эта диаграмма в количественном выражении демонстрирует степень рефлексивности творческой индивидуальности Н.Я. Пэрна в определенный момент времени жизнедеятельности. Причем, методика анализа рефлексии дневников разработана самим Н.Я. Пэрной. И хотя сам автор считал, что график, построенный на основе дневников, характеризует душевную жизнь, нам представляется конструктивным конкретизировать этот аспект жизнедеятельности ученого, присвоив ему рефлексивную функцию.

Диаграмма 1

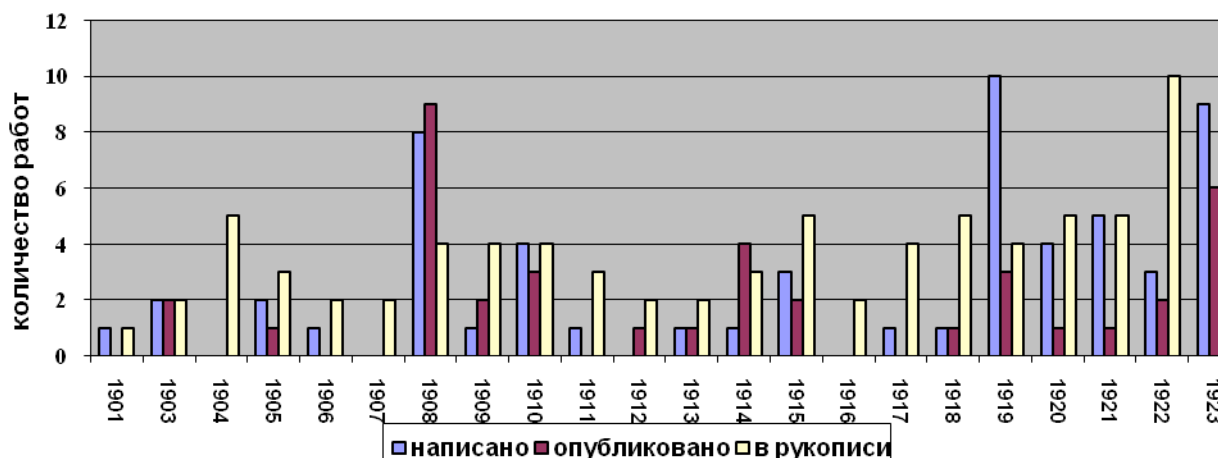
Изменение во времени характеристик дневника (1887-1913 г.г.)

Выделение высших точек в профессионально-творческом развитии ученого опиралось, во-первых, на автобиографические свидетельства самого Н.Я. Пэрна, во-вторых, на результаты его исследований биографий выдающихся людей, в-третьих, на обнаруженные нами с А.В.Балаевой данные о динамике творческой продуктивности, представленные в диаграмме 2. Эта диаграмма построена на основе рефлексивно-культурологического анализа летописи профессионально-творческой деятельности Н.Я. Пэрны. Построение возрастной периодизации творчества Н.Я. Пэрны основывалось на количестве написанных им работ, а также на количестве работ, находящихся в рукописи, то есть в процессе написания. Наиболее четкий критерий продуктивности – это количество написанных работ, так как количество работ, находящихся в рукописи не всегда возможно установить с точностью. Преимущество критерия количества написанных работ состоит также в том, что он отражает результативный, а не процессуальный аспект профессионально-творческой деятельности, но в то же время не столь зависим от социального фактора, как критерий количества публикаций.

Диаграмма 2

**Динамика продуктивности профессионально-творческой
деятельности Н.Я. Пэрна
за 1901-1923 гг.**

Проведенный рефлексивно-культурологический анализ данных хронологической таблицы и диаграммы «Динамика продуктивности профессионально-творческой деятельности Н.Я. Пэрны за 1901-1923 гг.», а также графика «Изменение во времени характеристик дневника» позволил охарактеризовать наиболее важные периоды жизненного пути ученого, свидетельствующие о прохождении им точки «акме», т.е. наивысшего расцвета его творческой индивидуальности и профессиональной деятельности. Так, например, в графике «Изменение во времени характеристик дневника» в 1903 г. все показатели быстро возрастают, достигая своего пика во второй половине 1904 г. Это говорит о всплеске рефлексивной активности творческой индивидуальности Н.Я. Пэрна в возрасте 25-26 лет, что свидетельствует о необычности этого периода для развития внутреннего мира его жизни. Этот возраст сам Н.Я. Пэрна считал возрастом творческой зрелости человека. Вместе с тем, именно в это время формируются основные представления Н.Я. Пэрна о периодичности явлений жизни, которые стали основой его уникальной работы, посвященной ритмам в жизни человека.

Наряду с этим были выделены также и другие особенности профессионально-творческой деятельности Н.Я. Пэрны в возрасте 25-26 лет. Это интерес к мистике, поиск смысла жизни; увлечение другими науками и искусством; совмещение учебы в Медицинской академии и работы на Бестужевских курсах; резкий рост в 1904 г. количества работ, находящихся в рукописи; амбивалентность индивидуального самосознания в виде взаимодействующих разнонаправленных субъективных самооценок: «потеря научной почвы», с одной стороны, и «волна зреющих мыслей и творчества», с другой.

Проведенный рефлексивно-психологический анализ этих данных позволяет сделать вывод о том, что в указанный отрезок времени (соответствующий возрасту 25-26 лет), в творческо-профессиональном и индивидуальном развитии Н.Я. Пэрны наступил переломный момент: ярко проявились интересы и склонности, определившие направленность этого развития в последующие годы и даже до конца жизни. Относительно же внешних обстоятельств самореализации ученого выяснилось, что в это время он совершает выбор в пользу совмещения различных видов деятельности: преподавательской, исследовательской, учебной. А это стало, с одной стороны, причиной недостаточной концентрации на собственно научной работе и сказалось на небыстрой карьере Н.Я. Пэрны, а, с другой – способствовало его формированию как профессионала в широком смысле.

Важно подчеркнуть, что творческий аспект профессиональной деятельности напрямую связан с развитием человеком своей индивидуальности. Если профессия – это то, что позволяет человеку найти свое место в обществе, то творчество представляет собой то, что позволяет субъекту найти путь к самому себе, и связано с более глубокими уровнями индивидуальности. Человек является **творческой индивидуальностью** не только в профессии, но и самое главное – в своих отношениях с

окружающими, в своем осознанном подходе к решению важнейших жизненных и профессиональных вопросов. При изучении продуктивности профессионально-творческой деятельности необходимо учитывать развивающийся, благодаря рефлексии, внутренний мир субъекта жизнедеятельности.

Изучение особенностей развития внутреннего мира человека является одним из важных направлений современных психологических исследований индивидуальности (В.Д.Шадриков). Необходимо отметить, что душевная и духовная сферы личности имеют высокую ценность в контексте профессионального развития. Изучая высокие достижения профессионалов разных эпох, важно обращать внимание на содержание и эволюцию их мотивационно – эмоциональной и ценностно-смысловой сфер, поскольку зачастую **внутренние поиски** выдающихся личностей – не менее значительное наследие, чем социально признанные продуктивные результаты их профессионально-творческой деятельности.

В связи с этим возникает концептуально-методическая проблема психологической оценки внутреннего мира выдающейся личности. Один из наиболее доступных способов, особенно, если речь идет о выдающемся человеке прошлого, – это обратиться не только к социализированным продуктам творчества (публикациям), но и также к неопубликованным, по сути, рефлексивным, дневникам, в которых экзистенциально самореализуется творческая индивидуальность. Согласно А.А.Бодалеву, одним из основных критериев оценки продуктивности внутреннего мира является его направленность, которая характеризуется преобладанием узколичных или высших духовно-нравственных потребностей.

В изучении творческой индивидуальности Н.Я. Пэрны, мы обратились к анализу его дневников, отражающих духовный поиск ученого на протяжении 1898-1922 гг. Смысловая сфера индивидуальности имеет как структурный,

так и динамический аспект. В связи с этим, посредством специально разработанного метода содержательно-смыслового анализа рефлексии, в общем текстовом потоке дневника были выделены высказывания, которые являлись ответом на вопросы «зачем я живу?», «что является в жизни самым важным?» или «чего я больше всего хочу?». Эти вопросы реконструированы с целью наиболее точного определения в тексте смысловых высказываний. В результате были получены следующие категории личностных смыслов: истина, понимание, саморазвитие, процесс жизни, самовыражение в творчестве, слава, внутреннее величие, назначение, дружба, слияние с окружающим миром, польза других. Было также подсчитано общее количество упоминаний каждой категории в дневнике.

Оказалось, что наибольшее значение имеют категории «истина», «понимание», «саморазвитие», «процесс жизни» (соответственно 33, 33, 13, 13). Наименьшее значение у категории «слава» (всего 3). Таким образом, рефлексивно-психологическая реконструкция смысловой структуры внутреннего мира Н.Я. Пэрны свидетельствует о преобладании у него высших духовно-нравственных смыслов. Объединение всех выделенных категорий в три группы – «истина», «самосовершенствование» и «другие» позволило изучить динамический аспект внутреннего мира Н.Я. Пэрны, Сравнив количественное соотношение этих групп за 1904-1905 и 1919-1920 гг., мы получили следующие результаты (см. диаграммы 3, 4):

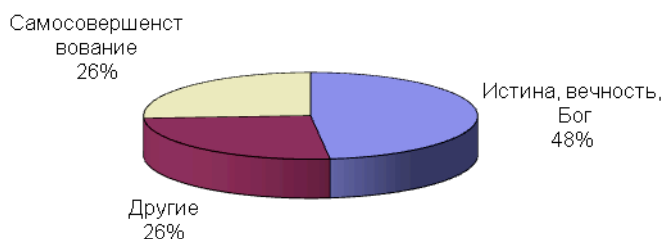
Диаграмма 3

Соотношение основных групп смысловых категорий в дневнике за 1904-1905 гг.

Диаграмма 4

Соотношение основных групп смысловых категорий в дневнике за 1919-1920 гг.

На основе рефлексивно-культурологического анализа полученных результатов можно сделать вывод об относительной неизменности смысловой структуры: так, группа «Истина» сохранила свои позиции на протяжении 15 лет. Основное же изменение в смысловой структуре связано с увеличением удельного веса категорий, субъектом действия в которых выступают другие люди. Таким образом, в период 1919-1920 гг. увеличилась социальная составляющая внутреннего мира ученого. Важно, подчеркнуть, что в эти же годы ученый занимался написанием наиболее зрелого труда

своей жизни – работы «Ритм, жизнь и творчество», опубликованной в 1925г. уже после его смерти в 1923г.

Таким образом, как показал рефлексивно-культурологический анализ развития творческой индивидуальности Н.Я.Пэрны, для его внутреннего мира характерно преобладание высших духовно-нравственных ценностей, таких как истина, саморазвитие, самосовершенствование. Причем, с течением времени эти ценности не потеряли для него своей значимости. Однако, ценность саморазвития собственной творческой индивидуальности разделила свои позиции с альтруистической составляющей смысловой сферы, выраженной в категории «Другие», что свидетельствует о продуктивном развитии внутреннего мира ученого и о достижении им профессионально-творческой и нравственно-духовной зрелости.

Указанный труд Н.Я.Пэрны не только является первым рефлексивно-культурологическим и психолого - акмеологическим исследованием творческой индивидуальности ученых и деятелей культуры, но и оказывается профессионально востребованным уже в наше время как предвосхитивший появление такой новой области человекознания, как **психология творческого развития взрослого человека** и его самосовершенствования. Более того, полученные Н.Я.Пэрной данные о периодичности развития творческой индивидуальности выдающихся деятелей науки и культуры стали неотъемлемой частью современной ритмологии.

Итак, рассмотрение опыта теоретического, эмпирического и прикладного изучения индивидуальности с позиций рефлексивно-экзистенциального подхода обосновывает его конструктивность для психологического познания и практического освоения проблематики индивидуальности в современном социокультурном контексте.

Литература

1. Абульханова К.А. Стратегии жизни. М. 1981
2. Абульханова-Славская К.А., Березина Т.Н. Время личности и время жизни. М.. 2005.
3. Адлер А. Практика и теория индивидуальной психологии. М. 1995
4. Алексеев Н.Г., Зарецкий В.К., Семенов И.Н. и др. К разработке комплексных средств диагностики индивидуальных особенностей мышления // Психодиагностика и школа. Таллинн. 1980
5. Алексеев Н.Г., Семенов И.Н., Умрихин В.В. Концептуальные схемы анализа деятельности //Мысли о мыслях. Т. 1. Ч.1. Новосибирск. 1996.
6. Алюшина Н.А., Репецкий Ю.А., Семенов И.Н. Рефлексивная психология и акмеология успешного управленца. М.-Сочи. 1998.
7. Андриевский А.П.(сост.). Всемирная философия. XX век. Минск. 2004.
8. Андрияко Л.Я., Семенов И.Н. и др. Психологическая экспертиза критических ситуаций. Новосибирск. 1991.
9. Аникина В.Г., Коваль Н.А., Семенов И.Н. Исследование экзистенциальной рефлексии в проблемно-конфликтных ситуациях. Тамбов. 2001.
10. Асмолов А.Г., Бассин Ф.В., Братусь Б.С., Зейгарник Б.В. и др. Значение переживания как предмет психологического исследования - Вопросы психологии. 1979. N 2
11. Балаева А.В., Семенов И.Н. Рефлексивно-акмеологический подход к изучению научно-профессионального творчества //Рефлексивный подход к психологическому обеспечению образования/ (Под ред. А.В.Карпова и др.) М.-Ярославль. 2004. С. 100-110.

12. Берулава Г.А. Стиль индивидуальности. М. 1996.
13. Белоус В.В. Введение в психологию полиморфной индивидуальности. Пятигорск. 2006.
14. Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание. М. 1986.
15. Бодалев А.А., Рудкевич Л.А. Как становятся великими или выдающимися? М. 1997.
16. Болотова А.К. Психология времени человека. М. 2006.
17. Бюлер Ш. Биография как история личности. М. 1993.
18. Варламова Е.П., Степанов С.Ю. Рефлексивная психология творческой уникальности. М. 1998
19. Василюк Ф.Е. Уровни построения переживания и методы психологической науки. - Вопросы психологии. 1988. N 5. С.27-37.
21. Войтик И.М., Семенов И.Н. Оценка и развитие рефлексивного мышления. Новосибирск. 2001.
22. Волков Ю.Г., Поликарпов В.С. Человек: Энциклопедический словарь. М. 1999.
23. Вяткин Б.А. Метаинтегральная индивидуальность. Пермь. 2003
24. Давыдова Г.И., Семенов И.Н. Рефлексивно-диалогическая психотерапия: экзистенциальная модель развития личности. - Мир психологии. 2007. N 2. С.110-117.
25. Деркач А.А., Семенов И.Н., Балаева А.В. Рефлексивная акмеология творческой индивидуальности. М. 2005.
26. Зинченко В.П.(ред.). Как построить свое «Я». М. 1991.

27. Знаков В.В. Понимание как проблема психологии человеческого бытия. - Психол.ж. 2000.Т. 21. N. 2. С.7-16.
28. Журавлев А.Л., Шорохова Е.В. (ред.). Психология совместной жизнедеятельности малых групп и организаций. М. 2001.
29. Карпов А.В., Скитяева И.М. Психология рефлексии. Ярославль. .2002.
30. Климов Е.А. Индивидуальные стили деятельности в зависимости от типологических свойств нервной системы. Казань.. 1969.
31. Кон И.С. Открытие «Я». М. 1978.
32. Косман М.А. Динамика внутренней жизни (система психологии). М. 1917
33. Ладенко И.С., Семенов И.Н., Степанов С.Ю. Философские и психологические исследования рефлексии. Новосибирск. 1991
34. Лазурский А.Ф. Классификация личностей. Л. 1925.
35. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М. 2003.
36. Липпе Т. Самосознание. Спб. 1993.
37. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М. 1975.
38. Мерлин В.С. Очерк интегрального исследования индивидуальности. М. 1986.
39. Мэй Р. Искусство психологического консультирования. М.1994.
40. Мясищев В.Н. Проблема отношений человека и ее место в психологии - Вопросы психологии. 1957. N 5.

41. Небылицын В.Д. Психофизиологические исследования индивидуальных различий. М. 1976.
43. Непомнящая Н.И., Коневская Е.М., Пахомова О.Н. и др. Ценностность как центральный компонент психической структуры личности. - Вопросы психологии. 1980 N 1
44. Репецкий Ю.А., Семенов И.Н., Сидорова А.Ю. Рефлексия смысла жизни и личностное самоопределение в контексте инновационного тренинга. - Мир психологии. 2001.N 2. С. 177-186.
45. Пономарев Я.А., Семенов И.Н., Степанов С.Ю. и др. Психология творчества: общая, дифференциальная, прикладная. М. 1990.
46. Психология индивидуальных различий. Тексты. М. 1982.
47. Пэрна Н.Я. Жизнь человека. Из дневниковых записей. Спб. 1993.
48. Пэрна Н.Я. Ритм, жизнь и творчество. Петроград. 1925.
49. Рубинштейн М.М. Жизнепонимание – центральная задача философии//На переломе. Философские дискуссии 20-х годов. М. 1990. С.61-72.
50. Рубинштейн С.Л. Избранные философско-психологические труды: Основы онтологии, логики и психологии. М. 1997.
51. Сайко Э.В. Пространства жизни субъекта: Единство и многомерность субъектообразующей социальной эволюции. М. 2004.
52. Семенов И.Н. Проблемы рефлексивной психологии решения творческих задач. М. 1990.
53. Семенов И.Н. Тенденции развития психологии мышления, рефлексии и познавательной активности. М.-Воронеж. 2000.

54. Семенов И.Н. Психотерапия Карла Роджерса в интерьере рефлексивной психологии //Психология искренности. Винница. 2001.
55. Семенов И.Н. Рефлексивная психология творчества: концепции, эксперимент, практика //Психология. Журнал ГУ ВШЭ. 2005. N 4. С.65-74.
56. Семенов И.Н. Взаимодействие интуитивистики и рефлексии в философии и общей психологии творчества Я.А.Пономарева //Психология творчества: школа Я.А.Пономарева./(Под ред. Д.В.Ушакова.) М. 2006. С.438-454
57. Семенов И.Н. Степанов С.Ю. Рефлексия в организации творческого мышления и саморазвитии личности. - Вопросы психологии. 1983. N.2. С.35-42
58. Смирнов С.Д. Психология образа: проблема активности психического отражения. М. 1985.
59. Старовойтенко Е. Б. Культурная психология личности. М. 2007.
60. Старовойтенко Е.Б. Психология личности. (В парадигме жизненных отношений). М.. 2004.
61. Теплов Б.М. Исследование свойств нервной системы как путь к изучению индивидуально-психологических различий // Психологическая наука в СССР.Т.2. М. 1960.
62. Умрихин В.В. Развитие советской дифференциальной психологии. М. 1987
63. Фельдштейн Д.И. Психология развивающейся личности. М.-Воронеж. 1996.
64. Франкл В. Человек в поисках смысла. М..1990.

65. Фрейд А. Психология «Я» и защитные механизмы личности. М. 1992
66. Чудновский В.Э. Смысл жизни: проблема относительной эмансипированности от «внешнего» к «внутреннему». - Психол. ж. 1995. N 2. С. 15-26
67. Шадриков В.Д. (ред.). Психология индивидуальности. М. 2006.
68. Шадриков В.Д. Мир внутренней жизни человека. М. 2006.
69. Шмальгаузен И.И. Организм как целое в индивидуальном и историческом развитии. М. 1942
70. Шперк Ф.Э. Философия индивидуальности. Спб. 1895.
71. Шперк Ф.Э. Философия рефлексии. Спб. 1895.
72. Юревич В.П. «Онтологический круг» и структура психологического знания. - Психол.ж. 1992. Т. 13. .N 1.
73. Semyonov I.N. Philosophy of humanization of education and reflexiveness of dialog //Humanization of aducation. 2006. N. 3.

IX. ТРАНСЛИЧНОСТНОЕ НАЧАЛО ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ.

ДВЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ

1. «Личность» и «сущность» как определения индивидуальности человека.

В соответствии с антропологической моделью В.Франкла, описывающей человека как единство трех ортогональных измерений – телесного, психического и духовного (ноэтического), экзистенциальный анализ (А.Лэнгле) понимает **индивидуальность человека** как имеющую две составляющие: психофизическую и духовную. В данной статье мы обозначим эти две составляющие терминами «личность» и «сущность» человека (24;25).

Для терминологической фиксации этих двух составляющих индивидуальности в английском языке используются термины «Personality» и «Person» (27), «Personality» и «Essence» (36), а в немецком языке - термины «Persönlichkeit» и «Person» (18).

Известно, что каждое явление может изучаться в трех планах – в плане общего, особенного и единичного. Если предметом изучения является психика человека, то сущность человека характеризует план общего в психике, личность – план особенного (типического), а **индивидуальность** характеризует именно аспект **единичного** в психике человека. В философских и психологических исследованиях, имеющих многовековую историю и принадлежащих различным традициям и школам, мы не находим подобных определений и различий данных понятий. Более того, для традиционных исследований характерна тенденция к разного рода слияниям понятий сущность, личность и индивидуальность. Рассмотрим варианты подобной терминологической недифференцированности более подробно.

2. Представления о личности в философии

В философии понятие личность имеет множественность значений. Так, личность полагается необъективируемой, не вмещающейся (в силу своей духовной природы) ни в какие пространственно-временные координаты, а потому не познаваемой в своем существе сколько-нибудь адекватным и объективным образом (35). Согласно К. Вальверде, личность не может быть полностью схвачена в определении, потому что в ней много таинственного и парадоксального. Один из таких парадоксов: «...личность ... существует сама по себе и для себя. В ней есть некая несообщаемая другим внутренняя суть, благодаря которой она осознает свое глубинное единство, одиночество и ни с кем не делимую ответственность. Никакое другое человеческое существо не может коснуться этой сердцевины личности. Но в то же время личность – это непременно открытое существо: открытое вертикально – Богу, от которого она непрестанно получает бытие и существование; и горизонтально – людям, с которыми она может входить в разнообразные взаимообогащающие отношения» (9; с.40). Н.А.Бердяев также пишет о том, что «невозможно выработать единого понятия о личности, она характеризуется противоположностями, она есть противоречие в мире» (7; с.471); «личность есть неизменное в изменении, единство в многообразии» (Там же, с.440).

Обращаясь к истории философской мысли, мы видим многочисленные попытки определить личность. Одно из первых определений личности принадлежит Боэцию (ок. 480-525 г.): «Личность есть индивидуальная субстанция, имеющая разумную природу» (Цит. по 9; с.41). Ришар Сен-Викторский (ум. 1173) определял личность как «разумное существо, существующее только посредством себя самого, согласно некоему своеобразному способу» (Цит. по 6; с.400). Петру Ломбардийскому приписывают такое определение: личность - «ипостась, отличная благодаря своеобразию, относящемуся к достоинству» (Там же). Фома Аквинский

считал существенным для личности быть господином своих действий – «действовать, а не приводиться в действие» (Там же, с.401). Эти определения фиксируют ряд важнейших характеристик личности – нечто самостоятельное, одаренное **разумом**, обладающее **достоинством**.

В культуре Возрождения теоцентричное понимание личности сменилось на антропоцентричное: личность стала отождествляться с **яркой**, многосторонней **индивидуальностью** человека.

В Новое время Кант дал обоснование понятия личности в сфере практической философии: личность есть «свобода и независимость от механизма всей природы» (12, с.510), так как в личности «моральный закон открывает мне жизнь, независимую от живой природы» (Там же, с.729). То есть, личность основана на идее морального закона и даже тождественна ему, что дает ей свободу по отношению к природе и ее механизмам. Личность отличается от других вещей тем, что она не есть средство, а «цель сама по себе», и требование относиться к человеку в соответствии с этим является высшим этическим принципом Канта.

В первой половине XX в. М.Шелер сформулировал следующее определение личности. Личность – это «деятельный центр, в котором дух является внутри конечных форм бытия» (35; с.53); личность «заклучает в себе и понятие разума, но наряду с мышлением в идеях охватывает и определенный род созерцания, созерцание первофеноменов или сущностных содержаний, далее определенный класс эмоциональных и волевых актов, которые еще предстоит охарактеризовать, например, доброту, любовь, раскаяние, почитание и т.д.» (Там же).

Первой и главной характеристикой **духа (личности)** является независимость от органического, свобода от его принуждения и давления. Человек как личность, или духовное существо, не привязан к своим влечениям и к окружающему миру. Всю объективную реальность (в том числе, и свои собственные физиологические и психологические состояния)

человек как личность способен сделать предметом своего рассмотрения, и в этом, по Шелеру, главное отличие человека от животного. Животное не может осуществить духовное дистанцирование от объективной реальности и ее субстанцирование; все, что животное может постигнуть и заметить из своего окружающего мира, строго заключено в границы структуры этого мира. Человек же, в отличие от животного, выходит за пределы своей непосредственной практики, «преодолевает» ее и таким образом «возвышается» над ней. По мнению Шелера, человек больше не может сказать: «Я часть мира, я замкнут в нем», так как бытие его духа превосходит формы существования реального мира.

Вторая характеристика духа (личности), по Шелеру, связана с самосознанием, которого нет у животного. Животное слышит и видит, не зная, что оно слышит и видит. Благодаря самосознанию и способности опредмечивать свои психические состояния, личность есть «центр, возвышающийся над противоположностью организма и окружающего мира» (Там же, с.57). «Только человек – поскольку он личность – может возвыситься над собой как над живым существом и, исходя из одного центра как бы по ту сторону пространственно-временного мира, сделать предметом своего познания все, в том числе и себя самого» (Там же, с.60).

Третья характеристика духа состоит в том, что его центр в человеке – личность – не может быть частью опредмеченного мира. Дух не имеет никакого определенного «где» и «когда»; дух есть единственное бытие, которое не может стать предметом; дух есть «чистая и беспримесная актуальность, его бытие состоит лишь в свободном осуществлении его актов» (Там же, с.61). Дух можно сравнить с лучом света, исходящим из некоего источника. Это свет касается, пронизывает, наполняет человека, но не рождается в нем. Поскольку личность не является ни предметным, ни вещественным бытием, человек, чтобы быть личностью, может лишь самососредоточиться, но не может объективировать это бытие, полагает

Шелер. Другие люди как личности тоже не могут быть предметами. «Достигнуть участия в них мы можем, лишь осуществляя вслед за ними и вместе с ними их свободные акты, «идентифицируя» себя, как мы обычно говорим, с волением, любовью и т.д. какой-нибудь личности, и тем самым – с нею самой» (Там же, с.61). Иными словами, мы можем только со-участвовать другой личности посредством собственных переживаний и размышлений.

Н.А.Бердяев подчеркивает, что **личность** – это не биологическая или психологическая категория, но **этическая и духовная**. Как существо биологическое и социальное, человек есть порождение природы и общества и движим подсознательными сексуальными влечениями и экономическими интересами. Все социальные учения, по мнению Бердяева, знают лишь поверхностный объективированный слой в человеке. Духовное начало возвышает человека над природным и социальным миром, «личность есть независимость от природы, независимость от общества и государства» (7; с.454), потому что личность в человеке не детерминирована биологической и социальной наследственностью, «она есть свобода в человеке, возможность победы над детерминацией мира» (Там же).

Н.А.Бердяев созвучен здесь Г.Марселю, который подчеркивал, что личность противостоит обществу; быть личностью, по Марселю, означает «выступить против» обезличивающего общественного и брать на себя **ответственность** за свои действия» (21; с.91-93). Личности противопоставляется человек как индивид, как детерминированная биологической и социальной наследственностью часть общества. Каждый человек есть связанный с материальным миром индивид, но как личность он независим от материального мира. «Человек-индивидуум переживает изоляцию, эгоцентрически поглощен собой и призван вести мучительную борьбу за жизнь, защищаясь от подстерегающих опасностей. Человек-личность, тот же человек, преодолевает свою эгоцентрическую замкнутость,

раскрывает в себе универсум, но отстаивает свою независимость и свое достоинство по отношению к окружающему» (7; с.455).

Н.А.Бердяев также считает, что понимание человека как разумного существа не подходит для **персоналистической** философии, потому что определение личности, в основу которого положен разум, равносильно ее обезличиванию, так как разум идентичен у всех людей, и акты разумной деятельности индивидуальны. Если бы были возможны существа, деятельность которых исчерпывалась бы разумом, то такие существа были бы не личностями, а логическими субъектами, так же, как и морально-разумная природа человека у Канта есть безличная, общая природа. Бердяев подчеркивает, что личность – это **«экзистенциальный центр»**, чувствительный к страданиям и радостям, любовь, возвышающаяся над миром безличного, и тоска из-за погруженности в обыденный объектный мир, из-за чего личность «переживает бездну, отделяющую ее от высшего мира, от иного мира, который должен ей быть родным» (Там же, с.471).

Н.А.Бердяев указывает еще на один парадокс бытия личности: с одной стороны, реализация личности есть постоянное трансцендирование, личность «входит в бесконечность и впускает в себя бесконечность» (Там же, с.439). С другой стороны, «вместе с тем личность предполагает форму и границу, она не смешивается с окружающим миром и не растворяется в нем» (Там же). Здесь, наряду с константностью личности, подчеркивается и еще одно ее существенное свойство, которое М.Шелер определил как «открытость миру» (35; с.53). На этой открытости миру основана способность личности к диалогу и, более, того, потребность личности в диалоге, так что диалог является формой бытия личности. Согласно Э. Мунье, личность существует в своем устремлении к «другому», познает себя через «другого» и обретает себя в «другом». Первичный опыт личности – это опыт «другой» личности. «Ты» всегда предшествует и сопровождает «Я».

А.С.Арсеньев пишет о том, что личность – это «бесконечная свобода и нравственная ответственность» (3; с.16). «И эта нравственная ответственность не есть ответственность перед чем-то внешним – перед обществом, законом, обычаем, моральной нормой и тому подобным. Эта ответственность перед тем, что превышает закон и мораль, находится внутри самого человека и проявляет себя как сострадание, сопереживание, как совесть» (Там же, с.16 - 17).

Для того, чтобы быть личностью – то есть, быть в своих внутренних установках, а также в поступках, совершаемых во внешнем мире, независимым от природы и общества, или, как писал Фома Аквинский, «действовать, а не приводиться в действие», – человеку необходимо в самом себе нащупать некие твердые основания для решений и действий. Такие основания находятся посредством **самопознания**.

В «Трактате о самопознании» английского священника 18 века Дж. Мэйсона приводится следующая легенда. Правило «Познай самого себя» было впервые высказано Фалесом Милетским, но впоследствии это правило золотыми буквами написали на храме Аполлона в Делосе и стали приписывать самому Аполлону, потому что оно заключало в себе такой глубокий смысл и такую мудрость, что было бы слишком много приписывать его человеку (22;, с.29). Согласно Платону, Сократ так говорил о своем внутреннем даймонии, или гениусе: «...мне бывает какое-то чудесное божественное знамение... вдруг какой-то голос, который всякий раз отклоняет меня от того, что я бываю намерен сделать, а склонять к чему-нибудь никогда не склоняет» (26; с.85). Через пять с половиной веков после Сократа Марк Аврелий писал, что в каждом человеке живет внутренний демон, или божество, и призывал: «Рой внутри себя. Внутри источник блага, и он может всегда быть ключом, если все время рыть» (20;, с.101). Однако гении или даймонии в античной мифологии – это низшие божества, а внутренний демон у Марка Аврелия – просто частица мирового разума.

Понимание самопознания как **познания творческого личностного начала в себе** идет от блаженного Августина, который говорил о молча думающем «внутреннем человеке», непосредственно общающемся с Богом. Чем ближе мы к своему «внутреннему человеку», в котором «живет истина», тем ближе мы к Богу.

Личность двойка; в личности есть и тот, кто советует, направляет, поддерживает, и тот, кому адресованы эти советы, управляющие воздействия, поддержка. В самопознании происходит встреча с самим собой, а затем человек проявляет себя как личность во внешнем мире. «Обращаясь к самопознанию ... я открываю в себе изначальное, исходное» (7; с.428). Человек, осознавший себя личностью, слушает свой внутренний голос и повинуется только ему, не покоряясь внешнему давлению. «Внутренне личность получает силу и освобождается через богочеловечность, внешне весь мир, все общество и вся история преобразуется и освобождается через человечность, через верховенство личности» (Там же, с. 466).

3. Представления о личности в зарубежной психологии.

В психологии также существуют разные подходы к пониманию личности, множество ее определений. На наш взгляд, их можно систематизировать в соответствии с достаточно общепринятыми предположениями об этимологическом происхождении слова «личность» от латинских «persona», «per se sonare» или «per se una» (25; с.64, 6; с.400, 37; р.36).

1). Словом «persona» обозначалась маска актера в древнеримском театре. Тем самым личность соотносится с внешним проявлением человека, с наиболее явным и ярким впечатлением, которое человек производит на окружающих (например, «истерическая личность», «агрессивная личность»), или же с социальным положением, социальной ролью человека («влиятельная личность», «очень важная персона»). Примечательна в данной

связи этимология слова «persona» («per» – через, «sonus» – звук) - «то, через что проходит звук».

Описывать и изучать так понимаемую личность можно в рамках двух психологических подходов. В рамках первого подхода личность рассматривается как **индивидуальный набор качеств**, или черт (Р.Кеттелл), где качеством личности называется длительно существующая характеристика, проявляющаяся в поведении человека в различных ситуациях. Например, «беспокойная, интеллигентная, разговорчивая, преданная своему делу личность». Второй подход состоит в выделении **типов** личности, где типом считается узнаваемый комплекс характеристик (Э.Кречмер, К.Юнг, Г.Айзенк). Например, авторитарный, конформный, интровертированный типы личности.

Одно из распространенных определений, соответствующих пониманию личности как общественного лица человека, полагает личность комбинацией относительно устойчивых индивидуальных различий, поддающихся **измерению**.

2). «Per se sonare» можно перевести как «звучать через себя», то есть личность – это то, что стоит за внешне наблюдаемыми проявлениями человека, то, что проявляет себя через внешнее. Представляется, что наилучшим образом такое понимание личности описывается определением С.Л. Рубинштейна: «...личность выступает как воедино связанная совокупность **внутренних условий**, через которые преломляются все внешние воздействия» (29; с.6). Г. Олпорт говорил о личности как о том, что индивид представляет собой на самом деле. Психологи самых разных теоретических ориентаций (З.Фрейд, А.Адлер, К.Юнг, Э.Фромм, К.Роджерс, А.Маслоу, В.Франкл, С.Л.Рубинштейн, А.Н.Леонтьев, Л.И.Божович и др.), разрабатывая теории личности, на вопрос, что же такое личность, отвечали, что это - совокупность «внутренних условий», определяющая поведение и переживание человека. Речь в этих теориях идет, прежде всего, о

мотивационно - потребностной сфере и о строении личности (например, личность как структура Оно, Я и Сверх-Я у З.Фрейда; личность как единство персоны, эго и тени у К.Юнга; личность как мотивационная иерархия у А. Маслоу и А.Н.Леонтьева).

3). «Per se ipsa» – «единая сама по себе» - такое значение понятия личность акцентирует ее **единство** и **целостность**. В этом понимании личность выступает как субъект, как центр, как высшая интегрирующая инстанция, управляющая психическими процессами, и одновременно как внутрииндивидуальная сила, организующая и согласующая между собой различные виды поведения человека.

Следует отметить, что многие психологи при описании личности используют все три приведенные выше значения. Так, С.Л. Рубинштейн, наряду с упомянутым определением личности как «совокупности внутренних условий», определяет ее и как **субъекта** деятельности, и как совокупность свойств человека, обуславливающих общественную значимость его поведения, и как **способность** человека сознательно определять свое отношение к окружающему.

Существует также подход, получивший название «мешок старьевщика» (33; с.21). Он состоит в том, что термин «личность» используется для обозначения всего, что касается индивида, или же теоретик просто перечисляет важнейшие, на его взгляд, понятия, полагая, что обозначаемое ими и составляет личность.

Определения типа «интегрирующая инстанция психики», «совокупность внутренних условий» или же «комбинация устойчивых индивидуальных различий», очевидно, можно отнести не только к человеку, но и к животным. Обычно принимается «по умолчанию», что понятие личности относится исключительно к человеку, однако некоторые авторы прямо говорят, что «личность – это то, что отличает человека от животных» (14; с.9), а затем указывают на специфику этого отличия. В качестве такой специфики, как

правило, приводится либо социальность: «личность представляет собой индивидуализированную форму бытия социальной сущности человека» (15; с.154), либо сознание, либо мышление. Так, Г. Олпорт в 1937г. сформулировал определение личности, надолго ставшее классическим: «Личность – это динамическая организация психофизических систем внутри индивидуума, определяющая его уникальное приспособление к окружающей среде» (цит. по 32; с.819), однако в 1961 году он добавил в определение слово «мышление»: «Личность – это динамическая организация психофизических систем внутри индивидуума, определяющая его уникальное поведение и мышление» (23; с.236).

В настоящее время существует более двух десятков известных зарубежных психологических теорий личности. Они принадлежат авторам, которые придерживаются психоаналитического (З.Фрейд, А.Адлер, К.Юнг, Э.Фромм, К.Хорни, Г.Салливан, Э.Эриксон), бихевиорального (Б.Скиннер, А.Бандура), гуманистического (Г.Олпорт, К.Рождерс, А.Маслоу) и экзистенциального (Л.Бинсвангер, Р.Мэй, В.Франкл) направлений в психологии. Есть также ряд авторов (Дж.Келли, Р.Кеттелл, Дж.Роттер, Г.Айзенк, К.Левин), чьи теории затруднительно определенно отнести к одному из перечисленных направлений. В связи с таким большим количеством теорий личности представляется интересным рассмотреть не взгляды какого-либо конкретного автора, а то, как и по каким критериям могут сравниваться между собой теории разных авторов. Сравнительный анализ за многообразием воззрений стремится увидеть общие инвариантные основания и таким образом приблизиться к пониманию природы личности.

Рассмотрим подходы, которые используются для описания и сравнения теорий личности в трех известных американских учебниках: К.Холл и Д.Линдсей «Теории личности», Л.Хьелл и Д.Зиглер «Теории личности. Основные положения, исследования и применение» и С.Мадди «Теории

личности: сравнительный анализ». Имена авторов, концепции которых приводятся в каждой из этих книг, в значительной степени совпадают.

Согласно Холлу и Линдсею, назначение теории личности – «...представлять собой набор допущений относительно человеческого поведения с необходимыми эмпирическими определениями» (33; с.29). Авторы полагают, что невозможно дать какое-либо обобщенное определение личности, потому что «определение личности, используемое конкретными людьми, целиком и полностью зависит от их теоретических воззрений» (Там же; с.22). «Личность определяется через конкретные понятия, которые в рамках данной теории считаются адекватными для полного описания или понимания человеческого поведения» (Там же; с. 29). Тем не менее, Холл и Линдсей считают возможным сравнивать теории личности, как по формальным, так и по «сущностным» (Там же; с.35) признакам.

К формальным признакам сравнения теорий личности они относят:

1. Ясность и точность допущений и основных понятий, составляющих теорию. «Теории личности часто упакованы в огромную массу ярких словесных образов, которые прекрасно служат цели убедить недоверчивого читателя, но в основном позволяют замаскировать основополагающие допущения или умолчать о них» (Там же; с.30).

2. Количество и важность новых эмпирических исследований, которые вызываются к жизни теорией. «Несмотря на то, что теория может быть неразвернутой и неясной, а синтаксис и эмпирические дефиниции – неадекватными, следует признать, что если теория повлияла на важные сферы исследования, она прошла критические испытания» (Там же; с.35).

Холл и Линдсей приводят также более пятнадцати сущностных признаков, на основе которых можно осуществлять содержательное сравнение теорий личности. Среди них: сознательные и бессознательные детерминанты поведения, целенаправленность поведения, его генетические факторы и т. д.

Содержательные признаки сопоставления теорий личности представляются нам более структурированными у Хьелла и Зиглера, которые считают, что «основная цель сегодняшней теории личности – объяснить с позиций науки, почему люди ведут себя так, а не иначе» (34; с.20). Эти авторы приводят ряд критериев оценки теории личности.

- **Верифицируемость:** теория личности оценивается позитивно в той степени, в какой ее положения открыты для проверки, осуществляемой независимыми исследователями.

- **Эвристическая ценность:** характеризует, в какой степени теория стимулирует ученых проводить дальнейшие исследования в этом направлении.

- **Внутренняя согласованность:** теория должна быть свободна от внутренних противоречий.

- **Экономность теории:** характеризуется количеством понятий или конструкторов, требуемых для описания событий в пределах сферы охвата данной теории.

- **Широта:** охват разнообразных феноменов, объясняемых теорией.

- **Функциональная значимость:** может ли теория помогать людям в объяснении их поведения и решении проблем.

По мнению авторов, в теории личности должны быть следующие компоненты: структура личности; концепция мотивации; представления о развитии личности; представления о психопатологии; понятие о психическом здоровье и критерии оценки здоровой личности; пути коррекции отклоняющегося от нормы поведения, изменения личности под влиянием психотерапевтических воздействий.

Кроме того, в теории личности должно присутствовать отношение автора к основным оппозициям, касающимся «природы», то есть, собственно «личности», человека: свобода – детерминизм; рациональность – иррациональность, холизм - элементаризм, конституционализм -

инвайронментализм, изменяемость - неизменность, субъективность - объективность, гомеостаз – гетеростаз, познаваемость - непознаваемость.

Компоненты теории личности, основные положения, связанные с природой человека, и общие методы оценки теории и составляют тот методологический «каркас», в соответствии с которым, авторы рассматривают теории разных авторов и одновременно воссоздают многообразие понимания личности.

Несколько более высокий уровень обобщения содержится в работе С. Мадди. Во-первых, он дает личности собственное определение: «Личность – это конкретная совокупность характеристик и стремлений, обуславливающих те общие и индивидуальные особенности поведенческих проявлений (мыслей, чувств и действий), которые обладают устойчивостью во времени и могут или же не могут быть объяснены только через анализ социальных и биологических факторов, влияющих на актуальную ситуацию функционирования человека» (19; с.21).

Во-вторых, он проводит принципиальное различие между «ядром» и «периферией» личности, считая, что таковые можно выделить практически в любой теории личности. Ядро личности – это то, что свойственно всем людям, это неперенные неотъемлемые атрибуты каждой личности. Например, в теории К. Роджерса ядерным считается стремление к актуализации врожденных внутренних потенциалов. Периферия личности – это конкретные стили жизни и способы поведения, специфические для каждого человека, которые являются не врожденными, а появляются в структуре личности вследствие научения; периферический уровень объясняет различия между людьми.

В-третьих, автор строит оригинальную типологию теорий личности, исходя из трех категорий, указывающих на существенные особенности личности: модели конфликта, модели самореализации и модели согласованности. Теории, относящиеся к модели конфликта, предполагают,

что личность постоянно и неизбежно находится между двумя сильными, но противоречащими друг другу влияниями. Это может быть конфликт интрапсихических сил или же конфликт между человеком и социумом. Согласно модели самореализации, существует лишь одна ведущая сила, определяющая поведение человека; источник этой силы кроется в самой личности. В модели согласованности главным является влияние обратной связи из внешнего мира, которая определяет личность; жизнь в соответствии с этим влиянием, понимается как стремление поддерживать согласованность. Через призму этих трех моделей анализируются относящиеся к конкретной теории ядерные и периферические характеристики личности. Общие формальные критерии оценки теорий личности, которые выделяет Мадди – существенность, операциональность, экономичность, ясность и точность, способность стимулировать новые исследования, эмпирическая валидность – сходны с приведенными выше критериями Холла и Линдсея, а также Хьелла и Зиглера.

Таким образом, методологическая позиция всех авторов сходна: они стремятся разработать нейтральный по отношению к отдельной теории язык описания и сравнения, но практически не пытаются обсуждать, что же такое личность. Представленные сравнительные подходы не дают сколько-нибудь однозначного понимания того, чем понятие «личность» отличается от понятий «сущность» и «индивидуальность» человека. В приведенном выше определении личности Мадди слово «личность» вполне можно заменить на слово «индивидуальность», и получившееся определение также будет вполне правомерным. Кроме того, нейтральный по отношению к отдельной теории язык сравнения создает впечатление, что теории личности, построенные на основе естественнонаучного и гуманитарного подходов, отличаются всего лишь содержательным наполнением используемых для сравнения категорий.

4. Представления о личности в отечественной психологии.

Если западные психологи разрабатывали теории личности, главным образом исходя из обобщения большого количества эмпирических фактов психотерапевтической и экспериментально-исследовательской работы, то в отечественной психологии базисом представлений о личности долгое время была философия марксизма. Подход к личности, укорененный в марксизме, хорошо иллюстрируется концепцией А.Н.Леонтьева, в которой системообразующим основанием личности полагается предметная деятельность: «...многообразные деятельности субъекта пересекаются между собой и связываются в узлы объективными, общественными по своей природе отношениями, в которые он необходимо вступает. Эти узлы, их иерархии и образуют тот таинственный центр, который мы называем «Я»; иначе говоря, центр этот лежит не в индивидуе, не за поверхностью его кожи, а в его бытии» (13; с. 229). При этом «личность характеризуется иерархическим отношением деятельностей» (Там же; с.186), а «особенности деятельности образуют то, что определяет тип личности» (Там же; с.221).

А.Г. Асмолов, продолжая взгляды А.Н.Леонтьева в своем «историко-эволюционном подходе в психологии личности» (5) видит назначение личности в ориентировке (выборе и самоопределении) в многообразии деятельностей. Человек как личность выбирает виды деятельностей, овладевает собственным поведением, решая «чему в нем быть».

В работах К.А. Абульхановой, развивающей представления о личности С.Л.Рубинштейна, личность рассматривается как интегративная система, обладающая структурно-уровневой организацией, включающей на низшем уровне конституцию и темперамент человека, а на высшем – активность, сознание и способность к организации времени жизни. При этом высшая способность к интеграции присуща личности как субъекту. Субъект интегрирует личностную систему с миром, то есть, обеспечивает взаимодействие личности с действительностью в форме деятельности,

познания, общения. Функция субъекта состоит в разрешении противоречий между целями и возможностями личности и требованиями, предъявляемыми обществом. Но одновременно, благодаря своей активности, субъект является также и источником порождения противоречий. Таким образом, становление личности субъектом деятельности есть процесс реорганизации, качественного преобразования включенных в деятельность и обеспечивающих ее осуществление психических и личностных свойств в соответствии с требованиями деятельности и критериями самой личности. При этом мышление, память, воля выступают уже не как характеристики личности, а как ее ресурсы, используемые в деятельности и жизни в целом (2; с. 41 - 42). Механизмом, посредством которого обеспечивается централизующая, направляющая и активизирующая позиция субъекта, является саморегуляция. Благодаря саморегуляции, субъект осуществляет оптимизацию психических возможностей и соответствие собственных действий задачам и событиями деятельности (1; с.155).

Д.А.Леонтьев выделяет в структуре личности три иерархических уровня (14). Низший уровень, образуемый экспрессивно-инструментальными структурами, которые характеризуют типичные для личности формы или способы внешнего проявления и взаимодействия с миром, представляет собой внешнюю оболочку личности. К этому уровню относятся характер человека, его способности, а также роли, которые человек играет в обществе. Второй уровень – это отношения личности с миром, взятые с их содержательной стороны: потребности и ценности, системы конструктов и понятий для оценки вещей и событий, смысл жизни. Третий, высший уровень – это «уровень ядерных структур личности, тот психологический каркас, на который впоследствии нанизывается все остальное» (Там же; с.20). К нему относится свобода, ответственность и духовность. Однако, по мнению Д.А.Леонтьева, «...в личности мы не найдем некой структуры, которую можно назвать «свобода» или «ответственность» или «выбор». Это не

элементы или подструктуры личности... Это именно способы, формы ее существования и самоосуществления, которые не имеют своего содержания» (Там же; с.50). Кроме того, Д.А.Леонтьев выделяет «Я» как последнюю инстанцию; Я - это «...форма переживания человеком своей личности, форма, в которой личность открывается сама себе» (Там же; с.59).

На наш взгляд, к той совокупности феноменов, которые Д.А.Леонтьев понимает под «личностью», можно отнести критическое высказывание А.Н.Леонтьева о том, что, когда под личностью понимается «человек в его эмпирической тотальности», психология личности превращается в особого рода антропологию, включающую в себя все – от исследования особенностей обменных процессов до исследования отдельных психических функций (13; с.162). Видимо, имея это в виду, Д.А.Леонтьев в своей более поздней работе вводит понятие «**личностный потенциал**» для обозначения «собственно личностного в личности» (16; с. 57). Под личностным потенциалом им понимается «свобода как определенная форма активности и ответственность как определенная форма регуляции», которые «слившись, порождают феномен самодетерминации – свободной саморегулируемой активности зрелой личности» (Там же; с. 60).

Не ставя под сомнение то, что личность характеризуют свобода и ответственность, хочется задать вопрос: где личность берет основания для самодетерминации? На основании чего делается выбор? На основании чего принимаются решения? Как из социума вдруг возникает личность, противопоставляющая себя социуму? Если основанием для принятия решений и, следовательно, саморегуляции, является прошлый социальный опыт человека, то при чем здесь само -детерминация? Просто человек неосознаваемо принимает те решения, принимать которые, был научен ранее своим социальным окружением. При этом все разговоры о свободе и ответственности теряют смысл.

Возможным решением этого противоречия является разграничение **личности человека и сущности человека** (субъекта), и, соответственно, внешнего и внутреннего «Я» человека. Личность – это «система мотивационных отношений, которые имеет субъект» (25; с.49). «Сущность и личность – это различные психические инстанции. Личность возникает и формируется в области предметного содержания, сущность локализована на субъектном полюсе субъект - объектного взаимодействия. Если главная характеристика личности – ее атрибутивность, то главная особенность сущности – отсутствие каких-либо атрибутов. Сущность – источник всех и всяческих атрибутов. Личность живет (рождается, развивается, умирает) в плане феноменов, существования; сущность неизменно пребывает в плане ноуменов, бытия» (Там же; с. 70). Для эмпирической личности характерно ложное самоотождествление (я есть моя личность), однако подлинная перспектива развития человека связана с осознанием соотношения (**диалога**) **личность - сущность** и становлением **осознанной индивидуальности** в процессе проживания и осуществления человеком своей сущности посредством своей личности.

Похожей позиции придерживается и Б.С. Братусь: «...сущность личности и сущность человека отличаются друг от друга тем, что первое есть способ, инструмент, средство организации достижения второго» (8; с.181). То есть, личность есть орудие обретения человеческой сущности, под которой Б.С. Братусь понимает опыт подражания Христу.

Видно, что у многих отечественных авторов все отчетливее обозначается весьма схожая концептуальная дифференциация: личность как интегративная система со структурно-уровневой организацией и личность как субъект у К.А. Абульхановой; личность как иерархическая система и личностный потенциал как «личностное в личности» у Д.А. Леонтьева; личность как «внешнее Я» и сущность как «внутреннее Я» у А.Б. Орлова и личность как инструмент достижения человеческой сущности у Б.С. Братуся.

Очевидно, что отечественные психологи находятся в творческом поиске оснований для построения психологии человека, его личности и его индивидуальности.

А.Г.Асмолов и Д.А.Леонтьев так формулируют современное состояние представлений о личности в психологии: «При всем разнообразии теоретических подходов к изучению личности именно **многомерность** личности признается ее сущностью... Выделение многомерности как исходной характеристики личности позволяет охарактеризовать историю развития представлений о личности как историю открытия ее различных измерений, а не как историю заблуждений или ошибок» (5; с.401). Зарубежные психологи также говорят о «комплексности» личности и о «конструктивном альтернативизме», состоящем в том, что множество разнообразных концепций личности на самом деле расширяет и углубляет ее понимание.

Подведем итог нашего обзора представлений о личности в психологии: во второй половине XIX века психология выделилась из философии на основе естественнонаучного подхода, однако естественнонаучная методология не привела к какому-либо определенному пониманию того, что же представляет собой личность. Тем не менее, психология личности переживает не кризис, но открытие личностной «многомерности» и «комплексности». В то же время, как признает Д.А.Леонтьев, именно отсутствие представления о специфическом содержании личности является основным барьером для развития этой области научного знания (16; с.56).

5. Трансличностное измерение индивидуальности

Понятие сущности человека имеет давнюю религиозно-философскую традицию в христианской культуре. В XX веке наибольший вклад в осмысление этого понятия был внесен французской персоналистической философией (Э.Мунье, Ж.Маритен), теистическим экзистенциализмом

(Г.Марсель, М.Бубер, П.Тиллих) и философской антропологией М. Шелера. Среди отечественных философов следует, прежде всего, выделить Л.П.Карсавина и Н.А.Бердяева.

Очевидно, что в вопросе рассмотрения двух сторон индивидуальности как личности и сущности человека мы сталкиваемся с определенными терминологическими трудностями, присущими современной психологии в целом, в которой и собственно личность человека и его сущность не различаются, обычно обозначаются одним и тем же термином «личность». В самое последнее время в работах ряда отечественных психологов делается акцент на содержательном разведении того, что, согласно экзистенциальному анализу, относится к личности и сущности как двум различным составляющим индивидуальности. Например, личность как интегративная система со структурно-уровневой организацией дифференцируется от личности как субъекта жизнедеятельности (К.А.Абульханова), личность как «внешнее Я» человека дифференцируется от его сущности как «внутреннего Я» (А.Б.Орлов).

Использование феноменологического подхода в гуманистической психологии (К.Роджерс), экзистенциальном анализе (А.Лэнгле), эзотерической психологии (А.Алмаас) неизменно связано с выделением двух составляющих человеческой индивидуальности: личности человека как специфического конгломерата психофизических характеристик, социальных функций и сущности человека как свободного и ответственного субъекта, способного принимать автономные, аутентичные решения. Первая составляющая индивидуальности традиционно изучалась и изучается методами естественнонаучной психологии, вторая составляющая – феноменологическим методом.

По поводу традиционного понимания личности в отечественной психологии выскажем следующее соображение. Термин «личность» в европейских языках обозначается словами person (англ.), die Person (нем.),

personne (франц.), persona (итал.) (6; с.400). При переводе на русский язык были, видимо, переведены как «личность» не только, например, слова person (англ.), die Person (нем.), но и слова personality (англ.) и Persönlichkeit (нем.). Но если первые два слова относятся к внутренней духовной сущности человека, то последние – к внешним проявлениям человека, к его мотивационно - потребностной сфере, к его личности. В отечественной же психологии все эти различия были утрачены, растворены в одном понятии «личность».

Исходя из сказанного, представляется логичным обращение к **экзистенциально - гуманистическому пониманию личности** в надежде, что оно поможет выйти из трудностей, с которыми сталкивается современная, все еще преимущественно естественнонаучно - ориентированная психология личности.

Согласно модели В.Франкла, **личность** человека принадлежит **психическому измерению** человека и может быть описана как закрепленная в психическом измерении структура психодинамики, определяющая склонность человека к определенному базовому настроению, а также к спонтанным эмоциональным и поведенческим реакциям. Личность как психологическая категория имеет тесную связь с телесной субстанцией – телесной конституцией человека, его нервной и гормональной системами и т.д. В данной связи В.Франкл говорил о психофизической плоскости, образованной телесным и психическим измерениями человека. Личность детерминирована наследственностью, инстинктивными потребностями, психодинамическими влечениями, семейным воспитанием и социальным научением и представляет собой ту часть человеческой индивидуальности, которая может изучаться методами естественнонаучной психологии.

Сущность человека, «собственно человеческое в человеке», «свободное в человеке», как писал Франкл, относится к третьему, **духовному измерению**. В понимании Маритена, в своем глубинном ядре человек

представляет собой «универсум духовной природы» наделенный свободой выбора и составляющий независимое целое по отношению к миру. Центральный тезис экзистенциальной психологии – это тезис о способности человека к самодетерминации: то, чем становится человек, зависит от его свободного выбора, за который он несет ответственность. Данный тезис вытекает из фундаментального положения о независимости человека как сущности от своих психофизических заданностей и социума, которые, конечно же, ставят ему определенные и достаточно жесткие границы, но, тем не менее, не могут полностью лишить его способности принимать автономные решения.

В. Франкл следующим образом показывал, что **личность и сущность, психическое и духовное**, представляют собой разные измерения человеческого опыта. Если личность как психодинамика стремится к получению удовольствия и редукции напряжения, то присущая сущности ноодинамика стремится к тому, что является нравственным и имеет смысл. Очевидно, то, что доставляет удовольствие на психическом уровне, не всегда является нравственным; в свою очередь нечто может иметь смысл, несмотря на неприятные переживания или необходимость прикладывать значительные усилия для реализации своего решения. Человек, имеющий психические нарушения, в большей степени ориентируется на то, что доставляет удовольствие и избавляет от напряжения – независимо, оправданно ли это с нравственной точки зрения и имеет ли смысл. Психически здоровый человек большее значение придает этике и смыслу.

Итак, **сущность – это дух**, «чистая динамика», способность принимать решения и нести ответственность, способность чувствовать ценности и постигать сущность явлений, а также говорящий в человеке голос совести, призывающий его совершать поступки, имеющие смысл.

Человек (как личность) представляет собой тот или иной тип, его можно описать, можно предсказать его поведение. Человек (как воплощенная

сущность) обладает достоинством и цельностью, он есть **индивидуальность**, с которой связана непредсказуемость и свобода принятия решений. Такого человека невозможно понять и описать, зная лишь законы наследственности и социального научения и досконально изучив все те влияния, которым он подвергался в онтогенезе. Адекватный метод познания человека как воплощающейся сущности, или индивидуальности, – **феноменология**, стремящаяся постичь каждого конкретного человека в его уникальности и целостности.

Основная характеристика сущности человека состоит в том, что она представляет собой не замкнутую монаду, но постоянное **трансцендирование** за собственные пределы, неразрывную связанность и постоянную соотнесенность с иным, и эта соотнесенность состоит в диалоге, взаимообмене. В связи с этим индивидуальность как личностно осуществляющаяся сущность парадоксальна: с одной стороны, в ней есть некая несообщаемая другим внутренняя сердцевина и глубина, благодаря которой она осознает сама себя, свою целостность, уникальность и ни с кем не делимую ответственность, так что никакое другое человеческое существо не властно над этой ее сердцевиной. Но в то же самое время человек как индивидуальность открыт – открыт как по отношению к нематериальной сфере ценностей и смыслов, так и по отношению к миру и к людям, с которыми на уровне встречи, или экзистенциальной коммуникации, может вступать во взаимообогащающие отношения. Вместе с тем осуществление человека как сущности, или его **экзистенция**, не есть нечто, что разворачивается автоматически при наличии благоприятных условий, но представляет собой более глубокую бытийную возможность, которая требует от человека решимости эту возможность выбирать и проживать, осуществляя тем самым каждый раз **индивидуальную жизненную траекторию**.

Литература

1. Абульханова К.А. Стратегия жизни. М. 1991.
2. Абульханова К.А. Рубинштейновская категория субъекта и ее различные методологические значения. // Психология индивидуального и группового субъекта. / Под ред. А.В.Брушлинского, М.И.Воловиковой. М. 2002. С. 34-50.
3. Арсеньев А.С. Философские основания понимания личности. М. 2001.
4. Асмолов А.Г. Психология личности: принципы общепсихологического анализа. М. 2002.
5. Асмолов А.Г., Леонтьев Д.А. Личность. // Новая философская энциклопедия в 4-х т. Т.2 М. 2001. С. 401–404.
6. Бандуровский К.В. Личность. // Новая философская энциклопедия в 4-х т. Т.2 М. 2001. С. 400–401.
7. Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической философии. // Бердяев Н.А. Опыт парадоксальной этики. М. 2003.
8. Братусь Б.С. К проблеме человека в психологии. // Психология личности. Сборник статей. / Сост. А.Б.Орлов. М 2001. С. 177-192.
9. Вальверде К. Философская антропология. М. 2000.
10. Губин В.Д., Некрасова Е.Н. Философская антропология. М. 2000.
11. Гуревич П.С. Философская антропология. М. 2001.
12. Кант И. Критика практического разума. Собр. Соч. в 4т., Т.3.М. 1997.
13. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М. 1975.
14. Леонтьев Д.А. Очерк психологии личности. М. 1997.
15. Леонтьев Д.А. Личность: человек в мире и мир в человеке. // Психология личности. Сборник статей. / Сост. А.Б.Орлов. М. 2001. С.151-161.
16. Леонтьев Д.А. Личностное в личности: личностный потенциал как основа самодетерминации. // Ученые записки кафедры общей психологии МГУ им.Ломоносова. Вып.1 / Под ред. Б.С.Братуся, Д.А.Леонтьева. М. 2002. С. 56-65.

17. Личность: определение и описание / - Вопросы психологии. 1992. №3-4. С. 34-42.
18. Лэнгле А. Что движет человеком? Экзистенциально-аналитическая теория эмоций. М. 2006.
19. Мадди С. Теории личности: сравнительный анализ. СПб. 2002.
20. Марк Аврелий. К себе самому. М. 1998.
21. Марсель Г. Опыт конкретной философии. М. 2004.
22. Мэйсон Дж. Трактат о самопознании. СПб. 2004.
23. Олпорт Г. Становление личности. Избранные труды. М. 2002.
24. Орлов А.Б. Личность и сущность: внешнее и внутреннее «Я» человека. - Вопросы психологии. 1995. №2. С. 5-19.
25. Орлов А.Б. Психология личности и сущности человека. Парадигмы, проекции, практики. М. 2002.
26. Платон. Собрание сочинений в 4-х т. Т.1. М. 1990.
27. Роджерс К. Взгляд на психотерапию. Становление человека. М. 1994.
28. Розин В.М. Личность и ее изучение. М. 2004.
29. Рубинштейн С.Л. Теоретические вопросы психологии и проблема личности. // Психология личности. Сборник статей. / Сост. А.Б.Орлов. М. 2001. С. 5-13.
30. Франкл В. Человек в поисках смысла. М. 1990.
31. Франкл В. Основы психотерапии. Психотерапия и религия. М. 2001.
32. Фрейджер Р., Фейдимен Д. Личность. Теории, эксперименты, упражнения. СПб.. 2001.
33. Холл К., Линдсей Г. Теории личности. М. 1997.
34. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. Основные положения, исследования и применение. СПб. 1997.
35. Шелер М. Положение человека в космосе. // Проблема человека в западной философии. Сборник статей. / Сост. П.С.Гуревич. М. 1988. С. 31-95.

36. Almaas A.H. Elements of the Real in Man. Boston – London, 2000.

37. Watts A. The Book. On the Taboo against Knowing Who You Are. N.Y., 1972.

X/ ЭКЗИСТЕНЦИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ

ПЕРСОНАЛЬНЫЙ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Перевод с английского В.Б. Шумского

**«Все наши построения
ждут того, чтобы быть
надстроенными, дополненными
и тем самым исправленными»**

З. Фрейд (цит. по Frankl 1983, 202)

1. Персональный экзистенциальный анализ - новый подход к индивидуальности

Экзистенциальный анализ занимается человеком и его взаимодействием с миром. Развитие человеком собственной индивидуальности полагается центральным для достижения экзистенции. Экзистенциальный анализ следует за философской традицией, которая видит в **«духовной индивидуальности»** человека его «личность».

Представление концепции «персонального экзистенциального анализа» имеет программный характер. Помимо «общего» и «специального» экзистенциального анализа – «специальный» связан с антропологическим и экзистенциальным пониманием клинических картин заболеваний, как это представлено в концепции Франкла (Frankl 1982, 39, 162) – вводится новое понятие, которое предназначено для обозначения применения экзистенциального анализа по отношению к отдельной или индивидуальной личности. **«Личность»** в данном контексте равноценна **индивидуальности** в связи с акцентами на неповторимое, аутентичное, духовное бытие личности.

Концепция «персонального экзистенциального анализа» включает в себя также и конкретный метод ее применения в психотерапевтической практике и в обучении **лично-ориентированному диалогу**.

«Персональный экзистенциальный анализ» (ПЭА) возник из экзистенциального анализа Франкла, благодаря теоретическим размышлениям, опыту применения феноменологии и интроспекции. ПЭА представляет собой результат стремления создать поддающийся методическому описанию способ применения антропологии Франкла к конкретному человеку и его жизненным обстоятельствам. Основными понятиями ПЭА являются «личность» и «экзистенция» – психотерапевтическая или педагогическая работа фокусируется на индивидуальной личности как основе экзистенции. Речь идет о том, чтобы актуализировать аутентичное бытие личности и помочь ему проявиться в экзистенции. При этом главной целью является достижение открытости личности по отношению к миру (Scheler 1980, 381, 392 ff; Scheler 1991, 38 f) и установлению взаимообмена с миром. До осуществления экзистенции следует обнаружить запрос, обращенный к личности в конкретной ситуации, а «экзистенцией» жизнь становится только благодаря личностным ответам на запросы и предложения ситуаций (Frankl 1982a, 71 ff; Ldngle 1987, 64 f; Ldngle 1988, 40 ff). ПЭА, таким образом, является подлинным экзистенциальным анализом в традиции Франкла, привносящим в нее форму и метод практического применения. Благодаря этому экзистенциальный анализ становится применимым также и в тех случаях, когда осуществление экзистенции не происходит гладко и встречается с препятствиями.

Следует отметить, что термин «анализ» здесь не совсем корректен, даже если говорить, как это делал Франкл, о «пограничном» случае анализа (Frankl 1970, s.170). Процедура применения метода в гораздо большей степени является **синтезом** («психосинтезом», если воспользоваться термином Ассаджиоли). Однако и понятие «синтез» также не является адекватным,

потому что **духовное**, будучи одновременно отграниченным и связанным, скрытым и видимым, представляет собой нерасчленимую целостность.

Итак, «персональный экзистенциальный анализ» представляет собой попытку сделать экзистенциальный анализ Франкла антропологической концепцией, применимой на практике. Это, в свою очередь, позволяет эмпирически проверить теорию.

С точки зрения теории науки, ПЭА как метод психотерапии ставит перед собой задачу привести в терапию «духовное» – то измерение, которым в общей психотерапии обычно пренебрегают, недооценивая его значение.

Для экзистенциального психотерапевта ПЭА преследует ещё одну цель: практическая процедура, которая выводится из теории, должна быть прозрачна, благодаря **последовательности конкретных шагов**. Подробная методическая структура ни в коем случае не отрицает интуицию терапевта или педагога – определенные правила и формализованные процедуры, напротив, освобождают чистую **интуицию** и **импровизацию**, как этого требует логотерапия Франкла. Методическая структура делает экзистенциальный анализ более удобным в использовании и более легко усваиваемым, благодаря чему можно ожидать повышения его эффективности. И, наконец, от подробной методической структуры можно ожидать, что она поможет прояснить, когда и как следует использовать отдельные терапевтические техники.

2. Как был разработан метод ПЭА

Два фактора сыграли решающую роль в разработке «персонального экзистенциального анализа»: рефлексия теоретической концепции личности и ежедневная работа с пациентами. В теоретическом плане был осуществлен тщательный анализ и рекомбинация учения о личности, во многом, благодаря доктору Рольфу Кюну, беседы с которым стимулировали и поддерживали

поиск, а также были источником важных инсайтов. С другой стороны, поиск направляли пациенты. Работа над их болезненными состояниями, дефицитами и внутренними запретами, их собственные усилия и неудачи, а также доброжелательные, но порой безрезультатные попытки психотерапевтической помощи, привели, в конечном итоге, к результату, который сейчас выносится на обсуждение. Без восприимчивого, наполненного предчувствиями поиска пациентами личностной целостности этот путь не мог бы быть найден. Я искренне признателен им.

Прежде, чем начал вырисовываться данный метод, были использованы классические логотерапевтические методы. Однако такой, по сути, консультативный способ воздействия был мало эффективен при наличии серьезных нарушений или глубоких психических травм. Он, скорее, даже препятствовал собственному развитию пациентов. При наличии подобных нарушений нельзя было добиться успеха, и тематика смысла вскоре была исчерпана. Благодаря экзистенциальному анализу, было известно, какой должна быть жизнь, и поэтому было не сложно увидеть, какие экзистенциальные ошибки совершали пациенты. Однако было непонятно, каким образом с помощью экзистенциального анализа/логотерапии можно повести их по такому пути развития, чтобы их невротические паттерны исчезли. Напрашивались другие методы и техники. Однако вставал вопрос, разве экзистенциальный анализ не обладает, в случае его последовательного применения, достаточным потенциалом, чтобы на его основе могла быть разработана оригинальная практика, использование которой было бы эффективным во многих терапевтических случаях? Если нет, тогда теория является не релевантной для психотерапии самоцелью.

В нижеследующем представлении метода ПЭА сначала рассмотрим его теоретические основания, а затем перейдем к описанию каждого методического шага в отдельности.

3. Краткое описание концепции личности

В основе ПЭА лежит экзистенциально-аналитическая концепция личности и экзистенции Франкла (Frankl 1982b; 1984), в соответствии с которой под личностью понимается **духовная сила**, которая **открывает** человека по отношению к миру (Frankl 1984, 121) и одновременно **отграничивает** его от мира (Frankl 1982b, 115) и, таким образом, создает возможность для уникальности и целостности «Я» и «Ты», которое характеризует бытие личности. Благодаря наличию такой полярности между открытостью и отграничением, в личности изначально заложено как интимное, так и возможность самовыражения. Благодаря отграничению как части бытия личности, возникает то, что стыдливо скрывается от общественного взгляда. Адекватное выражение собственного бытия личностью – во время выполнения какой-либо деятельности, в речи, в самопрезентации – создает базис для **встречи** и придает человеческой встрече особенную ценность. При таком чередовании «бытия самим собой» и открытости по отношению к «бытию за пределами себя» бытию личности присуща **фундаментальная способность к диалогу**.

Способность к диалогу может быть просто названа характеристикой бытия личности. Эта способность представляет собой отправную точку для дальнейшей **рефлексии**. Таким образом, язык, речь становится уникальной характеристикой человека. Человеческие существа окружены речью так же, как воздухом, которым они дышат (Vuber 1973, 41). Речь, конечно, находит свое выражение также и во взгляде, в тоне голоса, в мимике, в жестикуляции, в положении тела и в действиях.

ПЭА определяет личность, как то, что **говорит во мне**. Если я говорю с самим собой, я создаю внутренний **мир самодистанцирования**. Если я говорю с другим, возникает внешний **мир самотрансценденции** (со-бытие).

Бытие личностью, благодаря своей диалогической природе, всегда представляет собой процесс **обмена** с миром и **взаимообмена** с самой собой

и с миром. Именно в этом человек осуществляет своё фундаментальное «бытие личностью» – внося себя в отношения с самим собой и с миром, который, в свою очередь, как «иное» его до-полняет и тем самым делает «целостным» (= «исцеляет»). Бытие личности, следовательно, представляет собой постоянное соотнесение с чем-то (нахождение в отношениях), соотнесение в особом виде – в виде встречи (Ldngle 1986, 55 ff). Встреча представляет собой не застывшее, фиксированное соотнесение, но всегда движение, «выход из самого себя с самим собой» – это означает вынуть себя или быть вынутым другим в «**между**» коммуникации. Встреча динамична, представляет собой действие и взаимодействие. Можно сказать, что обмен посредством встречи позволяет мне быть затронутым другим и добавляет меня к другому.

ПЭА стремится к тому, чтобы, благодаря встрече, создать углубленное **отношение**, а именно, отношение в широком смысле, которое включает в себя также встречу с различными вещами и ситуациями, с переживаниями, с прошлым опытом и с самим собой. Это представляет собой генеральную **цель ПЭА – привести человека к встрече с тем, что его касается: с самим собой и с другим**. Человек должен обрести способность вступить в диалог с самим собой и со своим миром (Ldngle 1988, 10).

В приведенном выше описании содержатся признаки бытия личности, которые выделял Франкл (Frankl 1959, 672-696) – бытие с кем-то или с чем-то, бытие свободным и бытие ответственным. Как свет, проходя через призму, свобода в диалоге распадается на многие содержащиеся в ней цвета. Она проявляется в неповторимом **Собственном** (индивидуальности), которое, если оно действительно аутентично, всегда является тем, за что я несу ответственность. Помимо этого свобода отражается в неожиданном, вызывающем удивление повороте, для которого принципиально открыт каждый диалог (Buber 1973, 41), так же, как он является открытым для нового, неизвестного, непредвиденного.

4. Как можно достичь личности посредством диалога

Диалог в вышеназванном, широком смысле является необходимым для актуализации бытия личности. В каждом диалоге можно обнаружить три базисных конститутивных элемента, без которых он не может состояться. Эти элементы являются **структурообразующими** для методики ПЭА:

1. У диалога есть адресат – тот, кто вступает в диалог, имеет намерение **заговорить** с кем-то.
2. Тот, с кем заговорили должен **понять**, о чём идёт речь.
3. И, наконец, для диалога требуется **ответ** того, к кому обратились.

Воспринимать, понимать и отвечать – таковы три вида активности, фундаментальных для бытия личности с практической точки зрения диалога.

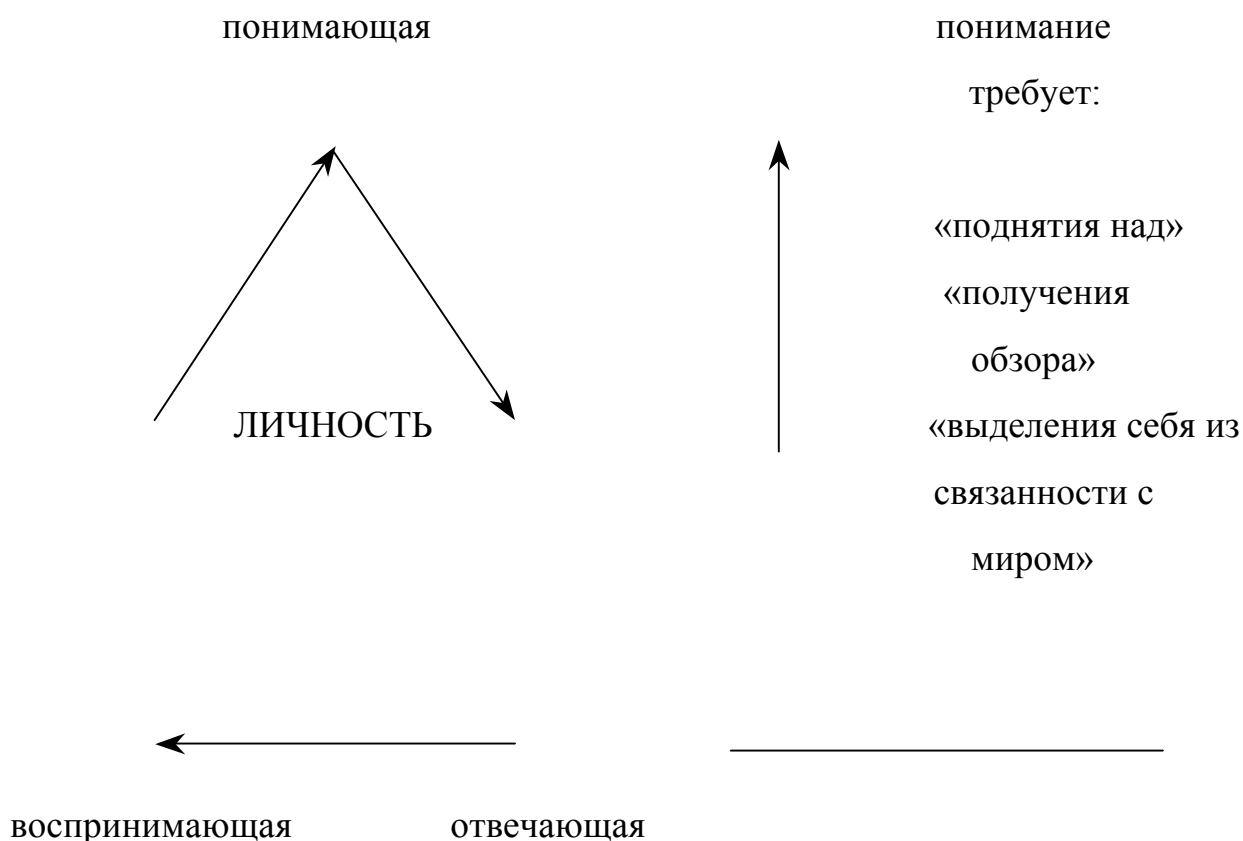

Рис. 1 Проявления бытия личности во встрече

Попытаемся соединить сказанное с опытом.

1. Что я переживаю когда ко мне обращаются? Когда со мной заговаривают, я ясно сознаю, что более не могу ускользнуть от мира незамеченным. Это именно я – тот, к кому обращаются, и я чувствую, что никто не может заменить мое «Я» и его ответ. Это меня вызывают к экзистенции, и я не могу избежать этого вызова. Речь идет обо мне! И я сразу же становлюсь значимым и включенным как личность. Например, если во время разговора я обращаюсь именно к Вам, Вы немедленно и очень отчетливо сможете пережить себя самого. Возможно, Вы даже покраснеете, даже если вопрос будет совершенно безобидным – потому что сейчас речь идет именно о Вас и о позиции, которую Вы занимаете относительно моего вопроса, а также и о сохранении Вашего лица (как «внешней поверхности» бытия личностью). От этого может многое зависеть – например, положение и уважение в группе. Даже не подвергаясь физической опасности, я, переживая бытие **спрошенным**, могу испытать страх (в нашем примере это, возможно, страх опозориться). Когда со мной заговаривают я, однако, переживаю также и другую сторону бытия личностью: свободу бытия открытым, реально существующим и живым, ценность отношений и защищенность, которую они дают. Открытость для восприятия открывает для меня мир – мой мир.

2. Как **понимание** связано с моей личностью? Быть понятым другим человеком – одно из самых целительных и приятных человеческих переживаний: чувствуешь себя принятым как личность. Другой увидел то, что является для меня важным.

Только понимание ведет к истинной встрече с другой личностью. Когда я могу понять другого человека, я чувствую к нему близость. Исчезает то, что нас разделяет; возникает течение коммуникации.

Часто человек не вполне понимает самого себя. В таких случаях понимание другим особенно важно, в особенности понимание пациента

терапевтом. Благодаря пониманию терапевта, может улучшиться понимание пациентом самого себя.

3. «Я чувствую, что со мной заговорили» – «Я чувствую, что меня понимают» – третья формулировка может быть: «Я чувствую, что мне отвечают». Вместо того, чтобы натолкнуться на стену молчания, я получаю **ответ** от другого. Другой открыл себя мне.

Насколько одиноким я себя чувствую, когда мой шепот, мои слова, крик, плачь, мое уединение в тишине не встречают ответа! Насколько мне одиноко даже в том случае, когда другой, хотя и понимает меня, но отказывается мне отвечать, как это часто происходит в отношениях, которые распадаются. Ответом не обязательно должны быть слова – жест может быть гораздо красноречивее. Иногда сопереживание другому человеку в много значащем молчании важнее любых слов.

Говоря об ответе, давайте вспомним о ребенке и постараемся не оставлять его без ответа слишком часто. Как он может понять себя и познать свое бытие личностью без ответа взрослого? Только благодаря встрече с другой личностью и тем самым подъему в межличностное пространство, может происходить становление ребенка личностью. Насколько я сам, будучи взрослым, являюсь личностью, если оставляю ребенка без ответа?

5. Обхождение личности с самой собой

Бытие личности можно увидеть «извне», во встрече. Встречающий наталкивается на личность в другом, если он переживает человека воспринимающим, понимающим и отвечающим.

«Встретить» не означает «схватить» или «овладеть» личностью, а только лишь прикоснуться к некоторой форме ее активности. Бытие личности открывается встречающему и одновременно остается спрятанным за границами своей безусловной субъектности. (См. приведенную выше диалектику между сущностной открытостью и отграниченостью бытия

личности). Ее можно сравнить с физиологией строения глаза, диаметр зрачка которого ограничивается ирисовой диафрагмой радужной оболочки. Только такое строение делает возможным и взгляд вовне, и, одновременно, охрану глубоко внутреннего посредством установления необходимых границ апертуры диафрагмы.

Вопрос заключается в том, может ли личность познать саму себя. Здесь мы согласны с позицией Шелера, в соответствии с которой личность никогда не может быть объектом своего собственного рассмотрения (Scheler 1980, 386 ff; также Франкл 1959, 676; 1984, 85; Wicki 1991). Личность не может сама себя наблюдать с определённого расстояния. Однако личность может переживать саму себя в осуществлении действия (Scheler 1980). Опираясь на точку зрения Шелера (или всего лишь уточняя ее), мы можем обнаружить в осуществлении действия три компонента, которые соответствуют фазе зарождения, фазе созревания и фазе исполнения действия.

При этом трём основным «внешним» видам активности личности соответствуют **три вида субъективного переживания**. Готовность к восприятию, или готовность к тому, что к тебе обратятся, субъективно переживается как **впечатляемость**, как способность почувствовать впечатление. Во впечатлении, которое всегда является эмоциональным, личность схватывает логос, смысловое содержание обращения своего визави. Простое впечатление, однако, оставляет открытым то, в каком соотношении в этом чувстве находятся внешняя реальность и внутренние установки воспринимающего.

Восприятие обращения и получение впечатления может быть названо первичным личностным процессом (по аналогии с первичными процессами Фрейда). При этом речь идет о непосредственных, спонтанных ощущениях, которые способны произвести значительный резонанс в аффективной сфере; они представляют собой сырой материал, доступный для последующей духовно-личностной обработки. Ранее (Ldngle 1989) мы писали об этом как о

«первичной или исходной эмоциональности», обнаружение которой является первым шагом в терапии.

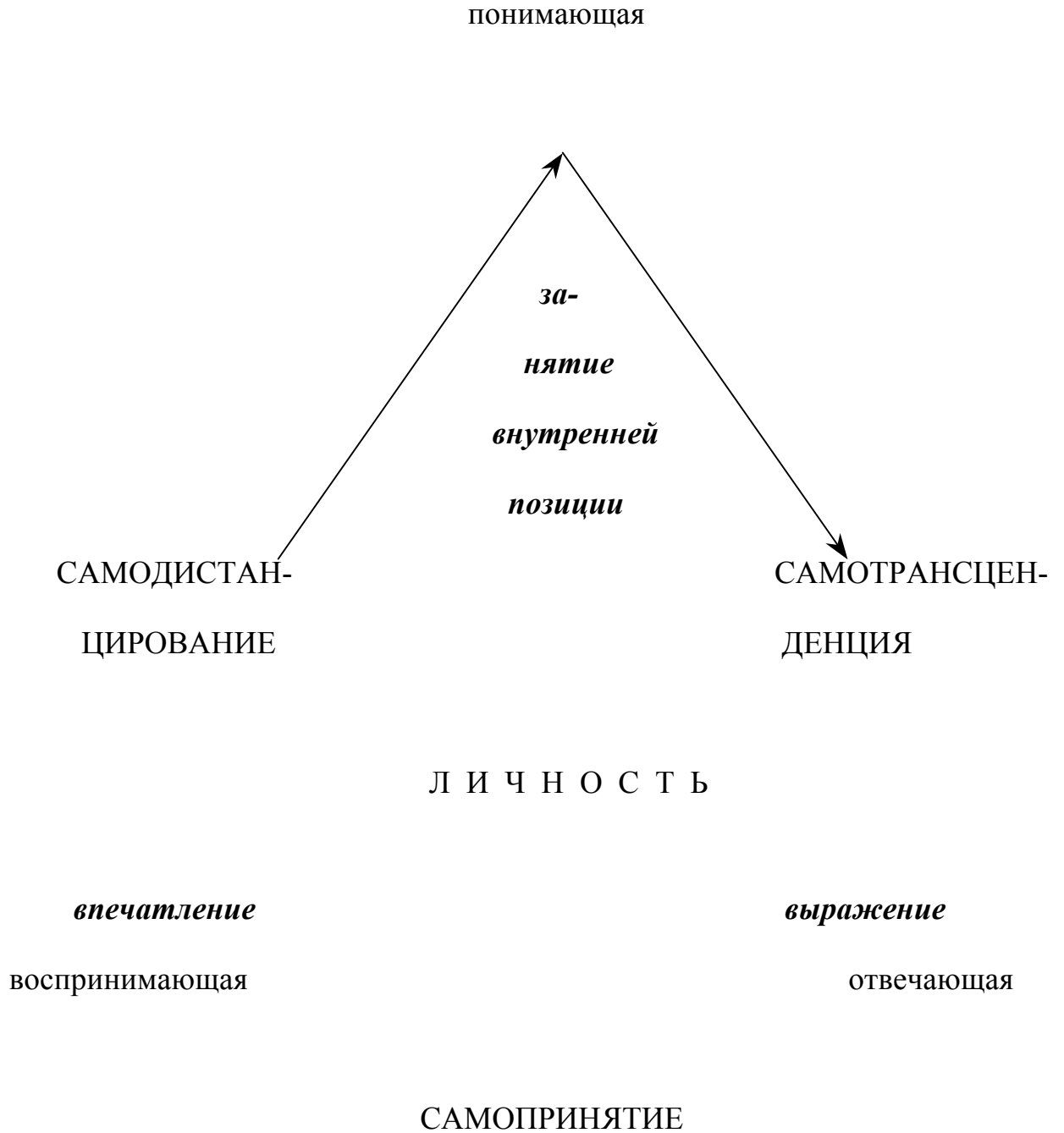

Рис.2 Субъективная сторона переживания активности личности

Прежде, чем личность будет готова к ответу, ей необходимо решить самую интимнейшую задачу: **занятие внутренней позиции**. Здесь соединяются духовное бессознательное (Франкл) и сознательное суждение в сочетании со всем телесно-душевно-духовным состоянием человека. В процессе занятия внутренней позиции личность входит в пространство, которое до этого открылось ей во впечатлении; бытие личности раскрывается в самой его сердцевине (совесть). Занимая позицию, личность творит свой мир и ставит себя в его центр. Занимая позицию, личность реализует свою сущность, а именно: бытие свободной из своей глубины, которая никогда не может быть измерена и которая уходит корнями в духовное бессознательное. Занимая внутреннюю позицию, человек идет впереди себя, он опережает сам себя. И все же на протяжении всей жизни он остается для самого себя непознаваемой тайной – тайной бесконечности **духовного бессознательного**. Эта бессознательность, однако, не препятствует занятию внутренней позиции (например, спонтанно, или эмоционально, или соматически). Наоборот – без внутренней позиции личность не смогла бы защитить себя от некоторой части сознательного бытия (правила, нормы, привычки и т.д.). Без внутренней позиции личность потеряла бы себя.

Что происходит в процессе занятия внутренней позиции? Первичное ощущение приводится во взаимосвязь со всем, что является для личности ценным и с чем она чувствует себя связанной, потому что это составляет ее жизнь. Личность добавляет свое Собственное и свои ценностные суждения к первому спонтанному впечатлению. Этот шаг может быть назван **«вторичной или интегрированной эмоциональностью»** (Ldngle 1989). По отношению к первичному ощущению, которое всегда является односторонним, устанавливается небольшая дистанция. Теперь можно осмотреться и соотнести первичную эмоциональность со всей совокупностью ценностей, определить ее значимость в **биографическом контексте жизни**. Этот процесс осуществляется преимущественно

посредством активного следования за внутренними движениями (в отличие от более пассивной впечатляемости, приводящей к первичной эмоциональности). Сознательные размышления могут в равной степени как помочь, так и препятствовать этому. По мере того, как исходная эмоциональность интегрируется, сила ее импульса становится силой воли – воли, которая коренится в чувствовании и не является производной от рационального, хотя она и может быть понята рационально.

В процессе диалога занятие внутренней позиции является существенным. В отличие от эхоподобной видимости беседы (эхолалия) или пустого разговора с надетой маской, диалог живет **самостоятельностью и независимостью партнеров**, каждый из которых занимает свою собственную внутреннюю позицию. Внутренняя позиция означает установление соотношения между моим Собственным и визави. Внутренняя позиция поэтому соответствует пониманию (см. рис. 2), которое также существенным образом связано с установлением отношений. Понимание без занятия внутренней позиции невозможно. Личность, которая нашла свою внутреннюю позицию, более не будет оставаться скрытой. Теперь она готова к действию. Она настойчиво стремится **выразить** себя – отвечая и действуя в мире. После того, как с ней заговорило фактическое, личность трансформировала впечатление, обрела понимание и заняла внутреннюю позицию. Теперь она хочет выразить то, что говорило в ней. Она хочет через свои **действия** прорваться в мир фактического, и в этом осуществить мир возможного. Так личность осуществляет сама себя. Она реализует то, что для нее возможно в мире и тем самым реализует саму себя как возможность. Это и делает ее, в конечном итоге, личностью.

6. Показания для применения ПЭА.

ПЭА представляет собой глубокий психотерапевтический метод, который стремится мобилизовать бытие личности из глубины ее эмоциональности и интуитивного чувствования.

Показаниями для ПЭА являются:

1) Нарушенный внутренний или внешний диалог, а также недостаточное чувствование ценностей, которое возникает вследствие подавленного или не переработанного впечатления. Сюда относится вся картина ноогенного невроза и экзистенциального вакуума.

2) Отсутствие способности занять внутреннюю позицию или недостаточное развитие этой способности. В этих случаях пациенты чувствуют отсутствие внутренней свободы или же они жалуются на неуверенность, страхи, неспособность принять решение, неспособность постоять за себя, ощущение отчуждения от своего «Я» (пациенты или не могут делать то, что им хочется, или не могут понять, чего им хочется).

3) Третьей областью показаний являются нарушения поведения ответа в отношениях с другими. Пациенты чувствуют, что их неправильно понимают, отношения имеют тенденцию становиться хрупкими и наполненными конфликтами. Пациенты не в состоянии отреагировать на требования ситуации, на требования и сигналы партнера или не могут дать подходящий ответ и в своем ответе промахиваются мимо запроса.

Противопоказанием является тяжелая депрессия, так как в этом случае отсутствует витальная энергия для занятия позиции, кроме того постоянное негативное настроение искажает впечатления. Относительным противопоказанием являются содержания, вызывающие сильный страх; здесь сначала необходимо работать со страхом для того, чтобы не провоцировать ненужное сопротивление при проведении ПЭА. Опыт в отношении психозов, шизофрении, паранойи и органического психосиндрома на данный момент отсутствует.

7. ПЭА как психотерапевтический метод

Диалогическая модель личности служит основой для методической последовательности ПЭА, состоящей из четырех шагов:

1. Описание объективных фактов (установление отношения).
2. Осознавание первоначальных эмоциональных впечатлений, которые вызывают факты (самопринятие).
3. Достижение понимания (терапевтом и пациентом), имеющее результатом занятие пациентом внутренней позиции (самодистанцирование).
4. Выработка адекватного поведения ответа (самотрансценденция).

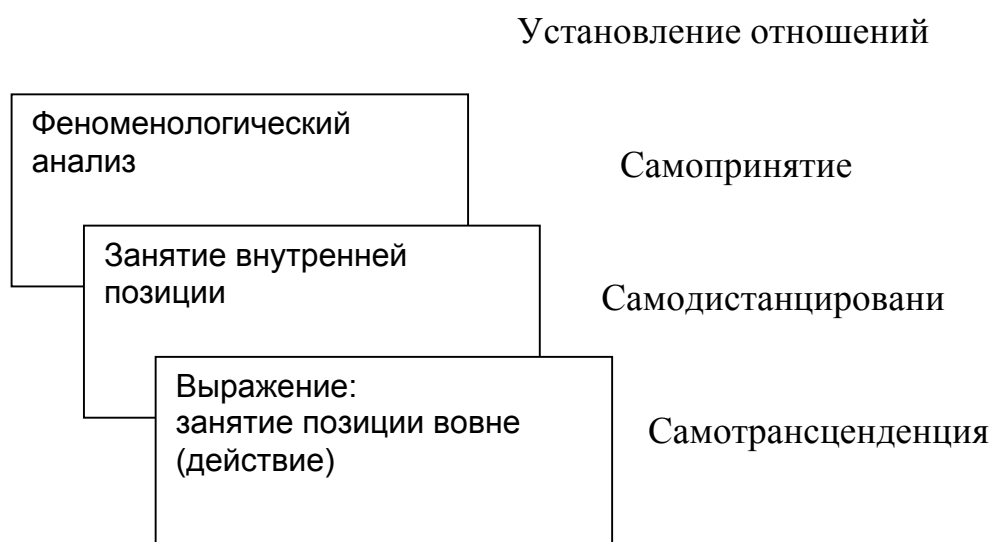

Рис.3 Методические шаги ПЭА и их антропологический подтекст

Процедура ПЭА подводит пациента к реализации экзистенциального смысла, который заключается в том, чтобы в данных обстоятельствах сделать «лучшее» из возможного в качестве ответа. Таким образом, в этом методе обнаруживаются те же четыре ступени на пути к нахождению экзистенциального смысла, которые были описаны в другой работе (Ldngle 1988, 42 ff): 1. восприятие; 2. распознавание ценностных аспектов воспринятого; 3. выбор и принятие решения; 4. действие.

Описание.

- **Цель:** фактичность; основой для экзистенциально-аналитического диалога всегда является сообщение о реальности
- **Антропологический подтекст:** установление отношений с реальностью посредством разговора о фактах
- **Технические шаги:** сообщения, рассказы, описания, визуализация конкретных ситуаций (сценариев)
- **Методические указания:** деликатное (эмпатическое) расспрашивание, прояснение противоречий
- **Мотивационный контекст:** поиск жизненного пространства (стремление «быть в мире»)
- **Набор типичных вопросов:** Что произошло? Кто?-Что?-Где? Почему? Как? Когда? Как долго? Как часто? О чем идет речь? Что Вы хотите сказать?
- **Другие методы:** ведение дневника, гипнотерапия и т.д.

Фаза описания предназначена для сбора информации для последующей психотерапии. Необходимо, чтобы пациент рассказал о ситуации или проблеме. В самом общем виде такой рассказ включает описание текущих обстоятельств и анамнез. Следует обратить внимание на то, чтобы в рассказе не доминировали впечатления, мнения, желания и размышления пациента – рассказ должен быть построен на неопровержимых фактах. Для этого требуются уточняющие вопросы со стороны терапевта, который должен заботливо и эмпатически направлять беседу. Вследствие своих страданий пациент склонен к искажениям восприятия и к тому, чтобы обходить важные факты и оправдывать себя. Два последующих примера показывают, что эта фаза часто требует от терапевта большой тонкости. Он должен отдавать себе отчет в том, что даже не рефлексия, а только лишь простое описание или проговаривание обстоятельств означает, что пациент должен признаться в случившемся самому себе. Кроме того, описание приводит к установлению

близости с тем, о чем говорит пациент, так что можно ожидать большую степень эмоциональной включенности – именно это и является существенным для последующей терапии.

Я вспоминаю беседы с молодым человеком, чьи самодеструктивные суицидальные тенденции во многом были результатом грубости и жестокости, с которыми к нему относился его отец. Пациент любит, уважает и боится своего отца. Потребовалось много времени, прежде чем он смог рассказать об обстоятельствах своего воспитания. Вначале он не мог ни писать, ни говорить об этом. Он был способен только на самые общие описания: «Да, воспитывали меня в строгости... Мой отец – строгий человек. С ним трудно было разговаривать...» Только через несколько недель, после обретения доверия к терапевту (и, в большей степени, обретения доверия к себе самому – к тому, что он вообще способен выдержать эту боль), пациент смог рассказать о том, как вел себя его отец. Стало понятным, почему он не мог говорить об этом раньше и описать все, что было, мне и себе. В 18 лет отец выгнал его из дому. Он жил в приюте, был потрясен, чувствовал себя брошенным. Подобную жестокость отец проявлял по отношению к нему и раньше. Говорить о таких ужасных событиях, угрожающем жизни опыте и связанных с ним глубоко спрятанных переживаниях пациент имеет мужество только тогда, когда ощущает достаточно опоры и чувствует доверие к терапевту.

Или, например, молодая женщина, которая удерживает людей на дистанции своим приторно-милым жеманным поведением, выглядящим искусственно. Несмотря на большое количество отношений, в которых она стремится оказывать помощь другим, она одинока и втайне несчастлива. Такой она была не всегда. Это началось вскоре после того, как ей исполнилось 14 лет... Тут она начинает запинаться. Речь заходит о ее священнике. Он соблазнил ее, и делал это в последующие годы

неоднократно, всегда под религиозным предлогом. Поскольку она почувствовала, что не потеряла из-за этого моего уважения, то смогла говорить об этом, но говорила очень быстро, словно бы мимоходом. Таким образом, описание ей удавалось, но эмоциональный вес и значимость произошедшего для ее жизни еще не были ей обнаружены.

Феноменологический анализ

- ***Цель:*** схватить существенное содержание впечатления
- ***Антропологический подтекст:*** самопринятие посредством принятия спонтанных (в том числе нежелательных) ощущений
- ***Технические шаги:*** феноменологическое рассматривание, позволение рассматриваемому объекту вызвать впечатление; обнаружение первичной эмоциональности (спонтанных ощущений), распознавание ценностей, содержащихся в воспринятом.
- ***Методические указания:*** отказ от любых объяснений и интерпретаций как от информации, которая не исходит непосредственно от объекта
- ***Мотивационный контекст:*** стремление почувствовать ценность жизни
- ***Набор типичных вопросов:*** Основной вопрос: «Как» это для Вас?
 - Как это ощущается? (взгляд направлен на спонтанное чувство) Как Вы обходитесь с этим? Что Вам в этом нравится? Что доставляет беспокойство?
 - Как это на Вас воздействует? (взгляд направлен на интенциональный объект) О чем это Вам говорит?

Факты представляют собой сцену, на которой разыгрывается жизнь. Сами по себе факты не являются чем-то однозначно определяющим жизнь, факты – лишь предпосылки и условия для собственно жизни. Для человека существенным в фактах является то воздействие, которое они оказывают на

личность. Говоря другими словами: существенным является смысл, который они имеют для того, кого касаются. Для того, чтобы подойти к сути, следует отставить факты в сторону и взглянуть сквозь них вглубь. Подобный феноменологический анализ уводит на глубину также и терапевтическое воздействие. Если человек невосприимчив к опыту, не дает пространство тому, что он почувствовал и в отношении чего у него возникло (возможно бессознательно) интуитивное чутье, если он эмоционально это не принял (не позволил этому быть) или, возможно, не приложил усилий к тому, чтобы сделать это осознанным, то он не может взять жизнь в свои руки и жить. Запутанный в сеть эмоций, он остается чужим в собственном доме. Им руководят обстоятельства. Он вынужден отгораживаться от эмоций, чтобы вообще быть способным к функционированию в обществе – функционированию для того, чтобы выжить. Такие бедные эмоциями люди кажутся застывшими и словно скованными. Их охватывает страх перед собственной внутренней бездной (страх перед жизнью).

Обнаружение и принятие непосредственных ощущений может привести к значительному напряжению. Может, например, броситься в глаза несоответствие между желаемым и действительным, что может стать причиной мотивационной динамики, но в такой же степени – причиной страха и защиты. Защиту можно распознать по отсутствию эмоций при описании фактов, а также по неспособности вспомнить прошлые чувства. Если преобладает страх, то показана постепенная работа, во время которой пациент осторожно приоткрывает свое забрало и смотрит на пугающие его факты (или, возможно, будет необходима специальная терапия страха). В обоих случаях пациенту требуется бережное сопровождение и поддержка со стороны терапевта. Полезным может стать чередование между уровнем впечатления и уровнем занятия внутренней позиции (следующий шаг ПЭА).

Во многих случаях поиск следов воздействия фактов может привести непосредственно к биографическому опыту пациента, который сформировал

его индивидуальность. Этот задний план часто проливает свет на то, почему ситуация смогла оказать на пациента такое, поначалу кажущееся непонятным или даже невероятным, впечатление.

Занятие внутренней позиции

- **Цель:** установление отношения между новым и существующим
- **Антропологический подтекст:** самодистанцирование
- **Технические шаги:** понимание и занятие позиции (суждение); интегрирование эмоциональности со всей системой ценностей индивида (совесть)
- **Методические указания:** диалог; двойное занятие позиции (пациентом по отношению к содержанию феномена и терапевтом по отношению к поведению пациента); метод прямой речи, объяснения, интерпретации, конфронтация
- **Мотивационный контекст:** стремление «иметь право жить» (подтверждение права быть)
- **Набор типичных вопросов:** Основной вопрос: Что Вы думаете по этому поводу?
 - Понимаете ли Вы это? Что он/она хотел этим достичь? Для чего это могло бы быть хорошо?
 - Как Вы это оцениваете? Что Вы об этом скажете? Вы думаете, что он/она поступил правильно? Что Вы лично, в глубине души («втайне», на самом деле), думаете об этом? Вы думаете это было правильно?
 - Что это означает для Вас? Что Вы из-за этого потеряли? Насколько важно это для вашей жизни сегодня (было важно тогда)?

Переживание эмоциональной затронутости вызывает значительную близость с тем, что воспринимается, поэтому оно оказывает влияние на личность и имеет над ней власть. И личность призвана к тому, чтобы высвободить себя из охваченности аффектом для того, чтобы восстановить власть над самой собой. Личность достигает суверенитета, благодаря

занятию позиции, для чего являются важными ее собственные оценки (собственные мнения). Оценки и суждения проводят границы. Они обеспечивают личности ощущение превосходства над тем, что произошло. Собственное мнение делает личность снова свободной. Так личность воссоздает себя, освобождаясь от захваченности впечатлением.

Занятие позиции означает «отсоединение» от объекта и принятие существующих фактов. Ощущение (аспектная эмоциональность аффективности) интегрируется со всей совокупностью имеющихся ценностей и перестает быть единственным решающим фактором. Создание таких субъективных (но также и реально существующих) связей ведет к пониманию переживаемого. Эмоция интегрируется благодаря ее соединению с другими важными для личности вещами («совесть» как инстанция общей оценки). Целенаправленное занятие терапевтом позиций по отдельным вопросам (возможно, благодаря объяснениям) может помочь пациенту отыскать его собственную позицию.

Приведу здесь выдержки из терапии 30-летнего мужчины, которые связаны с первым опытом занятия позиции.

Психопатология этого пациента такова, что он, будучи робким и заторможенным в социальных контактах, живет в симбиотических отношениях со своей женой. Она, в свою очередь, страдает от тяжелого истерического невроза. Опасная констелляция, которая встречается нередко. Нижеследующий пример показывает, насколько деструктивными могут быть такие отношения.

После попытки суицида (около 50 таблеток снотворного) пациент несколько дней находился в реанимации, а потом в течение четырех недель – в психиатрическом отделении клиники для терапии и реабилитации. Через два дня после выписки он, в соответствии с рекомендациями врача, отправился на загородную прогулку – благодаря этому он хотел сохранить ту

дистанцию по отношению к своей прошлой жизни, которую приобрел в клинике. Однако жена настояла на том, чтобы они поехали вместе и взяли с собой их шестимесячного ребенка.

Они поехали в Земмеринг, который находится примерно в 80 километрах от Вены. Во время прогулки жена начала раздражаться, потому что по-другому представляла себе, как они проведут этот день. Она стала ругать мужа: он, мол, не мужчина, у него очень низкая самооценка; ему следует спросить своего терапевта, когда же он сможет быть жизнеспособным без нее, чтобы она, наконец, смогла с ним развестись. Его молчание злило ее еще больше, и она совсем разошлась: он больной, сумасшедший, как и его друг N, только она – нормальная. Кульминацией атаки стал пассаж о том, что если уж он еще раз соберется совершать самоубийство, то должен позаботиться, чтобы на этот раз довести дело до конца.

Такая вот невероятная сцена. Трудно представить, что женщина, имеющая троих маленьких детей, может встречать мужа, который только что выписался из психиатрической клиники, такими жестокими упреками. Однако как отреагировал он? Он молчал, молчал до конца. Он не имел мужества чего-либо ей ответить. Он только слушал. И более того – он начинал ей верить. Когда же она оставила его в одиночестве и скрылась в придорожном кафе, он вдруг почувствовал, что отроги Земмеринга словно магнитом притягивают его. Его охватило почти неукротимое желание броситься вниз и положить конец всем своим страданиям. В отчаянии, чтобы как-то справиться с этим, он позвонил своей матери в Вену. Он сказал, что находится с женой и ребенком на прогулке в Земмеринге, и спросил мать, как у нее дела и чем она занимается. Ни слова о своих суицидальных желаниях и о том, что случилось, «чтобы ее не волновать».

На следующий день он пришел ко мне в первый раз с момента выписки из клиники. После его рассказа я спросил о его позиции: «Что Вы скажете о

поведении Вашей жены?» – «Она такая... Она всегда была такой. Ей тяжело, она все время с детьми... Она представляла нашу прогулку по-другому».

Таковы были его ответы. Действительно ли они отражают внутреннюю позицию? Конечно, они представляют собой суждения и мнения, но не о ситуации и не на основе тех чувств, которые он испытал. Эти рассуждения являются самыми общими. Он не занимает позицию по отношению к конкретному переживанию, которое было вызвано поведением жены. Страх потерять жену (что она, конечно же, давно распознала), словно стена, отделяет его от занятия конкретной позиции, которая в данной ситуации, очевидно, могла бы привести к конфликту. За этой стеной он остается в одиночестве, не вступая с женой во взаимоотношения. В этом случае речь, скорее, должна идти о том, чтобы занять позицию по отношению к страху, а не по отношению к жене. Благодаря этому он может некоторое время справляться со своим страхом, но с женой – пока нет. В отношениях с ней он пока остается беззащитным.

Следующая часть беседы наглядно демонстрирует, насколько у пациента потеряна личностная сердцевина и, как следствие, самостоятельность в отношениях с женой. Для него было невозможным по-настоящему открыться по отношению к тому, что говорила ему та ситуация в Земмеринге. Без занятия позиции может только сохраняться зависимость, что стало очевидным.

Т.: «Что Вы скажете по этому поводу? Что Вы скажете о том, что говорила и делала Ваша жена?»

П.: «Я не понимаю. Я даже не понимаю Вашего вопроса».

Т.: «По-вашему, это было хорошо или плохо, правильно или неправильно? Нравится ли Вам то, что она говорит и делает?»

П.: «Тут все зависит от точки зрения. Я же не могу иметь свою чисто субъективную точку зрения!»

Т.: «Именно это Вы и должны постараться сделать: найти свою собственную чисто субъективную точку зрения!»

П.: «Но тогда... Тогда я мог бы прийти к мысли, не расстаться ли мне с ней... (пациент становится беспокойным, выглядит испуганно). Я никогда не думал об этом, ни разу. (...) Если у меня заберут моих детей, ко мне придет мысль о самоубийстве... Это оставляет мне только одну возможность: убить самого себя... или ее. Но это не будет решением, поскольку я не смогу без нее жить. Это нереалистично, потому что, потому что...»

Т.: «Я понимаю Вас ... Думать об этом - не означает, что Вы на самом деле должны расстаться. Просто Вы можете для самого себя понять, что происходит. И это ни в коем случае не означает, что Вы прямо сразу должны что-то предпринимать...»

После девяти месяцев работы над пониманием и занятием позиции он стал чувствовать себя достаточно независимым, чтобы однажды во время ссоры в первый раз сказать жене: «Если так будет продолжаться, я с тобой разведусь!». Постепенно он стал способным на поведение, основанное на личной ответственности. В контексте настоящей статьи это ведет к последнему шагу метода.

Ответственное действие

- **Цель:** актуализация себя как подготовка к осуществлению экзистенции
- **Антропологический подтекст:** самотрансценденция, самоотдача как выражение целостной включенности человека в действие, интегрированная экзистенция, ориентация на будущее, смысл
- **Технические шаги:** разработка плана конкретных действий
- **Методические указания:** проигрывание возможных сценариев
- **Мотивационный контекст:** стремление к смыслу: «воля к поступку» – «воля к смыслу» (Франкл)
- **Набор типичных вопросов:** Основной вопрос: Что Вы хотите сделать?
 - Чего бы Вам больше всего хотелось сделать в этой ситуации? Что Вы можете сделать/сказать ему/ей? Для кого Вы это делаете?
 - Как Вы хотите это сделать? Какие средства есть в вашем распоряжении? Вы находите их подходящими? Сможете ли Вы нести ответственность за то, что намереваетесь сделать? К чему это приведет? Что он/она на это скажет?
 - Что Вы ему скажете? Можете ли Вы сказать это мне сейчас?

Подготовка к практическому действию представляет собой существенную часть терапии. Если пациента оставить с этим один на один, то часто это может оказаться для него чрезмерным требованием. Знать, **что** нужно сделать еще далеко не означает знать, **как** это можно осуществить. Какие нужны средства, какова форма, в какой момент нужно начинать действовать? Чему в себе пациент может доверять, каких изменений можно было бы ожидать от его окружения? Как следует начать день, как его построить? Что может в этом помочь? Часто сопровождение терапевта может в течение довольно продолжительного времени оставаться необходимым для подобных практических поведенческих и системно-стратегических

рефлексий и конкретных попыток пациента. Некоторые пациенты быстро и уверенно ориентируются, однако довольно слабы, неумелы, беспомощны и не имеют представлений о том, как реализовать свои намерения. В конечном итоге, терапевт, исходя из солидарности, не должен оставлять пациента одного и выстоять вместе с ним в случае, если он потерпит неудачу и будет фрустрирован своим окружением или снова вернется к старым стереотипам поведения.

Период между терапевтическими сессиями является чрезвычайно важным для того, чтобы расширить автономию пациента и дать ему ее пережить – что, собственно, и является целью терапии. Я часто заканчиваю сеанс так, чтобы у пациента было непосредственное, конкретное задание – для того, чтобы привести его к открытости по отношению к еще отсутствующему смыслу и самостоятельной будущей жизни. Экзистенциально-аналитическая терапия не означает только понимание, чувствование, распознавание, занятие позиции, но также и упражнения, экспериментирование, действия. Терапия часто начинается с заданий, в процессе которых пациент занимается с самим собой: с воспоминаниями, чувствами, точками зрения, обдумывает новый режим дня или организацию свободного времени, например, занятия спортом. Позднее задания переключаются на внешний мир: встречи с определенными людьми, разговоры с родителями, братьями и сестрами, друзьями, партнерами. Или речь может пойти о том, чтобы начать по-другому обходиться с ребенком или о беседе с шефом. В других случаях, например, следует внести изменения в режим работы или попытаться начать по-новому обходиться с самим собой (возможно, чаще находить время для уединения).

Заключение

Персональный экзистенциальный анализ представляет собой попытку целенаправленно использовать в терапевтических целях ключевые аспекты

актуализации индивидуальной личности. Если метод действительно содержит в себе существенные подходы к личности и способы обхождения с ней, тогда метод, естественным образом, представляет собой общую структуру психотерапии вообще, которая в значительной степени будет независимой от установок, связанных с определенными школами. Это достаточно логично, так как каждое психотерапевтическое направление стремится дойти до **ядра, сущности, индивидуальности** человека и мобилизовать их. В этом пункте разные школы встречаются, как бы ни различались их подходы. (Так, основные условия построения эффективной психотерапевтической беседы К. Роджерса были переняты многими терапевтическими направлениями).

Потенциальная возможность использования ПЭА как всеохватывающих методических рамок для психотерапии для самого экзистенциального анализа может быть недостатком вследствие отсутствия у ПЭА специфичности в отношении конкретной школы. Или же экзистенциальный анализ является в такой степени основополагающим, что его следует поместить в качестве отправной точки еще до разделения на отдельные психотерапевтические направления?

Многие вопросы в отношении показаний к применению ПЭА пока остаются открытыми. Например, не до конца понятно, какие возможности заключены в методе для работы с личностью в границах психологической нормы, насколько метод может быть в одном и том же виде использован при различных диагнозах или, может быть, есть необходимость специфического применения для того или иного диагноза. В соответствии с уже имеющимся опытом, пациентам с фобиями требуется больше времени для описания (первый шаг ПЭА), которому они уделяют слишком мало внимания вследствие вызванного страхом стремления к бегству. Работа над неотвратимыми данностями жизни дает таким пациентам недостающую опору. Депрессивные пациенты, напротив, имеют негативно искаженное

впечатление от своей действительности, и им нужна корректирующая работа на втором уровне, уровне аффективности (феноменологического анализа). Истеричные пациенты, в свою очередь, в недостаточной степени занимают внутреннюю позицию, и им необходимо сопротивление терапевта для того, чтобы они смогли прорваться к своим подлинным чувствам и найти свою собственную позицию. В этом случае психотерапевт должен в большей степени обращаться к третьему шагу ПЭА, чтобы помочь обнаружить соотнесенные с ценностями действительно собственные, личные внутренние позиции пациента вместо общепринятых суждений, за которые тот привык прятаться. При работе с психопатиями основное внимание, вероятно, должно уделяться интегральному уровню занятия позиции и нарушенным способам поведения. Таким образом, мы видим, что при конкретном применении метода расставляются разные акценты, хотя все это еще требует проверки и подтверждения практикой.

В каждом случае задача ПЭА – помочь актуализировать индивидуальное бытие личности и тем самым проложить путь истинной экзистенциальности. Экзистенциально-аналитическая психотерапия стремится сделать человека способным выразить свою личность и оказывать личное влияние на свой мир. Человек должен стать партнером, занимающим собственную позицию в системе своих отношений. Духовная сила личности ориентирована на экзистенциальное поле напряжения. Для человека это его собственный мир, за который он несет ответственность. Если удастся достигнуть успешного взаимодействия с миром, то личность чувствует, что это приносит ей облегчение и исцеление, потому что в исполненном смысле влияния на мир и есть ее предназначение.

Литература.

1. Buber M (1973) Das dialogische Prinzip. Heidelberg: Lambert Schneider.

2. Frankl VE (1959) Grundriß der Existenzanalyse und Logotherapie. In: Frankl VE, v Gebattel VE, Schultz JH (Eds) Handbuch der Neurosenlehre und Psychotherapie. München: Urban & Schwarzenberg.
3. Frankl VE (1982a) Ärztliche Seelsorge. Wien, Deuticke, 10°.
4. Frankl VE (1982b) Der Wille zum Sinn. Bern: Huber.
5. Frankl VE (1983) Theorie und Therapie der Neurosen. München: Reinhardt.
6. Frankl VE (1984) Der leidende Mensch. Anthropologische Grundlagen der Psychotherapie. Bern: Huber.
7. Längle A (1986) Existenzanalyse der therapeutischen Beziehung und Logotherapie in der Begegnung. In: Tagungsbericht der GLE, 2, 1, 55-75, Wien.
8. Längle A (1987) Sinnvoll leben. Angewandte Existenzanalyse. St. Pölten: NP.
9. Längle A (1988) Entscheidung zum Sein. Logotherapie in der Praxis. München: Piper.
10. Längle A (1989) Wertbegegnung. Anleitung, Bedeutung und Wirkung des Fühlens in der existenzanalytischen Therapie. Vortrag bei der Herbsttagung der GLE. Innsbruck, 29.9.1989, published in: Längle A (1993) (Ed) Wertbegegnung. Phänomene und methodische Zugänge. Tagungsbericht der GLE 1+2, 7. Vienna: GLE, 22-59.
11. Längle A, Orgler Ch, Kundi M (2000) Existenzskala. Göttingen: Beltz.
12. Scheler M (1980) Der Formalismus in der Ethik und die materiale Wertethik. Bern: Franke, 6°.
13. Scheler M (1991) Die Stellung des Menschen im Kosmos. Bonn. Bouvier, 10°.
14. Wicki B (1991) Die Existenzanalyse von Viktor E. Frankl als Beispiel zu einer anthropologisch fundierten Pädagogik. Bern: Haupt.

АВТОРЫ:

1. **Абульханова Ксения Александровна** – доктор философских наук, академик РАО, профессор, зав. кафедрой психологии личности ГУ – ВШЭ.
2. **Шадриков Владимир Дмитриевич** – доктор психологических наук, академик РАО, профессор, научный руководитель факультета психологии ГУ – ВШЭ.
3. **Татенко Виталий Александрович** – доктор психологических наук, член-корреспондент АПН Украины, профессор, главный научный сотрудник Института социальной и политической психологии АПН Украины.
4. **Старовойтенко Елена Борисовна** – доктор психологических наук, профессор кафедры психологии личности ГУ – ВШЭ.
5. **Петровский Вадим Артурович** – доктор психологических наук, член – корр. РАО, профессор кафедры психологии личности ГУ – ВШЭ.
6. **Карпенко Зиновия Степановна** – доктор психологических наук, профессор, зав. кафедрой педагогики и возрастной психологии Прикарпатского ун -та им. В Стефаника.
7. **Калина Надежда Федоровна** - доктор психологических наук, профессор, зав. кафедрой глубинной психологии и психотерапии ТНУ им. В.И. Вернадского.
8. **Семенов Игорь Никитович** - доктор психологических наук, профессор кафедры общей и экспериментальной психологии ГУ – ВШЭ.
- 9/ **Орлов Александр Борисович** – доктор психологических наук, профессор кафедры психологии личности ГУ-ВШЭ.
10. **Шумский Владимир Борисович** - преподаватель кафедры психологии личности ГУ-ВШЭ.

11. **Лэнгле Альфрид** – доктор медицины и философии, профессор университетов Вены и Инсбрука (Австрия), профессор кафедры психологии личности ГУ – ВШЭ.